

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАВЛЯ

В. И. КОЗЛОВ

ДИНАМИКА
ЧИСЛЕННОСТИ
НАРОДОВ

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

Монография — первый обобщающий в советской литературе труд по динамике численности различных народов. В ней рассматривается понятие народа (этнической общности), дается характеристика методов определения численности, проводится анализ рождаемости и смертности различных народов мира и влияния на эти показатели этнографических факторов: обычаев, традиций, религии и т. п., а также социально-культурных условий. Большое внимание уделяется характеристике этнических процессов, в первую очередь процессов ассимиляции, и их влияния на численность народов.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор географических наук

С. И. БРУК

ВВЕДЕНИЕ

Последние два десятилетия отмечены все растущим вниманием ученых, политических деятелей и широких кругов мировой общественности к проблемам народонаселения. Центральное место среди этих проблем, оживленно обсуждаемых в печати, на национальных и международных конференциях и даже в ООН, занимают проблемы, связанные с ускорившимся ростом народонаселения мира в целом и с повышенными темпами роста его в экономически отсталых, преимущественно аграрных странах Азии, Африки и Латинской Америки. Сейчас в мире насчитывается свыше 3,5 млрд. людей, причем для того, чтобы человечество перевалило за первый миллиард (что случилось примерно в 1830 г.), ему понадобились сотни тысяч лет; до второго миллиарда оно дошло примерно за 100 лет, до третьего, несмотря на огромные потери во второй мировой войне, — за 30 лет. По имеющимся «средним» прогнозам, к 2000 г. на земном шаре будет жить свыше 6 млрд. человек; через несколько столетий эта цифра может смениться уже десятками миллиардов, что при ограниченных размерах Земли уже само по себе потребует коренного изменения всей жизни людей.

Основная часть прироста народонаселения мира приходится на экономически отсталые страны, темпы увеличения населения в которых значительно превышают соответствующие темпы в передовых промышленно развитых странах и, кроме того, нередко обгоняют общие темпы хозяйственного развития самих этих стран. В результате этого усиливается нищета народов многих экономически отсталых стран, а также социально-экономическое неравенство между ними и народами промышленно развитых стран мира. Около двух третей населения земного шара, т. е. свыше 2 млрд. человек, хронически голодает, причем это число в сложившейся обстановке имеет тенденцию не сокращаться, а возрастать. Многие страны, в том числе

Индия с ее полумиллиардным населением, вынуждены ввозить продовольствие, попадая в зависимость к странам-импортерам, в частности к США, требующим за свою помощь поддержки их политического курса. Быстрый рост численности населения во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки тормозит их социально-экономический и культурный прогресс, создает почву для возникновения национально-шовинистических тенденций и т. д. (см. Гузеватый, 1967).

Проблемы, связанные как с общим ростом численности народонаселения мира, так и с особенностями демографо-экономической ситуации в так называемых развивающихся странах, не могут не затронуть и исторические науки, прежде всего собственно историю и этнографию. Учет таких проблем в конкретных исследованиях современной эпохи заставляет обратить внимание на широкий и очень важный в методологическом отношении круг вопросов, касающихся роли народонаселения и отдельных его элементов во всем историческом процессе; немаловажное место среди них занимают вопросы, связанные с изучением численности народов мира, чему и посвящена данная работа. Методологическая основа подобных исследований, затрагивающих несколько наук, по существу еще не разработана, поэтому нам придется предварительно и по необходимости кратко остановиться на некоторых общих вопросах и понятиях.

Под народонаселением принято понимать совокупность людей, находящихся в пределах определенной территории, будь то область, страна или весь земной шар. Народонаселение как таковое изучается рядом наук, главным же образом демографией. В отличие от истории демография является сравнительно молодой наукой, развитие которой в нашей стране шло нелегким путем и о содержании которой до сих пор ведутся споры. В последние годы в задачи демографии обычно включают изучение воспроизводства населения в его общественно-исторической обусловленности, динамики численности населения и изменения его состава (поло-возрастного, классово-профессионального и т. д.), а также перемещения населения по территории (миграций), оказывающих влияние на изменение его численности и состава в отдельных областях и странах (см. «Проблемы демографической статистики», 1966, стр. 5). Обычно демографию относят

к числу экономических наук, но такое отнесение представляется условным. Современное развитие демографии показывает, что, по-видимому, правильнее рассматривать ее как особую стыковую общественную науку, находящуюся в тесном контакте не только с экономической наукой, но и со многими другими науками, изучающими различные аспекты народонаселения: философскими (социология), географическими (география населения), биологическими (антропология), медицинскими (социальная гигиена), историческими (этнография) и др. История, как таковая, обычно не включается в данный круг наук, хотя, по нашему мнению, для этого имеются все основания.

История, как известно, изучает процесс развития человеческого общества во всей его конкретности и многообразии по эпохам, странам и отдельным человеческим коллективам. В примененный здесь термин «общество» обычно вкладывается иное содержание, чем в термин «народонаселение», однако расхождение между ними не так уж велико¹. Поэтому мы можем схематизировать рассматриваемый вопрос и сказать, что как история, так и демография изучают определенные человеческие коллективы и если первая исследует главным образом их развитие во времени, обращая особое внимание на их социально-экономические, культурные и другие «качественные» изменения, то вторая изучает такие коллективы в основном с точки зрения их состава и динамики (т. е.

¹ Это расхождение сильнее всего чувствуется в специальных философских работах, где под обществом иногда понимается совокупность форм совместной деятельности людей, совокупность производственных отношений («Философская энциклопедия», т. 3). Однако на практике такое употребление термина «общество» встречается редко; чаще всего философы, как и историки, употребляют его для обозначения коллектива людей, характеризующегося исторически сложившимся уровнем развития производительных сил, определенными производственными отношениями и т. д., приближая его к понятию «народонаселения», которое также всегда привязывается к определенной социально-экономической формации. Условность соотношения обоих этих понятий хорошо заметна, когда их употребляют в одной фразе; так, в постоянно встречающемся тезисе «народонаселение является основной производительной силой общества» термин «общество» употреблен в смысле, близком к понятию «люди», «народонаселение», а самому «народонаселению» придан смысл, охватывающий главным образом лишь ту часть населения, которая непосредственно занята в процессе материального производства.

тоже во времени), уделяя особое внимание изменению количественных показателей.

Вопрос о взаимоотношении истории и демографии не может быть сведен, конечно, к сопоставлению дефиниций и терминов, хотя и эта сторона его, из-за слабой пока работанности в общественных науках методологическо-терминологических проблем, заслуживает внимания. Суть дела заключается в том, что историческая наука, исследуя процесс развития человеческого общества, должна стремиться и стремиться к детальному освещению всех сторон этого процесса и их диалектической взаимосвязи. Тем самым она включает в круг своих задач анализ численной характеристики и количественных изменений объектов своего исследования, будь то государство или страна, народ, религиозная община или класс и т. д. Анализ количественных факторов, статистических материалов, как известно, занимал видное место в работах классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс писал: «Как бы ни выглядели сухо эти выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры, они в действительности дают больше ценного материала для истории общего развития нации, нежели томы, полные риторической чепухи и политической болтовни. Первое, что привлекает наше внимание, — это таблицы численности населения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 513). В. И. Ленин, постоянно уделявший самое пристальное внимание статистическим материалам по населению¹, в своей неоконченной работе «Статистика и социология» подчеркнул их первостепенную роль в установлении такого фундамента из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться при изучении общественных явлений (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350, 351).

Количественная характеристика населения стран и народов встречается еще в работах древнегреческого «отца истории» Геродота Галикарнасского (V в. до н. э.), т. е. задолго до появления демографии. Однако, по мере развития демографической науки, история, решая весь комплекс задач, связанных с такой характеристикой народонасе-

¹ Анализ таких материалов дается во многих работах В. И. Ленина, в том числе в «Развитии капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и др. (см. Малий, 1963).

ния, неизбежно и естественно вошла во взаимодействие с ней, что проявилось, в частности, в появлении особой научной дисциплины — исторической демографии (или — демографической истории). Эта дисциплина призвана воссоздать демографическую ситуацию определенных исторических эпох, исследовать народонаселение стран или районов на какой-то определенный исторический период, а также изучать изменение общей демографической ситуации и конкретных количественных показателей за тот или иной период времени в связи со всеми особенностями исторического развития общества и отдельных человеческих коллективов¹.

К сожалению, историко-демографические исследования еще не получили должного размаха, а главное, обычно идут параллельно общенсторическим, не проникая в них сколько-нибудь глубоко. Взаимоотношение истории и демографии, в частности роль и место демографического материала в историческом исследовании, взаимосвязь и взаимодействие исторических и демографических факторов в методологическом отношении, освещены явно недоста-

¹ Среди довольно обширной литературы по этим вопросам выделяется группа фундаментальных исследований по демографической истории отдельных стран Европы и Ближнего Востока; из числа их необходимо отметить работы немецкого историка К. Белоба «Население греко-романского мира» (Beloch, 1886) и американского демографа Д. Рассела «Позднеантичное и средневековое население» (Russell, 1958), а также труд советского демографа Б. Ц. Урланиса «Рост населения в Европе» (1941), отличающийся богатством содержания и методологической значимостью. За последние два десятилетия сильно продвинулось исследование исторической демографии нашей страны, чему посвящены, в частности, работы А. Г. Рашина «Население России за 100 лет, 1811—1913 гг.» (1956), А. И. Копалевой «Население русского государства в 16 в.» (1959), В. М. Кабузана «Население России в XVIII — первой половине XIX в.» (1963). Историко-демографические работы по другим областям мира также носят обычно локальный характер; отметим среди них несколько исследований американских демографов по определению численности коренного населения Мексики в начальный период испанского завоевания (Bogach, Cook, 1963; Cook, Simpson, 1948). Среди более широких историко-демографических обзоров выделяется труд французских демографов Рейнара и Армента «Общая история населения мира» (Reinhard, Armengaud, 1961). Хорошая сводка основных работ по исторической демографии дана в докладе Г. Олины «Исторический обзор роста населения мира», представленном на Вторую всемирную конференцию по народонаселению, происходившую в Белграде в 1965 г. (Ohlin, 1965).

точно. Многие ученые в своих работах не учитывают количественной характеристики народонаселения или приписывают ей значение. Это особенно характерно для буржуазных историков идеалистов-волюнтаристов, которые стремятся свести историю человечества к развитию «идей» и деятельности героев. Историки-материалисты, в первую очередь советские историки, утверждая ведущую роль народных масс, уже тем самым признают большое значение количественного фактора, но дальше этого признания дело зачастую не идет. Приводимые в исторических работах демографические данные, например сведения о численности населения отдельных стран или численности народов, обычно привязываются лишь к какой-то определенной дате, берутся в статике, а не в динамике и поэтому имеют по существу лишь иллюстративное значение. Бросятся в глаза и скудость таких материалов¹. Если же исследователи приводят такие количественные показатели в динамике, то редко связывают их с происходившими историческими изменениями в социально-экономической, культурной и других областях жизни и еще реже пытаются вскрыть конкретное влияние количественных изменений народонаселения на ход исторического развития стран и народов мира.

Основной причиной такого положения является чрезвычайная сложность взаимодействия в историческом процессе количественных и «качественных» факторов. Немаловажное значение имеет, по-видимому, слабое знание историками основных закономерностей демографического развития и причин изменения тех или иных количественных показателей народонаселения; впрочем, в этом повинны и демографы, не сумевшие пока достаточно надежно установить многие из таких причин и закономер-

¹ Так, даже в специальных исследованиях событий начала XIX в. трудно найти данные о том, что Франция в то время была самой многолюдной страной Западной Европы, примерно в 2,5 раза превосходящей по численности Великобританию (без Ирландии), что численность французов в то время была примерно равна численности русских (те и другие составляли, по нашим подсчетам, около 22 млн. человек каждый) и т. п. А ведь эти факты имеют немаловажное значение и для объяснения могущества Франции, в частности, для применяемой Наполеоном стратегии «больших батальонов» и для оценки подвига, совершенного в Отечественной войне 1812 г. более отсталым в то время в социально-экономическом отношении русским народом.

ностей, хотя именно это и является основной конечной задачей их исследований¹. Что же касается недостаточной оценки того влияния, которое оказывают количественные изменения народонаселения на те или иные стороны исторического процесса, то здесь известное значение имела и схематизация этого сложного вопроса некоторыми авторами. Примерно с конца 1930-х годов при изложении основ исторического материализма стало принятым излишне резко разграничивать «общество» и «народонаселение», рассматривать последнее лишь как «одно из условий материальной жизни общества» («Исторический материализм», 1954, стр. 51), при оценке конкретного влияния роста народонаселения на общественное развитие сводить его к роли второстепенного в данном отношении показателя — плотности населения и т. п. Подобная методология, явно тормозящая разработку важных исторических проблем, преодолевается очень медленно, поэтому нам придется еще вернуться к этому вопросу.

История человечества складывается из истории отдельных общностей людей, социальных организмов и отношений между ними. Одно из первых мест среди этих общностей по своему значению и роли в общем историческом процессе занимают народы, или этнические общности. Изучение этнических общностей имеет большое значение не только для исторических, но и для других общественных наук, в частности, оно создает базу для познания существа национальных явлений, играющих столь видную роль в истории различных стран мира. Национальный вопрос был и остается одним из основных и в то же время одним из наиболее острых и сложных вопросов социально-экономического и культурного развития многонациональных государств, он же во многом определяет и международные отношения. Всестороннее исследование национальных явлений включает в качестве одной из важнейших своих частей детальный анализ численности народов, количественную характеристику национального (или — в более широком смысле — этнического) состава населения стран

¹ «Задачей марксистско-ленинской теории народонаселения, — утверждает в недавно вышедшем «Курсе демографии» (1967, стр. 9), — является познание законов и закономерностей народонаселения на различных ступенях человеческой истории, анализ проблем народонаселения различных общественных формаций, выяснение путей их разрешения...».

мира и изменения этих количественных показателей в ходе исторического процесса. Знаменательно, что В. И. Ленин, в упомянутой выше работе «Статистика и социология», говоря о значении статистического материала для исследования общественных явлений, имел в виду в данном случае именно сведения о национальном составе населения различных стран земного шара.

Особенно велика роль количественной характеристики народов для этнографической науки, основным объектом изучения которой они являются. Значение этой характеристики не только в том, что она указывает размеры исследуемого объекта, распространение языка или каких-то культурных элементов. Численность народов тесно связана с их историей; каждое резкое изменение этой численности в сторону увеличения или уменьшения свидетельствует о каком-то изменении условий жизни этого народа, отражает какие-то существенные этапы их социально-экономического и культурного развития или какие-то важные исторические события (голод, война и т. д.). Взаимодействие народов, развитие этнических процессов не только являются важным элементом этнической истории этих народов, но также непосредственно отражаются на изменениях их численности. В свою очередь численность народов оказывает определенное влияние на их историю.

Этнография относится к числу исторических наук, поэтому многое из того, что было сказано выше о связях между историей и демографией, относится и к взаимоотношению между этнографией и демографией. К сожалению, связи между этнографией и демографией (несмотря на семантическую близость названий этих наук) в XIX, да и в начале XX в. развивались довольно медленно. Одна из причин создавшегося положения состояла в том, что значительная часть этнографов в то время обычно ограничивала свои задачи изучением народов мира, оставших в социально-экономическом и культурном развитии, в то время как демографы, опиравшиеся в своих исследованиях на материалы развернутого статистического учета, сосредоточивали внимание главным образом на народонаселении развитых стран. Разрыв между этнографией и демографией, закрепленный создавшейся традицией, стал преодолеваться только в последние десятилетия, когда этнографы, в первую очередь советские этнографы, вклю-

чили в сферу своих исследований все народы мира, а демографы стали все чаще и чаще обращать внимание на народонаселение слаборазвитых стран. Показательно, что академик Б. М. Кедров в своей статье «О классификации наук» (1955), предлагая структуру социальных наук, на наш взгляд, вполне обоснованно поставил этнографию между историей и археологией, с одной стороны, и социально-экономической статистикой — с другой.

В последние годы на стыке этнографии и демографии стала формироваться особая отрасль знания — этническая демография, основной задачей которой является установление национального состава населения той или иной области земного шара, определение численности народов и отдельных этнографических (а также религиозных, расовых и др.) групп, изучение динамики национального состава населения и численности отдельных народов в ходе процесса их исторического развития. Важной задачей этнической демографии является анализ основных демографических показателей (рождаемости, смертности, брачности и др.) в этническом аспекте и установление связи этих показателей с особенностями жизни, особенностями культуры и быта того или иного народа (Брук, Козлов, Левин, 1963)¹. Приближаясь некоторыми своими разделами к этнографии, а другими — к демографии, этническая демография вместе с тем рядом своих разделов непосредственно сливается с исторической демографией.

Динамика численности народов мира — одна из центральных и в то же время одна из наименее изученных проблем этнической демографии; в сущности это целый комплекс весьма сложных и трудных проблем, затрагивающих не только этнографию и демографию, но и ряд других наук. Динамика численности народов определяется двумя основными группами факторов, одна из которых охватывает особенности естественного движения населения, другая — этнические процессы. Анализ каждой из этих групп факторов представляет собой по существу две вполне самостоятельные научные темы, объединенные

¹ Определяя задачи этнической демографии, упомянутые авторы в то время рассматривали ее как часть этнической географии, но, очевидно, более правильно считать их равноправными научными дисциплинами, одна из которых связана с географией, а другая — с демографией.

лишь конечными результатами воздействия данных факторов на численность народов.

Исследование особенностей естественного движения населения, особенностей процесса его естественного воспроизводства (или естественного восполнения), обусловленного прежде всего соотношением рождаемости и смертности, является одной из главных задач демографии («Курс демографии», 1967, стр. 9). Однако, несмотря на то что именно эта задача привлекала и привлекает наибольшее внимание демографов, многие вопросы еще ждут своего решения. Трудности изучения рождаемости и смертности, в частности трудность установления определяющих их факторов и степени влияния каждого из них, связаны с очень сложным переплетением в процессе естественного воспроизводства чисто биологических элементов с социально-экономическими, социально-культурными и другими элементами. При анализе этого процесса у различных групп населения исследователям приходится пользоваться данными физиологии, генетики, антропологии, патологии и эпидемиологии, медицинской географии, социальной гигиены, психологии, социологии, географии населения и других наук. Важное значение, особенно для изучения динамики численности народов, имеет учет этнографических факторов. Так, анализируя уровень рождаемости у различных народов мира, приходится устанавливать связь показателей рождаемости с традиционными отношением к брачности и брачному возрасту, с формами семейной организации, народными традициями и религиозными установками, обуславливающими стремление брачных пар к многодетности или, напротив, снижающими плодovitость и т. д. При изучении смертности возникает необходимость установить ее связь с особенностями жизни народов, спецификой их быта, одежды, питания, с распространением тех или иных традиционных обрядов, влияющих на здоровье, и т. д. Установление подобных связей нередко влечет за собой необходимость решения новых проблем.

Весьма сложные вопросы возникают и при анализе этнических процессов; изучение их входит главным образом в задачи этнографии и отчасти социологии, которые вместе с тем привлекают данные и ряда других наук, в частности психологии, географии населения и демографии. Достаточно сказать, что до сих пор еще не сущест-

вует общепринятой типологии этнических процессов, не вполне установлены показатели, определяющие темпы их развития, недостаточно определены и критерии завершения этих процессов. Незавершенность ряда проблем непосредственно связана и с некоторой неустойчивостью (как в нашей, так и в зарубежной науке) самого понятия «народ», «этническая общность» или «этнос».

Многообразие и сложность проблем, связанных с изучением динамики численности народов, наряду с другими причинами, сильно тормозили и тормозят разработку этой темы. Вплоть до XX в. работ, специально посвященных такому вопросу, по существу не было. В. К. Яценский в своем труде «Историческая география» (1955, стр. 10), включив в сферу этой области знаний изучение населения той или иной страны с точки зрения его национального состава на разные исторические периоды и подробно проанализировав развитие исторической географии, начиная с древности, не назвал ни одной работы, посвященной решению такой задачи¹. В XX в., особенно в последние десятилетия, интерес к этно-демографической тематике быстро растет в связи с общим усилением внимания к национальным и демографическим проблемам не только европейских, но и других стран мира; немаловажную роль в этом отношении играло и развитие этнической статистики, дающей необходимый фактический материал для этно-демографических исследований. Однако и в это время работы, имеющие непосредственное отношение к исследованию динамики численности народов, представляли собой редкое явление². Данный период характеризуется

¹ Этно-демографический материал, эпизодически встречающийся в научной литературе прошлых столетий, приводился, как правило, без всякого анализа и имел главным образом иллюстративное значение.

² Наиболее многочисленную группу среди них составляют работы, посвященные определению этнического состава населения той или иной страны (историко-географической области) на какой-то период времени. Типичным для них является ряд исследований по народам Сибири: С. Патканов «О приросте инородческого населения Сибири» (1909), Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» (1960), И. С. Гурвич «Этническая история северо-востока Сибири» (1966) и др. Из числа обобщающих работ необходимо отметить труд польского ученого М. Кришвицкого «Первобытное общество и показатели его естественного движения» (Krzywicki, 1934), содержащий обширную сводку численности племен австралийцев, североамериканских ин-

накоплением большого фактического материала, который ждет своего анализа и обобщения. Такая задача может быть успешно решена лишь на основе разработанной методологии исследования¹.

Настоящая работа ставит своей задачей систематизацию и анализ основных факторов, влияющих на изменение численности народов, а также установление основных причин исторического изменения действительности этих факторов в различных условиях; то и другое создает необходимую базу для проведения конкретных исследований, связанных с изучением изменений в численности тех или иных народов или в национальном составе отдельных стран и областей мира за определенный период, а в ряде случаев и для прогнозирования таких изменений в будущем. Важность такой работы определяется уже отмеченным выше большим значением численной характеристики народов для решения ряда этнографических и общен исторических проблем, ее необходимость — полным отсутствием работ подобного рода. Методологический уклон исследования обусловлен и необходимостью обобщения материала, относящегося к различным наукам, в частности, к ряду еще не вполне разработанных проблем, находящихся в сфере этих наук, хотя данная работа не может, конечно, претендовать на решение таких научных проблем. Состояние основных вопросов исследования, а также обзор источников, которые привлекались автором для освещения этих вопросов, будут даны в соответствующих главах работы.

дейцев и других народов. Видное место занимает выпущенный в этнографической серии «Народы мира» коллективный труд «Численность и расселение народов мира» (1962); в этой работе освещен ряд теоретических вопросов, связанных с основными принципами выделения, классификации и определения численности народов мира, дана подробная характеристика этнического состава частей света и отдельных стран, определены численность и расселение каждого народа мира на середину 1959 г.

¹ Первая попытка рассмотреть некоторые методологические вопросы данной темы сделана нами в статье «Культурно-исторический процесс и динамика численности народов» (Козлов, 1959).

НАРОД КАК ОСОБАЯ ФОРМА ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ, ЭТНИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛИ

О ПОНЯТИИ НАРОДА, или ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Состояние вопроса. Терминологические трудности и методологические проблемы

Первой задачей каждой научной работы является определение объекта исследования, уточнение (если это необходимо) его понятия и установление основных признаков, при помощи которых этот объект может быть выделен среди других, близких ему объектов. В данном случае речь идет об обширной и не вполне разработанной до сих пор теме, связанной с научным определением понятия народа (этноса, или этнической общности) как особой формы общности людей. Источники и особенно исторические материалы, которыми приходится пользоваться в историко-демографических и этно-демографических исследованиях, обычно не определяют сущности характеризуемых общностей или определяют ее неточно; очень часто трудно понять, имеет ли тот или иной автор в виду, например, государственную, религиозную или этническую общность; даже в специальной этнической статистике различных стран принципы выделения народов, принципы учета национального состава населения сильно варьируют. Сопоставление и сводки таких материалов как в территориальном, так и в хронологическом разрезе возможны лишь на основе разработанного понятия народа, или этнической общности.

Установление понятия народа, или этнической общности, и его частных типов относится к одной из важнейших проблем этнографической науки, основным объектом исследования которой они являются, и вместе с тем представляет большой интерес для смежных наук; истории, археологии, социологии, языкознания и др.; оно

играет видную роль и в познании существа национального вопроса.

К сожалению, в течение длительного времени в нашей науке проблеме определения понятия народа, или этнической общности, не уделялось должного внимания. Рассматривая вопросы исторического материализма, имеющие непосредственное отношение к данной теме, авторы (главным образом философы), концентрировали внимание на понятии лишь одного из частных типов этой общности — нации. Другие типы этнических общностей, к числу которых было принято относить «племя» и «народность», рассматривались главным образом в рамках «теории нации», причем понятия «племени» и «народности» связывались прежде всего с известным определением нации И. В. Сталиным как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сочинения, т. 2, стр. 296). Среди этнографов имелось достаточно четкое представление о сущности изучаемых ими «народов», или «этнических общностей», однако проскальзывавшие в этнографических публикациях определения этих понятий приводились обычно без доказательств и чаще всего также представляли собой несколько усеченный вариант известного определения нации. Так, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров определяли народ как исторически сложившуюся группу людей, связанную общностью территории своего формирования, языка и культуры (Левин и Чебоксаров, 1957, стр. 10). Попытки выйти за рамки этого определения были связаны главным образом с необходимостью учета и теоретического обоснования такого важного и часто применяющегося на практике признака, как национальное (этническое) самосознание (Кушнер, 1949).

По существу первая за многие годы попытка вывести понятие этнической общности в нашей литературе была сделана С. А. Токаревым в статье «Проблема типов этнических общностей» (Токарев, 1964), на некоторых положениях которой мы остановимся ниже. В последующие годы работа в этом направлении заметно оживилась. Данной проблеме была посвящена наша статья «О понятии этнической общности» (1967), а также ряд других статей, опубликованных в журнале «Советская этногра-

фия» и других изданиях (см. Чебоксаров, 1967; Гумилев, 1967; Шелепов, 1968 и др.). Большое значение имела развернувшаяся в это время на страницах журнала «Вопросы истории» (см. Рогачев и Свердлин, 1966; Джунусов, 1966; Калтахчан, 1966; Козлов, 1967; Лашук, 1967; Агаев, 1967; Андрианов, 1967; Исаев, 1968 и др.) и отчасти «Народы Азии и Африки» (см. Семенов, 1966 и 1967; Козлов, 1967) широкая дискуссия по научной теории и понятию нации. В ходе этой дискуссии было подвергнуто критическому анализу прежнее определение нации и обоснован ряд положений, имеющих непосредственное отношение к определению понятия народа, или этнической общности. Отметим, что в зарубежной литературе данной проблеме не уделялось и не уделяется достаточного внимания; среди публикаций последних лет в этом отношении выделяется лишь сборник статей австрийского социолога Е. Франциса «Этнос и демос» (Francis, 1965).

Определение понятия этнической общности, тесно связанное с задачей установления основных видов этой общности, является трудным делом. Этнические общности, особенно в развитых классовых формациях, представляют собой очень сложные образования, с массой индивидуальных особенностей, которые встают почти непреодолимой стеной на пути к обобщению даже видо-вых понятий, таких, например, как «нация». Если же пытаться объединить в одном понятии современные нации с первобытными племенами, то задача еще более затруднится. Кроме того, люди образуют множество не только этнических, но и других общностей, которые существуют в тесном переплетении друг с другом. Одна и та же группа людей может одновременно входить в производственную организацию, профессиональную группу, класс, политическую партию, религиозную организацию, расовую группу, народ, государство и т. д. Эта группа людей определенным образом связана с каждой из таких общностей и при одних условиях она будет действовать как неразрывная часть одной общности, при других условиях — как неразрывная часть другой общности. Выделить из этого сплетения этнические связи, признаки, признаки только этнической общности, не так-то легко.

Среди обстоятельств, осложняющих эту работу, немаловажное значение имеют терминологические трудности, неустойчивость и смысловое многообразие применяемых

терминов. Это касается не только частных «видовых» понятий таких, как «племя» или «нация», но и их общего «родового» понятия — народа, а также их взаимоотношений с этим понятием. Принимая в качестве родового понятия термин «народ», «этнос», или «этническая общность», а не широко распространенный еще недавно в филологической литературе термин «историческая общность» (см., например, Архангельский, 1961; Алексеев, 1962 и др.), мы учитывали, что «историзм» никак не является специфической чертой только племени, народности и нации. Многие другие формы общности людей, начиная с семьи и кончая государством, возникли на определенных стадиях исторического развития общества, под влиянием различных исторических причин и, следовательно, также могут называться «историческими формами общности людей».

Если же выбирать между термином «народ» и тождественным ему по существу термином «этническая общность», то некоторое предпочтение следует отдать последнему как более устойчивому в смысловом отношении¹. Правда, ряд исследователей допускает возможность употребления его в более широком смысле; так, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, которые одними из первых ввели в советскую этнографическую литературу термин «этническая общность», считали, что это понятие шире понятия «народ», ибо им можно назвать и группу народов, «близких по языку и культуре», например все славянские народы, и часть народа, имеющую известное

¹ Понятие «народ» в русском языке (да и во многих других языках, например, немецкое «Volk» и французское «peuple») имеет несколько значений. Иногда термин «народ» теряет этнический смысл и означает жителей какой-то страны, «трудящиеся массы» или просто группу людей (Бутенко, 1957). Не вполне установилось терминологическое соотношение понятия «народ» с видовыми понятиями этнической общности, например, с понятием «нация». В нашей печати чаще всего можно встретить употребление слова «народ» равнозначное слову «нация» («русский народ», «итальянский народ» и т. п.). Однако мы говорим и пишем «советский народ», «индийский народ» и пр., охватывая термином «народ» целый ряд различных этнических общностей. А не так давно в нашей печати появилось и уже получило некоторое распространение в этнографической литературе выражение «народ в составе нации», где «народ» недостаточно обоснованно полагается частью нации (Джексон, 1959; Берзина, 1962, стр. 289).

языковое и культурное своеобразие, например областные группы русских: поморы беломорского побережья, казаки Дона и др. (Левин, Чебоксаров, 1957, стр. 11). Эти положения недавно были вновь повторены Н. Н. Чебоксаровым с несколько расширенной аргументацией и с предложением применять вместо термина «народ» термин «этнос» (Чебоксаров, 1967). Не отрицая некоторой целесообразности такого предложения, следует сказать, что оно не исключает употребления тождественного «этносу» и во всяком случае более вошедшего в научный оборот термина «этническая общность». Употребление последнего термина в предложенном указанными выше авторами расширенном смысле на практике почти не встречается, так как это приводит к весьма нежелательному смешению понятий; для обозначения группы родственных по языку народов принято употреблять термин «этнолингвистическая группа», для обозначения частей одного народа — термины «этнографическая группа», «религиозная группа» и т. п.

Современная неустойчивость этнической терминологии усугублена большой изменчивостью смысла некоторых терминов в прошлом. Это касается прежде всего термина «нация», появившегося значительно раньше той общности людей, которую сейчас принято называть нацией. В Древнем Риме термин «нация» обычно имел этнический смысл и употреблялся для обозначения племенных объединений; к отдельным племенам римляне чаще всего применяли термин «gens», а к развитым народам — «populus» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 189). В последующие столетия значение термина «нация» не отличалось устойчивостью, но в целом стало приближаться к понятию государственного единства, так как решение национального вопроса в Западной Европе шло главным образом по пути создания национальных государств.

С начала XIX в. во многих западноевропейских языках слово «нация» (английское и французское — «nation», итальянское «nazione» и т. д.) стало использоваться уже преимущественно в своем политическом смысле — для обозначения граждан одного государства. Однако в научной литературе этих стран слово «нация» иногда употреблялось и употребляется до сих пор и в своем этническом смысле — для обозначения групп людей, связанных какой-то

общностью происхождения, языком, культурой, этническим самосознанием и т. д. В странах Центральной и Восточной Европы употребление этого слова было несколько иным. Так, например, в немецком языке термин «нация» в XIX в. употреблялся чаще в этническом, чем в политическом смысле, но после первой мировой войны возникла тенденция использовать для первой цели слово «народ» (Volk).

В русском языке слово «нация» в первой половине XIX в. имело преимущественно политический смысл, но затем уступило это значение слову «народ» и стало употребляться главным образом в этническом смысле¹. То же самое произошло и с производным от него термином «национальность», хотя значение последнего в XX в. сильно расширилось². Сильные изменения за сравнительно не-

¹ В изданном в начале XX в. «Новом энциклопедическом словаре» говорится: «*Народ* — организованная группа людей, объединенная и обособленная от других таких же групп принадлежностью к одному и тому же государству. Государство — индивидуализирующий момент в понятии народа. Этим народ отличается от нации». Впрочем, в начале XX в. терминологическое значение понятий «народ» и «нация» было недостаточно устойчивым. Целесообразно привести в этой связи высказывания известного русского публициста В. Водовозова, который, кратко рассмотрев употребление терминов «нация» и «народ» в некоторых европейских языках, писал: «Русское словоупотребление отличается еще меньшею последовательностью и точностью... Слово «нация» вообще звучит для нас как слово иностранное, недостаточно усвоенное русским языком и до сих пор ему чуждое. Вместо него мы почти безразлично употребляем термины «национальность» и «народность»... обозначая ими совокупность людей, объединенных общностью исторического происхождения, культуры, языка или, по крайней мере, национального самосознания» (Водовозов, 1910, стр. 731).

² Произошло, в частности, приближение термина «национальность» к термину «народ» в его этническом значении (сейчас «Совет национальностей», например, означает то же самое, что «Совет народов»). Однако термин «национальность», в отличие от термина «народ», почти никогда не применяется для обозначения племени. В настоящее время в нашей литературе термин «национальность» употребляется чаще всего для обозначения этнической (национальной) принадлежности. В зарубежной литературе (англ. — nationality, франц. — nationalité и др.) он употребляется обычно в политическом смысле для обозначения принадлежности к определенному государству, т. е. подданства; для выражения же понятия, близкого к нашему, в зарубежной литературе иногда применяют термин «этническая национальность» («ethnic nationality»).

большой исторический период — с середины XIX в. претерпело и смысловое значение терминов «племя» и «народность», примененных в последние десятилетия в нашей науке для обозначения частных типов этнической общности¹.

Правильное определение научных понятий включает, как известно, во-первых, установление родового признака, т. е. указание ближайшего высшего понятия, и, во-вторых, установление видовых отличий, т. е. признаков, свойственных только данному понятию и отсутствующих у других понятий, относящихся к тому же роду. «Что значит дать „определение“? — писал В. И. Ленин. — Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 149). Все это применительно к понятию нации, народности и племени означает прежде всего установление понятия этнической общности (хотя в действительности попытки определить нацию начались задолго до того, как исследователи обратились к понятию самой этнической общности), а применительно к самой этнической общности — установление какого-то более общего типа объединения людей.

В настоящее время можно считать достаточно установленным и общепринятым, что этническая общность представляет собой один из видов исторически возникших коллективов людей, т. е. принадлежит к числу социально-исторических категорий².

¹ Так, еще во второй половине XIX — начале XX в. значение термина «племя» варьировало в очень широких пределах; этот термин часто употреблялся для обозначения всего, что имело какую-то общность происхождения как в животном мире, так и в человеческом обществе, в том числе для обозначения крупных народов и групп народов того времени («русское племя», «славянское племя» и т. п.). Слово «народность» означало «совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого» (Даль, т. II), и до начала XX в. не употреблялось для обозначения самих народов, а тем более особого типа народа, как это наблюдается в последние два десятилетия.

² Следует решительно возразить против попытки Л. Н. Гумилева представить этнос не как социальную, а как биологическую категорию, возникшую якобы в результате адаптации групп людей к определенным ландшафтным условиям — «биохрамам» (Гумилев, 1967, стр. 14—15 и др.). Методологическая ошибочность такой биологизации и географической детерминизации этнической истории, являющейся важной частью общего исторического процесса, не нуждается в комментариях.

Работа по установлению понятия этнической общности серьезно затрудняется слабым развитием нашей социологии, в частности, отсутствием разработанной классификации социальных образований, которая могла бы помочь нам определить место этой общности среди других социальных категорий и ее связь с ними. Применяемый нашими социологами термин «социальная группа», могущий, казалось бы, быть распространенным и на этнические общности, связывается ими, как правило, лишь с классовым делением общества (Осинов, 1964, стр. 215). Не так давно Ю. И. Семенов предложил важную в методологическом отношении категорию «социальный организм», но, к сожалению, ограничился столь общим определением этого понятия как «отдельного, единичного общества, как самостоятельной единицы общественного развития» (Семенов 1966, стр. 94), что применить его в классификационных целях довольно трудно. Поэтому для того, чтобы определить понятие этнической общности, нам придется, по необходимости, кратко рассмотреть некоторые общесоциологические вопросы.

Начнем с того, что термин «социальный» следует, по нашему мнению, прилагать к тем многообразным сочетаниям и группировкам людей, которые основаны на реально существующих связях, объединены общими целями и усилиями в их достижении, причем входящие в них индивидуумы осознают эту социальную принадлежность, на основании каких-то признаков отличают данную группировку от других того же рода и в определенных обстоятельствах способны действовать как единое социальное целое. Эта оговорка ограждает нас от рассмотрения всех тех встречающихся в научной литературе группировок людей (например, в антропологии — долихокефалы, мезокефалы и брахикефалы, в психологии — холерики, сангвиники, флегматики, меланхолики и т. п.), которые создаются в тех или иных исследовательских целях и не осознаются включенными в них людьми. Что же касается самих социальных образований, то их целесообразно разделить прежде всего по их происхождению на два вида: одни из них сложились в ходе исторического развития человечества, обычно — вне воли и сознания отдельных индивидуумов, другие были созданы в определенное время по желанию вошедших в них людей. Нет нужды доказывать, что этническая

общность относится к первому отделу, а, например, профессиональный союз — ко второму.

Для целей классификации уместно использовать и предложенную Ю. И. Семеновым категорию «социальный организм» с некоторым ее уточнением; по нашему мнению, этот термин следует прилагать лишь к тем социальным образованиям, которые могут существовать и развиваться независимо от других. Это условие связано прежде всего с определенными количественными размерами социальных образований и реально определяется тремя основными процессами. Первый из них — производство материальных благ, необходимых для существования входящих в этот социальный организм людей, второй — воспроизводство данного организма в биологическом смысле путем рождения нового поколения, третий — воспроизводство его в социальном смысле путем передачи этому поколению определенных социальных форм, этических и эстетических норм и традиций быта.

Применение условия независимого развития помогает, в частности, более четко отделить начальный вид этнической общности — «племя» от других социальных образований той эпохи. В нашей научной литературе не так давно встречались, а в научно-популярной философской литературе встречаются до сих пор утверждения, что вначале будто бы существовали лишь роды (и даже особые «родовые языки») и лишь спустя какое-то длительное время, с развитием производительных сил, роды сменялись племенами (см., например, Архангельский, стр. 6). Эти утверждения недостаточно обоснованы. Род, как таковой, с самого начала своего возникновения может существовать лишь в органической связи с другими родами, ибо наиболее важной особенностью его является экзогамия — запрещение брачных отношений внутри рода. Установившиеся брачные связи между родами, происшедшими от одной орды и говорившими на одном языке, неизбежно сочетались с некоторыми хозяйственными и другими видами связей. «Поэтому, — пишет Ф. Энгельс, — встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы должны будем искать у него и племенную организацию» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 97). Род, основанный на кровнородственных связях и являющийся частью племени, частью социального организма, должен быть отнесен не

к этническим, а скорее всего — к брачно-семейным группам (Косвен, 1954; Бутинов, 1968). Определение племен будет рассмотрено ниже, но можно отметить, что довольно широко распространенное мнение, будто бы племя тоже основано на кровнородственных связях, нельзя признать вполне правильным, так как эти связи определяют в основном лишь внутреннюю структуру племени, а не функциональные взаимоотношения между родами.

Некоторые этнографы, в том числе Н. Н. Чебоксаров, считают, что наиболее типичной формой этнической общности первобытно-общинной эпохи было не племя, а группа родственных племен (Чебоксаров, 1967, стр. 104). Действительно, группы племен, говорящих на близких языках или даже на диалектах одного языка, встречались довольно часто, однако существование таких ассоциаций социальных организмов далеко не всегда приводила к их действительной общности. Жизнь отдельного человека в эпоху племенного быта была неразрывно связана с существованием рода и племени и не зависела непосредственно от наличия или отсутствия группы племен. Объединение родственных племен в группы и появление у их членов представления о принадлежности к этой группе, как к чему-то социально целому, более или менее характерно лишь для последней фазы первобытно-общинной эпохи, для периода уже начавшегося ее разложения. Возникновение союзов племен, таких, например, как Лига ирокезов, зачастую было обусловлено не органическими потребностями социально-экономического развития отдельных племен, а внешними причинами, чаще всего — участившимися военными столкновениями с другими племенами.

К категории социальных организмов, кроме этнической общности, относится ряд других образований, в частности государство¹. Поэтому для уточнения специфики этнической общности необходимо рассмотреть ее основные характерные черты и признаки. Особое внимание при этом нам, в связи с задачами данного исследова-

ния, придется обратить на признаки, которые могут быть использованы на практике, например для выделения народов при статистическом учете.

Набор признаков, которыми обычно пользуются исследователи, пытаясь определить понятие этнической общности, не так уж мал. Сюда, как уже говорилось выше, входят четыре «обязательных» элемента известного определения нации: общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, а также ряд других существенных элементов: этническое самосознание, общее происхождение, религия и др. Некоторые из этих элементов, как будет показано ниже, не могут считаться основными признаками этнической общности потому, что они дают слишком большое число исключений. Анализируя все эти элементы, приходится учитывать, что условие возникновения того или иного социального явления не обязательно становится основным признаком этого явления. Кроме того, некоторые из названных элементов, в том числе язык, территория и экономика, могут лежать в основе соответствующих социальных связей, образующая языковую, территориальную, экономическую общности людей. В подобных случаях методологически важно рассмотреть соотношение этнической общности с этими общностями тем более, что каждая из них развивается по своим законам, и соотношение их с этнической общностью в ходе исторического процесса может меняться.

Вопрос о существовании и характере собственно этнических связей пока еще не вполне решен. С. А. Токарев, открывший в упомянутой выше статье по существу обсуждение этой проблемы, полагал, по-видимому, что таких связей вообще не существует. Заменив вопрос о сущности и специфике этнической общности второстепенным в данном отношении вопросом о том, чем отличаются отдельные народы друг от друга, и включив в число таких отличий «язык, территорию, общее происхождение, экономические связи, политическое объединение, культурные особенности, религию и прочее», С. А. Токарев замечает, что ни одно из них не является обязательным признаком этнической общности, хотя каждый из видов социальной связи, лежащих в основе таких отличий, может составить базу возникновения такой общности. По его определению, «этническая общность есть такая общ-

¹ Под термином «государство», как отметил Ю. И. Семенов (1966, стр. 92—93), можно понимать не только «политическую организацию экономически господствующего класса», но и находящиеся в сфере действия этой организации люди, которые в совокупности образуют отдельную общность, социальный организм.

ность людей, которая основана на *одном* (курсив мой. — В. К.) или нескольких из следующих видов социальных связей: общности происхождения, языка, территории государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если последняя сохраняется)». Неточность этого определения проступает прежде всего в допущении возможности существования этнической общности на основе лишь одного из указанных видов связей; достаточно очевидно, что речь всегда может идти о каком-то комплексе связей, в противном случае этническая общность подменяется языковой, государственной или, например, религиозной. Собственно этнических связей, могущих составить основу этнической общности, пока не выделяли и другие исследователи, хотя некоторые предпосылки для этого уже имеются.

Язык и территория

Язык и территория — два основных, как указывал В. И. Ленин, признака нации (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 72, 73) — являются важными элементами любой этнической общности. *Язык* — важнейшее средство общения людей — служит условием возникновения многих социальных организмов, в том числе и этнической общности, для которой он имеет особое значение. Общность языка, как таковая, не присуща ни государственной, ни, например, религиозной общности. Правда, даже в многонациональных государствах обычно имеется какой-то общий язык, но этот язык обеспечивает общение людей главным образом в экономической и политической областях, не затрагивая их духовную жизнь. Для членов же этнической общности родной язык не только средство общения, но и средство развития важнейших форм их духовной культуры. Только родной язык, воспринимаемый и развиваемый с раннего детства, способен выразить тончайшие оттенки духовной жизни людей, позволяет им понимать друг друга буквально с полуслова. Группы людей, сменивших свой язык, в дальнейшем обычно меняют и свою этническую принадлежность. Все это, наряду со сравнительной легкостью и «объективностью» учета языка, ставит его в число важнейших признаков этнической общности, и неудивительно, что первые шаги этнической статистики начались, как будет показано ниже,

с использования языка в качестве основного этнического определителя.

Говоря о неполном совпадении этнической общности и языка (или языковой общности), обычно приводят случаи, когда несколько народов говорят на одном языке. Например, на испанском языке говорят не только испанцы, но и латиноамериканские народы, ведущие свое происхождение от смешения испанских переселенцев с индейцами и другими этническими компонентами. Однако эти случаи не нарушают действительности признака общности языка, так как под ней понимается общность языка внутри народа, а не вне его, и, например, для этнического единства испанцев не имеет значения то обстоятельство, что на испанском языке говорят еще чилийцы или никарагуанцы. Более существенны случаи, когда части одного народа говорят на очень сильно расходящихся диалектах. Это относится, например, к немцам, верхненемецкий и нижненемецкий диалекты которых могут считаться самостоятельными языками, а особенно к китайцам, северные, восточные и южные группы которых не понимают друг друга и могут общаться лишь с помощью единой системы иероглифов. Иногда части одного народа могут говорить на совершенно разных языках. К числу таких исключительных случаев относятся, например, ирландцы, часть которых говорит на английском языке, входящем в германскую группу, а часть — на гальском или ирском языке кельтской группы. Но и эти случаи не опровергают важности признака общности языка, а лишь требуют более осторожной его формулировки. Многие современные нации (особенно в Америке) сформировались из разноязычных групп населения, поэтому общность языка, в отличие от анализируемой ниже общности территории, следует рассматривать не только как условие, базу формирования народа, но и как один из результатов этого процесса, в ходе которого языковые или диалектальные различия постепенно нивелируются под действием системы образования и принятых норм разговорного языка. В случае, если этот процесс еще не развернулся в полную силу, этническую консолидацию не следует считать вполне завершенной. Выражением языковой общности в таких случаях является существование единого литературного языка и многочисленных групп населения с переходными говорами. Что же касается ирландцев, то они сложились

в народ, имея общность гэльского языка; последующий переход подавляющего большинства их на английский язык, конечно, нарушил языково-культурную общность ирландцев, но по ряду причин не уничтожил их этнического единства. В настоящее время языковая общность ирландцев восстанавливается путем распространения английского языка среди немногочисленных групп еще не знающих его ирландцев, а отчасти и благодаря возрождению гэльского языка и распространению его среди англоязычных ирландцев, что приводит к их двуязычию.

Своеобразны случаи, когда считающийся единым народ издавна говорит на двух, хотя и близких, но разных языках, каждый из которых имеет свою литературную форму (например, у мордвы — эрзянский и мокшанский языки). У норвежцев существует даже три литературных языка: риксмол, лансмол и самноршк. Риксмол (государственный язык) — очень близкий к литературному датскому языку — установился в период, когда Норвегия находилась в подчинении у Дании; лансмол (народный язык) возник во второй половине XIX в., главным образом на основе сельских диалектов западных районов страны (наиболее близких к древнорвежскому языку); самноршк (общенорвежский язык) — промежуточный между риксмолом и лансмолом — создан в последние десятилетия, но пока еще не получил широкого распространения. Существуют народы по существу двуязычные (люксембуржцы — с немецким и французским языком, парагвайцы — с испанским языком и языком гуарани и др.) и народы, значительные части которых пользуются двумя и даже тремя языками. Однако эти исключительные случаи связаны со спецификой исторического развития данных народов и также не опровергают общего вывода о важности языка как условия образования и существенного признака этнической общности.

Территория представляет собой прежде всего условие, материальную базу формирования этнической и многих других видов общности людей, ибо для того, чтобы люди могли общаться, они, как правило, должны жить рядом друг с другом. Собственно территориальные (т. е. соседские) связи имеют, правда, довольно узкие рамки и обычно не выходят за пределы одного селения (так называемая сельская, или соседская, община) или небольшого района. Однако территория является основой для разви-

тия других связей (экономических, языковых и др.). Даже различные по языку и происхождению группы людей, живущие на одной территории, могут с течением времени слиться в единый народ (таково, например, происхождение многих наций Американского континента) и, напротив, территориальное разобщение прежде единого народа может привести к образованию из его частей различных этнических общностей. Находясь в течение многих веков на одной и той же территории, «оживая» эту территорию, народ начинает считать ее «родной», связывает с ней свои исторические судьбы и т. д. Природные условия этой территории находят свое отражение в складывающихся элементах культуры и быта, а представление о «родной земле» играет видную роль в формировании этнического самосознания. Кроме того, территория является не только условием возникновения, но и важным условием существования этнической общности. Нарушение целостности этнической территории, территориальное разобщение членов этнической общности, превращение отдельных групп их в национальные меньшинства, находящиеся среди другого народа, рано или поздно кончается ассимиляцией таких групп. Это говорит о целесообразности включения территории в число признаков этнической общности. В некоторых случаях, как будет показано в следующем разделе, она может играть роль и этнического определителя.

Вместе с тем следует отметить, что территория не несет в себе такого этнического содержания, как, например, язык и культура. Связь с территорией, страной обитания, характерна в первую очередь для понятия «родины» и «отечества» (за которыми также стоят определенные общности людей), а не для понятия народа. Можно было бы привести немало примеров того, как на одной и той же территории в разное время складывались совершенно различные этнические общности или как некоторые народы (мадьяры, калмыки и др.), сформировавшись первоначально на одной территории, затем переселились и жили в совершенно другой области. Сама этническая территория может значительно изменяться; в одних случаях (русские, якуты и др.) она сильно расширялась за счет освоения новых областей, в других (мордва, башкиры и др.) сокращалась из-за вселения в нее инонациональных групп.

Вопрос о территории как элементе этнической общности был довольно подробно рассмотрен в работе П. И. Кушнера (Кнышева) «Этнические территории и этнические границы» (1951 г.), поэтому ниже мы ограничимся главным образом анализом возможности использования этого элемента в качестве признака этнической общности. Имевшиеся в нашей литературе немногочисленные попытки определения общности территории как этнического признака сводились обычно к указанию, что территория, которую населяет данный народ, должна быть сплошной, не разрезанной какими-либо естественными рубежами, «препятствующими повседневному общению (моря, горные цепи и т. д.)» (Потехин, 1955, стр. 177). Данное определение крайне нечетко, так как повседневное общение ограничивается очень узкими территориальными рамками; его можно отнести по существу лишь к начальным типам этнической общности. Границы расселения первобытных племен, границы их охотничьих угодий и т. п. — словом, этнические границы в первобытнообщинную эпоху — совпадали, как правило, с заметными естественными рубежами: крупными реками, озерами, горными хребтами и т. д. В дальнейшем, с ростом производительных сил, значение естественных рубежей стало уменьшаться. Это в особенности относится к водным рубежам (рекам, озерам, морским проливам и т. п.), которые с развитием судоходства стали использоваться для сношений¹. В некоторых случаях водные пути сношений от-

¹ Правда, и в настоящее время имеются случаи, когда этнические границы на том или ином протяжении совпадают с естественными рубежами, главным образом с берегами больших морей и океанов, но и в последнем случае эти границы, как правильно заметил П. И. Кушнер, являются границами односторонними: линия побережья не разделяет два народа, а лишь фиксирует область расселения одного из них (Кушнер, 1951, стр. 25). Что же касается этнических границ по рекам (граница между немцами и поляками по Одеру и Нейсе и пр.) и горным хребтам (граница между испанцами и французами по Пиренеям, между аргентинцами и чилийцами по Кордильерам и пр.), то эти границы, как правило, являются одновременно и границами политических. Преимущество естественных рубежей в демаркационном отношении бесспорно, поэтому совпадение естественных и политических границ — явление достаточно закономерное. И поскольку, как будет подробнее показано ниже при анализе роли фактора государственности, политические границы очень часто играли роль внешних рамок формирования народов (особенно

тесняли сухопутные на второй план. Многовековое разитие Индонезии, этой «страны тысячи островов», и многих островных групп Океании убедительно показывает, что морские проливы и даже небольшие моря не столько разъединяют людей, сколько их соединяют; очень часто один и тот же народ заселял здесь прибрежные районы нескольких островов и путем постоянных сношений по морю поддерживал свое этническое единство; что же касается этнических границ, то они в подобных случаях шли не между островами, а между прибрежными и внутренними районами одного и того же острова (Пучков, 1967, стр. 44).

При определении общности территории приходится учитывать ее целостность не только в географическом, но и в этническом отношении. С этой точки зрения американцы Атлантического и Тихоокеанского побережья США или, например, рязанцы и сибиряки имеют «общность территории» не потому, что между ними нет «естественных рубежей» и есть «повседневное общение», а потому, что между ними находятся другие, связывающие их части того же народа.

Этническая территория представляет собой нечто целое и четко обособленное от территорий, занятых другими народами, как правило, только у ранних форм этнической общности, а также у тех новых наций, этнические границы которых совпадают с политическими границами их государств. Развитие человечества сопровождалось территориальным смешением народов; достаточно показательно в этом отношении XIX—XX вв., когда развернулись массовые миграции людей из деревни в город, из одного района страны в другой и из одной страны в другую. Территориальная целостность народа нарушалась как вследствие переселений отдельных групп его представителей за пределы этнической территории, в области, занятые другими народами, так и вследствие вселения других народов в пределы этой ее территории. Достаточно взглянуть на этническую карту мира, чтобы увидеть ряд районов, в которых народы живут в сильном территориальном смешении, чересполосно друг с другом. В отдельных слу-

чаях), то связь естественных рубежей и этнических границ представляется в таких случаях не в прямом, а в опосредствованном виде.

чаях прежде единая этническая территория разбивалась инациональными массивами на отдельные этнические «острова»; так произошло, например, с этнической территорией мордвы и некоторых других народов Поволжья.

Нельзя не сказать о попытках ввести в определение общности территории (применительно к нации) условие политико-государственной целостности этой территории, так как государственные границы «препятствуют повседневному общению» гораздо сильнее, чем природные или этнические рубежи (см. Рогачев и Свердлин, 1966, стр. 37). Вопрос о признаке государственности заслуживает специального внимания и будет рассмотрен ниже; сочетание его с вопросом о территории приводит лишь к ненужному осложнению проблемы общности территории, тем более что дело здесь, как уже отмечалось, не в «повседневном общении», в противном случае русские Смоленщины имели бы «общность территории» с живущими рядом белорусами, а не с удаленными русскими Забайкалья. Проложение государственно-политической границы само по себе не нарушает целостности этнической территории, хотя со временем может привести к серьезным различиям в национальном развитии отдельных частей народа. Тот факт, что этническая территория украинцев в течение нескольких столетий была разделена государственными границами, не означал, конечно, что в это время восточные, западные и закарпатские украинцы территориально отделились друг от друга (как это произошло, например, со шведами, переселившимися из своей страны на южное и западное побережье Финляндии) и не имели общности территории. С другой стороны французское население Алжира, считавшегося до 1962 г. «заморским департаментом Франции», не имело, конечно, общности территории с французами самой Франции.

Экономическая общность. Социальная организация и государство

При характеристике признаков одного из типов этнической общности — нации главное внимание обычно уделяется хозяйственным, или *экономическим*, связям, общности экономической жизни, как ведущему признаку нации (Рогачев, Свердлин, 1966; Цамерян, 1966 и др.). Известны попытки распространить это положение и на понятие

этнической общности; А. Г. Агаев, например, пишет: «То положение, что экономика является бесспорным этническим признаком всякого народа, не вызывает сомнения» (Агаев, 1967, стр. 98). По нашему мнению, уже получившему поддержку со стороны других исследователей (см. Чебоксаров, 1967), подобные высказывания вызваны упрощенным представлением о связях между экономикой и этносом. Экономика, будучи в конечном счете необходимым условием существования всех видов общности людей, не характеризует специфику этнической общности. Экономические связи определяют в полной мере лишь экономическую общность людей, т. е. общность, обусловленную территориальным и классово-профессиональным разделением труда в процессе производства. Этническая и экономическая общности довольно часто совпадают, но могут и не совпадать, так как связь между ними имеет опосредствованный характер, проявляясь прежде всего через общность территории и связанную с ней социальную и государственно-политическую организацию. Как показывает история многонациональных стран, этническая принадлежность населения редко играет решающую роль в формировании экономической структуры общества, редко определяет внутреннее разделение труда, связи между районами и т. д.

Не останавливаясь на вопросе о крайне проблематичной экономической общности народов в раннеклассовых формациях, отметим, что классическая экономическая общность складывается с развитием капитализма, однако было бы большим упрощением считать, что вступление того или иного народа (формирующейся нации) в капиталистическую стадию развития автоматически приводит к возникновению внутри него экономической общности. В. И. Ленин подчеркивал, что развитие капитализма не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни все нации, и писал: «...Национальный состав населения — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других. Города, например, играют *важнейшую* экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великобритании и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 149). Необходимое условие возникновения экономической общности того или

иного народа — целостность этнической территории; если последняя в связи с территориальным смещением народов оказывается нарушенной, то части формирующейся нации уже не могут образовать чисто национальную экономическую общность.

Однако дело не только и даже не столько в этом. Анализ понятия экономической общности приводит к выводу, что эта общность свойственна не столько нации, сколько государству и определяется не этническими, а политическими границами. Разделение труда между районами страны и установление связи между ними (транспорт, почта и др.), единая денежная система и порядок сбора налогов, таможенные ограничения и многие другие факторы, которыми можно определить реальную, а не воображаемую экономическую общность населения, исторически связаны не с нациями, а с капиталистическими государствами. Поэтому экономическая общность совпадает с национальной, если нация имеет свое государство, и, как правило, не совпадает или совпадает лишь частично в многонациональных государствах, где нации слиты в единый хозяйственный организм.

Вряд ли кто будет сомневаться, что западные украинцы, находившиеся в течение очень длительного времени в составе Австро-Венгрии (а затем и панской Польши), представляли собой органическую часть украинского народа, хотя они и не имели экономической общности с восточными украинцами. С другой стороны, даже в капиталистической России украинцы, а тем более, например, татары, не имели каких-то особенных «украинских» или «татарских» экономических связей, обособлявших их от экономических связей проживающего рядом русского населения; напротив, татарские земледельческие районы, например, были экономически сильнее связаны не друг с другом, а с городами, где преобладали русские. Многие национальные движения были вызваны экономическими причинами, в частности тем, что растущая национальная буржуазия в конкурентной борьбе стремится опереться на народные массы. Однако в многонациональных странах это обычно не приводит к экономической общности отдельных наций. В. И. Ленин неоднократно указывал, что нации в пределах одного государства связаны множеством нитей экономического, правового и бытового характера. Развивая эту мысль, он, в частности, писал:

«... Именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны *заставляет* на каждом шагу ломать целые и устарелые национальные перегородки и предрассудки... В акционерных обществах сидят вместе, многие сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 134).

В работах В. И. Ленина идет речь о многонациональных капиталистических государствах, однако в еще большей степени его выводы приложимы к многонациональным социалистическим государствам, ибо при социализме, в связи с дальнейшим развитием производства и разделения труда, уничтожением эксплуатации и национального неравноправия, экономические связи между народами не ослабляются, а укрепляются. В настоящее время было бы странным искать какую-то татарскую или, например, башкирскую экономическую общность, отличную от экономической общности живущего чересполосно с ними русского населения; было бы неправомерно относить, например, Донбасс к экономической общности украинской нации, а Караганду — к экономической общности казахской нации. Конечно, внутри республик СССР имеется определенная экономическая общность, но эта общность, связанная с формами государственного устройства и охватывающая все проживающие там народы, по своему значению сильно уступает экономической общности, экономическим связям всесоюзного масштаба¹.

Из сказанного напрашивается вывод, что экономическая общность не может считаться одним из основных признаков этнической общности; показательно, что она никогда не была использована как этнический определитель в переписях или других формах статистического учета населения.

¹ О неприменимости к советским нациям признака экономической общности писал еще в 1961 г. академик Е. М. Жуков в статье «XXII съезд КПСС и задачи советских историков» (1961). Та же мысль проступает у М. С. Джунусова, который пишет об общности экономической жизни всех советских наций и народностей (Джунусов, 1966, стр. 27). Встречающиеся до сих пор высказывания, будто бы «каждая нация представляет собой нечто особенное в хозяйственном отношении» (Рогачев, Свердлов, 1967, стр. 18), не имеют под собой реальной основы и могут способствовать лишь оживлению националистических идей экономического сепаратизма.

Анализ территориальной и особенно экономической общности подвел нас вплотную к вопросу о значении *государственной* и, в более широком смысле, социальной организации, являющейся одним из важнейших условий устойчивого существования и нормального развития этнической общности. Племя, как этническая общность, представляет собой обычно и форму социальной организации. Когда же с возникновением классового общества на смену родо-племенной организации приходит государство, этническая общность обнаруживает тенденцию к государственному оформлению, и недаром уже в раннеклассовых формациях наибольшей устойчивостью отличались народы, имевшие свои государства (древние египтяне, афиняне, спартанцы, средневековые поляки, русские и др.).

Мы уже отмечали тесную связь между нацией и государством, доходящую до отождествления этих терминов (см. стр. 19). Она объясняется тем, что исторически почти все национальные движения направлены на создание национальных государств или определенных форм автономии в пределах многонациональных государств. Характеризуя процесс развития этнических общностей в странах Европы, Ф. Энгельс пишет: «Как только произошло разграничение на языковые группы..., стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств, что национальности начали развиваться в нации... Правда, в течение всего средневековья границы распространения языка далеко не совпадали с границами государств; но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 410). Это положение, подчеркнутое в ряде других работ К. Маркса и Ф. Энгельса, утверждается и в работах В. И. Ленина, который, в частности, пишет: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке...»

Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) вся-

кого национального движения» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258, 259).

Специфика формирования наций в различных странах мира определяется главным образом соотношением языково-территориальных и государственно-политических элементов¹. В Западной Европе процесс образования национальных государств — политическое объединение земель с населением, говорящим на одном языке, был, по Марксу и Энгельсу, наиболее типичным процессом образования наций. В Восточной Европе, где возникали многонациональные страны Россия и Австро-Венгрия (часть балканских стран входила в многонациональную Турцию), этот процесс имел качественные особенности. В России, например, классическая западноевропейская схема формирования нации проступает отчетливо лишь в развитии крупнейшего народа — русских, составивших ядро этого государства. Национальное развитие русских, как и крупнейших народов Западной Европы, шло путем политической централизации отдельных прежде независимых земель, сопровождавшейся установлением между ними более тесных экономических и культурных связей. Что же касается других народов России, то замедленные в большинстве случаев темпы их социально-экономического развития, государственно-хозяйственная связанность их с господствовавшей нацией и друг с другом в большинстве случаев выдвигали на первый план борьбу не за политическую и экономическую автономию, а за национальное равноправие, свободное развитие языка и культуры.

Государство было важнейшим фактором формирования наций из разнородных в расовом и этническом отношении групп населения в процессе образования наций в американских странах. В настоящее время роль его весьма заметна в освободившихся странах Азии и Африки, имеющих сложный этнический состав. Пока еще трудно предполагать, в какие конкретные формы выльется национальное развитие народов этих государств: пойдет ли оно по пути создания своего рода лингвистических автономий, как это происходит в Индии, или по пути принятия и распространения общего языка, ускоряющего консолидацию в единую нацию, как это происходит, например,

¹ Этот вопрос более подробно рассмотрен в нашей статье «Некоторые проблемы теории нации» (Козлов, 1967).

в Индонезии (Брук, Чебоксаров, 1961). Несомненно, однако, что в тех странах, где процессы национальной консолидации еще только разворачиваются, влияние фактора государственности на образование новых наций путем политического, хозяйственного и культурного сближения разнородных в этническом отношении групп населения в границах уже существующих государств во многих случаях окажется решающим. Роль фактора государственности в образовании наций и стремление наций к своему политико-территориальному оформлению настолько велики, что на практике при решении вопроса о том, является ли данный народ нацией, именно наличие таких государственных образований или направленных на территориальную автономизацию национально-политических движений, в которые вовлечены основные классы данного народа, обычно служит признаком того, что мы имеем дело с формирующейся или уже сформировавшейся нацией¹. Многочисленные случаи совпадения государственной и этнической принадлежности позволяют использовать этот признак и как этнический определитель.

Общность психического склада и общность культуры

Представление о том, что народы отличаются друг от друга своим *психическим складом*, имеют особый *национальный характер*, распространено почти столь же широко, как и представление о различиях народов по языку. Не останавливаясь на истории этого вопроса, восходящей к античным историкам и географам (Ксенофонт, Страбон и др.), которые, описывая окружающие их народы, определяли одни из них как «миролюбивые», другие как «воинственные», третьи как «изнеженные и развращенные» и т. п., отметим, что широкое бытование таких представлений в новейшее время объясняется рядом причин. Видную роль в этом несомненно играла художественная и популярная литература (в частности, различного рода «путевые очерки»), а также националистическая пропаганда. Последняя развернулась в основ-

¹ Отметим в этой связи, что ряд участников дискуссии о понятии «нация» предлагал включить в определение нации признак государственности (см. Мнацаканян, 1966; Апанченко, 1967 и др.).

ном с XIX в. и достигла особого размаха в годы подготовки и ведения войн, когда «характер» своего народа и его союзников, изображавшийся только в розовых тонах, противопоставлялся национальному характеру врагов, который рисовался в самом неприглядном виде.

В XIX в. понятие национального характера начинает учитываться и авторами различных теорий нации. К сожалению, большинство авторов принимали этот признак *априори*, что никак не способствовало раскрытию его содержания. К настоящему времени положение мало изменилось. Характеристика психического склада народов пока почти неизбежно сводится к тому, что всему народу приписываются те или иные качества, взятые из психологии индивидуумов, в результате чего зачастую один из народов часто восхваляется в противовес другим. Именно поэтому понятие национального характера пользуется столь широкой популярностью у буржуазных ученых, особенно у сторонников «психологического расизма», пришедшего на смену обанкротившемуся биологическому расизму. Зарубежная литература по вопросам национального характера исчисляется сотнями работ¹, хотя лишь немногие исследователи признают его в качестве существенного признака нации. В то же время те из наших ученых (главным образом философов), которые утверждают важность данного признака, ограничиваются, как правило, общими рассуждениями и обычно не могут противопоставить буржуазным этнопсихологам по существу ничего позитивного, кроме известного тезиса о «неудовольствии национального характера», да нескольких обывательских заключений о «темпераментности» испанцев или «остроумии» французов (Алексеев, 1962, стр. 29); подобные характеристики, высмеянные еще Н. Г. Чернышевским, до сих пор представляют собой опасность для развития научного мышления в этой области (Моран, 1957, стр. 154).

Когда мы говорим об особенностях психического склада тех или иных групп людей, то имеем в виду прежде всего особенности восприятия ими различных сторон естествен-

¹ Так, библиографический список к работе голландских психологов Дейкера и Фрейда «Национальный характер и национальные стереотипы» (Duijker, Frijda, 1960) насчитывает 980 названий.

мой и общественной среды, внешнего мира, а также особенности группового и индивидуального поведения людей при тех или иных обстоятельствах. Определенную роль в формировании психического склада людей, образующих народы, играют преобладающие типы темперамента, обнаруживающие связь с антропологическими особенностями и дающие разные сочетания в различных этнических общностях. Но решающее влияние на это формирование оказывают условия жизни людей, окружающая их природная и социально-культурная среда, воспитание и мировоззрение. Общностью психического склада достаточно четко характеризовались, вероятно, лишь народы доклассовых формаций, особенно небольшие племена, члены которых жили в одних и тех же условиях, имели почти полное единообразие материальной и духовной культуры, устойчивые традиции и т. п. Историческое развитие человечества, сопровождавшееся возникновением крупных народов, их внутренней социально-классовой, профессиональной и областной дифференциацией, привело к появлению внутри народов множества психически разнородных групп, различия между которыми нередко превышали их сходства.

В настоящее время даже при описании сравнительно небольшого коллектива людей одной национальности, занятых одним и тем же делом, скажем рабочих одного предприятия, вряд ли какой-нибудь психолог рискнет утверждать, будто они имеют общность психического склада. Что же касается общности психического склада таких больших народов, как русские, члены которого обитают в самых различных природных условиях и заняты различными видами хозяйственной деятельности, то подобная общность по меньшей мере проблематична. Среди социальных факторов, влияющих на характер, ведущую роль играет классово-профессиональное положение людей, не дающее возможности, особенно в классово-антагонистическом обществе, образованию какой-то общности психического склада. Русский крестьянин, купец, чиновник, рабочий имели разный психический склад; если даже взять только русских крестьян, то и тогда окажется, например, что психический склад терских казаков, считающихся частью русского народа, был более близок к психическому складу народов Северного Кавказа, чем к северорусским поморам, психический склад которых в свою

очередь обнаруживает близость к психическому складу соседствующего с ними другого народа — карелов. Исследователи постоянно подчеркивают близость психического склада у профессиональных групп людей различной национальной принадлежности (например, у моряков, у земледельцев и т. п.) и отличия его от психического склада других классово-профессиональных групп того же народа¹. Это относится прежде всего к буржуазным нациям, раздираемым классовыми противоречиями; два основных класса этих наций — буржуазия и пролетариат — имеют совершенно различную социальную природу, глубоко противоположные цели, интересы и стремления, а следовательно, и различный психический склад. Ф. Энгельс писал: «Английский рабочий — это уже не англичанин в обычном смысле, не расчетливый коммерсант, как его имущий соотечественник... Рассудочность, которая так сильно содействовала развитию эгоистических задатков у английского буржуа, которая все его страсти подчинила себялюбии и сосредоточила всю силу его чувств на одной только погоне за деньгами, у рабочего отсутствует, благодаря чему страсти у него сильные и неукротимые, как у иностранца. Английские национальные черты у рабочего уничтожены» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 437, 438). В работах В. И. Ленина по национальному вопросу ясно проступает отрицательное отношение к тезису общности психического склада, национального характера. Он резко критикует теорию нации О. Вауэра, выдвинувшего национальный характер в качестве главного признака нации, и осуждает всякое выпячивание «общенациональных» психических черт, так как «при всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 134).

В психическом складе представителей социалистических народов нет таких противоречивых черт, как в буржуазных нациях, но зато и чисто национальные черты здесь начинают уступать интернациональным; мы, по-ви-

¹ Отвергая понятие «национального характера», Н. Г. Чернышевский писал: «Португальский вельможа по своему образу жизни и понятиям ближе к шведскому вельможе, чем к землевладельцу своего народа и, наоборот: португальский землевладелец более похож по характеру на шведского землевладельца, чем на португальского богача» (Чернышевский, 1954, стр. 641).

димому, с гораздо большим основанием можем говорить о существовании «советского характера», чем о существовании какого-то особого русского, особого белорусского и других особых национальных характеров. Показательно, что большинство участников дискуссии по теории нации (см. Рогачев и Свердлин, 1966; Калтахян, 1966 и др.) высказались за исключение общности психического склада (национального характера) из числа признаков нации.

Когда указывают на различия в психическом складе конкретных народов, например норвежцев и японцев, то имеют в виду определенные психические стереотипы тех и других, абстрагируясь от различий внутри этих народов. Поэтому (не скрывая сложности данного вопроса), определяя понятие народа, несравненно правильное было бы говорить не о существовании общности психического склада народов, какого-то «национального характера», а о существовании некоторых специфических особенностей психического склада у отдельных групп людей (классово-профессиональных, областных и др.), составляющих этот народ.

Использование психического склада в качестве этнического определителя было бы возможно в случае, если бы удалось установить такие его элементы, которые присущи данному народу и, как правило, не встречаются у других. Однако это как раз мало вероятно. Б. Ф. Поршнев, рассмотрев в книге «Социальная психология и история» некоторые стороны этнической психологии, пишет: «Наверяд ли реально было бы фантазировать о составлении для каждой этнической общности чего-то вроде социально-психологического паспорта — перечня характерных для нее и отличающих ее от других психических черт» (Поршнев, 1966, стр. 101).

Вопрос об общности культуры как признака этнической общности более сложен в связи с обширностью и некоторой неопределенностью понятия культуры, которое охватывает широкий круг явлений — от способов обработки земли до литературы и искусства; анализ десятков определений культуры, принятых в работах наших и зарубежных ученых, мог бы составить задачу специального исследования (см. Артановский, 1967). В то же время этот вопрос несколько проще, чем вопрос об общности психического склада, так как за понятием культуры стоит более реальное содержание. В советской науке под

культурой в широком смысле этого слова обычно понимается совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и развитых человечеством в ходе его истории. К характеристике этнических общностей в науке обычно применяется более узкое понятие «народной» или «национальной» культуры. Не столь давно в нашей философской литературе при характеристике этнических общностей, главным образом нации, в соответствии с известным определением нации, было принято рассматривать эту культуру в зависимости от общности психического склада, от безусловного национального характера, который в ней «проявляется». В действительности не культура формируется под влиянием «психического склада», «национального характера», а скорее особенности психического склада людей, образующих народ, формируются под влиянием культуры, которая, будучи создана предшествующими поколениями, активно влияет на настоящее.

Этнографическая наука, занимающаяся изучением культуры и быта народов мира, подразделяет национальную культуру на материальную и духовную. В материальную культуру включаются орудия и способы труда, жилище, одежда, украшения, способы передвижения, пища, утварь и некоторые другие элементы, а в духовную — народное творчество (поэтическое, музыкальное, танцевальное и пр.), народные знания и навыки, верования и обряды и т. д. У каждого народа имеются свои особенности как в области материальной, так и в области духовной культуры, что позволяет в ряде случаев использовать их в качестве этнического определителя (Кушнер, 1951, стр. 68). Иногда те или иные элементы культуры становятся даже как бы символами этнической принадлежности (Shibutani..., 1965, р. 73—75); изменение таких элементов является важным этапом развития этнических процессов (см. главу III данной работы). Некоторые исследователи считают даже, что национальная культура является основным, ведущим признаком этнической общности¹. Попробуем разобраться в этом во-

¹ Так, Н. Н. Чебоксаров пишет: «По нашему мнению, именно культурная специфика должна рассматриваться как основной признак всякого этноса, позволяющий во всех без исключения случаях отграничить его от других этносов. В сущности говоря, даже язык, обычно считающийся главным этническим определителем, теснейшим образом связан с культурой говорящего».

просе и, в частности, проанализировать широко распространенное представление о существовании «общности национальной культуры».

Материальная культура обусловлена главным образом уровнем развития производительных сил и особенностями природной среды и, как таковая, имеет сравнительно слабо выраженные этнические черты¹. Об общности материальной культуры, как о признаке этнической общности, мы можем с полным основанием говорить главным образом лишь применительно к родо-племенной эпохе, когда все члены небольших племенных коллективов, находясь в единообразных природных условиях и занимаясь одинаковой хозяйственной деятельностью, носили одинаковую одежду и украшения, употребляли одну и ту же пищу и т. п., т. е. имели такой комплекс элементов материальной культуры, который с одной стороны, объединял всех соплеменников, а с другой — отличал их от других племен. С возникновением более крупных этнических образований, в отдельных частях которых сохраняются «племенные» особенности материальной культуры, или просто в результате расширения этнических границ, отчетливые группы одного и того же народа оказывались в различных природных условиях, а особенно с дифференциацией занятий, классовым расслоением общества и отделением города от деревни, общность или, точнее, единообразие материальной культуры нарушается. Бревенчатый дом с двускатной крышей, характерный для северных великорусов, мало похож на глинобитный дом с четырехскатной крышей, распространенный у некоторых южных групп русского народа; орудия труда и одежда городского ремесленника отличаются от орудий труда и одежды земледельца; эти различия между груп-

пами одного и того же народа нередко превышают различия между группами разных народов, но принадлежащих к одним и тем же профессиям или сословиям.

Развитие капиталистического способа производства, с которым связывается и формирование многих наций, внесло новые и решающие изменения во все элементы материальной культуры. Кустарное производство вытесняется более дешевым массовым фабричным производством; традиции уступают место моде. Первыми теряют свою «национальную» специфику орудия и способы труда; в железном плуге, пришедшем на смену русской сохе и украинскому сабану, а тем более в сельскохозяйственных машинах и фабрично-заводском оборудовании, конечно, уже нет ничего «национального». Несколько медленнее идет изменение жилищ, особенно в сельских местностях, но и здесь оно совершается под влиянием перестройки старого уклада жизни, социальной дифференциации крестьянства и внедрения новых материалов. Одновременно развернулся процесс нивелировки национальных особенностей в одежде, который шел не только путем вытеснения их одеждой городского типа, но и путем взаимопроникновения традиционных элементов одежды одного народа в бытующий костюм других народов. Конечно, это не привело к исчезновению национального колорита, но в настоящее время уже нет, по-видимому, ни одной нации, члены которой имели бы только присущие им «национальные» орудия труда, одевались бы только в особую «национальную» одежду, жили только в «национальных» жилищах и питались бы только особой «национальной» пищей. В литературе отмечены многочисленные случаи сильной дифференциации элементов и даже комплексов материальной культуры внутри одного и того же народа, особенно внутри крупных наций, части которых обитают в различных природных условиях, и, напротив, — сильное сходство их у различных народов (см. Шенников, 1967).

Духовная культура дает нам большое число примеров национального своеобразия. Русские народные песни и танцы, например, ясно отличаются от украинских, а тем более от грузинских; эти отличия легко заметить и тогда, когда исполнители их оказываются одетыми в одинаковую «городскую» одежду и живут в одинаковых жилищах. По самой своей природе духовная культура труднее поддается объективному анализу, чем материальная куль-

на этом языке народа, поскольку его культура, в первую очередь духовная, в значительной мере всегда выражается на определенном языке... Этнография, наука о народах, является в то же время наукой об их культуре. Каждый этнос надо рассматривать как исторически сложившийся коллектив людей вместе с территорией его формирования и последующего расселения, созданной им культурой и языком, который эту культуру выражал» (Чебоксаров, 1967, стр. 99—100).

¹ Не останавливаясь подробно на проблеме соотношения этноса и так называемой археологической (т. е. остатков материальной) культуры, отметим, что прямая связь между ними, как правило, прослеживается редко.

тура. Так, анализируя народные песни, приходится учитывать особенности языка и мотива, метрический размер стихотворной основы, традиционный подбор голосов и даже эмоции, которые овладевают исполнителями и слушателями. Тем не менее и «общность духовной культуры» является весьма проблематичной. Духовная культура, как и культура материальная, неоднородна у групп населения, принадлежащих к одной и той же нации, вместе с тем нередко можно обнаружить большое сходство между духовной культурой групп населения, принадлежащих к разным нациям. В буржуазную эпоху сословно-профессиональная и областная дифференциация духовной культуры также проявляется очень резко; одновременно идет и процесс внедрения профессионализма: народные мелодии уступают место мелодиям, сочиненным композиторами с использованием «модных» ритмов, народные танцы — так называемым новым танцам и т. п.

Отмеченная «интернационализация» элементов духовной культуры, в связи с общей тенденцией отставания развития идеологических форм от материальных форм, идет, конечно, медленнее, чем в случае с материальной культурой, причем особенно стойкими оказываются те элементы духовной культуры, которые непосредственно связаны с языком — важнейшей формой и средством развития этой культуры. Однако этническая окраска таких элементов духовной культуры связана главным образом с языком и тем самым учитывается в признаке общности языка. Если же обратиться к идейному содержанию культуры, то окажется, что в классовом антагонистическом обществе не может быть общности духовной культуры нации. В свое время идеологи «культурно-национальной автономии», прикрываясь тезисом об общности культуры капиталистических наций, пытались решить национальный вопрос в рамках буржуазного общества, в ущерб общим задачам революционной борьбы пролетариата. В своих статьях по национальному вопросу В. И. Ленин писал о том, что в каждой национальной культуре есть две культуры, и подчеркивал, что любая попытка защиты тезисов об общности культуры буржуазных наций неизбежно ведет к национализму (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 121—122). Общность национальной духовной культуры оказывается, таким образом, в лучшем случае свойственна лишь нациям социалистическим.

В связи со всем этим, определяя нацию, или, в более широком смысле, этническую общность, правильнее делать упор не на «общность» культуры, а на те специфические элементы культуры и культурно-бытовые особенности, которые вместе с языком создают неповторимый облик основных этнографических групп этой общности.

Этническое (национальное) самосознание

Все социальные организмы характеризуются определенным самосознанием входящих в них людей, в противном случае они перестают проявлять себя как единый социальный коллектив, как субъект исторического процесса. Условия материальной жизни людей могут вызывать те или иные общественные явления, только пройдя через сознание людей, отразившись в нем в виде определенных представлений. Для человека, как существа социального, сформировавшегося только в органической связи со становлением человеческого общества, осознание своей принадлежности к широкому кругу лиц является не только естественным, но и необходимым чувством, дающим ему уверенность в жизни, оправдывающим само его существование на земле. Это полностью относится и к этнической общности, которая возникла ранее многих других общностей, еще на заре человеческой истории, как необходимая форма жизни и форма групповой борьбы за существование. Предпринимавшие до сих пор попытки определить понятие этнической общности оказывались малоуспешными обычно именно потому, что исследователи старались главным образом составить набор ее признаков, почти не уделяя внимания характеру связей между входящими в нее людьми и отражению этих связей в их сознании.

Этническое самосознание — сознание принадлежности к определенному народу, проявляющееся, в частности, в употреблении группами людей единого названия своего народа, возникает в процессе их длительной совместной жизни под действием ряда факторов. Сильное влияние на его формирование оказывает представление об общем происхождении, опирающееся, в частности, на общие генеалогические предания, воспоминания об общих исторических судьбах, на связь с «родным языком» и «род-

ной землей». «Материальная» сторона общности происхождения выражается в предпочтительности браков внутри данного народа¹. Будучи одной из форм общественного сознания, этническое самосознание играет видную роль в самом существовании этнической общности, резко отличаясь в этом отношении от весьма проблематичной общности психического склада, с которым его иногда путают². Достигнув определенной стадии развития, этническое самосознание, подобно другим идеологическим формам, может приобрести известную самостоятельность. Оно, в частности, может сохраняться даже при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра и при утрате ими своего родного языка. Оно может расти под влиянием идей, в том числе и в случае, когда материальные предпосылки его, например территориальная или языковая общность, нарушены. Достигнув определенной стадии развития, оно способно оказывать обратное влияние на породившие его факторы. Наглядным примером такого воздействия являются движения за воссоединение национальных территорий (например, у поляков в XIX—начале XX в.), движения за возрождение и развитие родного языка (например, у чехов в XIX в., у ирландцев в XIX—XX вв. и др.) и т. д. В целом народ как особая форма общности людей достаточно реально проявляет себя лишь в том случае, если у его членов развито этническое самосознание. В тех случаях, когда этническое (национальное) самосознание развито слабо, когда складывающаяся национальная интеллигенция или полити-

¹ Вопрос о месте общности происхождения в определении понятия этнической общности был недавно поднят Г. В. Шелеповым в статье «Общность происхождения — признак этнической общности» (1968). Соглашаясь с ним о важности учета этого элемента этнической общности, мы все же склонны рассматривать его не как самостоятельный, а тем более «ведущий» признак этой общности (на чем настаивает автор), а как один из главных факторов, формирующих этническое самосознание.

² Показательно, что И. С. Кон в статье «Национальный характер — миф или реальность?», довольно убедительно показав мифичность общности психического склада или национального характера, свел его реальные элементы главным образом к групповому, т. е. в данном случае национальному, самосознанию (Кон, 1968).

ческие деятели государств, в границах которых формируется нация, только пытаются пробудить его, само существование такой общности может быть поставлено под сомнение.

Национальное самосознание, ставшее таковым в ходе формирования наций, в своем развитии обнаруживает гамму переходов от слабо осознанной принадлежности к определенной общности людей и чувства отчужденности по отношению к другим общностям до сильно развитого национального чувства, заставляющего членов нации связывать свои личные судьбы с судьбой нации, подчинять свои частные интересы общим национальным интересам и даже жертвовать жизнью во имя этих интересов. Поскольку национальное самосознание существует не изолированно, а наряду с другими видами сознания (политическим, классовым, религиозным и др.), постольку оно подвергается их воздействию и в свою очередь воздействует на них. В капиталистическом обществе национальное самосознание нередко принимает уродливые формы, проявляясь в национализме и шовинизме.

Анализируя роль различных классов в формировании национального самосознания, следует сказать, что буржуазия склонна играть на национальных чувствах, используя их, например, в конкурентной борьбе, и довольно легко предаёт национальные интересы, когда ей более выгодно вступить в сделку с инонациональной буржуазией. Более видную роль в выработке национального самосознания, в распространении национальных идей обычно играет национальная интеллигенция. Если буржуазия непосредственно связана с экономикой, которая в многонациональных государствах не разъединяет, а, напротив, сближает нации, то интеллигенция, во всяком случае значительная часть ее, тесно связана с языком и культурой, отражающими национальное своеобразие. Ратуя за развитие родного языка и литературы на родном языке, интеллигенция служит общенациональным целям, создает базу для развития национального самосознания. При этом самосознание в той или иной степени абстрагируется от классовых противоречий в сфере производства и опирается на общенациональные элементы (язык, культура, представление об общности происхождения и общих исторических судьбах и т. д.); большое влияние на него часто оказывает борьба против иноземных захватчиков и т. п. Нельзя не

сказать и о сильном влиянии, оказываемом на национальное самосознание со стороны государства; в однопациональных государствах это самосознание обычно сливается с сознанием принадлежности к государству, с чувством патриотизма.

Важность этнического (национального) самосознания, представляющего собой как бы субъективную равнодействующую объективных элементов этнической общности, нашла свое отражение в использовании этого признака как основного этнического определителя в переписях и других формах массового статистического учета населения ряда стран мира (см. об этом ниже). Такое значение его получило уже теоретическое обоснование в этнографической литературе (Кушнер, 1949, 1951; Брук, Козлов, 1962 и др.); в настоящее время признак этнического (национального) самосознания находит все большее признание и среди наших философов, включающих его в определение понятия нации (Рогачев и Свердлин, 1966; Джунусов, 1966; Агаев, 1967, и др.).

Расовая и религиозная общность

Для того чтобы завершить краткий анализ элементов, могущих быть включенными в понятие этнической общности, остановимся на слабо разработанном у нас вопросе о соотношении этнической общности с расовой и религиозной общностью; часто встречавшиеся в нашей литературе попытки упростить его, сведя к простому утверждению о недопустимости смешения понятий «нация» и «раса»¹ или к утверждению, что нации состоят из людей различной расовой и религиозной принадлежности (см., например, «Исторический материализм», 1954, стр. 275), в научном отношении не вполне эффективны. Ведь понятие «языка», например, тоже не совпадает с понятием «на-

¹ По установившемуся в советской науке и широко распространенному в зарубежной науке мнению, расой называется группа людей, обладающих рядом общих биологических признаков (форма волос, окраска кожи, волос и глаз, группы крови и т. п.), которые передаются по наследству. Распространено деление человечества на три большие расы: «черную» (экваториальную, или негро-австралоидную), «белую» (европеоидную) и «желтую» (монголоидную), в научной литературе встречаются и другие подразделения, в частности, самостоятельно выделяется ряд переходных и малых рас (Дебец, 1964).

рода», однако мы видели, сколь велико его значение в научном определении этнической общности. Известно, что, например, расовый вопрос играл и продолжает играть видную роль в общественной жизни многих стран мира, причем *расовая общность* в ряде случаев имеет не только биологический, но и определенный социальный аспект (Ефимов, 1966).

Некоторые, особенно начальные, стороны развернувшегося с глубокой древности и продолжающегося до сих пор процесса расообразования изучены слабо (Алексеев, 1967), но можно считать установленным, что этот процесс и процесс этнообразования в общем не совпадали. Между расой, и, например, языком нет органической связи. На языках тюркской группы говорят турки и азербайджанцы, относящиеся к одному из южных вариантов европеоидной расы, и якуты, являющиеся типичными представителями монголоидной расы; меланезийцы, индонезийцы и полинезийцы, резко различаясь по своему антропологическому типу, говорят на языках одной малайско-полинезийской семьи и т. д. Чистых в расовом отношении народов почти нет. Внутри большинства народов можно выделить ряд антропологических вариантов. Северные итальянцы выше ростом, более брахикефалы, менее темноглазые и темноволосые, чем уроженцы Южной Италии. Северные французы обладают более высоким ростом, более светлыми волосами и глазами, чем южные, и т. д. (Рогинский, Левин, 1955, стр. 330).

Сказанное выше о соотношении понятий «раса» и «этнос» еще не решает вопроса о соотношении расовой и этнической общности. Социолога интересует прежде всего не расовая «чистота», а сравнительная расовая однородность тех или иных взаимодействующих между собой групп людей; не результаты специальных антропологических измерений, а наличие таких расовых отличий, которые резко бросаются в глаза и при обычном общении между людьми часто обнаруживаются прежде, чем, например, различия в языке, влияя тем самым на самоопределение между «своими» и «чужими» и на формирование их этнического самосознания. Известно, что подавляющее большинство народов и даже многие этноязыковые группы народов не имеют внутри себя резких антропологических различий. Почти 90% всех людей, входящих в народы, которые говорят на

языках индоевропейской семьи, и 95% — на языках уральской языковой семьи, принадлежат к европеоидной расе; около 100% людей, говорящих на языках китайско-тибетской языковой семьи, входит в монголоидную расу и т. д. Некоторое разнообразие расовых типов отмечено только среди народов, говорящих на языках семито-хамитской семьи (70% европеоидов и свыше 20% эфиопской расы), и у народов, входящих в алтайскую языковую семью (60% европеоидов, 20% монголоидов, остальные — смешанные расы), однако эти две языковые семьи в сумме представляют лишь немногим более 3% всего человечества (Брук, Козлов, 1962, стр. 43). Если же перейти от языковых семей к отдельным языкам и народам и сопоставить, например, карту человеческих рас и этническую карту мира, то внешнее совпадение расы и этноса окажется еще более разительным. Народы, имеющие сравнительно однородный расовый состав, являются правилом, народы, составленные из резко различных антропологических групп, — исключением. Подобное совпадение этноса и расы позволяет в некоторых случаях использовать расовый показатель в качестве этнического определителя.

Для анализа некоторых сторон проблемы соотношения этноса и расы целесообразно обратиться к странам Америки, где, как известно, уже в новое время — в период формирования наций — произошло смешение людей, принадлежащих к трем большим расам человечества: коренных обитателей Америки — индейцев, принадлежащих к монголоидной расе, европейских переселенцев, принадлежащих к европеоидной расе, и привезенных из Африки рабов, принадлежащих к негроидной расе.

Влияние расового фактора на процесс формирования наций в каждой из стран Америки имел свои особенности; в некоторых из них, например в Канаде или Аргентине, население которых сложилось в нации почти исключительно на базе европейских переселенцев, влияние этого фактора, как и в странах Европы, было минимальным; в других странах — в Бразилии, Венесуэле и, например, в США, где произошло массовое взаимодействие трех рас, расовый фактор играл видную роль. Не касаясь всех сторон этого вопроса, отметим, что, например, в Бразилии важным условием формирования нации было создание громадных масс метисного населения, образовавшегося целый ряд постепенных переходов между белыми,

неграми и индейцами. Это естественное смешение рас имело важное значение, в частности, для выработки общего национального самосознания, заметное место в котором, как уже отмечалось, занимает представление об общности происхождения и исторических судеб. И поскольку резкие расовые различия говорят о противном, то именно наличие малозаметных расовых переходов между белыми, неграми и индейцами, сознание того, что почти в каждом коренном жителе страны, каким бы «белым» он ни казался, есть хоть немного негритянской или индейской крови, помогли создать базу для сплочения всех бразильцев в единую нацию, для выработки общего национального самосознания. В тех странах, где из-за расовой сегрегации, распространения расовых теорий и бытового расизма смешение рас затруднено, процесс вытеснения расового самосознания национальным и связанный с ним процесс образования единых наций еще не завершены.

При рассмотрении вопроса о соотношении этнической и религиозной общности также нельзя ограничиваться тезисом о том, что многие народы имеют в своем составе различные в религиозном отношении группы (например, немцы — католики и протестанты); следует учитывать, что религиозный фактор оказывал существенное влияние на этнические процессы; в ряде случаев религиозная и этническая принадлежности довольно тесно связаны, что позволяет использовать признак вероисповедания в качестве этнического определителя.

В первобытнообщинную эпоху религия отражала в себе почти все общественные представления и верования и как своего рода универсальная форма общественной идеологии участвовала в формировании этнического самосознания. Ф. Энгельс пишет: «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе... Эти первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям... Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа, были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняе-

мой ими национальной области, по ту сторону которых безраздельно правили другие боги» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 313).

С разложением родо-племенного строя и заменой племенных религий религиозными системами — в рабовладельческую и феодальную эпоху — значение религиозного фактора не уменьшается. Во многих случаях этническое самосознание оттесняется на второй план религиозным самосознанием. Иногда религиозный фактор играл видную роль в этническом разграничении групп населения, говорящих на одном языке. Так произошло, например, разделение южных славян — сербов, хорватов и боснийцев, говорящих на одном языке (диалектальные различия между сербами и хорватами меньше, чем диалектальные различия внутри самих хорват), живущих в заметном территориальном смещении друг с другом, но исповедующих разные религии; сербы — православную, хорваты — католическую и боснийцы — ислам (Кушнер, 1951, стр. 8).

Связь религии и этноса у некоторых народов, например у евреев, усиливается тем, что исповедуемая ими религия является национальной, распространенной, как правило, только среди членов данной этнической общности. Однако и в тех случаях, когда разные народы исповедуют одну и ту же религию, например христианство, эта «мировая» религия так или иначе приобретает черты религии национальной. Поль Лафарг писал: «Разделение народов на соперничающие друг с другом в промышленном и торговом отношении нации принуждает буржуазию разрезать своего единого бога на столько богов, сколько имеется наций» (Лафарг, 1918, стр. 34, 35). Исследуя формирование наций, особенно начальный этап этого процесса, уходящий корнями в феодальную и даже более ранние эпохи, иногда бывает довольно трудно отделить религиозные движения от движений национальных, а религиозное чувство от растущего национального самосознания.

Наглядным примером связи между религиозными и национальными элементами являются воинские молебны, освящение знамен, церковные службы в национальные праздники и причисление национальных героев к числу святых. Очень сильно проступает национальная форма у протестантских церквей (англиканской у англичан,

пресвитерианской у шотландцев и т. д.); само развитие протестантизма (реформации), одним из требований которого было богослужение на родном языке и перевод на родной язык всех церковных книг, было во многом связано с пробуждением национальных чувств. Заметную роль в процессах национальной консолидации играли и государственно-национальные православные церкви. Известно, в частности, какое существенное влияние оказывала русская православная церковь в лице ее московских митрополитов (с XIV в.) на процесс национального объединения русских земель, болгарская церковь — на борьбу против турецкого ига и т. д. В настоящее время религия, особенно ислам, играет видную роль в национальных движениях ряда стран Азии и Африки (см., например, работы Mehden, 1963; Литман, 1966). В некоторых странах Азии грань между этническими и религиозными общностями выступает очень слабо; так, сикхи — религиозная секта панджабцев — имеют почти все признаки самостоятельного народа. Во многих мусульманских странах зарубежной Азии и Африки понятие национальной принадлежности по существу совпадает с понятием религиозной принадлежности, так что национальными меньшинствами там официально считаются лишь религиозные меньшинства. Показательно в этом отношении, что турецкие власти, производившие после греко-турецкой войны 1919—1922 гг. выселение из Турции греков (всего было выселено около 1,5 млн. человек), разрешили остаться грекам-католикам и грекам-протестантам, так как, по мнению турецких властей, эти греки имели мало общего с греками-православными.

Не следует, однако, и преувеличивать значение религиозного фактора, как это получилось у С. А. Токарева, полагающего, что иногда лишь религиозные связи могут составить основу этнической общности (Токарев, 1964). Никакая религия сама по себе не может ни установить, ни сохранить этническую общность, а может лишь способствовать этому. Приведенный С. А. Токаревым в качестве примера, демонстрирующего силу религиозных связей, случай евреев, «расселившихся по всему свету и не утративших своей этнической целостности», мало убедителен. Нет сомнения, что иудаизм, как одна из наиболее ярко выраженных «национальных» религий, играл весьма видную роль в жизни евреев, отражаясь в их са-

мосознании и некоторых особенностях культуры и быта. Однако древнееврейский народ сложился в основном за несколько столетий до оформления иудаистской религии, а этническое обособление евреев, расселившихся вначале в странах Европы, объясняется не только религиозными, но и социально-экономическими причинами. Иудаизм не смог удержать этноязыкового единства евреев, еще в средние века они разделились на две основные группы: сафардскую с языком ладино и ашкеназскую с языком идиш. В последующий период этническая разобщенность групп евреев, живущих в различных странах мира, еще больше усилилась, причем у некоторых из них (особенно у еврейского населения СССР) иудаизм уже утратил значение этнического определителя. Из всего этого следует вывод, что евреи уже давно перестали быть единым народом, у многих групп их не осталось ничего общего, кроме самосознания, да некоторых, нередко весьма смутных, представлений об общем происхождении и сходных в прошлом исторических судьбах.

Этническая общность и ее основные типы

Проведенный нами анализ элементов этнической общности позволяет сформулировать ее понятие и выделить наиболее существенные признаки, приложимые ко всем типам этнической общности. *Народ, или этническая общность*, — социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей при условии уже имевшейся у них или достигнутой ими по мере развития различных связей (хозяйственных, культурных и других) общности языка, общих черт культуры и быта, особенностей психического склада, а если эти группы резко отличались в расовом отношении, то и значительной метисации их. Основными признаками этнической общности являются: этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности культуры, определенная форма социально-территориальной организации или четко выраженное стремление к созданию такой организации. Эта формулировка не отражает, конечно, всего многообразия действительности и для своего конкретного применения требует, как видно из предыдущих разделов, тех или иных дополнений. Совершенно ясно, например, что из-за

сильного территориального смещения народов и процессов языковой ассимиляции признак общности языка и территории в полной мере может быть приложим лишь к основному этническому ядру того или иного народа.

Разработка этнических понятий началась в XIX в. с попыток определения частных типов этнической общности — племени и нации. В зарубежной научной литературе до сих пор фигурируют только два эти типа, первый из которых характерен для доклассового, второй — для развитого классового общества. Насколько можно судить по нашей литературе 1920—1930-х годов, в то время в качестве основных этнических типов фигурировали также лишь племена и нации; правда, И. В. Арский в 1941 г. попытался ввести в науку понятие «национальности» для обозначения типа этнической общности, характерного для начального периода формирования нации (Арский, 1941), но это его предложение не было поддержано. Примерно с конца 1940-х годов в литературу вводится понятие о третьем типе этнической общности, для обозначения которого применяется термин «народность», употребившийся до того довольно неопределенно. При этом племя считается характерным для первобытнообщинной эпохи, народность — для рабовладельческой и феодальных эпох, а нация — для капиталистической и социалистической эпох; в качестве подтипа этнической общности иногда выделяют союз племен; на правах подтипов обычно фигурируют и «рабовладельческая народность», «феодальная народность», «капиталистическая нация» и «социалистическая нация».

Нетрудно заметить, что исходной методологической предпосылкой принятой в настоящее время типологии этнических общностей является тезис о соответствии типов этнической общности общественно-экономическим формациям. С. А. Токарев замечает, что подобный тезис «нуждается... в оговорках», но вместо этого проводит его еще более последовательно, чем другие исследователи, утверждая, что рабовладельческой и феодальной эпохам свойственны особые типы этнической общности, названные им соответственно «демосом» и «народностью» (Токарев, 1964). А между тем никто и никогда подобный тезис не доказывал, а широкое бытование его несомненно связано с укоренившейся некогда тенденцией к упрощенным социологическим схемам. Общественно-экономи-

ческая формация определяется прежде всего отношением людей к основным средствам производства и друг к другу в процессе производства. Любая общность людей, существующая в той или иной формации, не может не испытать на себе ее влияния, но характер этого влияния не следует упрощать. Некоторые виды общности людей, переходя в новую формацию, не приобретают таких качественных отличий, которые давали бы основание говорить о появлении нового типа этой общности.

Этническая общность, как уже отмечалось выше, обычно косвенно связана с экономикой, ни один из ее основных признаков — самосознание, язык, территория и др. — не претерпевает, как правило, существенных изменений при переходе от одного способа производства к другому. Поэтому, если допустить, что тип этнической общности определяется прежде всего и главным образом общественно-экономической формацией, то мы можем характеризовать особенности каждого типа в основном лишь теми же признаками, которыми характеризуется данная формация, например спецификой производственных отношений или социально-классовым составом. Термины «племя», «народность» и «нация» в таком случае вообще излишни, так как правильное всего назвать подобные «типы» этнических общностей: «народ первобытнообщинной эпохи», «народ рабовладельческой эпохи» и т. д.; в конце концов это выглядит не более странно, чем применяющиеся сейчас названия «капиталистическая нация» и «социалистическая нация». Можно, конечно, хотя это и не очень логично, оставить и бытующие ныне названия, но тогда с ними следует обращаться крайне осторожно и не допускать, например, применения ни к одному из народов СССР (т. е. «народов социалистической эпохи») термина «народность», так как за этим термином оказываются скрытыми черты рабовладельческой или феодальной формации. В действительности этнические общности при всей связи их с общественно-экономическими формациями развиваются по своим специфическим законам.

Переходя непосредственно к краткому рассмотрению исторически складывающихся типов этнической общности, отметим, что вопрос о начальном типе — *племени* — сравнительно прост. Это объясняется прежде всего бедностью форм социальных связей в первобытнообщинную

эпоху. Если оставить в стороне поло-возрастные группировки (и встречающиеся кое-где тайные религиозные союзы), так как эти общности, пересекающие языково-культурные и брачно-семейные связи, явно не относятся к виду этнических, то перед нами останется по существу лишь уже рассмотренный нами вопрос об этническом соотношении рода и племени, племени и союза племен.

Характер родо-племенного строя народов менялся в связи с изменяющимся уровнем развития производительных сил и образом их жизни. У австралийцев, основная масса которых вела кочевую жизнь охотников-собираателей, племя обычно не представляло собой какую-то оформленную социальную организацию. Оно имело свое племенное имя, определенную территорию обитания, свой диалект (язык), обычаи, которым должны были следовать соплеменники, а также чувство солидарности. Однако в большинстве случаев австралийцы не знали ни племенных вождей, ни общеплеменных советов. Напротив, у прокезов, стоявших, когда их узнали исследователи, на сравнительно высокой ступени развития (основу их хозяйства составляло земледелие подсечно-огневого типа), племенная организация выступала очень четко. Ф. Энгельс, характеризуя индейские племена периода расцвета племенной организации, включил в число их признаков: владение определенной территорией, наличие определенного имени, особый лишь одному племени свойственный диалект, общие религиозные представления и обряды, определенные общественные права соплеменников, существование племенного совета, а иногда и главы племени (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 92—94). Большая часть этих признаков и прежде всего определенная территория, язык и название совпадают с основными признаками этнической общности и могут считаться характерными для всех племен, существовавших в прошлом и существующих ныне. Довольно часто к этим признакам присоединяется хозяйственная общность, обусловленная не только совместным владением соплеменниками территорией племени, но и совместным участием их в различных хозяйственных мероприятиях (охота, рыбная ловля и пр.), обычаями взаимопомощи и т. п., хотя в целом такая общность была скорее характерна для общины, а не для племени. К племени, как уже отмечалось выше, можно, по-видимому,

приложить признак общности психического склада и общности культуры, обусловленных сравнительно небольшими размерами племени, члены которого обитали в одних и тех же природных условиях, были заняты в одних и тех же видах хозяйственной деятельности, имели общие традиции, общие религиозные представления и обыряды, единообразные элементы материальной культуры (одежда, жилище, орудия труда и т. п.). Особо следует отметить такие знаки племенной принадлежности, как татуировка и раскраска лица и тела.

Развитие производительных сил в недрах первобытнообщинной формации и связанная с этим классово-социальная дифференциация между родами и внутри родов, возникновение рабства привели к разложению родо-племенного строя. Исчезает одна из важнейших предпосылок его существования — территориальная целостность родов и племен. «Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы... Богатые и бедные, ростовщики и должники были соединены в одном и том же роде, в одном и том же племени» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 168). Эти процессы, сопровождающиеся ослаблением кровнородственных связей, привели к тому, что родо-племенная структура общества сменилась структурой территориальной и классовой, родовая община — соседской, родо-племенная организация — государством.

Характерной чертой раннеклассовых и последующих формаций было то, что в отличие от первобытнообщинной они не были универсальными, повсеместно распространенными. Неравномерность социально-экономического развития отдельных групп человечества, намечившаяся еще на ранних стадиях первобытного общества и связанная с действием ряда факторов, с течением времени все более увеличивается. В то время как некоторые народы остались на стадии охоты, собирательства или примитивного земледелия, сохранив племенной быт, другие прошли через рабовладельческую, феодальную и капиталистическую формации. Развитие классовых формаций также имело свои особенности. Если, например, в классических античных государствах Греции и Рима рабы являлись важной, если не основной, производительной силой, составляя иногда большинство населения, то в Египте и

азиатских странах древней цивилизации (Ассирия-Вавилония, Индия, Китай и др.) основной производительной силой были свободные общинники, а особого класса рабовладельцев по существу не было. В отличие от стран Европы, где с утверждением феодализма рабство исчезло, в странах Востока оно продолжало существовать почти в тех же формах вплоть до капиталистической эпохи. И поскольку вариации социально-экономического развития не могли не наложить отпечаток на развитие этнических общностей, ниже мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых типичных случаев.

Анализируя изменение основных элементов этнической общности в раннеклассовых формациях, нельзя не заметить повсеместное ослабление их по сравнению с племенем. Языковая общность новых социальных коллективов, даже если они создаются на базе союзов (групп) родственных племен, очень слаба; разговорный язык делится на ряд диалектов, нередко значительно отличающихся друг от друга. Правда, во многих обществах (Египет, Финикия и др.) появляется письменность, но даже если она создается на фонетической, а не на идеографической основе, нивелирующее влияние ее на разговорную речь из-за почти сплошной неграмотности было ничтожно. Положение мало изменилось и в средние века, так как начавшее распространяться образование основывалось обычно на языках, чуждых населению (латинском в Европе, арабском в мусульманских странах). В ряде случаев диалектальные различия внутри начавшейся когда-то слагаться общности даже увеличиваются под влиянием инонациональных образований, с которыми эта общность соприкасается или смешивается. Именно так произошло, по-видимому, с китайским языком при территориальном распространении китайцев из области их первоначального формирования в другие районы.

Материальная и духовная культура утрачивают прежнюю общность. Так называемые традиционные элементы культуры продолжают развиваться, передаваясь от родителей к детям и от соседа к соседу, но развитие их у разных групп людей одного и того же народа под влиянием классово-социальной дифференциации и имущественных различий, из-за разнообразия природных условий, в которых эти группы оказываются, идет по-разному. Огромное влияние на духовную культуру, особенно в средние века,

оказывает религия¹. Однако из-за несовпадения языковых и религиозных границ и по своей не «мирской» природе это влияние религии в то время чаще всего препятствовало, нежели способствовало, этническому объединению.

Сильно ослабевает и имевшаяся в тех или иных формах племенная экономическая общность, общность хозяйственных интересов соплеменников. Развитие хозяйственных связей в то время определялось главным образом не межрайонной специализацией, а внеэкономическими отношениями между высшими и низшими классами в государстве (сбор налога или дани и т. п.). Характеризуя социально-экономическое развитие населения раннесредневековой Европы, Ф. Энгельс пишет: «...Народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка удовлетворяла свои потребности собственным производством, а отдельные соседние марки производили к тому же почти в точности те же самые продукты... Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковые, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 496).

Этническое самосознание в раннеклассовых обществах было, как правило, весьма нечетливым; оно отеснялось на задний план религиозным самосознанием или близким к нему чувством преданности обожествленному монарху. Широко бытовало областное, «земляческое» самосознание, связанное с местностью или с принадлежностью к определенному феодалу (например, во Франции гасконцы, пикардийцы и т. п.). Возникавшие идеи общности людей, говорящих на одном языке, обычно топились в религиозных расприх и бесконечных столкновениях между феодалами. Французы-католики истребляли

¹ «Средние века, — пишет Ф. Энгельс, — присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было общественные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 314).

французов-протестантов (гугенотов), вынуждая тех искать помощь у протестантов Англии; в то же время немцы-католики, теснимые немцами-протестантами, заключали союзы с католиками Франции и т. д.¹

В целом рабовладельческая и феодальная эпохи представляются в этническом отношении довольно неопределенными, хотя именно бурные события тех столетий, связанные с возникновением и распадом государств и племенных союзов, массовыми передвижениями и смешениями разноразличных групп населения, создали базу для сложения многих существующих ныне народов. Этническая неопределенность этого периода, когда прежние племенные связи были утрачены, а новые — национальные — еще не сложились, весьма затрудняет выделение в нем какого-то единого типа этнической общности, таксономически равного племени или нации. Не случайно, что у классиков марксизма-ленинизма, в частности у Ф. Энгельса, детально рассмотревшего основные стадии развития некоторых народов Европы от родо-племенной общности до нации, нет понятия адекватного бытующему ныне понятию «народность»². Как уже отмечалось выше, такого понятия не было в советской науке 1920—1940-х годов, нет его и в современной зарубежной науке³.

¹ П. И. Кушнер, обратив внимание на нечетливость этнического самосознания в феодальную эпоху, в частности на его отеснение религиозным самосознанием, пишет: «„Католики“ и „еретики“, „православные“ и „язычники“, „мусульмане“ и „неверные“ — вот по какому принципу делилось современниками население многих стран. Альбигойцы, гугеноты, богомилы — или иниты, суфии и т. д. представляли собой, конечно, не этнические объединения, но членов каждой из этих сект связывали, кроме общего мировоззрения, многочисленные общие интересы — экономические и политические» (Кушнер, 1951, стр. 46—47).

² Так, Ф. Энгельс, характеризуя процесс социально-этнического и политического развития народов Европы и игнорируя эту промежуточную стадию этнической общности, писал, например: «Самыми крупными общественными группировками, которых достигла античность, были племя и союз родственных племен; у варваров в основе их организации лежали родовые связи, у осваивавших города греков и италиков — полис, охватывающий одно или несколько родственных племен. Филипп и Александр придали эллинизму полуострову политическое единство, но этим еще не была создана греческая нация. Нации стали возможны только в результате падения римского мирового господства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 482).

³ Насколько можно судить по имеющейся литературе, внедрение в научный обиход понятия «народность» началось в основном

Контуры этнических образований, возникавших в древности и в средние века, определялись главным образом соотношением государственного, языкового и религиозного факторов. В случае, когда эти факторы более или менее совпадали, как было, например, в древности у основных народов Египта и Иудеи или в средние века в Польше и в Московской Руси, складывавшиеся там этнические общности выступают достаточно четко. Они могут характеризоваться общностью языка и территории, некоторыми возникшими в государстве хозяйственными связями и определенной культурной спецификой, т. е. примерно теми же элементами, что и национальная общность.

В настоящее время большинство исследователей докапиталистических формаций признают важную роль государства в формировании и существовании народов того времени, прилагая сам термин «народность» обычно только к тем этническим общностям, которые имели свои государства. Роль государства особенно заметна в случае, когда народность формируется из разнородных этнических компонентов, языково-культурное слияние которых возможно только при условии длительной совместной жизни их в одном государстве. Утрата своего государства резко замедляет развитие народности и нередко приводит к ее распаду. В случае несовпадения языка и государственности вопрос о существовании единой этнической общности почти всегда спорен. И не удивительно, например, что одни исследователи, отдавая предпочтение политико-хозяйственному принципу, выделяют на основе самостоятельных, часто враждовавших древнегреческих полисов афинскую, спартанскую и другие «народности», а на основе феодальных государств Германии — баварскую, гессенскую и другие «народности» (Лашук, 1967); другие исследователи, исходя из языково-культурного принципа, столь же «обоснованно» конструируют единую эллинскую и единую немецкую «народность» (Колесницкий, 1963). В некоторых случаях проблема существования единой народности связана с резким классово-социальным делением общества; неясно, например, могут ли быть вклю-

чены в формирующуюся в Древнем Риме этническую общность многочисленные рабы, составлявшие там важную производительную силу, но в правовом, а нередко и в языково-культурном отношении стоявшие вне общества римских граждан.

Проблемы развития этнических общностей в раннеклассовых формациях и типологизация этих общностей начинают привлекать все большее внимание исследователей, которые вносят те или иные коррективы в прежнюю схему «племя — народность — нация». Л. П. Лашук, рассмотрев формы донациональных этнических связей, пришел к заключению, что «между племенем и народностью существовали промежуточные этнические образования» (Лашук, 1967), однако анализ его положений затруднен недостаточной четкостью выводов. Тот же недостаток обнаруживается и в интересной статье В. А. Белявского «Этнос в древнем мире», где решительно утверждается, что «существующая классификация этносов — племя, народность, нация абсолютно не годится для древнего мира» (Белявский, 1967, стр. 37). Что же касается более четко сформулированных уже названных выше предложений С. А. Токарева, следует сказать, что попытка его расчленить существующее понятие народности на два — «демос» и «народность» скорее ухудшает, чем улучшает положение. Основная особенность «демоса» состоит, по С. А. Токареву, в том, что эта «этническая общность» охватывает лишь рабовладельческий класс (рабовладельцев-аристократов и потенциальных рабовладельцев — неимущих свободных). Приведенные С. А. Токаревым доказательства и особенно такое из них, как толкование термина «*Populus Romanus*», в чисто этническом смысле не являются убедительными¹, а выделенную им по социально-правовым признакам специфическую общность «рабовладельцев» вряд ли можно назвать этнической, а тем более «типом этнической общности». Совершенно иначе подходит

¹ Термин «*Populus Romanus*» имел этнический смысл лишь на первом этапе сложения Римского государства и лишь постольку, поскольку он отражал пережитки прежней племенной общности. В дальнейшем он применялся главным образом для обозначения людей, получивших права римских граждан. «Римское гражданство», замечает Ф. Энгельс, «не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 147).

лишь с 1950 г., после появления работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой имелся тезис о развитии языков племенных в языки народностей и языков народностей в национальные.

С. А. Токарев к анализу феодальной эпохи, выделяя в качестве базы этнической общности главные производящие классы — крестьян и горожан и исключая из нее господствующие классы¹. Но и это этническое разграничение классов представляется неоправданным, а выделенные «типичные народности», такие, например, как сложившиеся во Франции на базе мелких и средних феодальных владений пикардийцы, бургундцы, овернцы и т. п., весьма спорными. Конечно, внутри таких «народностей» можно обнаружить общность территории, языка и некоторых элементов культуры, но эта общность распространяется и за их пределы, охватывая несколько подобных «народностей». Что же касается хозяйственных и этнических связей, то они внутри таких «народностей» были обычно столь же малоразвитыми, как и вне их. По существу основная реальная связь, объединяющая членов таких «народностей» и одновременно обособляющая их от других «народностей», определяется их принадлежностью к определенному феодалу (исключенному С. А. Токаревым из данной общности), но нет никаких причин считать эту связь этнической.

Типология исторически складывающихся этнических общностей должна быть связана с типологией существующих ныне народов. Между тем некоторые исследователи отрывают одну проблему от другой: совершенно ясно, например, что предложенное понятие «демоса», в основе которого лежат особенности социальной структуры античного рабовладельческого общества, невозможно приложить к современности. Некоторые авторы пытаются рассмотреть эти проблемы в их совокупности, однако результаты пока нельзя считать успешными. Так, А. Г. Агаев, сделавший

¹ Попытка изобразить «демос» и «народность» как общности с противоположной социальной структурой представляется мало обоснованной. При всех известных различиях между рабовладельческими и феодальными способами производства они имели ведь и то весьма существенное общее, что система эксплуатации была основана на внеэкономическом принуждении. Условность грани между рабовладельческим и феодальным обществом становится особенно очевидной, если не ограничиваться европейскими примерами, а обратиться к восточным деспотиям (Древний Египет, Месопотамия, Индия, Китай и т. д.), экономическую основу которых и в «рабовладельческую», и в «феодальную» эпоху составляли свободные общинники.

попытку создать особую «теорию народности», вначале выводит понятие «народность» применительно к этническим общностям рабовладельческого и феодального обществ, охватив им столь типологически различные народы, как древние египтяне и средневековые итальянцы или, например, древние хетты и русские Петровской эпохи; перейдя к современности, он распространил это понятие уже на все, что не отвечает типичным признакам племени и нации. Под это понятие подведены, в частности, и малочисленные, территориально рассредоточенные народы, занимающиеся главным образом охотой, рыбной ловлей или кочевым животноводством (эскимосы, чукчи и т. п.), и крупные развитые в социально-экономическом отношении народы (уэльсы, бретонцы и т. п.) (Агаев, 1965). Неудача подобных попыток расширения и без того выскокого понятия «народности» говорит о необходимости отказа от такого обобщающего единого понятия и целесообразности выделения в интервале между племенем и нацией каких-то переходных типов (или подтипов) этнических общностей.

Правомерность выделения *нации* как особого типа этнической общности не вызывает, в отличие от выделения народности, особых сомнений, хотя распространенное определение нации на базе таких обязательных признаков, как общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, как было показано выше при анализе каждого из этих признаков, является неточным. В целом эти признаки более приложимы ко многим племенам, чем к ряду наций, члены которых говорят на сильно расходящихся диалектах, живут в сильном территориальном смещении и в тесной экономической общности с другими народами, причем по ряду причин, в частности из-за различных природных условий обитания и видов хозяйственной деятельности, из-за принадлежности к различным классово-профессиональным группам, они обычно не имеют ни общности психического склада (национального характера), ни общности материальной, а в капиталистическом обществе — и духовной культуры. Специфика нации по сравнению с племенем определяется уровнем ее социально-экономического и культурного развития, а также и тем, что ее внутренняя структура основана уже не на кровнородственном, а на социально-классовом

принципе¹. Важное значение приобретает и критерий численности. Средняя численность племен обычно составляет несколько сот или несколько тысяч человек; дальнейший рост племени обычно настолько усложняет его внутреннюю структуру, что для нормального существования оно вынуждено разделиться на две или больше частей. Нация — это не просто этническая общность, но *большая* этническая общность, численность которой измеряется обычно многими сотнями тысяч и даже миллионами людей, ибо только такие размеры могут обеспечить самостоятельное существование и развитие нации в условиях прогресса производительных сил и развернувшегося процесса разделения общественного труда.

От этнических общностей, стадially расположенных между племенем и нацией и условно объединяемых под названием «народностей», нация отличается прежде всего большей внутренней сплоченностью, сильно развитым этническим самосознанием — национальным чувством. В отличие от феодальной эпохи, когда правящие классы стояли в культурном, а в некоторых случаях даже в этническом отношении как бы вне основной массы населения, со вступлением в буржуазную, более демократическую эпоху — в период формирования наций — положение изменилось. Процесс национальной консолидации выражается не только в политическом, экономическом и языково-культурном сплочении населения, но и в том, что господствующие слои (особенно это показательно для дворян, так как буржуа сами были в основном выходцами из народных масс) начинают отождествлять себя с основной массой своего народа, разумеется преследуя при этом свои классовые интересы. Правящие классы, особенно буржуазия, стремятся представить себя «защитниками интересов нации», пытаются с помощью националистических лозунгов замаскировать растущий классовый антагонизм внутри нации и замаскировать эксплуатацию тру-

дящихся. Тем не менее это чисто внешнее и весьма противоречивое социально-классовое слияние нации играет определенную роль в становлении национального самосознания.

Кроме рассмотренной выше основной типологизации этнических общностей, могут быть использованы и другие способы типологизации. В частности, этнические общности, от племен до наций, существующие в настоящее время на земном шаре, можно сгруппировать по степени их социально-территориального или политико-территориального оформления: от родо-племенных общностей с печеткой племенной организацией (австралийцы, папуасы и др.) до наций, имеющих свои национальные государства (датчане, шведы и др.). Некоторые стороны вопроса о типологизации этнических общностей будут рассмотрены в третьей главе данной работы при анализе этнических процессов. Отметим лишь в заключение, что, по-видимому, любая попытка типологизации этнических общностей невозможна без допущения тех или иных исключений как из-за сложности самого классифицируемого явления, так и из-за существования групп людей, находящихся в этнически переходном состоянии.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА И ЭТНИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛИ

Полученное нами в предыдущем разделе определение понятия этнической общности может быть применено для различных целей, связанных с исследованием народов; в частности, оно будет использовано ниже при анализе этнических процессов (см. главу III). Но одно из главных назначений этого определения заключается в том, чтобы служить научным инструментом при определении численности народов, так как такая задача решается прежде всего путем выделения народов из общей массы населения с помощью тех или иных признаков (этнических определителей).

Источники, которыми приходится пользоваться при определении численности народов мира, можно объединить в три основные группы. В первую группу входят материалы переписей населения, содержащие прямые сведения об этнической принадлежности (национальности) или о языке (родной язык, разговорный язык и др.), а также

¹ Встречающиеся попытки установить различия нации и племени ссылками на то, что нация является категорией исторической, а племя — «этнографической», не выдерживают, конечно, критики. Мало помогает и ссылка на «устойчивость» нации; критерием устойчивости является прежде всего длительность существования, измеряемая у наций обычно десятками, иногда несколькими сотнями лет, а у племен — многими сотнями лет, если не тысячелетиями.

переписей, содержащих косвенные сведения о национальном составе населения (о происхождении, месторождении, подданстве, религии, расе). Ко второй группе относятся официальные материалы правительственных органов, международных организаций и учреждений, содержащие оценочные данные по национальному составу, неофициальные материалы различных учреждений, исчисления и оценки отдельных специалистов (этнографов, географов, демографов) и путешественников. Третью группу составляют текстовые и картографические материалы, не содержащие непосредственных цифровых данных (прямых или косвенных) о численности народов, но позволяющие дать приближенную оценку ее (при помощи сведений о расселении народов, плотности населения в связи с его хозяйственной деятельностью и т. д.).

При использовании всех этих источников их необходимо подвергать критическому анализу, в первую очередь с целью проверки правильности критериев, применяемых в них для выделения народов. Неправильное выделение народов, употребление термина «народ» для обозначения религиозных, расовых или этнографических групп какого-либо одного народа или, напротив, для обозначения целой группы самостоятельных народов встречается очень часто, особенно в зарубежной буржуазной литературе и статистике. Основной и наиболее надежной базой определения численности народов являются этностатистические материалы переписей и учетов населения; все остальные методы ее определения сводятся в конечном счете к оценкам, точность и достоверность которых всегда может вызвать сомнения.

Развитие переписей населения и этнической статистики

Останавливаясь на основных этапах истории переписей населения¹, отметим, что учет населения возник в глубокой древности в связи с военной и фискальной деятельностью раннеклассовых государств и задачами их административного устройства; ему подлежало прежде всего взрослое мужское население и единицы податного обложения (дом или «очаг», семья и т. п.); для определения

общей численности населения по таким данным употребляются различные коэффициенты пересчета. Еще в древнеиндийских законах Ману правителям предписывается учитывать жителей, чтобы узнать свои силы и определить налоги. Сохранились сведения об учетах населения в Египте начиная с эпохи Древнего царства (примерно за 3 тыс. лет до н. э.) и Месопотамии; материалами некоторых из них пользовался Геродот при описании этих стран. Книга Чисел Ветхого завета содержит исчисление еврейских воинов после исхода из Египта (XV в. до н. э.), однако точность этих данных, как и данных учета воинов Израиля, проведенного пять столетий спустя царем Давидом, весьма сомнительна. Имеются сведения об учете населения в древнем Китае и древней Японии, но точная датировка их не установлена. По своему характеру к такому учету населения стран Старого Света близок учет населения, проведенный в раннеабсолютных государствах Америки — Перу и Мексике — незадолго до прихода европейцев («The History of statistics», 1918).

В античных государствах Греции, в первую очередь в Афинах и Спарте, судя по сведениям древнегреческих писателей (данные Геродота и Фукидида о численности мужчин старше 18 лет в Афинах и т. п.), учет населения проводился довольно часто. В Риме, по преданию, он начался еще при Ромуле; Сервий Туллий (VI в. до н. э.) ввел периодический учет совершеннолетнего свободного населения; с 435 г. до н. э. эти учеты, так называемые цензы (от лат. census — исчисление), проводились регулярно через 5 лет, а с I в. до н. э. — через 10 лет. Каждый римский гражданин сообщал учетчику (цензору) свое имя, имя отца или патрона, местожительство, пол и возраст членов своей семьи и т. д.; рабы в первых цензах не учитывались, но затем стали включаться в сведения об имуществе. Цензы были распространены и на покоренные Римом страны; наиболее полный из них был проведен при императоре Августе незадолго до начала нашей эры.

В феодальную эпоху учет населения ослабевает и носит эпизодический характер. Одним из наиболее ранних его форм являются подробные описания имений Карла Великого — *Breviaria fiscalia* (начало IX в.), где были даны о населении, способном носить оружие. Часто такой учет был связан с какими-то чрезвычайными обстоятельствами (война, эпидемия и т. п.). Так, норманский король

¹ История переписей населения рассматривается в ряде специальных работ (Гозулов, 1936; Воблый и Пустоход, 1940, и др.).

Вильгельм I, завоевав Англию, провел в ней в 1086 г. учет населения, материалы которого известны под названием *Domesday Book*, или Книги страшного суда; второй, сравнительно полный учет населения (*Poll-tax*), был проведен в Англии в конце XIV в., после эпидемии чумы. Имеются сведения об учете населения монголо-татарами в захваченных ими областях; к числу их относится учет налогоплательщиков, проведенный в 1245 г. в киевских землях, в 1257 г. — в рязанских и в 1273 г. в части новгородской Руси. Под непосредственным влиянием монголо-татар в 1374—1376 гг. был проведен подробный учет населения в Китае. Преимущественно фискальный характер носил учет населения Дании (XIII в.), Франции (XIV—XVI вв.); при этом учитывалось лишь число хозяйств или домашних очагов.

В позднем средневековье учет населения распространился уже на многие страны Европы (Пруссию, Норвегию, Австрию, и др.) и стал более частым, но ни в одной стране не был полным. Вне учета обычно оставались привилегированные группы, в том числе духовенство, а иногда и женщины. К концу XVIII в. сравнительно надежные сведения об общей численности населения имелись лишь по нескольким странам Европы, в первую очередь по Швеции, где священниками был налажен текущий учет населения (регистрация крещений, погребений и т. п.). Колонизация европейцами стран Америки сопровождалась проведением в некоторых из них учета населения; в испанских владениях такой учет был проведен в XVI—начале XVII в.; в отдельных северо-американских колониях — в XVII—XVIII вв. Данные этого учета, особенно учета рабов-негров, не отличаются точностью, а индейцы, как правило, не учитывались вообще. В XVII—XVIII вв. проводился учет населения в некоторых провинциях Китая; в 1721 г. в Японии было учтено число семей (кроме самурайских) (Carr-Saunders, 1936). Начался учет населения в некоторых районах английских колоний (Цейлон — 1652 г., Бомбей — 1716 и т. д.).

Развитие капитализма, перестройка финансовой системы и территориальное разделение труда, упорядочение административного устройства и централизация государственной власти, введение всеобщей воинской повинности и другие мероприятия капиталистических государств требовали подробных статистических данных

о населении. Подобные данные могла дать только всеобщая перепись населения с широкой программой вопросов, осуществленная в короткий срок с приведением результатов на определенную дату (так называемый критический момент). Начало таким современным по своему типу переписям было положено в 1790 г. переписью населения североамериканских штатов, повторяющейся с тех пор каждые 10 лет; за ней последовали переписи в ряде стран Европы: Швеции (1800 г.), Англии, Шотландии, Франции, Дании и Норвегии (1801 г.), Австрии (1818 г.) и т. д. Качество первых переписей было невысоким; во Франции надежные результаты дала лишь перепись населения 1836 г., в Англии и Шотландии — 1841 г., для проведения и обработки которой был создан специальный статистический аппарат, введена система формуляров, заполняемых опрашиваемыми, и т. п. («The History of statistics», 1918); позднее такая практика учета стала применяться в других странах. Видную роль в улучшении института переписей сыграл Первый международный конгресс 1853 г. в Брюсселе и особенно конгресс 1872 г. в Петербурге, на котором была установлена минимальная программа переписей населения и ряд организационных принципов их проведения («The study of Population», 1959, p. 330—335).

Начало статистического учета населения Московской Руси было положено в XV в. так называемыми писцовыми книгами, составление которых было связано с обложением тяглого населения. В XVI в. писцовые книги уступают место переписным книгам, состоявшим на основе подворных переписей; наиболее ценными из них являются переписи 1646 и 1678 гг., которые впервые учли число дворов по всему Московскому государству; довольно подробной была и проведенная при Петре I перепись 1710 г. Переход от подворной к подушной подати потребовал введения новой формы учета населения, так называемых ревизий (проверка подаваемых «сказок» о числе мужчин в каждом населенном пункте). Первая такая ревизия была проведена в 1722 г., за ней последовали ревизии 1742, 1762 гг. и др. Последние две ревизии, 1851 и 1858 гг., учитывали не только мужчин, но и женщин, а также людей, принадлежащих к неподатным сословиям (духовенство и др.), однако точность их была еще невысока. Первая всеобщая перепись насе-

ления России была проведена в 1897 г.; вслед за ней, уже в годы Советской власти, последовали переписи 1920 г. (неполная), 1926, 1939 и 1959 гг.

Доля населения мира, охваченного статистическим учетом, быстро возрастала: в начале XX в. переписями были охвачены страны, где проживало около 52% населения мира, в начале 1930-х годов — 74%, а в начале 1950-х годов — свыше 98%. Этот рост связан главным образом с проведением переписей населения в ряде стран Азии (в том числе в 1953 г. в Китае) и во многих странах Африки, где переписи ранее не проводились совсем или охватывали лишь небольшую часть населения (обычно лишь европейцев). До сих пор не было переписей населения в Афганистане, Эфиопии и ряде стран Аравийского полуострова.

Время проведения переписей населения и их программа (кроме некоторых обязательных вопросов — о поле, возрасте, семейном положении и др.) в различных странах мира отличается большим разнообразием. Заметна тенденция проводить переписи каждые 10 лет в год, оканчивающийся на 0 или на 1. Однако равномерность проведения переписей далеко не всегда соблюдается; в некоторых странах последние всеобщие переписи были проведены очень давно (в Бирме — в 1931 г., в Лаосе — в 1936 г. и т. д.). Довольно неодинакова и точность переписей. В ряде стран мира (особенно в отсталых районах) переписи недоучитывают часть населения (уклоняющегося от учета из-за боязни новых налогов и т. п.) или дают неточные сведения по некоторым показателям, например о возрасте.

Классики марксизма-ленинизма, широко пользовавшиеся материалами переписей населения, постоянно подчеркивали необходимость их критического анализа, особенно в части социальных показателей, и сами дали ряд примеров обработки статистических материалов (см. Малый, 1963).

Несмотря на то, что подавляющее большинство населения мира охвачено переписями, далеко не все страны включили в задачу своих переписей определение этнической принадлежности, национального состава. В ряде стран отсутствие этого показателя в переписи было обусловлено сравнительной однородностью этнического состава, при которой вопрос о национальной принадлежно-

сти или языке не имеет существенного значения (например, для таких стран Европы, как Португалия или Исландия). Однако во многих других случаях это вызвано стремлением правящих кругов затушевать факт наличия национальных меньшинств и связанных с ним национальных проблем и представить свою страну монолитной в национальном отношении (например, Испания, Турция и др.). Следует учесть также, что в капиталистических странах вопрос о национальной принадлежности населения (как и вопрос о классово-социальной принадлежности) часто ставится в неточном и даже искаженном виде¹.

В качестве этнических определителей при статистическом учете населения могут быть использованы почти все основные элементы, введенные нами в понятие этнической общности: этническое самосознание (вопрос о национальности, этнической принадлежности и т. п.), язык (вопрос о родном и материнском языке, языке в быту и др.), территория (вопрос о стране или о месте рождения), социально-политическая организация (вопрос о подданстве или гражданстве), а также раса и религия, хотя значение каждого из этих элементов в данном отношении далеко не одинаково. Основными этническими

¹ Исторически сложившиеся этнические общности — народы — в подавляющем большинстве случаев вообще не нашли своего адекватного выражения в принятой в таких странах статистической терминологии. Чаще всего встречающийся в англоязычной и французоязычной статистической литературе термин *race* применяется для обозначения одновременно расовых типов, племенных общностей, а иногда и этнической принадлежности тех или иных групп населения; несколько более точен в этом отношении термин *tribe*, который применяется в переписях некоторых стран Азии и Африки, главным образом для обозначения племенной принадлежности. Применяемый в литературе термин «меньшинство» (*minority*, *minorité*) обозначает как национальные, так и религиозные, а иногда расовые и другие меньшинства; термин «национальность» (*nationality*), как уже отмечалось выше, в статистике служит, как правило, только для обозначения подданства; в научной литературе он иногда применяется и в более широком, но весьма расплывчатом смысле. Наиболее близко к нашему понятию национальной принадлежности населения стоит термин «этническая национальность» (*ethnic nationality*), применяющийся в некоторых изданиях международных организаций наряду с термином *legal nationality*, служащим для обозначения подданства («World statistics...», 1936). В переписях населения эти последние термины, как и термин «народ» (*people*), почти не применяются.

определителями являются этническое самосознание и родной язык.

Этническая статистика имеет сравнительно недавнее происхождение; она начала развиваться лишь с середины XIX в., причем в первое время, в связи с неопределенностью понятия этнической (национальной) принадлежности, она заменялась главным образом учетом языкового и религиозного состава населения. Первыми странами, применившими сплошной учет этнического состава населения, были многонациональные государства Европы — Бельгия и Швейцария. Программа переписи населения Бельгии еще в 1846 г. включила вопрос о наиболее употребляемом разговорном языке, а в 1856 г. — вопрос о знании основных языков страны (французского, фламандского и немецкого); перепись 1850 г. Швейцарии учитывала основной разговорный язык и религию. Первая перепись населения Пруссии, проведенная в 1856—1861 гг., включала вопрос о родном (материнском) языке (*Muttersprache*), первые переписи Греции (1856 г.) и Австро-Венгрии (1857 г.) учитывали лишь религиозный состав, однако впоследствии (в конце XIX в.) в их программы был включен и вопрос о языке. В Италии учет разговорного языка («язык в быту») был введен в общинах с неитальянским населением в 1861 г. (Кушнер, 1951, стр. 40—41). Из внеевропейских стран во второй половине XIX в. учет этнического состава населения ввели Соединенные Штаты Америки (с 1850 г. — вопрос о стране происхождения иммигрантов и их детей, с 1880 г. в некоторых переписях — вопрос о языке), Канада (с 1871 г. — вопрос о родном языке и о происхождении по отцу), Индия и Бирма (с 1871 г. — вопрос о родном языке и о племенной и кастовой принадлежности), Цейлон и др.

Некоторая ясность в вопросе о том, каким образом следует определять национальную принадлежность при проведении переписей населения, была внесена работой Петербургского международного статистического конгресса 1872 г. Именно здесь впервые была достаточно отчетливо выражена мысль о том, что национальная принадлежность не тождественна языковой и государственной принадлежности и что определение национальной принадлежности должно основываться прежде всего на самосознании опрашиваемого. К сожалению, рекомендации

этого конгресса долго не претворялись в жизнь. Страны, которые уже ввели в практику своих переписей вопрос о языке, в дальнейшем им и ограничивались, тем более что некоторые видные статистики того времени, в первую очередь немецкий ученый Р. Бэк, доказывали, что именно родной (материнский) язык является лучшим этническим определителем (Кушнер, 1951, стр. 57). Примеру таких стран следовали и другие; так, первая всеобщая перепись населения России 1897 г. включала в свою программу учет не национальности, а родного языка населения. По существу идеи Петербургского конгресса были практически проведены в жизнь лишь после первой мировой войны, когда в переписи населения Советской России (1920 и 1926 гг.), Венгрии (1920 и 1930 гг.), Румынии (1930 г.), а затем и ряда других стран мира был включен вопрос о национальности (народности) либо в сочетании с вопросом о родном языке, либо как единственный этнический вопрос.

Характеризуя в целом этностатистическую изученность мира, можно отнести к странам, переписи которых учитывали в той или иной форме этническую (национальную) принадлежность всего населения или значительной части его, в *Европе*: Албанию, Болгарию, Венгрию, Польшу, Румынию, Чехословакию, Югославию; в *Азии*: Бирму, Демократическую Республику Вьетнам, Индонезию, Кипр, Китай, Малайзию (Малайя, Саравак, Бруней и Сабах), Монголию, Таиланд, Филиппины, Цейлон; в *Африке*: Верхнюю Вольту, Гапу, Гвинею, Кению, о-в Маврикий, Марокко, Сенегал, Танзанию (Танганьика), Того, Уганду; в *Америке*: Барбадос, Канаду, Кубу, Ямайку; в *Океании*: Гавайи, Новую Гвинею, Фиджи, Брит. Соломоновы острова¹. В некоторых областях (осо-

¹ Этот обзор составлен главным образом по данным демографических ежегодников ООН («Demographic Yearbook», 1956, 1964), публикующих материалы переписей населения, и книги «Численность и расселение народов мира» (1962), содержащей наиболее полную сводку этностатистических материалов по странам мира. Среди прошлых изданий, посвящих, как правило, частный характер, следует назвать сводную работу В. Винклера «Статистический справочник европейских национальностей» (Winkler, 1931). Нельзя не упомянуть и «Географо-статистические таблицы» О. Гюбнера (Hübner, 1916), сводными этностатистическими материалами которых широко пользовался В. И. Ленин в работе над уже упомянутой статьей «Статистика и социология».

бенно в Африке южнее Сахары), где национальный вопрос стоит очень остро, а страны имеют, как правило, очень сложный этнический состав населения, заметна тенденция к расширению этнической статистики, в других областях — к ее сокращению. Так, например, Чехословакия и Венгрия в своих последних переписях населения не учитывали национальной принадлежности.

Программы конкретных переписей населения различных стран мира и содержание имеющихся в них вопросов о национальной (этнической) принадлежности населения отличаются большим разнообразием. К числу таких вопросов относятся: прямой вопрос о «национальности» (например, в переписях Югославии 1948, 1953 и 1961 гг., Болгарии 1926, 1946 и 1956 гг. и др.), вопрос об «этнической национальности» (Румыния 1930 г.), «этнической принадлежности» (Гана 1960 г., Того 1958—1960 гг.), «этническом» или «расовом» происхождении (Канада с 1871 до 1961 г. каждые 10 лет), «племенной принадлежности» (Гвинея 1955 г., Кения 1962 г. и др.), а также вопросы о «расе» («гасе») в этническом значении этого термина. Конкретное содержание вопросов нередко расходится с общепринятой терминологией. Так, перепись населения Туниса 1956 г., поставившая одной из своих задач определение «этнической национальности», вложила в этот вопрос преимущественно религиозный смысл, выделив европейцев, евреев, мусульман Туниса и мусульман других стран. Напротив, перепись 1960 г. в Сараваке, содержавшая вопрос о «расе», фактически учитывала этническую принадлежность.

В советских переписях населения при принципиальном общем подходе к определению национальной принадлежности формулировка этого вопроса, а также пояснение его цели и содержание в программах и инструкциях переписей также не были единообразными. В переписном листе переписи населения 1920 г. стоял вопрос: «К какой национальности себя относит», а в инструкционных указаниях давалось определение национальности: «Под национальностью понимается группа населения, объединенная общностью национального самосознания, так что национальность не смешивается с гражданством (подданством)». Не останавливаясь на некоторой схематичности и неточности этой по существу первой в мировой практике переписей населения по-

пытке раскрыть содержание «национальности», отметим, что в переписи 1926 г. этот вопрос был разработан более правильно и обстоятельно.

Вопрос о национальности в переписном листе переписи 1926 г. был заменен вопросом о народности, как более понятным для широких масс населения и во всяком случае не столь ассоциируемым с термином «нация», под который подходит лишь часть народов СССР. В наставлении к заполнению ответа на этот вопрос говорилось: «Здесь отмечается, к какой народности причисляет себя отвечающий. В случае, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на вопрос... не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о народности может и не совпадать с ответом на вопрос о родном языке». В инструкции к переписи говорилось также, что «определение народности предоставлено самому опрашиваемому и при записи не следует переделывать показаний опрашиваемого. Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят».

Некоторое изменение установок переписи 1926 г. по сравнению с 1920 г. привело к изменению и полученных результатов. К сожалению, мы не имеем возможности сопоставить полный список этнических общностей, отраженных переписями 1920 и 1926 гг., так как первая из них не охватила ряда областей страны, но там, где это сопоставление возможно, можно установить, что перепись 1926 г. дала более полную и, несомненно, более правильную картину национального (этнического) состава населения. А. И. Гозулов, рассмотрев этот вопрос, отметил, что по существу только из-за изменения установок переписи количество украинцев в Северо-Кавказском крае возросло с 11—12% в 1920 г. до 23% в 1926 г. (Гозулов, 1939, стр. 117).

Переписи 1939 и 1959 гг. возвратились к вопросу о «национальности». Инструкция переписи 1939 г. ограничивалась замечанием, «что в переписных бланках необходимо записывать национальность, к которой причисляет

себя сам опрашиваемый». В инструкции переписи 1959 г. говорилось, что в ответ на этот вопрос записывается «национальность, которую указывает сам опрашиваемый». Национальность детей при переписи определялась родителями, причем в семьях, где отец и мать принадлежали к разным национальностям и родители сами затруднялись определить национальность детей, предпочтение, по инструкции, отдавалось национальности матери.

Среди вопросов о языке, применяемых в переписях населения, на первое место по своему значению для этнической статистики должен быть поставлен вопрос о «родном языке» или по существу совпадающие с ним вопросы о «материнском», «отцовском» языке, «языке колыбели» и т. д. Довольно часто в переписях населения применяются другие вопросы, в том числе вопрос о разговорном языке. Разговорный язык в меньшей степени связан с понятием о национальности, так как подвержен быстрым изменениям. Применение показателя разговорного языка как такового может привести к резкому преувеличению численности основного или господствующего народа страны, языком которого пользуются при общении другие национальности. Менее уязвим в этом отношении вопрос о «языке в быту» («обиходном языке»), который отражает язык, употребляемый в семье, и занимает как бы промежуточное положение между вопросом о «родном» и «разговорном» языках.

Четкой грани между перечисленными вопросами о родном и разговорном языке не существует; содержание их в конкретных переписях, как и вопросов о национальности (этнической принадлежности), отличается большим разнообразием, даже при внешнем терминологическом сходстве. Так, вопрос о родном языке во всех советских переписях населения формулировался идентично («родной язык»), но в инструкциях толковался по-разному. При производстве переписи 1920 г. под родным языком понимался тот язык, на котором говорит семья опрашиваемого (а в многонациональных семьях — мать). Совершенно ясно, что подобное толкование, весьма близкое к понятию «языка в быту», не вполне подходит для определения родного языка у взрослых членов семей, которые в быту могут говорить на другом языке, чем тот, которым они пользовались в раннем детстве. Такая перемена языка обычно связана с жизнью в инонациональной

среде и с основным языком школьного образования. Инструкция переписи 1926 г. ушла еще дальше от сущности родного языка, признав им язык, «которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит», т. е. так называемый «основной разговорный язык». Примерно так же раскрывалось содержание вопроса о языке и в инструкции переписи 1959 г. Это не значит, конечно, что переписи 1926 и 1959 гг. учитывали основной разговорный язык; при ответе на вопрос о «родном языке» многие люди, не знакомые с инструкционными указаниями, могли автоматически повторить название своей национальности, хотя они уже забыли этот язык и не пользуются им в быту.

Вторая группа языковых вопросов направлена на учет знания основных языков страны (например, в переписях Бельгии — знание французского, фламандского и немецкого языка) или каких-то других определенных языков. Значительную этностатистическую ценность представляют случаи учета языка национальных меньшинств (в переписях Великобритании с 1881 г. знание уэльского языка в Уэльсе и гэльского в Шотландии, в переписи Франции 1946 г. — знание местных диалектов немецкого языка в трех восточных департаментах и т. д.). В большинстве случаев знание таких языков обнаруживается только у представителей соответствующих народов и свидетельствует о сохранении ими прежних этнических связей. То же самое относится и к знанию индейских языков в американских странах. При наличии данных о двуязычии почти всегда знание неосновного языка государства говорит о принадлежности опрашиваемого к тому или иному национальному меньшинству.

Грань между вопросами первой и второй группы также довольно условна; некоторые переписи населения, учитывавшие знание языков, по существу учитывали языки в быту. С этой оговоркой к первой группе могут быть отнесены некоторые переписи населения в странах *Европы*: Австрии, Бельгии, Венгрии, Греции, Италии, Норвегии, Польше, Румынии, Финляндии, Швейцарии, Югославии; *Азии* — Бирме, Израиле, Индии, Ираке, Кипре, Малае, Пакистане, Турции, Филиппинах; *Африки*: Алжире, Басутоленде (Лесото), Бечуаналенде (Ботсвана), Судане, Танзании (неафриканское население); *Америки*: Боливии, Бразилии, Гватемале, Доминиканской респуб-

лике, Канаде, Коста-Рике, Никарагуа, Перу, США. Ко второй группе могут быть отнесены переписи в странах *Европы*: Бельгии; *Азии*: Адене, Иране, Малайи, Таиланде, Цейлоне; *Африки*: Свазиленде, Уганде, ЮАР и Юго-Западной Африке; *Америки*: Гватемале, Мексике, Панаме, Парагвае, Пуэрто-Рико, Эквадоре. Переписи в некоторых странах мира содержат два вопроса о языке. Так, в Бельгии, кроме знания главных языков страны, с 1910 г. учитывался основной разговорный язык; на Филиппинах в 1960 г. — родной язык и знание основных языков страны: испанского, английского и тагальского; в Канаде — родной язык и знание английского и французского языка и т. д.¹

Национальность и родной язык

Проблема соотношения национальности (этнической принадлежности) и родного языка², как основных этнических определителей, и сравнительного значения их привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей³. Несомненно, что язык является одним из важнейших признаков этнической общности; название языка чаще всего совпадает с названием всего народа. Большим до-

¹ При обзоре языковой статистики, кроме основных источников, указанных в примечании на стр. 77, использован «Справочник по методам переписей населения ООН» («Handbook of Population...», 1954). Среди частных работ можно назвать книгу С. Рандли «Язык как социальный и политический фактор в Европе» (Rundle, 1946), содержащую сводку языково-статистических материалов.

² Следует сказать, что утвердившийся в нашей литературе и статистике термин «родной язык» не вполне точен уже по той простой причине, что новорожденные не умеют говорить. Их первыми языковыми учителями обычно бывают матери, поэтому применяемый в переписях ряда стран мира вопрос о «материнском языке» представляется более уместным. Однако более точное толкование «родного языка» определяется понятием «языка колыбели» (или «языка раннего детства»), т. е. языка начального этапа жизни человека; этот язык иногда, в частности если ребенок воспитывается не матерью, может и не совпасть с «материнским языком».

³ Этой проблеме уделено большое внимание в работе П. И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы» (1951); отдельные стороны ее рассмотрены в статьях З. Е. Чернякова (1936), П. Е. Терлецкого (1949), С. И. Брука и В. И. Козлова (1967).

стоинством признака языка является его объективность, сравнительная легкость учета и контроля. Поэтому некоторые ученые еще во второй половине XIX в., как уже отмечалось выше, считали родной (материнский) язык лучшим этническим определителем национального состава населения.

Однако, говоря о некоторых достоинствах языкового определителя, необходимо отметить и его ограниченность, обусловленную тем, что язык является хотя и очень важным, но лишь одним из элементов этнической общности. нередки случаи, когда несколько народов говорят на одном и том же языке. Житель Великобритании, показавший своим родным языком английский, мог бы оказаться как англичанином, так и шотландцем, ольстерцем, уэльсцем (валлийцем); уроженец Южной Америки с родным испанским языком может оказаться аргентинцем, чилийцем, уругвайцем и т. п. Особенно сложно применение признака языка в странах иммиграции; житель США, признавший родным языком немецкий, мог быть выходцем из Германии, Австрии, Швейцарии и т. п. Несовпадение языковой и этнической принадлежности часто связано с распространенной во многих странах мира языковой ассимиляцией — случаями перехода групп национальных меньшинств той или иной страны на язык другой, обычно более крупной и развитой нации, с сохранением, однако, прежнего этнического (национального) самосознания. Известно, в частности, что почти 12 млн. жителей СССР, по переписи населения 1959 г., показали своим родным языком язык другого народа (преимущественно это случаи перехода на русский язык живущих на территории РСФСР разобщенных групп украинцев, белорусов, евреев и других народов). Языковая ассимиляция очень широко развита в основных странах иммиграции — США, Канаде и др.

В научно поставленной этнической статистике, в частности в СССР, при определении национальной (этнической) принадлежности населения предпочтение отдается не языку, а национальному (этническому) самосознанию опрашиваемых лиц. Ответ на вопрос о национальной принадлежности, в отличие от ответа о родном языке, является, если можно так выразиться, синтезом всех элементов, образующих этническую общность, преломленных в самосознании опрашиваемого, выражением этнической

связи данного лица с другими людьми — связи, без которой не мыслится само существование народа.

Отдельные исследователи, отмечая важность показателя национальности в статистике населения, вместе с тем указывают и на его некоторую «ограниченность» и «субъективность». Так, П. И. Кушнер пишет, что «для правильного ответа на вопрос о национальности необходимы следующие основные условия, которые устанавливаются логически: 1) отчетливое представление опрашиваемого о характере его этнической общности с другими людьми, т. е. наличие развитого национального самосознания, и 2) возможность открыто и свободно высказать свое убеждение об этом» (П. И. Кушнер, 1951, стр. 42). И дальше, рассматривая процесс развития этнических общностей в странах Европы, П. И. Кушнер отмечает ряд случаев, когда в связи с недостаточной развитостью национального самосознания оно подменялось сознанием религиозной или государственной принадлежности¹, а также указывает ряд политических, моральных и экономических препятствий свободному выявлению национального самосознания. «Отсюда можно сделать вывод, — заключает он, — что в капиталистическом обществе свободное выявление национального самосознания сопряжено с такими трудностями для представителей «неполноправных» народностей и этнических групп, что пользоваться национальным самосознанием как основным этническим определителем при народных переписях и массовых опросах было бы крайне опрометчиво. Поэтому употребляющийся в европейских переписях второй этнический определитель — родной язык — при всех его недостатках, все же является наименьшим злом» (там же, стр. 56).

Кратко рассмотрим высказанные П. И. Кушнером доводы. Начнем с того, что на земном шаре действительно существовали и существуют группы людей, не имеющих четкого национального или, говоря шире, этнического самосознания. Исторически появление таких групп было связано с разложением первобытнообщинного

строения и утратой четкого племенного самосознания, возникновением новых типов этнических общностей, а также других видов общностей людей (государственных, религиозных и пр.) и соответствующих им новых форм общественного сознания, оказывающих огромное влияние на жизнь людей. Этническое самосознание кочевника-араба при общении с другим кочевником-арабом выразится прежде всего в указании им своего рода и племени, при общении с европейцем — в указании религиозной принадлежности — «мусульманин», при общении с единоверцем из другой страны — в указании, что он араб, и т. п. При переселении в другую страну чувство принадлежности к своему народу нередко заменяется более общим чувством принадлежности к государству или даже к основному, обычно более крупному и развитому народу этого государства. Таким образом, находящийся вдали от родины бретонец может считать себя французом, белорус — русским, а телугу — «индийцем».

Отсутствие у отдельных групп людей отчетливо выраженного национального самосознания часто обусловлено изолированностью таких групп, их слабыми экономическими и культурными связями с центрами национальной консолидации, сравнительно низким уровнем социально-экономического развития¹. Такие группы населения обычно говорят на особых диалектах, их названия нередко отличаются от принятого названия языка, поэтому применение для определения их национальной принадлежности вопроса о родном языке не всегда вносит необходимую ясность. П. И. Кушнер в этой связи рекомендует принять другие признаки, в частности особенности материальной культуры, однако они мало подходят для массового статистического учета; в случае же частных обследований отнесение данной группы лиц к тому или иному народу может приобрести субъективный характер (исследователю предоставляется возможность самому выбирать признаки и давать им истолкование). Это не значит, ко-

¹ Так, например, в Польше во время переписи 1921 г. часть крестьян-белорусов Восточного воеводства на вопрос о национальной принадлежности отвечала: «тутейские» (местные), а поскольку они подразделяли себя на людей «с русской верой» и людей «с польской верой», то в конечном итоге белорусы-католики были отнесены к числу поляков (Кушнер, 1951, стр. 48).

¹ Показательна в этом отношении нечеткость этнического самосознания у некоторых групп оленеводческого населения Северо-Западной Якутии; в ходе развернувшейся по этому вопросу дискуссии было высказано мнение, что они являются якутами (Гурвич, 1950; Долгих, 1950), и мнение, что они являются эвенками (Терлецкий, 1951); последующие обследования показали правильность первой точки зрения.

нечно, что данные об особенностях культуры не могут быть в некоторых случаях, при специальных этнографических обследованиях, использованы как этнический определитель.

Во втором, очень часто встречающемся случае «нечеткость» национального самосознания связана с развитием этнических процессов, в частности ассимиляции, в результате чего в многонациональных странах и в странах иммиграции существуют большие группы людей, находящихся в переходном этническом состоянии. Такие процессы рассматриваются нами в III главе. Здесь же только отметим, что в очень сложном положении этнического самоопределения находится потомство от смешанных в национальном отношении браков. Поскольку, однако, подобные процессы обычно характеризуются сменой родного языка или его неопределенностью, применение признака родного языка становится чаще всего вообще невозможным.

Что же касается препятствий для свободного выявления национального самосознания, то следует учесть, что показатель языка в условиях национального гнета и национальных конфликтов приобретает не менее субъективный характер, чем самый признак национальности, а при ответе на вопрос о языке, как показывает практика некоторых переписей населения (например, в Турции), оказывается столь же сильное давление на опрашиваемых, как в других странах при ответе на вопрос о национальности. Нельзя забывать, что в условиях классового антагонистического общества данные по любому этническому показателю могут в ряде случаев подвергаться искажению, однако сопоставление материалов переписей в тех немногих капиталистических странах, где учитывались и национальность, и родной язык (перепись населения Румынии 1930 г. и др.), показывает, что прямой вопрос о национальной принадлежности может давать весьма надежные результаты и что, напротив, именно вопрос о языке является наиболее гибким, особенно легко поддающимся политическому, экономическому и моральному воздействию со стороны правящих классов (Терлецкий, 1949, стр. 146). Особенно легко фальсифицируются данные о близких языках; В. И. Ленин, проанализировав материалы учета национального состава населения Петербургского учебного округа (1911 г.), отметил, что примененный с этой целью

показатель родного языка по существу позволил чиновникам завысить число русских, присоединив к ним людей с малорусским и белорусским языком (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 195).

При установлении численности этнической общности нередко бывает трудно определить, является ли данная группа людей отдельным народом или она представляет собой часть народа (его этнографическую, религиозную или, например, расовую группу). Однако не меньшие трудности возникают при определении языковых групп из-за недостаточной четкости границы между языком и диалектом, т. е. местной разновидностью разговорного языка, возникшей в результате особенностей исторического существования той или иной части народа или в связи с языковыми особенностями влившихся в этот народ этнических компонентов.

Условность границы между языком и диалектом усиливается тем обстоятельством, что диалектальные различия внутри «единых» языков подчас оказываются сильнее, чем различия между многими «самостоятельными» языками. Так, например, различия между верхненемецкими и нижненемецкими диалектами немецкого языка сильнее, чем различия между нижненемецкими диалектами и диалектами голландского языка. Люди, говорящие на различных языках тюркской группы (татары, башкиры, казахи и др.), довольно свободно вступают в речевое общение друг с другом, между тем, как уже отмечалось, северные группы китайцев почти совершенно не понимают южнокитайские и восточнокитайские диалекты «единого» китайского языка. Решение вопроса о том, является ли данная языковая вариация самостоятельным языком или диалектом языка, нередко зависит не от лингвистических показателей, а от политических факторов. Примером этому являются споры в Лиге Наций (1925—1927 гг.) по вопросу о существовании македонского языка (Azcarate, 1945, стр. 4); в настоящее время в Болгарии он считается диалектом болгарского языка, в Югославии, где создана республика Македония, — самостоятельным языком, отличным от болгарского и сербско-хорватского.

Из сказанного следует, что показатель национальности является в большинстве случаев основным этническим определителем, по отношению к которому родной язык, а тем более другие показатели имеют подчиненное значе-

ние и могут применяться лишь для корректировки, когда показатель национальности (по указанным выше причинам) требует уточнения.

Другие этнические определители и источники

В большинстве стран мира в программах переписей населения имеется вопрос о подданстве или стране рождения; во многих случаях, например почти во всех странах Европы и Америки, ставятся оба эти вопроса. Показатели подданства и страны рождения довольно тесно связаны друг с другом, так как по законам многих стран все рожденные в данной стране считаются ее подданными. Однако обычно численность иностранцев по данным о стране рождения превышает численность их по подданству, так как в последнее число не входят натурализовавшиеся лица, т. е. лица, принявшие новое подданство. Бывает, однако, и обратное соотношение, хотя и очень редко: в странах, где натурализация ограничена или регламентирована жесткими правилами и поэтому не все уроженцы данной страны считаются ее подданными, численность иностранных подданных за счет детей, родившихся уже в новой стране обитания, может превышать число «рожденных за границей» («World statistics...», 1936).

Переписи населения в некоторых странах, учитывающие страну рождения и подданства, применяют обобщенные показатели, суммарно выделяя всех иностранно-подданных или всех родившихся за пределами данной страны. Это особенно характерно для государств Африки южнее Сахары, где к тому же принято применять такие вопросы лишь к европейскому по происхождению населению (например, перепись населения Камеруна 1957 г., Малави 1956 г.). Такую практику можно объяснить, по-видимому, все еще слабым представлением многих африканцев о подданстве или гражданстве, а иногда и о стране своего рождения.

Страна рождения и подданство тесно связаны с такими существенными элементами этнической общности, как территория и социально-политическая организация, и поэтому могут играть роль этнических определителей. Последнее облегчается тем, что многие страны мира имеют сравнительно однородный национальный состав населения.

Так, во всех странах Европы, кроме Югославии, Бельгии, Болгарии и Чехословакии, основной народ составляет более двух третей всего населения, а во многих странах (Австрия, Албания, Венгрия, ГДР, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Финляндия, ФРГ, Швеция) — более 90% населения. Довольно однороден и национальный состав населения многих стран Америки; в ряде их (Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гондурас, Доминиканская республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Парагвай, Пуэрто-Рико, Сальвадор, Чили, Ямайка) основной народ составляет более 90% всего населения. Большинство стран Азии и Африки имеет сложный национальный состав населения, однако и здесь также немало стран однородных в этническом отношении; к ним относятся прежде всего арабские страны Передней Азии и Северной Африки (Аден, Иордания, Йемен, Кувейт, Ливан, Оман, Саудовская Аравия, ОАР, Тунис), некоторые страны в восточной Азии (Корея, Япония) и Африки (Бурунди, Малагасийская республика, Руанда, Сомали) (см. «Население мира», 1965, стр. 259—382).

Данные о стране рождения, если они относились к выходцам из однонациональных стран, оказываются весьма ценными для выделения инонациональных групп населения в странах иммиграции: можно с полным основанием считать, что все (или за ничтожно малым исключением) уроженцы Португалии — португальцы, Дании — датчане, Японии — японцы и т. д. Однако подобные данные оказываются мало пригодными в случае происхождения пришлого населения из многонациональных государств: выходцы из Югославии могут быть и сербами, и хорватами, и словенцами; выходцы из Индии — тамилами, бенгальцами, маратхами и т. д. Существенную помощь при расчленении данных об уроженцах многонациональных стран оказывают сведения об основных районах выхода иммигрантов, а также проводимый в некоторых странах иммиграции (например, в США в 1899—1924 гг.) учет этнического состава иммигрантов («International migration», 1929). При отсутствии таких материалов приходится исходить из численного соотношения народов в многонациональных государствах, степени участия их в эмиграции и т. д. В качестве дополнительного материала к данным о подданстве привлекаются данные о натурализации (о принятии

иммигрантами подданства их новой страны обитания), так как натурализация далеко не всегда означает этническую ассимиляцию. В некоторых странах, например во Франции, вопрос о натурализации включен в программу переписей населения, в большинстве же случаев такие материалы могут быть получены по данным текущей статистики соответствующих государственных учреждений.

Несколько обособленное положение занимают материалы переписей населения США, учитывающих происхождение в двух последних поколениях, т. е. страну рождения самого опрашиваемого и страны рождения его родителей; в случае, если отец и мать родились в разных странах вне США, предпочтение отдается стране рождения матери. Таким образом, в отличие от практики переписей населения Канады, где учитывается этническое происхождение (по отцу), учет ведется здесь по государственному происхождению, однако и такие материалы оказываются весьма ценными для выделения неассимилированных групп иммигрантов и их потомков.

Проблемы, связанные с ассимиляцией иммигрантов и факторами, определяющими этот процесс, рассматриваются нами в III главе данной работы. Отметим здесь, что быстрота ассимиляционных процессов зависит от близости языка, культуры иммигрантов и коренных жителей, сохранения политических и культурных связей со страной происхождения, характера расселения в стране иммиграции (компактное или разбросанное расселение, городское или сельское), от расовых различий и ряда других факторов. Эти факторы оказывают влияние на распространенность смешанных браков, которые наиболее резко ломают прежние этнические связи, а также на степень усвоения иммигрантами и их детьми и внуками языка, обычаев и различных элементов культуры основного народа страны поселения. Изучение большого количества материалов и сопоставление различных показателей приводит, например, к выводу, что в англоязычных странах иммиграции — США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии — англичане, несомненно, ассимилируются быстрее, чем ирландцы или немцы, а последние — быстрее, чем различные славянские народы; почти не ассимилируются там японцы и китайцы. К неассимилировавшемуся англоязычному населению здесь можно отнести обычно лишь выходцев из других англоязычных стран (кроме Ирландии) в первом поколе-

нии. В то же время для других национальностей, труднее поддающихся ассимиляции, неассимилировавшимися, видимо, следует считать потомков иммигрантов во втором поколении, а нередко и в следующих.

Ответ на вопрос об использовании в этнической статистике показателя расы представляется довольно ясным. Расовая принадлежность не относится к числу прямых этнических определителей; исключением являются лишь те немногие случаи, когда этническая общность представляет собой особый расовый тип (саамы или лонари — лапонидный тип, айны — айнский тип и т. п.). Однако в действительности дело обстоит сложнее, так как учет расовой принадлежности в научном антропологическом понимании этого термина в статистике нигде не встречается. Наиболее антропологический уклон имеют переписи населения Бразилии, где население учитывается по цвету кожи, определяемой счетчиками «на глаз» («белые», «черные», «коричневые» и «желтые»); сходный смысл имел, например, и вопрос о расе, примененный в переписи населения Конго (Киншаса) в 1955—1957 гг., где выделялись «белые», «мулаты» и «азиаты».

В переписях населения других стран, в том числе и основных стран расовой дискриминации — ЮАР и США, вопрос о расе (гасе) в соответствии с содержанием этого термина, а нередко и в связи с расистской политикой толкуется не только в антропологическом, но и в этническом смысле. В США раса — это юридическое понятие, так как принадлежность к негритянской и индейской «расе» определяется правилами, установленными в каждом штате; в одних случаях негром считается каждый человек, имеющий $\frac{1}{8}$ «негритянской крови», в других — $\frac{1}{32}$ и т. д. Кроме того, в качестве особых «расовых» групп выделяются китайцы, японцы и в последних переписях — филиппинцы; на принадлежащей США Аляске, помимо индейцев и белых, выделяются эскимосы, а на Гавайских островах — белые («кавказонды»), японцы, китайцы, пуэрториканцы, корейцы, филиппинцы, гавайцы («чистые» и смешанные с другими народами) и другие группы.

Использование материалов переписей, содержащих данные о «расовой» принадлежности, для этнической статистики требует, как ясно из изложенного, в каждом конкретном случае индивидуального подхода. В одних случаях, как, например, в Бразилии, где к «желтым» относятся

главным образом японцы, такие данные могут быть непосредственно переведены в этнические, в других — это требует привлечения дополнительных материалов, а нередко и вообще невозможно.

Религиозная принадлежность учитывается переписями населения многих зарубежных стран, имеющих сложный религиозный состав населения, а также многих по существу однорелигиозных стран, например Португалией, Мексикой. Некоторые страны, среди них мусульманские государства Ближнего Востока — Иордания, Сирия и другие, полностью заменяют учет этноязыкового состава населения определением его религиозной принадлежности. В некоторых случаях переписи населения дают очень подробные сведения о религиозной принадлежности (в Австралии, например, по 22 религиозным группам, в Канаде — по 30 и т. д.). Однако переписи во многих других странах выделяют лишь основные религиозные системы: христианство, ислам, индуизм, конфуцианство, буддизм, иудаизм, а также анимистов и последователей племенных культов (Linfield, 1938).

Религиозная принадлежность совпадает с национальной лишь в тех сравнительно немногочисленных в современном мире случаях, когда церковь является национальной, возникшей среди определенного народа, оказавшей заметное влияние на формирование общего этнического самосознания и в дальнейшем ограничивающей свое влияние главным образом данным народом. Таким образом, религия может играть роль прямого этнического определителя при выделении в зарубежных странах евреев, исповедующих иудаизм, в некоторых случаях армян (армяно-грегорианская и армяно-католическая церковь), ассирийцев (несторианство) и др. Сравнение данных о религиозной принадлежности с данными о национальности евреев (например, перепись населения Румынии 1930 г.) показывает их большое совпадение. Численность же евреев по языку, если этот язык может служить этническим определителем (идиш, ладино), обычно намного меньше, чем численность по религии; это объясняется тем, что в условиях развития ассимиляционных процессов религия часто более устойчива, чем язык.

Данные о религиозной принадлежности при отсутствии других материалов оказываются весьма полезными для выделения и некоторых других народов и национальных

меньшинств, особенно при наличии подробных сведений по отдельным церквям, сектам и религиозным толкам. Так, например, люди, исповедующие конфуцианство в странах Юго-Восточной Азии, являются, как правило, китайскими иммигрантами и их потомками.

Мы уже отмечали, что этническая статистика — включение в программы переписей стран мира прямых вопросов о национальной (этнической) принадлежности или о языке, а также косвенных в данном отношении вопросов о месте рождения, религии и т. д. — имеет сравнительно недавнее происхождение. Однако материалы более ранних переписей и учетов населения нередко также содержат сведения, которые могут быть использованы для определения численности народов. Ограничиваясь примером России, отметим, что при проведении X ревизии (1857—1859 гг.) ее населения были собраны сведения (главным образом по материалам церковноприходского учета) о национальном составе каждого населенного пункта и опубликованы вместе со списками населенных мест. Значительную этностатистическую ценность представляют содержащиеся в ранее проведенных ревизиях, а также в писцовых и переписных книгах сведения о налоговом обложении, привязанные к этническим группам или позволяющие провести такую привязку¹.

Анализ материалов переписей населения и других этностатистических материалов² приводит к выводу, что да-

¹ Так, Б. О. Долгих в своем обстоятельном исследовании «Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в.» пользовался главным образом имеющимися в архивных документах данными о численности плательщиков ясака в каждой установленной им этнической общности. Поскольку учет охватывал лишь часть населения (в данном случае — трудоспособных мужчин с 15-летнего возраста), для определения общей численности народа им были применены коэффициенты пересчета 1×4 (Долгих, 1955).

² К материалам переписей населения ближе всего стоят официальные и полуофициальные статистические справочники по странам мира. В них, кроме материалов переписей населения, нередко печатаются данные текущего учета населения, материалы специальных экспедиционных обследований и другие материалы об этническом составе. Очень подробные данные имеются, например, в «газеттирах» по отдельным провинциям и округам Индии и Бирмы. Географические словари Ирана, Афганистана и некоторых других стран содержат данные об этническом составе каждого населенного пункта; довольно подробные сведения о численности и расселении многих индейских племен содержит бюлле-

же при наличии исчерпывающих данных по национальному составу и родному языку в некоторых случаях появляется необходимость в использовании дополнительных источников. Это связано как с сознательным или случайным искажением показателей национального состава, так и со сложностью выделения народов, динамичностью этнических показателей. Так, например, переписи населения отдельных африканских стран, в которых учитывалась этническая принадлежность (Нигерия, Уганда и др.), содержат очень дробные сведения о племенах, являющихся в действительности частями формирующихся крупных народов; материалы переписей Индии содержат данные о диалектальных группах, являющихся частями языково-этнических общностей, и т. д. Роль вспомогательных литературных материалов особенно велика при использовании косвенных показателей национальной (этнической) принадлежности, в частности данных о стране рождения или подданстве. В этих случаях, как уже отмечалось выше, приходится учитывать этнический облик тех или иных национальных групп, степень развития этнических процессов и ряд других факторов.

Существенную помощь в изучении этнического состава населения и определении численности народов оказывают лингвистические работы, которые дают возможность составить научно обоснованную классификацию народов. Подробное описание распространения тех или иных языков и диалектов позволяет уточнить численность и границы расселения отдельных народов¹. Кроме того, для

уточнения численности народов, особенно живущих в малоисследованных областях земного шара, могут быть использованы труды путешественников-этнографов и географов. Во многих таких работах содержится подробная характеристика народов с указанием их численности и размещения по населенным пунктам или мелким административным единицам; по некоторым районам со смешанным населением даются сведения о процентном соотношении отдельных народов и т. д.

За последнее десятилетие в СССР широко развернулись работы по этническому картографированию зарубежных стран. Начиная с 1956 г. вышли в свет карты народов Индостана, народов Китая, МНР и Кореи, народов Передней Азии, народов Индонезии, Малайи и Филиппин, народов Африки, а также обобщающая карта народов мира. Текстовые приложения к этим картам, а также сводный труд «Численность и расселение народов мира» содержат многочисленные примеры комплексного использования различных источников для определения численности народов¹.

тель Смитсоновского института о южноамериканских индейцах («Handbook of South American Indians») и т. д.

¹ Из числа общих лингвистических работ следует в первую очередь отметить труд коллектива авторов во главе с Мейе по языкам всего мира («Les langues du Monde», 1939—1961), Грирсона — по языкам Индии (Grierson, 1903—1928), Фишмана — по языкам групп населения США (Fishman, 1966). Особенно ценны в этностатистическом отношении лингвистические материалы, собранные по Африке. Они основываются на материалах экспедиционных обследований в разрезе мелких административных единиц и в значительной мере заменяют официальные переписи населения. В первую очередь необходимо отметить многотомную лингвистическую серию Международного Африканского института и публикации Французского института «Черной Африки» («Handbook of African Languages», «Mémoires et bulletins de l'Institut français d'Afrique Noire»).

¹ Б. В. Андрианов. Население Африки. М., 1960; М. И. Берзина, С. И. Брук. Население Индонезии, Малайи и Филиппин. М., 1962; С. И. Брук. Население Китая, МНР и Кореи. М., 1959; он же. Население Индокитая. М., 1959; он же. Население Передней Азии. М., 1960; он же. Население земного шара. М., 1961; он же. Основные проблемы этнической географии. М., 1964. В последние годы вышли этностатистические обзоры по странам Африки (Б. В. Андрианов. Население Африки. М., 1964) и Океании (П. И. Пучков. Население Океании. М., 1967).

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ТИПЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Естественное движение населения — основной фактор, определяющий динамику общей численности населения мира, и в большинстве случаев основной фактор, определяющий динамику численности отдельных народов, — характеризуется прежде всего двумя явлениями — рождаемостью и смертностью, разность количественных показателей которых дает естественный прирост (или убыль) населения¹.

Для анализа особенностей рождаемости и смертности у различных народов мира наиболее надежным базовым материалом являются статистические данные, разрабо-

¹ При изучении рождаемости и смертности с количественной стороны принято пользоваться так называемыми осредненными («грубыми») показателями, получающимися при отнесении общего числа рождений (или смертей) в течение одного года на каждую тысячу жителей страны, района или какой-то другой исследуемой группы населения (этнической, религиозной и т. п.). Для уточнения характеристики рождаемости применяют коэффициент плодovitости, представляющий собой отношение числа родившихся к средней численности женщин фертильного возраста (15—49 лет), а также коэффициенты повозрастной и брачной плодovitости; нередко с этой же целью (особенно для стран с неполной регистрацией рождений) применяется показатель детности — отношение числа детей до 5 лет к численности женщин фертильного возраста. Для детальной характеристики смертности обычно применяются коэффициенты повозрастной смертности, особое значение среди них имеет коэффициент детской смертности, получающийся при отнесении числа детей, умерших в возрасте до одного года, к общему числу детей, рожденных живыми. Со смертностью тесно связан часто применяемый в демографических и социологических исследованиях показатель продолжительности жизни. Показатели естественного движения населения принято выражать в промилях (‰), т. е. в отношении к каждой 1000 соответствующей группы населения.

танные в этническом разрезе, т. е. показатели естественного движения населения, определяемые для групп людей, имеющих одну и ту же национальную принадлежность. К сожалению, такие материалы в настоящее время встречаются очень редко даже в тех странах, где распространен учет национальной (этнической) принадлежности населения, и к тому же охватывают сравнительно небольшой исторический период.

Регистрация основных явлений естественного движения населения исторически началась с церковных записей обрядов крещений и погребений, поэтому в течение долгого времени показатели рождаемости и смертности привязывались не к этническим, а к религиозным общностям. Разработка демографических материалов по национальной (или языковой) принадлежности началась только лишь во второй половине XIX в. и носила эпизодический характер. Из числа немногих работ, посвященных этой тематике, следует отметить работу М. В. Птухи «Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в.» (1928). Главные результаты его анализа показывают, в частности, что уровень смертности среди основного населения этой части страны — русских — был заметно выше, чем у других народов, особенно народов Прибалтики (табл. 1).

Сравнение расчетов М. В. Птухи с материалами статистического учета рождаемости и смертности по национальной принадлежности, проведенного в середине 1920-х годов, показывает некоторые изменения в соотношении уровня смертности у народов Европейской части СССР, например между русскими и татарами, хотя из-за различия примененных показателей детали этих изменений установить трудно (табл. 2). К сожалению, публикация подобных статистических материалов в конце 1920-х годов была прекращена и не возобновлялась, а специально этно-демографических исследований не проводилось.

Из числа других имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных материалов по естественному движению населения в странах мира, разработанных по национальной принадлежности, приведем данные по Югославии за 1953 и 1961 гг. (табл. 3). Эти данные, наряду с приведенными выше, свидетельствуют о сильных вариациях показателей рождаемости и смертности даже близкородственных народов одной и той же страны, например

Таблица 1

Показатели смертности и продолжительности жизни у 11 народов Европейской России на конец XIX в.*

Народ	Мужчины				Женщины			
	Смертность до 1 года, ‰	Доживает до 5 лет, ‰	Продолжительность жизни на		Смертность до 1 года, ‰	Доживает до 5 лет, ‰	Продолжительность жизни на	
			0 лет	5 лет			0 лет	5 лет
Русские	353	50,3	27,5	48,7	308	54,2	29,8	49,2
Украинцы	230	63,0	36,3	52,0	193	66,8	36,8	49,5
Белорусы	222	61,6	35,5	51,8	186	65,8	36,8	50,2
Литовцы	201	69,3	41,1	53,9	164	73,4	42,4	52,3
Латыши	181	71,4	43,1	54,9	149	74,9	46,9	57,2
Эстонцы	188	71,6	41,6	52,6	154	74,9	44,6	54,1
Молдаване	176	68,2	40,5	53,8	156	70,6	40,5	51,8
Евреи	219	64,1	36,6	51,5	164	71,1	41,4	52,7
Татары	258	59,6	34,6	52,3	227	62,6	35,1	50,4
Башкиры	229	61,5	37,2	54,7	204	64,1	37,3	52,5
Чуваши	270	58,7	31,0	47,0	245	60,3	31,0	45,6

* Таблица составлена по данным: М. П т у х а. Смертность 11 народностей Е. России в конце XIX в. Киев, 1928, стр. 23, 30, 37.

Таблица 2

Показатели естественного движения по основным народам Европейской части СССР на 1927 г. (в ‰) *

Народ	Территория	Все население			Городское население		
		рождаемость	смертность	естественный прирост	рождаемость	смертность	естественный прирост
Русские	Европейская часть СССР	44,7	22,8	21,9	34,1	18,8	15,4
	» » РСФСР	45,4	23,2	22,2	35,2	19,6	15,6
Украинцы	Европейская часть СССР	41,3	17,8	23,5	33,0	14,3	18,7
	УССР	42,7	18,9	23,8	36,4	15,9	20,5
Белорусы	Европейская часть СССР	43,3	15,8	27,5	33,7	14,6	19,1
	БССР	42,3	15,1	27,2	37,2	15,6	21,6
Евреи	Европейская часть СССР	22,6	9,2	13,4	21,6	9,4	12,2
	» » РСФСР	18,3	9,3	9,0	18,0	9,3	8,7
	УССР	23,0	9,2	13,8	22,0	9,5	12,5
	БССР	26,4	9,1	17,3	25,6	9,2	16,4
Татары	Татарская АССР	53,1	24,5	28,6	49,6	27,1	29,0
Мордва	Европейская часть РСФСР	48,3	24,5	23,8	...	...	...
Армяне	Армянская АССР	59,3	18,4	40,9	48,3	18,2	30,1
Чуваши	Чувашская АССР	44,3	28,0	16,3	...	...	...
Башкиры	Башкирская АССР	39,7	14,5	25,2	...	...	...
Удмурты	Вотская АССР	56,2	41,3	14,9	...	...	...
Молдаване	УССР	45,4	19,4	26,0	37,8	14,9	22,9
Марийцы	Марийская АО	53,5	41,2	12,3	...	...	...
Коми-зыряне	Коми АО	47,2	34,5	12,7	...	...	...
Калмыки	Калмыцкая АО	31,3	15,0	16,3	...	...	...
Карелы	Карельская АССР	42,6	26,1	16,5	...	...	...
Азербайджанцы	Армянская АССР	58,0	14,6	43,4	37,1	21,9	15,2
Цыгане	Европейская часть РСФСР	36,5	15,4	21,1	...	...	...

* Таблица составлена по данным: «Национальная политика ВКП(б) в цифрах». М., 1930, стр. 40.

Таблица 3

Показатели естественного движения по основным национальностям Югославии *

Национальность	1953 г.			1961 г.		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Сербы	28,0	11,2	16,8	49,3	8,2	41,1
Хорваты	25,4	12,3	13,1	21,1	9,2	10,9
Словенцы	22,7	10,0	12,7	18,0	8,9	9,1
Македонцы	34,6	12,1	22,5	23,8	7,6	16,2
Черногорцы	33,3	10,6	22,7	28,1	7,1	21,0
«Мусульмане»	43,6	17,5	26,1	38,5	10,3	28,2
Албанцы	47,5	25,2	22,3	45,3	14,0	31,3
Болгары	26,9	8,8	18,1	20,8	8,2	12,6
Словаки	23,1	14,6	8,5	17,3	10,4	6,9
Венгры	19,8	11,9	7,9	15,2	10,9	4,6
Румыны	18,1	17,8	0,3	14,8	14,5	0,3
Турки	31,0	12,9	18,1	29,9	9,6	20,3

* Таблица составлена по данным: «La statistique demographique 1961». Beograd, 1964.

у македонцев и словенцев, и о значительной изменчивости таких показателей даже за сравнительно короткий период времени.

При изучении тех стран, где нет данных о естественном движении населения по национальной (а также языковой или этно-расовой) принадлежности, исследователю приходится пользоваться косвенными данными, главным образом статистическими материалами, разработанными по территориально-административному делению, а также материалами обследований по расовой и религиозной принадлежности и т. п., вводя в эти материалы соответствующие коррективы. Трудность подобной работы чрезвычайно возрастает, когда исследование переходит от современности к историческому прошлому; многие стороны последнего из-за отсутствия каких бы то ни было статистических материалов приходится воссоздавать на основе разного рода аналогий и ретроспективных подсчетов, точность которых не может не внушать сомнений.

Значение статистических материалов по политико-

административно-территориальным единицам для анализа особенностей рождаемости и смертности различных народов определяется, с одной стороны, широкой распространенностью такой территориальной формы сбора и разработки статистических материалов, с другой — возможностью привязать эти материалы к изучаемой этнической общности. Последнее облегчается тем, что многие страны мира, как уже отмечалось выше, имеют сравнительно однородный национальный состав населения; показатели рождаемости и смертности, например, шведов и итальянцев практически совпадают с соответствующими показателями, отнесенными ко всему населению Швеции и Италии.

Для характеристики рождаемости и смертности народов, живущих в многонациональных странах, или национальных меньшинств данные по стране в целом, конечно, не подходят. В этом случае необходимо обратиться к материалам по более мелким территориальным единицам. Подобный прием облегчается тем, что внутреннее территориально-административное деление многонациональных государств иногда произведено с учетом этнического состава населения; так, в СССР существуют национальные союзные и автономные республики, автономные области и округа; в Югославии — народные республики и автономные края, в Индии — по существу языково-национальные штаты и т. п. Там, где такие национально-территориальные образования имеют сложный этнический состав, как, например, автономные республики СССР, в большинстве которых крупнейшая национальность не составляет даже половины населения, причем коренные народы часто уступают по численности другим национальностям, исследователю приходится обращаться к статистическим материалам по более мелким территориальным единицам, если, конечно, такие данные имеются. То же самое относится к странам, административно-территориальное деление которых проведено без учета этнического состава населения.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов показывает, что характер естественного движения населения — величина и соотношение показателей рождаемости и смертности — по разным странам и народам мира весьма разнообразен. Некоторые детали этой картины не вполне ясны, так как в ряде стран Азии и

Естественное движение населения по крупным регионам мира
за 1953—1957 и 1962—1966 г. *

Регион	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	1953— 1957 гг.	1962— 1966 гг.	1953— 1957 гг.	1962— 1966 гг.	1953— 1957 гг.	1962— 1966 гг.
СССР	26	21	8	7	18	14
Зарубежная Европа	19	19	11	10	8	9
Зарубежная Азия	39	38	24	18	18	20
Африка	45	46	27	22	18	24
Северная Америка	25	21	9	9	16	12
Латинская Америка	40	40	16	13	24	27
Австралия и Океания	25	27	9	10	16	17
Весь мир	34	34	18	15	16	19

* Таблица составлена по данным: «Demographic Yearbook». New York, 1958, 1967.

Это деление условно, так как внутри отдельных, особенно крупных, стран, например в СССР, также обнаруживаются весьма существенные различия; достаточно показательно в этом отношении сопоставление данных по Эстонской ССР на 1960—1965 гг. (рождаемость — около 15‰, смертность — 10,5‰, естественный прирост — 4,5‰) и Туркменской ССР (рождаемость — около 40‰, смертность — около 7‰, естественный прирост — 33‰)¹.

В настоящее время в мире ежегодно рождается примерно 120 млн. человек, умирает — 55 млн., естественный прирост составляет около 65 млн. человек, причем около 40 млн. из них приходится на страны зарубежной Азии.

Современная картина естественного движения населения сложилась исторически в ходе социально-экономического и культурного развития народов мира. Величина и соотношение показателей рождаемости и смертности по отдельным странам и народам мира являются преходя-

¹ По проведенному нами подсчету, на 1960 г. рождаемость у туркмен составляла свыше 45‰, а у киргизов — даже около 50‰ при смертности у тех и других около 10‰.

Африки, а также во многих труднодоступных районах среди подвижных групп населения (кочевников, охотников и пр.) других стран нет налаженной регистрации рождений и смертей. Кроме того, в ряде стран точность учета невысока даже в отношении рождений, которые вообще, как правило, учитываются более полно, чем смерти. Значительное влияние на величину показателей естественного движения населения могут оказать и неточности определения общей численности населения, с которой соотносятся данные о рождаемости и смертности. Улучшение методов регистрации рождаемости и смертности может привести к повышению их показателей, хотя в действительности идет процесс их снижения.

В настоящее время рождаемость колеблется от 13—14‰ (Венгрия, Швеция) до 55—60‰ (Гана, Берег Слоновой Кости); смертность — от 7—7,5‰ (СССР, Польша) до 40‰ (Мали). В соответствии с этим могут быть выделены страны с рождаемостью очень высокой (свыше 40‰), высокой (30—40‰), умеренной (20—30‰), низкой (15—20‰), очень низкой (менее 15‰); смертностью очень высокой (свыше 30‰), высокой (20—30‰), умеренной (15—20‰), низкой (10—15‰), очень низкой (менее 10‰). Различные сочетания этих показателей могли бы дать 25 разных типов естественного воспроизводства, но в действительности некоторые сочетания почти не встречаются; оставшиеся же можно свести в три основные группы. Первую группу составляют страны с высокой рождаемостью, высокой смертностью, умеренным и низким приростом населения, к числу их относятся некоторые развивающиеся страны Африки и Азии; вторую — с высокой рождаемостью, умеренной смертностью и высоким приростом населения, к числу их относится большинство развивающихся стран, проводивших борьбу с высокой смертностью населения и снизивших ее; третью — с умеренной и низкой рождаемостью, низкой смертностью, умеренным и низким приростом населения, к числу их относятся экономически развитые, индустриализованные страны, в том числе СССР. По средним показателям страны зарубежной Азии, Африки и Латинской Америки относятся к двум первым группам; страны зарубежной Европы, Северной Америки, Океании (главным образом Австралии с Новой Зеландией) и СССР — к третьей (табл. 4).

циями. Так, даже за сравнительно небольшой период времени с 1913 по 1965 г. средний показатель рождаемости в России — СССР снизился с 47 до 19, смертности — с 30 до 7‰, что означало переход к новому типу воспроизводства населения. Об исторической изменчивости таких показателей свидетельствуют данные по другим странам и расчеты по миру в целом¹.

При анализе исторически складывавшихся типов естественного воспроизводства населения, имеющих большое значение для нашего исследования и для широкого круга историко-демографических работ, центральной задачей является выяснение причин и закономерностей изменения основных показателей этого воспроизводства — рождаемости и смертности. В последние десятилетия многие наши ученые пытались связать закономерности естественного воспроизводства населения с общественно-экономическими формациями и установить для каждой из них свой закон воспроизводства населения. Такое стремление, отраженное в приведенной во «Введении» формулировке задач марксистско-ленинской теории народонаселения (см. стр. 9), очень отчетливо выступает, например, в работе М. С. Авербуха «Законы народонаселения докапиталистических формаций» (1967)²; автор ее утверждает в частности, что процесс естественного воспроизводства в первобытнообщинную эпоху характеризуется «весьма низким уровнем рождаемости» (Авербух, 1967, стр. 59) в сочетании с высокой смертностью, в феодальную эпоху — значительно более высокой рождаемостью и т. п.

¹ Например, если распространить современные темпы естественного прироста населения мира (при которых оно может удваиваться за каждые 35 лет) в прошлое, то окажется, что все современное человечество могло произойти от одной пары людей — «Адама» и «Евы», — появившихся лишь около 1 тыс. лет назад, а все предшествующие тысячелетия человеческой истории Земля была безлюдной. Если же предположить, что такие темпы естественного прироста сохраняются в будущем, то уже к 2400 г. человечество заполнит плечом к плечу всю поверхность суши.

² Закон населения каждой общественной экономической формации, по мнению М. С. Авербуха, должен быть всеобъемлющим и определять не только основные тенденции, проявляющиеся в воспроизводстве населения, — рождаемость, смертность и изменение возрастного-полового состава, но и объяснять миграции, размещение населения, вопросы, относящиеся к материальному и культурному уровню жизни населения, и многие другие (Авербух, 1967, стр. 15).

Не останавливаясь пока на неточности этих и некоторых других «закономерностей», к рассмотрению которых нам придется вернуться ниже при обзоре общей исторической эволюции народонаселения мира, отметим, что сама идея о непосредственной связи типов естественного воспроизводства населения с определенными общественно-экономическими формациями представляется спорной. Методологическим обоснованием такой идеи обычно служит ссылка на известный тезис К. Маркса о том, что «всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 646). Однако содержание установленного самим К. Марксом закона народонаселения капиталистического общества¹ показывает, что он в данном случае имел в виду не всеобъемлющий, а лишь так называемый экономический закон, выражающий особенности динамики и характера использования трудящейся части населения в процессе развития производства²; из его высказывания еще не следует, что каждой общественно-экономической формации свойствен свой особый закон, определяющий особенности соотношения рождаемости и смертности. Показательно, что все предложенные до сих пор «законы», управляющие процессами естественного воспроизводства населения в капиталистической и социалистической формациях (как, впрочем, и для более ранних эпох), очень абстрактны; они неизбежно игнорируют существующее разнообразие типов естественного воспроизводства у населения стран, принадлежащих к одной и той же формации, а тем более у народов, входящих в одну страну, хотя различия эти, как было показано выше, очень велики. Естественно, что такие «законы» мало что дают для конкретных исследо-

¹ «... Рабочее население, — пишет К. Маркс, — производит накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 645–646).

² О неправомерности отождествления установленного К. Марксом экономического закона населения с закономерностями естественного воспроизводства населения в последнее время пишут многие наши авторы (см., например, Болдырев, 1968).

ваний, в частности для анализа динамики численности народов мира.

Неудача попыток установить для каждой общественно-экономической формации свой закон естественного воспроизводства населения не случайна. Как уже отмечалось, рождаемость и смертность определяются очень сложным комплексом разнообразных факторов. Материальное производство, составляя необходимую базу роста численности народонаселения, определяет далеко не все особенности этого роста в разных странах и у разных в этническом отношении групп населения. Особенно трудно установить влияние этого производства на рождаемость. Даже социально-экономические факторы рождаемости, более тесно связанные с социально-экономическими формациями, не всегда обнаруживают прямую зависимость от них. Это касается, например, урбанизации и образования, влияние которых на рождаемость весьма сходно для стран, различных по своему социально-экономическому строю. Если же взять социально-культурные и социально-психологические факторы, то их прямая связь с определенными формациями ощущается еще слабее.

Основной задачей данной главы нашего исследования является анализ факторов, которые, воздействуя на рождаемость и смертность, определяют особенности процесса естественного воспроизводства у народов мира. При этом мы попытаемся, насколько позволяет фактический материал, проследить историческую изменчивость влияния таких факторов, связанную, в частности, и с особенностями развития отдельных народов. Естественно, что основное наше внимание обращено на факторы, непосредственно связанные с элементами этнической общности (территория, особенности культуры и быта и др.), и на те факторы, влияние которых, преломляясь через эти элементы и другие особенности жизни народов, приобретают этнический аспект.

РОЖДАЕМОСТЬ

Факторы рождаемости и плодovitости

Основу процесса естественного воспроизводства составляет рождаемость; рождаемость в настоящее время определяет и наиболее существенные особенности этого процесса в различных странах мира и у различных народов.

Вместе с тем проблемы, связанные с изучением рождаемости, весьма сложны. Научная литература по различным вопросам рождаемости и плодovitости в настоящее время исчисляется, по-видимому, не одной тысячей названий¹, но обобщающих работ очень мало. Основная масса исследований по рождаемости была проведена в последние десятилетия в связи с усилением значения демографических проблем. В зарубежных странах ими занимаются не только отдельные ученые, но и ряд научных институтов и частных организаций (например, американская организация «Милбанк мемориал фонд»), а также многие правительственные учреждения. Большое внимание им уделяется со стороны Комиссии по народонаселению при Экономическом и Социальном Совете ООН; в августе-сентябре 1954 г. и 1965 г. под эгидой ООН были проведены всемирные конференции по народонаселению, центральное место в работе которых заняли проблемы, связанные с рождаемостью населения. За последние годы значительно оживилась разработка этих вопросов и в СССР.

Процесс размножения в человеческом обществе является по своей природе процессом биологическим, который обусловлен, как и у других высших позвоночных животных, прежде всего половым инстинктом, деятельностью эндокринных (главным образом половых) желез, определенных участков мозговой коры и подкорки. Вместе с тем процесс размножения у человека имеет существенные особенности, обусловленные не только его физиологией, но и тем, что он является разумным общественным существом, с возникшим в коллективе высокоразвитым сознанием. Социальная (или в более широком смысле социально-культурная) среда и связанные с ней отношения, личное и общественное сознание оказывают, как будет показано ниже, очень сильное влияние на весь процесс естественного воспроизводства, на рождаемость и плодovitость.

Факторы, влияющие на рождаемость или плодovitость, чрезвычайно разнообразны, а их взаимодействие отли-

¹ Далеко не полный в данном отношении библиографический список к работе американского демографа Р. Фридмана «Социология человеческой плодovitости» (Freedman, 1961—1962), ее включившей, в частности, ни одной работы русских и советских ученых, содержит свыше 650 названий книг и отдельных статей по различным вопросам рождаемости и плодovitости.

чается большой сложностью. В целях их систематизации Б. Ц. Урланис в книге «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР» предлагает при изучении рождаемости выделить «факторы» и «причины» уровня рождаемости, строго разграничивая их действие. К числу «факторов» он относит ряд естественных и социальных условий и обстоятельств: климат, наследственность, общественное положение женщины, уровень благосостояния, культурный уровень, законодательство, войны, урбанизацию, национальность и некоторые другие; к числу «причин» — возраст вступления в брак, пребывание женщины вне брака, потенциальную плодовитость, бесплодие, мертворождаемость, внутрисемейное регулирование (Урланис, 1963, стр. 48—52). Основу такой классификации составляет, очевидно, не терминологическое разграничение «причин» и «факторов», которые нередко меняются местами, а более важное в методологическом отношении разделение факторов или причин на группу прямого и группу косвенного влияния. Приведенный перечень факторов и причин, как будет ясно из дальнейшего, неполон, да и не вполне точен, в частности упомянутая в нем национальность сама по себе обычно не оказывает прямого влияния на уровень рождаемости.

Следует сказать, что исследование рождаемости у нас развернулось сравнительно недавно, причем основное внимание исследователей было обращено на социально-экономические факторы — уровень благосостояния (заработная плата, жилищные условия и т. п.), урбанизацию, хозяйственную деятельность, образование; все эти факторы оказывают на рождаемость сильное, нередко определяющее, но, как правило, косвенное влияние; исключением является лишь также относящаяся к этой группе факторов политика народонаселения, отдельные стороны которой могут оказывать и прямое влияние. Тематика исследований зарубежных ученых более разнообразна и чаще направлена на изучение факторов, оказывающих прямое воздействие на уровень рождаемости. Это отражено и в предложенных системах классификации, учитывающих в первую очередь физиологические основы плодовитости¹.

¹ При этом выделяются, например: а) факторы, определяющие половые сношения, в том числе влияющие на создание брач-

В зарубежной литературе, как и в нашей, по существу нет исследований, посвященных специально изучению этнического аспекта рождаемости или плодовитости; материал, имеющий отношение к данной теме, разбросан главным образом по работам, посвященным анализу социально-культурных факторов. К числу их относятся исторически сложившиеся у разных народов мира общественные традиции и установки, определяющие брачно-половые отношения (заключение и расторжение брака, форма брака и семьи, ограничение половых сношений и др.), а также отношение самой брачной пары и окружающего коллектива к брачности, плодовитости, бездетности и т. п.; сильное влияние на многие из этих факторов оказывают религиозные установки. На фоне довольно обширной литературы по этим вопросам выделяется сборник ЮНЕСКО «Культура и человеческая плодовитость» с обобщающей статьей крупнейшего американского демографа Лоримера (Lorimer, 1954) и работа индийского ученого Мони Нага «Факторы, влияющие на человеческую плодовитость в неиндустриальных обществах: исследования различных культур» (Moni-Nag, 1962).

Влияние каждого из факторов рождаемости очень сложно и почти всегда пересекается с действием каких-то других причин. Один и тот же фактор (например, уровень образования) может влиять на различные стороны рождаемости (связанные со временем вступления в брак, внутрисемейным контролем рождаемости и т. д.) и на другие факторы (например, на благосостояние, занятость и т. д.); вместе с тем каждая из таких сторон определяется сложным комплексом факторов. Влияние такого, например, физиологического фактора, как максимальная способность брачных пар к рождению детей, тесно связано с длительностью брачных отношений, которая определяется главным образом временем вступления в брак, т. е. обусловле-

ных пар (брачный возраст, брачность и безбрачие, прекращение сношений из-за развода или смерти одного из супругов и т. п.) и определяющие половые сношения внутри брачных пар (воздержание произвольное, воздержание непроизвольное, например из-за болезни или отлучки одного из супругов, частота половых сношений и т. п.); б) факторы, определяющие зачатие (физиологическая плодовитость, стерильность или бесплодие, использование предохранительных средств и т. п.); в) факторы, влияющие на нормальную беременность и роды (или на аборт, выкидыш, мертворождения и т. п.) (Freedman, 1961—1962; Moni-Nag, 1962).

на социально-культурными и психологическими причинами и т. п. Ниже, при анализе конкретного материала, мы попытаемся в целях нашего исследования, с одной стороны, выделить влияние социально-культурных (и социально-психологических) факторов, отграничив их от факторов физиологических, с другой стороны, показать важную роль социально-экономических факторов.

В центре нашего внимания чаще всего оказывается плодовитость, которая составляет основу рождаемости и более точно, чем последняя, отражает основные особенности процесса естественного воспроизводства населения. Некоторая нечеткость показателя рождаемости объясняется тем, что он находится в зависимости от доли женщин производительного возраста в общей массе населения страны и других особенностей сильно варьирующей поло-возрастной структуры населения. Из-за такой зависимости показатель рождаемости обнаруживает даже связь с показателем смертности. Уменьшение смертности обычно приводит прежде всего к росту числа детей и людей пожилого возраста (т. е. группы населения, не участвующих непосредственно в процессе естественного воспроизводства), а следовательно, — к уменьшению показателя рождаемости. Ниже мы рассмотрим главным образом те факторы рождаемости (в частности, брачность), которые тесно связаны с этно-культурными особенностями населения.

Физиологические факторы

Физиологические основы процесса воспроизводства у человека стали изучаться сравнительно недавно, и некоторые их стороны выяснены еще не полностью. Можно считать установленным, что, несмотря на значительные антропологические (внешние физические) различия групп населения земного шара, в биологическом отношении они весьма однородны. Доказательством этого является уже тот факт, что потомство от смешанных браков людей, принадлежащих к различным расовым типам, оказывается вполне жизнеспособным, а смешанные браки в ряде случаев имеют более высокие показатели плодовитости, чем расово однородные (см., например, Hrdlička, 1934). Имеющиеся у этно-расовых групп физиологические различия, оказывающие непосредственное влияние на процесс воспроизводства, сравнительно невелики и в большинстве

случаев не могут объяснить существующее разнообразие в показателях плодовитости.

К числу физиологических факторов относится возраст наступления половой зрелости, которым определяется возможность зачатия, т. е. начало процесса воспроизводства. Наступление этого периода у женщин обычно связывается с началом менструации, которое происходит обычно в возрасте 12—17 лет. Считалось, что этот возраст находится в зависимости от расовых особенностей и климата: у женщин, принадлежащих к экваториальной (негроидной) расе, он якобы происходит раньше, чем, например, у женщин европеоидной расы, в южных странах — несколько раньше, чем в северных и т. д. По мере развития медицинских обследований, такая зависимость была поставлена под сомнение. Установлено, например, что у негритянских школьниц Нигерии менструация начинается в 14,3 года, а у эскимосок в 14,4 года; у бирманских и ассамских девочек — в 13,2 года, у европейских — в среднем в то же время и т. д. (Харрисон..., 1968, стр. 285; Tanner, 1962). Установлено также, что сильное влияние на процесс полового созревания оказывают условия жизни, социально-культурная среда и питание; но имеющимся данным, в городах менструация у девочек нередко наступает на 2—3 года раньше, чем в сельских местностях¹.

Конец производительного периода у женщин (климакс) — прекращение деятельности яичников и менструации — наступает обычно в 40—55 лет; в тропических странах это происходит раньше, чем в странах с умеренным или холодным климатом. Колебания во времени наступления климакса более значительны, чем в наступ-

¹ У девочек различных национальностей СССР начало менструации приходится на возраст: русские Москвы (1965 г.) — 13,0 лет, Ростова-на-Дону (1962 г.) — 13,2, Читы (1960 г.) — 13,7, Костромы и Вологды (1958 г.) — 14,3; русские Тбилиси (1962 г.) — 13,3, грузинки Тбилиси — 13,1; сельские бурятки (1957 г.) — 15,0, сельские азербайджанки — 15, сельские узбечки — 15, сельские армянки — 15,9 лет и т. д. (Vlastovsky, 1966, p. 225; Сифман, 1966, стр. 203). Для сравнения укажем, что на Кубе (в Гаване) у девочек европеоидной расы менструация начинается в 12,4 лет, у негритянок — в 12,3, у мулаток — в 12,6 лет (Zaska-Mierzejewska, 1966). Японки, родившиеся и воспитанные в Калифорнии, начинали менструировать на 1,5 года раньше, чем девочки в Японии (Соловьева, Фетисов, 1968, стр. 74).

лении половой зрелости, и сильнее зависят от условий жизни женщины и от ее здоровья. В целом средняя продолжительность производительного периода у женщин составляет примерно 25—30 лет. Следует отметить, что регулярная выработка яйцеклеток, а тем более полная половая зрелость женщины, наиболее отвечающая нормальной беременности и родам, наступает на несколько лет позже начала менструации; этим объясняется тот факт, что женщины, вступившие в брак в очень раннем возрасте, оказываются первое время менее плодовитыми, чем женщины следующей возрастной группы. По имеющимся данным, плодовитость у индийских женщин 15—20 лет ниже, чем у женщин 20—24 лет (Barclay, 1959, p. 50, 90) ¹.

Начало и конец производительного периода у мужчин выступают менее четко и изучены слабее. Большинство исследователей считает, что половая зрелость у мужчин, связанная с регулярной выработкой мужских половых клеток (сперматозоидов), наступает в среднем примерно в 15 лет, варьируя в зависимости от тех же условий, что и у женщин (климат, раса, условия жизни, особенности развития организма); прекращение выработки половых клеток происходит обычно в 55—70 лет, причем этот срок обнаруживает еще большие отклонения, чем наступление климакса у женщин. Таким образом, средняя продолжительность производительного периода у мужчин составляет около 40—50 лет.

Данные о сроках полового созревания в историческом прошлом весьма скудны. По имеющимся источникам, половая зрелость у девушек в Древнем Риме наступала примерно в 13 лет, т. е. почти в такое же время, как и у современных девушек Италии (Hopkins, 1965). Возможно, что в средние века возраст половой зрелости, по крайней мере в ряде стран Европы, по каким-то причинам повысился в среднем на 2—3 года, но уже за последние 100 лет в некоторых странах наблюдается ускорение полового созревания, достигавшее до 4 месяцев за десятилетие (Харрисон..., 1968, стр. 292, 293); за по-

¹ Отметим в связи с этим, что по обследованиям женщин в республиках Закавказья интервал между вступлением в брак и рождением первого ребенка был меньше всего у женщин в возрасте 20—24 года, больше всего — у женщин 16—17 лет (Сифман, 1968).

следние десятилетия подобные темпы снижения этого возраста (акселерация) отмечены почти во всех экономически развитых странах мира, особенно в городах ¹, что вызвало серьезные социальные проблемы. Однако влияние этого ускоренного созревания на весь производительный цикл почти не изучено отчасти потому, что браки в этих странах заключаются, как правило, через 5—10 лет после наступления половой зрелости.

Созревание женской яйцеклетки и овуляция, т. е. переход ее в яйцевод (и далее в полость матки) происходит раз в 25—28 дней ², причем время существования вне яичника ограничивается примерно 12 часами; жизнедеятельность сперматозоидов, попавших во время полового акта в женский организм, ограничена примерно 48 часами, однако их достаточная подвижность и способность к оплодотворению почти вдвое меньше. Поэтому возможность зачатия оказывается в зависимости от частоты половых сношений. Эта частота обусловлена здоровьем брачных пар, возрастом супругов, эмоционально-психологическими факторами, а также половым темпераментом, обнаруживающим зависимость от климата и расы: вместе с тем она связана с рассматриваемыми ниже обычаями, регулирующими брачные сношения, и с формой брака (полигамный, моногамный и др.). После зачатия овуляторный цикл прекращается и возобновляется лишь спустя некоторое время после удаления плода из матки в результате аборта, выкидыша или родов. При нормальном ходе беременности и родов послеродовая аменорея продолжается примерно до 2 месяцев, в случае если мать не кормит ребенка грудью, до 10 месяцев и более, если это кормление происходит, причем длительность кормления грудью зависит

¹ Так, в Ленинграде средний возраст начала менструации составлял в 1927—1930 гг. 14 лет 2 месяца, а в 1959 г. — 12 лет 11 месяцев; в Саратове в 1929 г. — 14 лет 7 месяцев, в 1959 г. — 13 лет 8 месяцев (Vlastovsky, 1966, p. 220), хотя в том и другом случае возможно сильное влияние улучшившегося питания.

² Исследования месячного цикла, начатые в основном в 1930-х годах после работ японского гинеколога Огино и чешского ученого Кнауца, позволяют с большей или меньшей степенью вероятности определить почти для каждой женщины день овуляции (чаще всего это 10—12 день после начала менструации), но подобные исследования пока не получили широкого распространения, а применяемый на этой основе метод ограничения деторождения (так называемый «метод ритма») не вполне эффективен.

от ряда социально-культурных факторов и традиций. Овуляция начинается спустя примерно два месяца после возобновления менструации и полностью восстанавливается спустя еще 5 месяцев. Средний интервал между зачатиями составляет 20—30 месяцев, он несколько уменьшается у молодых женщин и значительно удлиняется с повышением возраста — до 35 и более месяцев (Potter, 1963); это связано, в частности, и с уменьшением частоты половых сношений из-за возраста и с рядом других, в том числе социально-культурных и психологических, факторов.

Не останавливаясь на анализе многоплодных родов, частота которых у разных народов неодинакова, но физиологические факторы которых не вполне выяснены¹, отметим, что нормальный ход беременности и родов зависит также от общего состояния здоровья женщины и от ее возраста. Беременность в очень раннем возрасте не только подрывает еще не вполне созревший женский организм, но и приводит обычно к рождению слабых, недоношенных детей, к повышению процента мертворождений. Беременность в старших возрастных группах, если до этого женщина не имела детей, также не вполне благоприятна, так как затвердение с возрастом тазовых хрящей сильно осложняет родовой акт.

К числу физиологических факторов можно, по-видимому, отнести и некоторые болезни. Болезни нарушают нормальную жизнедеятельность организма, могут задерживать наступление половой зрелости, нарушить половую жизнь, вызвать бесплодие, осложнить развитие плода, а в некоторых случаях (например, при высокой температуре или токсикозах) привести к выкидышу. Особое место занимают генетические болезни, в числе которых следует назвать несовпадение у супругов резус-фактора; в случае брака мужчины с положительным и женщины с отрицательным резус-фактором нормальное течение беременности и развитие плода может нарушиться и даже произойти выкидыш или мертворождение. Распределение положительного и отрицательного резус-фактора среди населения земного шара изучено далеко не полно, но в ряде случаев

оно, по-видимому, связано с расовой принадлежностью; некоторые европеоидные народы имеют до 15%, а баски даже до 30% людей с отрицательным резус-фактором, в то время как у большинства монголоидов он почти сплошь положительный.

Если в организме вырабатываются недостаточно жизнеспособные яйцеклетки или сперматозоиды или если влияние их по какой-то причине, например из-за импотенции мужчины, непроходимости яйцевода у женщины и т. п., не может состояться, то брачная связь окажется бесплодной. По имеющимся данным, в странах с достаточно налаженным медицинским обслуживанием населения от 5 до 10% всех зарегистрированных браков оказывается бесплодным из-за наследственных или приобретенных физиологических дефектов (свыше половины из этого числа падает на нарушения женского организма). В остальных странах и особенно в племенных обществах бесплодность женщин с возрастом быстро растет из-за перенесенных и недостаточно залеченных венерических болезней, антисанитарных условий родов, неумело произведенных аборт и других причин. В обследованных районах «черной Африки» среди женщин в возрасте 35—39 лет было 80—90% бесплодных (Bourgeois-Pichat, 1965, р. 77); по обследованиям, проведенным в Буганде в 1963 г., 50% всех женщин старше 30 лет было бесплодно вследствие перенесенной гонореи (Bennett, 1965). Многие заболевания, как будет показано в разделе «Смертность», определяются условиями жизни и другими социально-культурными факторами. Следует упомянуть и о физических недостатках (слепота, глухонмота и т. п.), а также о врожденных или полученных уродствах, которые, не отражаясь непосредственно на здоровье мужчин и женщин, могут явиться причиной их безбрачия, а у состоящих в браке — причиной снижения плодovitости. О важности учета перечисленных выше физиологических факторов говорят, например, материалы по Англии, где 10% всех вступивших в брак женщин остается бесплодным, не менее 15% беременностей прерывается в самом начале, 3% оставшегося числа беременностей оканчивается рождением мертвого ребенка, а в период новорожденности в основном также по физиологическим причинам гибнет еще 2% детей (Харрисон..., 1968, стр. 155).

¹ Так, случаи рождения двоен у ряда африканских народов встречаются в несколько раз чаще, чем, например, у народов Западной Европы и японцев (Харрисон..., 1968, стр. 235).

В заключение краткого обзора физиологических факторов следует остановиться на вопросе о соотношении численности мужчин и женщин. По имеющимся статистическим материалам, относящимся к странам и районам с достаточно хорошо налаженной регистрацией рождений, ежегодно на 100 девочек рождается в среднем 105—107 мальчиков (при общей амплитуде колебаний по странам мира от 101 до 112). Эта закономерность распространяется, по-видимому, на все народы и исторические эпохи, хотя биологические основы ее неясны. В некоторых случаях эта закономерность нарушается; в литературе можно встретить утверждение, что после войн мальчиков обычно рождается заметно больше, чем девочек (так называемая «естественная компенсация»), отмечается некоторая связь пола ребенка с разницей в возрасте супругов, с их расовой принадлежностью (у европеоидов первый ребенок в семье — чаще мальчик) и другими факторами. Однако некоторые авторы считают подобные факты недостаточно убедительными для вывода каких-то общих закономерностей (Ferembach, 1964). Что же касается соотношения мужчин и женщин в общей массе населения, то зависит от различий в показателях их возрастной и общей смертности и поэтому рассматривается в разделе «Смертность».

В целом этнический аспект у физиологических факторов выражен слабо; их роль в возникновении вариаций процесса естественного воспроизводства зависит от имеющихся социально-культурных, психологических и других факторов и поэтому должна быть различной в разные исторические эпохи. Различия в показателях плодовитости у людей, принадлежащих к одной и той же расе, но к различным социально-культурным группам, — как правило, оказывается намного больше, чем у людей разных расовых типов, но сходных по своему социально-культурному положению и образу жизни.

Брачность и факторы брачности

Анализ элементов физиологической основы рождаемости, в частности длительности производительного периода и интервала между зачатиями, приводит к выводу, что здоровая женщина может родить за свою жизнь в среднем 10—12 детей; известны случаи, когда женщины имели по 20 детей и более, главным образом вследствие многоплод-

ных родов. Имеющиеся данные говорят о том, что среди некоторых групп населения мира плодовитость была близка к максимальной. Таково было положение у многих народов Европы в XVI—XVII вв. и у ряда народов в более позднее время; у франко-канадцев, например, еще в начале XVIII в. на каждую замужнюю женщину старше 45 лет приходилось в среднем 10—12 рождений, у норвежцев в XIX в. — около 10, у ирландцев в начале XX в. — около 9 рождений (Пресса, 1966, стр. 190; Thapar, WPC — 1965), в Бразилии (1940 г.) и на Мальте (1948 г.) свыше 20% всех женщин в возрасте старше 45 лет имело более 10 детей (Brass, 1958). Однако подобные случаи в развитых странах в последние десятилетия стали редки; подавляющее большинство женщин таких стран имеет значительно меньшую плодовитость (так, в Англии и Уэльсе в 1951 г. лишь 20% женщин старше 45 лет имело по 4 и более детей и лишь 0,5% имело 11 и более детей), что связано с действием ряда социально-культурных и других факторов. Рассмотрение этих факторов целесообразно начать с анализа брачности в широком значении этого слова, с включением сюда возраста вступающих в брак и распространенности браков.

Брачный возраст — один из важных факторов процесса естественного воспроизводства населения, определяющий, как правило, начало регулярных половых сношений и длительность производительного периода и тем самым оказывающий значительное влияние на плодовитость. В некоторых случаях люди вступают в половые отношения без или до официального оформления брака, в других случаях — спустя некоторое время после заключения брака. Последнее относится главным образом к бракам между несовершеннолетними, довольно широко распространенными в прошлом в ряде стран мира.

В племенных обществах, по многочисленным этнографическим данным, девушек выдают замуж обычно сразу же после достижения ими половой зрелости и соответствующей инициации; случаи, когда брак откладывается на несколько лет, связаны главным образом с необходимостью уплаты выкупа за невесту. Так, например, в Африке среди бахаи девушки вступали в брак в 15—18 лет, у баганда — в 16—20 лет (Richards, Reining, 1952). По-видимому, в прошлом ранние браки преобладали и у более развитых народов. По древнеримскому законода-

тельству VI в. до н. э. — I в. н. э. минимальный брачный возраст для девочек был установлен в 12 лет (для юношей в 14 лет), однако, судя по историческим материалам (главным образом по надписям на гробницах), встречались и более ранние браки, заключающиеся до достижения половой зрелости. В Англии в XIII—XV вв. возраст вступления в брак у женщин составлял менее 20 лет, а в последующие столетия стал подниматься, составив в XVII—XVIII вв. примерно 22—25 лет; во Франции (Нормандии) в конце XVII — начале XVIII в. — 24 года и т. д. (Davis-Blake, WPC — 1965). Развитие капитализма и связанные с этим миграции населения из сел в города, жилищные трудности в городах, распад больших семей (облегчавших вступление в брак) и ряд других причин привели в XIX в. в большинстве стран Европы к повышению брачного возраста. По данным на середину XIX в., основная масса женщин в странах Северо-Западной Европы (Франция, Англия и др.) вступала в брак в возрасте старше 25 лет (Вечеслав, 1882, стр. 45); средний возраст вступления в брак в конце XIX в. составлял в странах Западной Европы 25—28 лет (М. Смит, 1901, стр. 113). Примерно с начала XX в. во многих экономически развитых странах этот возраст несколько снижается.

Почти во всех странах мира существуют законы, устанавливающие минимальный брачный возраст; во многих странах такие законы с течением времени не раз изменялись. В настоящее время такой возраст для девушек колеблется от 12 (Греция, Испания, страны Южной Америки, кроме Бразилии и Перу, Австралия) до 18 лет (Дания, Швеция, Норвегия, Польша и др.). В Азербайджане, Армении и на Украине минимальный брачный возраст девушек — 16 лет, в большинстве других республик — 18 лет; в США в большинстве штатов — 16 лет, в некоторых южных штатах — 12 лет; в Индии — 16 лет (для индуистов), в Китае — 16 лет. Минимальный брачный возраст у юношей, как правило, выше на 2—3 года (Burch, Pendell, 1947, p. 108; Орлова, 1966). Значение таких законодательных мер в ряде случаев, особенно в странах с обязательной гражданской регистрацией брака, невелико; так, в Ливане по закону минимальный брачный возраст для девушек — 14 лет, однако большая часть их выходит замуж в 13 лет (Baer, 1964, p. 14).

Средний возраст вступления в брак у женщин обычно традиционно ниже, чем у мужчин, на 3—5, а нередко и большее число лет; уместно вспомнить, что Аристотель, рисуя идеальное государство, предлагал установить возраст вступления в брак для мужчин в 37 лет, для женщин в 17 лет. Подобная разница может быть объяснена не только стремлением мужчин быть действительно старшим в семье, но и их более длительным производительным периодом. Браки юношей с женщинами старше их по возрасту (и, напротив, пожилых мужчин — с молодыми девушками) широко практиковались среди австралийцев, индейцев Южной Америки и в других районах. У кафиров Гиндукуша жена («полевая рабыня») бралась старше для того, чтобы она могла обрабатывать участок своего мужа-мальчика (Westermarck, 1925, vol. 1, p. 350). Довольно широко подобные браки были распространены у китайцев и корейцев. Среди финно-язычных народов Европейской России (мордвы, удмуртов, коми) родители всячески оттягивали уход из дома своей дочери-работницы, поэтому очень часто девушек в 25—27 лет отдавали замуж за юношей лет на 10 и больше моложе их, что, конечно, сильно снижало рождаемость.

В большинстве индустриально развитых стран мира мужчины и особенно женщины вступают в брак значительно позже, чем в экономически отсталых, аграрных странах (табл. 5). Однако за последние десятилетия

Таблица 5

Процент женщин, состоящих в браке на 1960 г.*

Основные демографические типы	Возрастные группы		
	15—19 лет	20—24 года	25—39 лет
Европейский	5	45	70—80
Латиноамериканский	20	55	70—75
Азиатский	35	80	90—92
Североафриканский (включая Переднюю Азию)	30	88	86—88
Африканский (к югу от Сахары)	60	92	95

* Таблица составлена по данным: Bourgeois-Pichat. Les facteurs de la fécondité non dirigée. «Population», 1965, № 3.

в большинстве развитых стран наблюдается снижение возраста вступления в брак¹. В целом за послевоенный период, с 1945 г. до начала 1960-х годов, средний брачный возраст уменьшился у женщин Швеции на 3,4 года, Англии и Уэльса — на 3,5, Швейцарии — на 2,9, США и Австралии — на 2,5 года (Roberts, WPC — 1965). В некоторых странах Европы (Франции, Нидерландах, Португалии и др.) этот возраст снизился незначительно (на 0,5—1 год); в Ирландии он остается очень высоким (у женщин — 28,7, у мужчин — 32,6 года), в связи с чем она получила название страны «стареющих холостяков». Несколько иная картина наблюдается в странах Южной и Юго-Восточной Европы, где в прошлом были распространены ранние браки. Так, например, процент ранних браков в Италии, Югославии заметно уменьшился; менее значительно сократилось число ранних браков в Болгарии, Румынии и Греции.

В целом по СССР с 1910 по 1960 г. средний брачный возраст невесты по ряду причин, рассматриваемых нами ниже, и, в частности, из-за общего «старения» населения возрос с 23 до 27 лет, число вступивших в брак до 20 лет сократилось с 54,5 до 26,3% (Урланис, 1965, стр. 54). Это снижение произошло в основном за последние десятилетия; в 1940 г. браки женщин моложе 20 лет составляли 25,9% всех браков, в 1961 г. — 13,7% («Население мира», стр. 136). Ранние браки женщин наиболее характерны для южных союзных республик²; по переписи 1959 г.,

¹ В США этот процесс проявился в основном с 1930 г., причем к 1950 г. возраст вступления в первый брак у женщин уменьшился на 1 год (с 21,5 до 20,4 лет). В большинстве других стран этот процесс развернулся главным образом после второй мировой войны, хотя социологи, учитывая рост урбанизации, продолжительности образования, вовлечения женщин в производство и другие факторы, ожидали обратного. Процент мужчин и женщин в возрасте до 24 лет, состоящих в браке, возрос в Канаде с 1931 до 1951 г. почти вдвое: у мужчин — с 7 до 16%, у женщин — с 20 до 33% («Население мира», 1965, стр. 139). В Англии и Уэльсе в 1938 г. только 11% невест было моложе 20 лет, в 1960 г. их число увеличилось до 29%.

² Особенно выделялись в этом отношении Армения и Азербайджан, где при общем снижении числа браков малолетних (браки девушек до 15 лет составляли в Армении в 1900—1914 гг. свыше 14%, в 1936—1940 гг. — 11,8%, в Азербайджане — соответственно 11,8 и 4,1%) возросло общее число ранних браков: в Армении браки до 19 лет в 1900—1914 гг. составляли 84,4%,

среди женщин в возрасте 16—19 лет состояло в браке в среднеазиатских республиках свыше 30% (в Киргизии — 44,2%). В Прибалтийских республиках в прошлом браки заключались поздно (в Латвии до 1940 г. средний брачный возраст для девушек составлял 25 лет, для мужчин — 30 лет); сейчас процент ранних браков в них остается ниже, чем средний по СССР (на 1959 г. в возрасте 16—19 лет там состояло в браке менее 5% женщин).

Если перейти от средних данных по союзным республикам к более интересующим нас данным по национальной принадлежности, то окажется, что на 1926 г. доля женщин в возрасте 16—19 лет, состоящих в браке, была ниже всего у славянских народов (материалы по прибалтийским народам недостаточны), составляя у белорусов лишь 9,1%; выше всего — у среднеазиатских народов, особенно у киргизов — 86%. К 1959 г. у большинства народов СССР доля замужних среди женщин в возрасте 16—19 лет снизилась в 1,5—2 раза, оставаясь наиболее высокой у национальностей Средней Азии. Самый низкий процент замужних отмечен у народов Прибалтики (табл. 6).

Для подавляющего большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки характерны более ранние браки, чем для государств зарубежной Европы и Северной Америки. Значительная часть населения в некоторых странах Азии и Африки вступает в брак до 16 лет. Это связано прежде всего со стойкостью древней традиции ранних браков. В настоящее время эта традиция подкрепляется не только установками отдельных религиозных систем (индуизма, ислама и т. п.), но и некоторыми социально-экономическими факторами. Большое значение в этом отношении имеет то обстоятельство, что традиционная сельскохозяйственная деятельность основной массы населения этих стран не требует какой-либо специальной подготовки или образования. Поэтому стремление к ранним бракам было связано в значительной степени с возможностью скорейшего получения в семье добавочной пары рабочих рук.

Остановившись несколько подробнее на примере Индии, отметим, что традиции ранних браков прослежи-

в 1936—1940 гг. — 88,3%; в Азербайджане — соответственно 84,0 и 87,2% (Сифман, 1966, стр. 201).

Таблица 6

Процент замужних среди женщин
в возрасте 16—19 и 20—24 лет
по основным народам союзных республик СССР

Народ	1926 г.		1959 г.	
	16—19 лет	20—24 года	16—19 лет	20—24 года
Русские	15,0	68,4	9,3	48,2
Украинцы	14,2	76,2	10,1	48,1
Белорусы	9,1	59,7	7,0	44,8
Литовцы	...	...	4,8	37,2
Латыши	...	...	4,5	35,9
Эстонцы	...	...	4,2	36,7
Молдаване	14,7	70,8	14,9	56,9
Грузины	28,7	71,4	10,7	45,6
Армяне	55,2	88,0	15,8	56,1
Азербайджанцы	59,0	90,6	27,8	68,6
Казахи	57,8	96,7	28,7	78,4
Узбеки	56,4	93,6	31,8	83,7
Туркмены	63,6	93,9	32,0	89,4
Киргизы	86,2	98,5	44,2	87,8
Таджики	61,5	92,3	36,6	86,5

ваются здесь по крайней мере с законов Ману (II в. до н. э.—I в. н. э.), поощрявших браки девочек 12 и даже 8 лет (Nevelt, WPC, 1965). По материалам обследования индийских демографов, средний возраст вступления женщин в брак до 1910 г. был равен 12,3 года, вступивших в брак в 1920—1929 гг. — 13,3 года; многие из них вступили в брак в 8—10 лет. По отдельным штатам Индии на 1951—1952 гг. отмечены значительные колебания. Этот возраст был выше у женщин Южной Индии — 16 лет, ниже всего — в Центральной и Северной Индии — около 13 лет (Das Gupta..., 1955). Среди браков, заключенных между 1930 и 1951 гг., свыше 29% приходилось на браки девочек моложе 11 лет. По переписи 1951 г., в Индии в браке находилось свыше 6 млн. женщин в возрасте до 14 лет (Chandrasekhar, 1961, p. 35). К причинам подобных браков относится общая нехватка женщин брачного класса из-за повышенной смертности женщин и суженного из-за кастовых ограничений круга невест, что усугубляется предубеждением против вторичных бра-

ков вдов; немаловажную роль играет и желание скрепить родственными узами семьи, а возможно, и стремление сохранить таким путем девственность невесты. При заключении браков с несовершеннолетними девочками жена до наступления половой зрелости обычно оставалась в доме своих родителей.

За последнее десятилетие средний возраст вступления в брак у женщин Индии несколько повысился, что связано главным образом с принятием в 1955 г. закона, запрещающего браки до 15 лет, однако и в настоящее время около 70% всех индийских женщин выходит замуж до 20 лет. Повысился брачный возраст и в Японии. Среди женщин возрастной группы 15—19 лет число замужних сократилось с 18% в 1920 г. до 2% в 1955, в группе 20—24 года — с 77 до 34%; число браков у мужчин в возрасте до 24 лет снизилось вдвое — с 10 до 5% (Taeuber, 1958, p. 241); это объясняется, в частности, повышением уровня образования и вовлечением женщин в промышленное производство. В других странах Азии и Африки наблюдается довольно нестроя картина; в большинстве из них число ранних браков возросло, однако это, по-видимому, связано с улучшением регистрации; в некоторых странах, например в ОАР, наблюдается сокращение числа ранних браков.

При заметном изменении в ряде стран мира брачного возраста его дифференциация внутри стран осталась весьма заметной. Повсеместно отмечено повышение брачного возраста с повышением уровня образования супругов. Так, в США в 1950 г. среди групп населения с начальным школьным образованием средний возраст вступления в брак был: у мужчин — 24 года, у женщин — 21 год; у людей с высшим образованием: у мужчин — 25,7 года, у женщин 23,2 года (Tietz, 1958). Эта закономерность не нарушается, по-видимому, если учитывать уровень образования лишь одного из супругов; так, в ОАР в 1948—1957 гг. средний возраст вступления в брак женщин, у которых мужья не имеют никакого образования, был 18—19 лет, а у которых мужья со средним образованием — 21 год (El-Badry, WPC — 1965). Отмечено повышение брачного возраста в более состоятельных (по размеру дохода) группах и вместе с тем связь его с экономическими и жилищными трудностями, как это наблюдается, например, в Ирландии.

Весьма интересно сравнение действительного брачного возраста с возрастом, который в данной группе населения считается «идеальным», что позволяет подсказать возможное изменение брачного возраста в ближайшем будущем, но, к сожалению, материалов по этому вопросу очень мало. В странах, где распространены ранние браки, «идеальный» возраст оказывается обычно заметно выше действительного; так, по обследованиям населения Пуэрто-Рико в 1947—1948 гг. опрошенные считали идеальным брачный возраст для девушек — 21 год, для мужчин — 26,6 года, а в действительности средний возраст вступления в брак оказался равным соответственно 19,1 и 23,8 года (Haft, 1952); примерно такая же картина наблюдалась при обследовании в Пенджабе; идеальным брачным возрастом для женщин считался возраст старше 16 лет (у обеспеченных групп даже старше 19 лет), между тем многие женщины вступали в брак до 16 лет («The changing...», 1960, p. 117). В других случаях, например в Ирландии, идеальный возраст брачующихся намного ниже действительного.

Можно считать установленным, что низкий брачный возраст женщин, ранние браки увеличивают плодovitость главным образом за счет общего удлинения периода возможного деторождения и за счет того, что плодovitость молодых женщин несколько выше, чем в среднем возрасте (за счет уменьшения послеродового восстановительного периода и других причин). По некоторым исследованиям, шанс забеременеть в течение первого года брачной жизни женщины 20 лет равен 50%, у женщины в 25—29 лет — 25%, а у женщин в 40—45 лет — лишь 7% (Pethe, Gandhi, 1955, p. 37)¹. Подобная закономерность нарушается в случаях очень ранних браков; так, например, установлено, что в Пенджабе женщины, вышедшие замуж в 14—15 лет, имели меньше детей, чем те, которые вышли замуж в 18—20 лет («The changing...»,

1960, см. также стр. 112). Подобное явление, как уже отмечалось, объясняется неблагоприятным влиянием беременности и родов на недостаточно развитый женский организм; этот факт имеет большое значение для объяснения пониженной плодovitости женщин во многих племенных обществах. Следует подчеркнуть также, что данная закономерность проявляется, конечно, лишь когда планирование семьи не проводится. В противном случае картина может быть даже обратной. В конце XIX в. в Швеции женщины вступали в брак на 3,4 года, а в Бельгии на 4 года в среднем старше, чем во Франции, однако плодovitость замужней женщины в Швеции и в Бельгии была почти на 40% выше, чем во Франции (Смит, 1904, стр. 123, 124); в настоящее время плодovitость ирландок, например, заметно выше англичанок, хотя последние вступают в брак раньше.

Низкий брачный возраст, как правило, сочетается с повышенным показателем брачности (число людей, вступивших в брак в течение года на 1000 человек населения) и общим повышенным процентом людей, состоящих в браке. В племенных обществах браки носят универсальный характер, безбрачие считается аномальным явлением. Все женщины производительного возраста, как правило, находятся в браке; разведенные и вдовы довольно быстро (нередко — через несколько дней) вступают в новый брак; у многих народов существуют обычаи, по которым брат умершего или один из его ближайших родственников должен жениться на вдове (так называемый обычай левирата). Этот обычай особенно распространен у народов, которые практикуют выкуп невесты и рассматривают ее затем как принадлежность семьи мужа. Численное преобладание женщин, могущее создаться вследствие гибели мужчин на войне, охоте и т. п., обычно компенсируется путем полигамии (точнее — полигинии, т. е. многоженства). У многих африканских народов взрослый, но неженатый мужчина находится под контролем отца и, лишь женившись, получает право на самостоятельную жизнь и положение в обществе. У многих более развитых народов браки тоже носят по существу универсальный характер. Брак поднимает престиж брачующихся в глазах окружающих, дает право на регулярную половую связь, на рождение и воспитание детей, позволяет пользоваться преимуществами полового разделения труда и т. д.

¹ Число детей на женщину, вышедшую замуж в возрасте 15—19 лет, составляло, по материалам шведской статистики 1776—1800 гг., — 10; 20—24 лет — 7,5; 25—29 лет — 5,4; 30—39 лет — 3,5; соответствующие данные шотландской статистики 1910 г. — 9,0; 7,0; 4,4 и 3,2 (Yasuba, 1962). На Кокосовых островах средняя брачная плодovitость женщин, вышедших замуж в возрасте 16 лет, достигает к 45 годам 10 детей, а у женщин, вышедших замуж в 20—24 год, — лишь 6,5 ребенка (Smith, 1958).

Влияние религиозного фактора на рождаемость или плодovitость будет более подробно рассмотрено ниже, но можно отметить, что отдельные религиозные системы и религиозные секты проповедуют безбрачие, а другие создают некоторые препятствия для повышения брачности. Так, индуизм, приветствующий ранние и всеобщие браки, считающий позором для родителей иметь взрослую незамужнюю дочь, вместе с тем осуждает вторичные браки вдов, рассматривая смерть их мужей как наказание женщин за какие-то прегрешения. В 1856 г. был издан закон, разрешающий им вторичное замужество, но положение с тех пор изменилось мало. В высших кастах вторичные браки вдов до сих пор очень редки, в низших — лишь немногим более часты. Значение подобных ограничений будет понятно, если учесть, что, например, по переписи 1951 г., в Индии было около 20 млн. вдов, свыше половины из них — фертильного возраста, в том числе значительная часть — вдовы-девочки в возрасте до 16 лет. Из-за существующего предубеждения против вторичных браков вдов и из-за общей нехватки женщин в Индии вдовцы не могут найти жены в своей или ближайшей возрастной группе, где все женщины либо состоят в браке, либо вдовы, и женятся на молодых, обрекая тем самым их на раннее вдовство. Традиционно отрицательное отношение к бракам вдов отмечено и в Китае. По материалам проведенного там в 1947 г. обследования ряда районов юго-западных провинций, среди женщин в возрасте старше 15 лет приходилась одна вдова на каждые 3,15 замужних (в Индии — на 3,14, в США — на 5,5 замужних) (Yang, 1965, p. 46).

Все направления и секты буддизма поощряют безбрачие как наиболее верный путь к совершенству; в Бирме свыше 80% вдов и вдовцов остается одиноким, чтобы лучше подготовиться к загробной жизни (Nash, 1963). Первые «отцы» христианской церкви (особенно Афинагор) не одобряли замужества вдов, но в настоящее время отношение к этому христианских церквей в целом нейтральное. Ислам не устанавливает низшего предела брачного возраста женщин, коран разрешает быстрый вторичный брак разведенных и вдов (обычно требуется лишь интервал в 2—3 месяца, чтобы убедиться, не была ли женщина беременной от первого мужа); в мусульманских странах широко практиковался обычай левирата.

Сильное влияние на общую брачность у народов с моногамными браками оказывает создающаяся по ряду причин диспропорция полов; многие женщины не могут выйти замуж просто из-за нехватки мужчин брачного возраста. Такая диспропорция особенно часто бывает среди небольших племен и социально-культурных групп, например в Индии среди небольших каст, придерживающихся эндогамии (заключение браков только внутри данной группы), так как отмеченное выше правило примерно равного рождения мальчиков и девочек постоянно действовало лишь для больших коллективов.

В крупных экономически развитых странах, как мы покажем ниже, в период половой зрелости численность девушек и юношей выравнивается, а затем во всех возрастных группах начинается все увеличивающееся преобладание женщин как за счет их большего «естественного» долголетия, так и за счет потерь мужчин в войнах, в эмиграции, от несчастных случаев на производстве и т. д. В СССР, по данным переписи 1959 г., в возрастной группе 30—44 года на 23,9 млн. женщин приходилось лишь 13,2 млн. мужчин, что объясняется главным образом громадными потерями мужчин в годы войны 1941—1945 гг. В «нормальных» условиях нехватка мужей усугубляется существующей традицией выбирать жену из более молодой и поэтому многочисленной возрастной группы (для ранних браков мужчин эта тенденция обычно уменьшается, для браков мужчин среднего возраста — увеличивается); с распространением браков по любви выбор брачного партнера осложняется и рядом психологически-эмоциональных факторов. В результате этого значительная часть женщин производительного возраста оказывается обреченной на безбрачие. В середине XIX в. во многих странах Западной Европы умирало одинокими свыше 10% женщин, во Франции — 20% (Westermarck, 1925, p. 388). В США среди женщин в возрасте 35—44 лет никогда не вступали в брак в 1940 г. 10%, в 1960 г. — 6% (Glick, WPC — 1965).

Сильное влияние оказывают на диспропорцию полов миграции населения. Во внешних миграциях большинства стран мира обычно преобладают мужчины, поэтому вопрос о замужестве женщин-иммигранток в странах их нового обитания, при тенденции к бракам с мужчинами своей национальности, решается сравнительно просто.

В то же время массовые миграции повышают безбрачие женщин в странах выхода мигрантов, напоминая в этом отношении влияние войн. Значительное влияние на брачность оказывают и внутренние миграции населения из села в город и из одного района страны в другой. В большинстве городов так называемых развивающихся стран Азии и Африки резко преобладают мужчины: в крупнейших городах Индии число мужчин более чем в 1,5 раза превышает число женщин, в Сольсбери (Южная Родезия) — 1 женщина приходится на 7 мужчин, в Найроби (Кения) — на 5 мужчин и т. д. В ряде африканских стран есть местности, где в деревнях можно встретить только женщин, детей и стариков (Pitie, 1966). В городах экономически развитых стран Европы и Америки процент женщин обычно выше, чем в сельской местности. Основные сельскохозяйственные работы в этих странах выполняются мужчинами; что же касается трудоспособных женщин, то они устремляются в города, преимущественно в сферу обслуживания или на предприятия легкой промышленности. В СССР процент мужчин выше в районах тяжелой промышленности (Урал, Донбасс и др.) и в осваиваемых северных и восточных районах, процент женщин — в преимущественно сельскохозяйственных областях и в районах развития легкой промышленности (северные области нечерноземного центра и др.).

Остаиваясь кратко на анализе показателя брачности по различным странам мира, отметим, что в текущей демографической статистике отражены главным образом лишь официально зарегистрированные гражданские и церковные браки. Браки, заключенные по племенным и иным местным обычаям, а также различные виды брачного сожительства, как правило, не учитываются, и это весьма затрудняет сравнение данных по разным странам и народам. Установлена связь этого показателя с половозрастной структурой населения, экономической конъюнктурой, урбанизацией (в городах брачность обычно выше, чем в сельских местностях) и другими показателями. После окончания второй мировой войны в большинстве капиталистических стран отмечен рост брачности главным образом за счет заключения браков, отложенных в годы войны.

Прекращение брачно-половых отношений, в которых состоит та или иная женщина, или перерыв в них, также

оказывающий отрицательное влияние на плодovitость и рождаемость, может явиться следствием не только смерти супруга, но и развода. В демографических материалах отражаются, как правило, лишь те разводы, которые оформлены официально через судебные или церковные органы; показатель разводов (число разводов в год на 1000 человек населения) еще менее, чем показатель брачности, пригоден для каких-то сопоставлений, так как он определяется обычно не столько действительной стойкостью или непрочностью брачных союзов, сколько трудностью или, напротив, легкостью оформления развода. Разводы сравнительно легки, например, у многих мусульманских народов. Согласно установкам ислама мужу достаточно произнести определенную клятву, чтобы брак уже считался расторгнутым (Вагабов, 1968, стр. 51); страны, население которых исповедует ислам, в частности ОАР, отличаются высокими показателями разводов. В христианских странах разводы затруднены; брак считается здесь союзом, скрепленным богом, а «то, что бог соединил, человек не может расторгать». Особенно были затруднены разводы в странах, население которых исповедовало православие и католицизм, так как церковные власти весьма неохотно разрешали расторжение брака. До сих пор развод почти не санкционируется в Ирландии, Италии, Испании, на Филиппинах и в ряде стран Латинской Америки; именно в этих странах официальный показатель разводов очень низкий. Значительные группы мужчин и женщин в таких странах часто вынуждены строить новую семейную жизнь, формально не порвав со старой. Очень редки разводы в Индии, большинство народов которой исповедует индуизм, осуждающий расторжение брака.

Демографо-социологические исследования разводов в различных странах мира показывают обусловленность их рядом факторов, видное место среди которых занимает бездетность жены, измена жены (реже — измена мужа), неспособность мужа содержать семью и др. Установлено, что в городах показатель разводов, как правило, значительно выше, чем в сельских местностях, а у малообеспеченных групп выше, чем у обеспеченных (Rowntree, Carrier, 1958). Значительное влияние на увеличение числа разводов в ряде стран мира оказала вторая мировая война. В США относительное число разводов возросло

с 1860-х годов до 1914 г. в 2,5 раза, а до 1946 г. — в 19 раз (Jacoby, 1958; Simpson, 1960, p. 350).

В племенных обществах разводы обычно значительно более легки и часты, чем в экономически развитых странах; лишь немногие народы, в частности ведды, андамцы и другие (Westermarck, 1925, v. 3, p. 270) считали брак нерасторжимым. Наиболее серьезным препятствием разводов являются экономические причины (необходимость возвращения брачного выкупа за невесту и т. п.). По исследованиям, проведенным в различных районах Африки в последние годы, около 50% всех заключенных браков кончалось разводом или разездом супругов (Ardener, 1962). Это связано главным образом с учащением миграций в поисках трудоустройства, длительным отъездом мужчин для работы на плантациях, в городах и т. п. Особенно часты разводы у племенных обществ с матрилинейным счетом родства и матрилокальным поселением супругов. Так, у ашанти из нескольких сот опрошенных женщин около 45% имело в своей жизни по одному и больше разводов (Fortes, 1954).

Формы брачных отношений

Элементарная и, по-видимому, наиболее типичная для человека ячейка естественного воспроизводства — брачная пара, находящаяся в каком-то образом оформленных брачно-половых отношениях, живущая вместе, имеющая общий бюджет и хозяйство, образует простую моногамную семью; в доклассовом обществе была широко распространена парная семья, менее устойчивая, чем моногамная, но по характеру влияния на рождаемость сходная с ней. В случае если мужчина находится в брачно-половых отношениях с несколькими женщинами, — перед нами полигамная (полигинная) форма брака; если женщина находится в брачно-половых отношениях с несколькими мужчинами — полиандрическая. Другие известные формы брака, например групповой брак, по своему влиянию на рождаемость могут рассматриваться как та или иная комбинация из этих трех основных типов; в исторически обозримый период такие формы брака встречались редко, а их конкретное влияние на плодovitость не изучено.

Полигамные браки в прошлом имели довольно широкое распространение у многих народов земного шара. Такие

браки допускались в подавляющем большинстве известных науке племенных обществ; считалось вполне естественным, что сильный воин или удачливый охотник имеет несколько жен, которых он может содержать. Однако такие браки вряд ли имели массовое распространение и, по-видимому, нередко представляли собой своего рода социальную привилегию племенной верхушки. Отмечено, что полигамные браки редки среди племен охотников-собираателей (за исключением австралийцев и бушменов) и лишь немногим чаще встречались среди племен охотников и рыболовов; процент полигамных браков повышается с переходом к земледелию и скотоводству и особенно значителен при сочетании земледелия со скотоводством.

В Северной Америке полигамные браки были распространены больше, чем в Южной, однако ряд народов и в Северной Америке придерживался моногамной или парной семьи (ацтеки, гуруны, апачи и др.). Сравнительно редко встречалась полигамия и у племенных обществ Азии, оставаясь здесь привилегией племенной аристократии, особенно вождей. Наиболее часто она встречалась у народов Африки, где нередко принимала чудовищные формы; некоторые вожди крупных племенных союзов и правители раннеклассовых государств имели по несколько сот жен; несколько десятков жен считалось довольно обычным явлением. Подсчитано, что вне Африки полигамия встречалась у 30% земледельческих народов, в Африке — у 86%; среди скотоводческих народов — соответственно в 57 и 76% (Westermarck, 1925, v. 3, p. 25). В настоящее время число племенных обществ, у которых преобладает полигамия, сравнительно невелико; к ним относятся: яко (85% всех семей), нупе (81%), менде (80%), темне (65%) и некоторые другие (Moni Nag, 1962, p. 196, 197), у остальных преобладает моногамная семья.

В Древнем Египте и Вавилоне полигамия встречалась очень редко; у древних евреев, напротив, — в довольно широких пределах, хотя и у евреев преобладали моногамные браки. Многоженство отражено в Риг-Веде и, по-видимому, считалось у древних индусов обычным; еще в XIX в. около 5% индусов жило в полигамном браке; примерно такое же распространение имела полигамия и у буддистов. Полигамные браки встречались у древ-

них славян и скандинавов, обычно у вождей. Раннее христианство не запрещало полигамию; еще в средние века некоторые короли и князья, в частности из Меровингов, имели по две жены. Отдельные христианские секты (анабаптисты, мормоны) проповедовали полигамию как истинно христианский брак, однако большинство христианских церквей и сект резко осудило ее. По существу единственной из мировых религий, последовательно поддерживающей полигамию, является ислам; коран разрешает мусульманину иметь до четырех законных жен, не считая жен-рабынь, число которых у отдельных богатых и знатных мусульман измерялось десятками, а то и сотнями.

Несмотря на допущение исламом полигамии, распространение ее среди мусульман невелико. В начале XX в. в Индии в полигамии находилось не более 15—20% мусульманского населения, в Иране — менее 5%. У кочевых племен бедуинов Негева (Израиль) полигамные семьи составляли лишь 10% от общего числа. В последнее время в мусульманских странах количество полигамных браков сокращается; в некоторых из них, например в Пакистане, вводится ограничение многоженства законодательным путем. В ОАР процент полигамных браков снизился с 4,8 в 1927 г. до 3,5 в 1935 г.; в настоящее время он не превышает 3% (Baer, 1964, p. 38, 55).

Одна из причин полигамии — диспропорция полов, значительное численное преобладание женщин, связанное с потерями мужчин в межплеменных войнах, на охоте и т. п. В племенных войнах и военных столкновениях между более развитыми народами (характерны в этом отношении завоевательные войны монголо-татар, арабов, турок) мужчины покоренного народа могли подвергнуться почти полному истреблению, а женщины — стать женами и наложницами победителей. В середине XIX в. среди большинства народов Африки преобладали женщины; среди некоторых племен банту (например, у баганда) и в некоторых районах Мадагаскара на каждого мужчину приходилось по 3—4 женщины. По переписи населения Сьерра-Леоне (Африка) в 1931 г. у менде в возрастной группе 15—60 лет на каждые 100 мужчин приходилось свыше 120 женщин (McCulloch, 1964, p. 22). Среди ряда индейских племен Северной Америки в начале XIX в. на каждого мужчину приходилось 2—3 женщины, что,

по мнению Крзивицкого, «естественно вело к полигамии» (Krzywicki, 1935, p. 230). Сильная диспропорция полов иногда заставляла прибегать к полигамии и более развитые народы. Имеется, в частности, сообщение, что в 1650 г., вскоре после окончания Тридцатилетней войны и Вестфальского мира, окружной совет Нюрнберга, учитывая сильное сокращение населения и особенно убывь мужчин, принял постановление, позволяющее мужчинам иметь по две жены (Westermarck, 1925, v. 3, p. 51).

Другой важной причиной полигамии является бездетность первой жены, а у народов с патриархальными традициями — рождение ею только девочек. Так, например, у бахайя, среди которых преобладали парные семьи, в случае бесплодия жены ее семья должна была дать и жены младшую сестру или другую близкую родственницу первой жены; при этом первая жена обычно оставалась у мужа (Richards, Reining, 1952). Немаловажную роль играло стремление мужчин увеличить удовольствие от брачно-половых отношений, особенно если первая жена быстро старела от тяжелой работы, родов и т. п., а тем более была старше мужа, как это наблюдалось, например, у китайцев, корейцев и других народов. Большое, нередко главное значение имел экономический стимул, так как у многих народов женщины выполняли основные и наиболее трудоемкие работы в поле и в домашнем хозяйстве; кроме того, нередко число жен являлось своего рода показателем социального положения или ранга мужчины.

Число жен, приходящихся на одного мужа в полигамных браках в племенных обществах, колебалось в довольно широких пределах, но чаще всего встречался брак с двумя или тремя женами. По обследованию, проведенному в 1945—1949 гг., среди упомянутых выше менде (Африка) из 433 полигамных семей (52% всех семей) в 312 имелось по 2 жены, в 121 — по 3 и более (McCulloch, 1964, p. 22). У темне (Африка) в полигамных семьях на 100 мужей в среднем приходилось 254 жены, причем на 100 мужей в возрасте 20—25 лет — 200, а на 100 мужей в возрасте 20—50 лет — 300 жен (Dorjahn, 1958). Возрастанье числа жен с возрастом мужа характерно и для других народов, практикующих полигамию, так как с возрастом обычно улучшается социально-хозяйственное положение мужчины и вместе с тем возрастает число причин, которые способ-

ствуют полигамии. По исследованиям групп австралийцев у залива Карпентария, в 1941 г. на каждого мужа в возрастной группе 41—50 лет приходилось в среднем 3 жены, в группе 21—30 лет — 1—2 жены (Rose, 1960). В мусульманских странах в последние десятилетия среди полигамных семей преобладают семьи с двумя женами.

Можно считать установленным, что полигамия оказывает в целом отрицательное влияние на плодovitость, хотя некоторые авторы (Lorimer, 1954, p. 98; Dorjahn, 1962) отрицают это. Главной причиной такого влияния является уменьшение частоты половых сношений; половая активность мужчин, имеющего несколько жен, обычно повышается, однако она не может возрастать пропорционально их числу. Следует также учесть, что с увеличением частоты таких сношений уменьшается число активных сперматозоидов, приходящихся на каждый половой акт, и что полигамные браки, как уже отмечалось выше, чаще распространены среди мужчин среднего возраста, чем среди более активных в половом отношении молодых мужчин. Все это усугубляется неравномерным вниманием мужа к своим женам. Мусульманская книга законов (Kitab al Figh) требует, чтобы муж равномерно делил свое внимание между всеми женами и не оставался с одной более 4 месяцев. Обычно каждая жена имеет свою комнату или шатер и муж посещает ее в очередную ночь, причем установленный порядок может быть изменен только с согласия самих жен. Фактически же чаще всего муж уделяет основное внимание какой-то одной жене, пренебрегая остальными. Отметим также, что ограничение брачно-половых отношений, в частности послеродовое воздержание, в полигамных браках, как правило, значительно длиннее, чем в моногамных. Все это удлиняет интервал между очередными зачатиями.

Сопоставимый статистический материал о плодovitости полигамных и моногамных браков очень редок. По данным Мюсама, исследовавшего плодovitость у бедуинов Негева, на замужнюю женщину старше 50 лет в моногамном браке приходилось в среднем 3,8 живых детей (7,7 рождения), в полигамном — на первую жену — 3,1 (5,0 рождения), на вторую — 3,3 (5,4 рождения). Если же исключить бездетных женщин, то соотношение несколько сглаживается: на одну женщину в моногамном браке приходится 11,2 рождения, в полигамном браке —

10,2 (Muhsam, 1956). Хрдличка, исследовавший плодovitость индейцев племени сиу (Северная Америка), установил, что число рождений на одну женщину после завершения фертильного периода в моногамном браке колебалось от 4 до 16, составляя в среднем 8,1, в полигамном браке — от 4 до 12, составляя в среднем 6,9 (Hrdlička, 1931).

Говоря об отрицательном влиянии полигамии на плодovitость, следует сказать и о некоторых положительных ее сторонах. Многоженство, особенно в случаях, когда за жену требуется выкуп (калым), чаще всего по силам лишь состоятельным мужчинам, поэтому полигамные семьи обычно более зажиточны и женщины в них меньше загружены работой, чем в моногамных (нередко первая жена сама требует, чтобы муж взял вторую жену), что может благоприятно сказаться на их здоровье и в отдельных случаях даже положительно влиять на плодovitость. Иногда в полигамных браках может повыситься частота половых сношений; так, например, в некоторых случаях кочевникам-скотоводам приходится делить стадо на две и более частей; при моногамном браке это может привести к довольно длительному разобщению супругов, остающихся каждый с одной частью стада, при полигамном — жены кочуют со своими частями стада и поочередно посещаются мужем. И если в целом полигамия снижает плодovitость, то во многих случаях она может значительно повысить показатель рождаемости за счет увеличения процента женщин, состоящих в брачно-половых отношениях.

Полиандрия по сравнению с полигамией представляет собой гораздо более редкое явление. По-видимому, судя по Махабхарате, она встречалась у древнеарийских племен (Karadia, 1966, p. 52); Страбон сообщает об отдельных случаях полиандрии в древней Спарте. Известны также случаи полиандрии у некоторых индейских племен Северной Америки и отдельных групп эскимосов и айнов, на Маркизских островах, однако во всех этих районах она не имела значительного распространения, представляла своего рода исключения. Сравнительно широкое бытование полиандрии отмечено в Тибете, Гималаях и некоторых районах Южной Индии. В Тибете она была характерна главным образом для малоимущих слоев населения; обесчещенные группы придерживались моногамии, а иногда и полигамии; показательно, что священнослужители —

ламы — относились к полиандрии неодобрительно. В Гималаях многомужество встречалось от Ассама до Кашмира у ряда живущих там тибетоязычных народов: бхотиев, шерпа, ладакхов, мири, дафла, абор, лепча и др.; в Южной Индии — среди дравидоязычных кандхов, тогда, бадага, кодагу; у всех этих народов чаще всего практиковалась так называемая братская полиандрия — все мужья женщины являлись кровными братьями; по данным некоторых исследователей, право сожителства распространялось только на младших братьев мужа женщины, а старшие братья должны были искать другую жену. В случае если у женщины, вступившей в брак с одним из братьев, имелись сестры, то они нередко становились также женами братьев; в этом случае полиандрия сочеталась с полигамией. В доме своих мужей женщина обычно имела отдельную спальню и посещалась мужьями в очередную ночь по установленному ими порядку, дети обычно принадлежали старшему мужу-брату. Только у наиров малабарского побережья в полиандрическом браке объединялись мужчины, не связанные никаким родством; в этом случае женщина не переходила в дом мужчины, а жила в своем жилище и там посещалась своими мужьями в том или ином установленном ею порядке, причем дети обычно оставались в ее роду (Peter, 1965).

К причинам полиандрии следует отнести прежде всего нехватку женщин, связанную с традиционно пренебрежительным отношением к девочкам, что вело к их повышенной смертности; иногда девочки умерщвлялись сразу после рождения. В северо-западных областях Индии, где была распространена полиандрия, на 100 мужчин во второй половине XIX в. приходилось в среднем 80—85 женщин; у тогда в 1871 г. на 100 женщин приходился 141 мужчина, в 1902 г. — 132; у бадага в 1856 г. на 100 женщин приходилось почти 150 мужчин (Westermarck, 1925, v. 3, p. 161—163). Значительное преобладание мужчин отмечено и в других районах бытования полиандрии. Важную роль в ряде случаев, в частности в Тибете и Гималаях, играли экономические причины — трудность, а иногда и невозможность для индивидуальной семьи вести хозяйство в тяжелых природных условиях. У наиров полиандрия была связана, по-видимому, с военной организацией мужчин, не позволяющей им вести нормальную семейную жизнь, выполнять повседневные обязан-

ности мужей и отцов; важной причиной являлось и бытование у них материнского рода.

Влияние полиандрии на плодovitость не изучено, но можно предположить, что оно скорее отрицательное, нежели положительное. Хотя, по имеющимся наблюдениям, женщины, состоящие в полиандрических браках, гордятся тем, что имеют нескольких мужей, положение их в полиандрических семьях довольно тяжелое и обычно приниженное; им приходится работать с раннего утра до позднего вечера по домашнему хозяйству, а иногда и в поле, что приводит к быстрому их увяданию. Районы распространения полиандрии находятся в странах, характеризующихся традицией ранних браков и многодетности, однако рождаемость в этих районах, как правило, невысокая. В настоящее время полиандрия почти всюду уступила место моногамии и встречается лишь как пережиток. Известную роль в этом сыграло законодательное запрещение убийства девочек, что привело к смягчению диспропорции полов.

Кратко останавливаясь на характеристике внебрачных связей и факторов, их определяющих, отметим, что в племенных обществах, стоящих на низких ступенях развития, например у австралийцев, половые сношения начинались очень рано — обычно еще до наступления половой зрелости; по-видимому, так было и у первобытных народов. Подобные обычаи могут представить интерес лишь с точки зрения их влияния на последующую плодovitость; вопрос этот почти не изучен, но можно предполагать, что такое раннее начало половых сношений оказывало на плодovitость неблагоприятное влияние. Что же касается добрачных половых связей после наступления половой зрелости, то, как показывают многочисленные этнографические наблюдения, они были распространенным явлением у многих, даже сравнительно развитых народов земного шара. При отсутствии предохранительных средств такие связи нередко кончались беременностью. У некоторых народов внебрачные дети принимаются без осуждения семьей (или родом) женщины (реже — семьей или родом ее любовника), причем рождение ребенка, как наглядное свидетельство способности женщины к детопроизводству, даже повышает ее брачную ценность. У других народов рождение внебрачных детей встречается с осуждением, доходящим иногда (особенно при

традиционном требовании девственности невест) до гражданского остракизма. В этом случае женщина может прибегнуть к аборту или даже детоубийству; неумело произведенный аборт может привести к бесплодию женщины и к ее смерти.

Статистический материал по внебрачной плодovitости в племенных обществах весьма скуп, но в целом создается впечатление, что из-за раннего и почти поголовного охвата женщин брачными союзами она не играет значительной роли.

В сравнительно развитых странах процент внебрачных детей довольно высок, что связано с диспропорцией полов (после войн и т. п.), значительным процентом в населении холостяков и незамужних, невозможностью оформить брак и другими, в том числе социально-экономическими, причинами. Во второй половине XIX в. в странах Западной Европы «незаконнорожденные» дети составляли от 3% (Ирландия) до 15% (Австрия) всех рождений; повышенный процент «незаконнорожденных» отмечен в Баварии в 1860—1868 гг. (свыше 22%), где существовали законы, запрещающие браки экономически необеспеченных пар. В городах процент «незаконнорожденных» был несколько выше, чем в селах, у протестантов выше, чем у католиков и тем более евреев, у разведенных женщин выше, чем у вдов (М. Смит, 1901, стр. 90—92). По последним данным, относящимся к 1955—1964 гг., на 100 детей, рожденных в зарегистрированном браке, приходилось рожденных вне такого брака: в большинстве стран Европы в среднем 5—10 (в Греции и Албании — до 2, в Австрии — до 14, Исландии — свыше 25), в Канаде и США — 4—7, в большинстве других стран Америки — свыше 10, а в странах Центральной Америки (Ямайка, Гаити, Гватемала) и других — свыше 60. В Африке наблюдается очень пестрая картина с колебаниями от 1—2 и менее (ОАР, Алжир и др.) до 50 и более (острова Зеленого Мыса) и даже до 90 и более (острова Сан-Томе и Принсипе); в странах Азии, по имеющейся статистике (Япония, Израиль, Филиппины и др.), число таких детей незначительно.

Повышенный процент детей, рожденных вне брака, в некоторых странах объясняется чаще всего тем, что неоформленные брачные связи имеют там длительный

характер; подобное сожителство с незамужней женщиной признавалось еще древнеримским правом под названием конкубината. Так, по материалам опроса, в середине 1950-х годов на Ямайке лишь 29% женщин находилось в зарегистрированном браке, 44% жило в конкубинате, признанном официально как брак по обычному праву, 27% — в неустановленных брачных отношениях временных посещений. Около 75% всех младенцев рождалось «незаконнорожденными»; половина женщин в возрасте 35—40 лет сообщили, что они имели в своей жизни по 3 и более брачных союза (Stycos, WPC—1965). Причины этого явления полностью не установлены, но несомненно, что оно связано с недавним рабским прошлым населения (на некоторых островах Карибского моря население почти сплошь состоит из негров и мулатов — потомков рабов, завезенных в XVI—XVII вв. для работы на плантациях). Для раба и рабыни было трудно, а нередко и невозможно как-то оформить брачную связь, часто у них не было даже своего жилища; вместе с тем наблюдалось сочувственное отношение со стороны окружающих к таким неоформленным бракам и потомству от них. Изживанию сложившихся брачных традиций в настоящее время препятствует большая миграционная подвижность мужчин, массами покидающих острова в поисках работы, неуверенность в завтрашнем дне. На каждую 1000 женщин в возрасте 20—59 лет в 1946 г. на Ямайке приходилось 828 мужчин, на Барбадосе — 686. Семейное положение взрослого населения этого района отличается неустойчивостью: временные связи или конкубинат после рождения детей могут перейти в оформленный брак. Чаще всего это случается уже в зрелом возрасте; так, на Ямайке у матерей в возрасте до 25 лет «незаконнорожденные» составляют свыше 80% всех детей, старше 40 лет — менее 40%; средний возраст вступления в брачные отношения — 19—20 лет, в оформленный брак — 28,5 года (у мужчин — 34 года). Исследование плодovitости населения Карибского района показало, что она тесно связана со степенью оформления брачных отношений: на каждую мать-одиночку 45 лет и старше на Ямайке приходилось 4,7 ребенка, на состоящих в конкубинате — 5,6 детей, в оформленном браке — 6,6 ребенка (Roberts, WPC—1965). Эта закономерность, связанная

как с нерегулярностью половых сношений в неоформленных союзах, так и с применением в них контроля рождаемости, распространяется и на другие страны мира.

Традиции многодетности и брачно-половые ограничения

Процесс естественного воспроизводства в человеческом обществе связан с факторами личного и общественного сознания, с действием ряда социальных установок, которые возникали под влиянием материальных условий жизни общества, но могли реально проявляться, лишь пройдя через сознание. Общественные традиции оказывают сильное влияние на брачный возраст и общую брачность населения, однако учет обоих этих показателей сам по себе еще недостаточен для объяснения различий в плодovitости тех или иных народов мира. Даже при сравнительно поздних браках (в 25—30 лет) у супружеских пар остается достаточно времени, чтобы создать довольно многодетные семьи; и если этого не происходит, то причиной является обычно контроль рождаемости. Установлено, что средства планирования семьи, в частности различные способы предохранения от зачатия и аборты, известны многим народам с глубокой древности (см. Devereux, 1960), однако эти средства у подавляющего большинства из них не получили широкого распространения; не получили широкого распространения у них и более удобные для применения новейшие контрацептивные средства, хотя в ряде развивающихся стран, в частности в некоторых штатах Индии (особенно в Майсоре), силами местных и международных организаций после второй мировой войны была развернута широкая пропаганда таких средств. Конечно, в ряде случаев супружеские пары хотели бы ограничить число детей, но не знают, как это сделать, однако в большинстве случаев отсутствие контроля является не столько результатом «темноты и невежества» населения, сколько тем, что оно рассматривает процесс деторождения как естественный и необходимый результат брачных отношений и достаточно сознательно стремится к многодетности.

Естественное воспроизводство, рождение нового поколения является неременным условием самого существования того или иного коллектива людей (семьи, рода, племени и т. п.), причем его престиж и безопасность

обычно связываются с его численностью. Поэтому, по-видимому, еще в первобытном обществе должны были возникнуть общественные установки (на первых порах, конечно, не вполне осознанные) для поддержания высокой плодovitости, т. е. традиции многодетности, как закономерная реакция на существовавшую тогда очень высокую смертность. Известный американский демограф Потстейн пишет, что каждое общество, имея в прошлом период высокой смертности, должно было для сохранения выработать высокую плодovitость. Поэтому религиозные доктрины, моральные нормы, законы, обычаи, правила женитьбы и формы семейной организации были направлены на поддержание высокой плодovitости (Notestein, 1945, p. 39). У родо-племенных обществ, оказавшихся в особо неблагоприятных условиях, в изолированных районах с ограниченными природными ресурсами, разбитых на мелкие локальные группы, подобные традиции выступали слабее, у племен, живущих в условиях, способствующих упрочению их социальной организации, — сильнее.

Стремление к многодетности обусловлено сложным комплексом причин и мотивов. У большинства народов мира дети — одна из высших социальных ценностей. Одним из важных стимулов многодетности является повышенная смертность детских возрастов и опасность, что при небольшом числе детей ни один из них не доживет до совершеннолетия, не позаботится о стариках-родителях; у народов с патрилинейным счетом родства особое значение в этом отношении придается сыну как продолжателю рода, фамилии. В многодетной семье интереснее и веселее жизнь, дети из такой семьи лучше приспособлены к социальной жизни, они менее эгоистичны и т. п. К числу мотивов высокой плодovitости можно отнести, наконец, желание мужчины таким образом продемонстрировать свою «мужскую силу», а женщины — свою плодovitость, а также неприязнь к контрацептивным средствам как к чему-то противоестественному и во всяком случае нарушающему половую близость между супругами.

Все же беременность и особенно деторождение, даже при здоровом женском организме, сами по себе далеко не приятны, а содержание и воспитание детей — далеко не легкое занятие. Поэтому стремление брачных пар

к многодетности обычно усиливается влиянием окружающей социальной среды в виде одобрения, поддержки, повышения их престижа и т. д. У многих народов половые основы брака считаются частным делом, обусловленным личными чувствами и моральными установками, в то время как плодovitость рассматривается прежде всего с точки зрения интересов общества («Proceedings...», 1955, р. 137). Личные моменты в процессе естественного воспроизводства играют тем меньшую роль, чем теснее связь брачной пары с более широкой социальной группой. Такая связь характерна в первую очередь для обществ, социальная структура которых основана на больших родовых семьях с матрилинейным или патрилинейным счетом родства. Тот и другой тип общества отличается крепкой материальной и духовной связью своих членов, каждый из которых стремится к усилению своей группы за счет увеличения ее численности. Поэтому такие общества, несмотря на имеющиеся различия в правах супругов, порядке наследования и т. д., создают сильные мотивы для высокой плодovitости, прежде всего путем обеспечения поддержки многодетных брачных пар как в хозяйственно-бытовом, так и в социальном отношении.

Для характеристики влияния на плодovitость матрилинейного рода можно воспользоваться материалами М. Фортеса по ашанти, которые сохранили ряд пережитков матриархата (Fortes, 1954). До недавнего времени свыше $\frac{2}{3}$ всех женщин, состоявших в браке, проживало с родом своих матерей. Во главе таких родов нередко стоит женщина; старые женщины пользуются большим авторитетом во всех семейных вопросах. Ребенок при матрилокальном поселении остается в роде жены, но имя ему дает отец, совершающий над ним особый обряд. Браки у ашанти являются ранними и обязательными, а безбрачие считается аномальным. Девушки вступают в брак обычно вскоре после инициации, т. е. примерно в 16—17-летнем возрасте; инициацию стремятся провести незамедлительно после наступления половой зрелости, так как беременность до инициации считается серьезным проступком. Девушка, прошедшая инициацию, может иметь любовника и даже детей от него, причем такие дети вступают в род ее матери на правах законных.

Ашанти считают связь между матерью и ребенком основой социальных отношений, а главной целью брака — рождение детей. Бездетность рассматривается мужчиной и женщиной как величайшая из всех трагедий и унижений. Девушка, вышедшая замуж и не забеременевшая в течение первого года супружеской жизни, снениит обратиться к врачам или знахарям; то же самое делают и женщины, если у них в течение 2—3 лет после рождения ребенка нет очередной беременности. Контрацептивные средства употребляются лишь группами городского населения, преимущественно до вступления в оформленный брак. Аборты чрезвычайно редки, а детоубийства неизвестны. Рождение двойни считается счастливым событием; дети с физическими недостатками принимаются родом беспретятственно. Широко распространенный в Африке обычай, запрещающий половые сношения между супругами до тех пор, пока младенец не начнет ходить, у ашанти не практикуется; сношения после родов возобновляются примерно через 3 месяца. Рождение каждого ребенка приветствуется не только родственниками жены, но и ее мужем, который, находясь в чужом роду, видит в своих детях естественную опору. По переписи 1948 г., на каждую женщину старше 50 лет приходилось в среднем 7 деторождений. Родители 10 живых детей проходят специальную церемонию, во время которой их поздравляют все жители селения.

Примерно такие же явления наблюдаются и у других народов, сохранивших материнский род, например у яо в южном Ньясаленде (Малави). Следует отметить, что для всех таких народов характерно сравнительно большое число разводов; почти половина всех опрошенных мужчин и женщин ашанти имела по одному и больше разводов. Однако женщина обычно довольно быстро вступает во вторичный брак или заводит любовника, поэтому это обстоятельство мало сказывается на уровне плодovitости.

В качестве примера влияния на плодovitость патрилинейной родовой организации можно привести многие племена банту, в частности зулусов. Жена у зулусов приобретает за определенный выкуп («лоболо») и остается в роду мужа; члены рода обычно помогают юноше собрать необходимое для выкупа число голов скота. Основным назначением женщины считается материнство, рождение детей. Если муж какой-либо женщины умер

до того, как она стала беременной, женщина остается в его роду и вступает в брачные отношения с одним из его членов. Если жена умирает, не успев родить, или если она бездетна, то ее полагается заменить младшей сестрой, в противном случае муж имеет право требовать возвращения лоболо. В зулусских семьях почти с одинаковой радостью встречается рождение как мальчика, являющегося новым членом рода и поднимающего престиж отца, так и девочки, за которую впоследствии можно получить брачный выкуп. Характерен обычай, по которому все дети женщины, ушедшей от мужа и вступившей в новый брак (такие случаи, впрочем, весьма редки), должны принадлежать первому мужу (Gluckman, 1950). Этот же обычай в несколько измененном виде отмечен и у бахая в Уганде: вскоре после рождения женщиной ребенка муж совершает обряд — *bisisi* (ритуальный половой акт), в силу которого следующий ребенок должен принадлежать ему вне зависимости от того, кто будет его фактическим отцом. Сотрудники Восточно-Африканского института социальных исследований А. Ричардс и П. Райнинг, проводившие обследование бахая в 1952 г., отмечают, что девушки вступают в брак обычно между 15 и 18 годами. Женщины бахая считали бессмысленным задаваемый им вопрос о желательном числе детей; отвечали, что хотят иметь детей столько, сколько смогут, или приводили несуразные цифры — 50 или 100 детей (!). У бахая очень развита взаимопомощь при уходе за детьми; в случае смерти матери ребенка его выкармливают ближайшие родственницы, имеющие грудных детей, а иногда и другие женщины того же селения.

У африканских племен с билатеральной родовой организацией ценность женщины, так же как и в рассмотренных выше случаях матрилинейных и патрилинейных родов, определяется прежде всего ее способностью к деторождению. Широко распространены ритуальные обряды, которые должны предотвратить бесплодие и обеспечить многодетность. У некоторых племен женщины, имеющие детей, носят одежду, отличающую их от бездетных женщин (Bennett, 1965). У ряда народов, в частности у индейцев аймара (Боливия), многодетная вдова — завидная невеста.

Влияние на плодovitость большой семьи, т. е. такой семьи, в которой взрослые сыновья (а иногда и дочери)

после вступления в брак не отделяются от родителей, а продолжают жить с ними в одном доме и вести общее хозяйство, во многом напоминает влияние родовой организации. Большая семья облегчает вступление в брак, так как для этого уже не требуется экономической самостоятельности брачной пары, облегчается процесс накопления средств для внесения выкупа за невесту или для приданого самой невесты. В связи с этим в районах распространения больших семей в брак вступают, как правило, довольно рано. Большая семья создает определенные стимулы для высокой плодovitости, особенно для рождения сыновей — наследников и продолжателей фамилии; в ряде стран, например в Китае, эти стимулы были усилены традиционно-религиозными установками, связанными с культом предков. В большой семье значительно облегчается уход за детьми, так как индивидуальные родители легко заменяются здесь «коллективными».

Большие семьи получили наиболее широкое распространение в аграрных обществах, где они являлись основной ячейкой производства в условиях значительной трудоемкости сельскохозяйственных работ и их малой механизации. В недавнем прошлом такие семьи преобладали в Китае, Индии, Южной и Восточной Европе и в ряде других стран, которые отличаются и в настоящее время высокими показателями рождаемости. Ф. Лоример отмечает определенную связь высокой плодovitости южных славян с распространением у них в недавнем прошлом большой семьи типа «задруги» (Lorimer, 1954, p. 177). Другой американский демограф — Барклай, изучавший демографическое положение на Тайване, отмечает связь высокой плодovitости с традициями больших семей; хотя значение больших семей в экономическом отношении все время падает, моральные нормы, поддерживающие их существование, довольно сильны (Barclay, 1951).

Следует отметить, что в современных условиях бытование больших семей не всегда ведет к повышенной плодovitости. По обследованию сельского населения одного из районов Западной Бенгалии, плодovitость женщин в больших семьях среди всех каст индуистов и среди групп мусульман оказалась на 10—20% ниже, чем в простых семьях, хотя последние чаще применяли контроль за рождаемостью. Основная причина этого заключается, по-видимому в том, что частота половых

сношений в малых индивидуальных семьях значительно выше, чем в больших семьях, где брачные пары из-за жилищных трудностей нередко спят в одной комнате с родственниками и где строже соблюдаются традиционные ограничения половых сношений. Известное значение имеет, вероятно, и то, что вторичные браки вдов более возможны и чаще встречаются в простых семьях, чем в больших (Moni-Nag, 1962, p. 57).

У народов, семейная организация которых основана на малых индивидуальных семьях, также отмечена прямая зависимость плодovitости от степени связи брачных пар с более широким кругом родственников. Неразделенные семьи нередко создают более благоприятную обстановку для воспитания детей; по распространенному среди советских демографов выражению, «бабушка является одним из важных факторов рождаемости». При обследовании плодovitости английских женщин в 1953 г. установлена связь размеров семьи с размерами семьи родителей, особенно со стороны жены (Glick, WPC — 1965). Однако основное влияние на плодovitость таких брачных пар оказывают личные мотивы, формирующиеся под сложным влиянием ряда социально-психологических и социально-экономических факторов.

В целом исторически развивавшийся процесс распада больших родовых семей на малые семьи, утрата семейной функции как ячейки производства, процесс ослабления связи брачных пар с широким кругом родственников сопровождался, как правило, снижением плодovitости. Особенно отчетливо этот процесс выражен в урбанизированных странах, где индивидуальные семьи отличаются наибольшей «автономией» и где имеются большие возможности в выборе и применении тех или иных средств планирования семьи, наименее отчетливо — в аграрных странах, так как сельское население отличается консервативностью укладов жизни и более долго сохраняет старые традиции, в том числе традиции многодетности.

Жизнь женщины даже на сравнительно ранних стадиях развития человеческого общества не представляла собой непрерывного цикла деторождений; почти у всех известных науке племенных обществ плодovitость физиологически здоровых женщин, находящихся в браке, была заметно ниже физиологического максимума, что связано, в частности, с существованием обычаев, ограничивающих

половые сношения на определенный период. Наиболее широкое распространение среди них имело прекращение половых сношений в послеродовой период, на время кормления ребенка грудью, так как считалось, что это вредит лактации и скажется на здоровье ребенка. Продолжительность такого перерыва у разных народов колебалась в довольно широких пределах, но редко была менее полугода. У многих племен Африки практиковалось воздержание до тех пор, пока ребенок не начнет ходить, у ряда народов, например у бахая, — до отнятия ребенка от груди, т. е. могло продолжаться до полутора и более лет.

Широко распространены запреты на половые отношения перед, во время и после определенных видов хозяйственной и иной деятельности. В Новой Каледонии женщины должны были воздерживаться от половых сношений во время посадки ямса, на островах Адмиралтейства мужчины — за 5 дней до большой рыбной ловли, за 2—3 дня до военного похода и 2 дня после возвращения, среди масаи — в течение 6 дней во время традиционного периода изготовления яда и медвяного вина (Westermarck, 1925, v. i, p. 407), у азаанде — перед гончарными работами, у квакиутль — во время изготовления каное, у крик и киван — во время военных действий (Ford, 1945, p. 28), индейцы Никарагуа, посеяв маис, воздерживаются от половых сношений до тех пор, пока не взойдут ростки (Besterman, 1934, p. 157) и т. д.¹

В Индии, по имеющимся исследованиям, традиционные ограничения половых сношений охватывают в сельских местностях до 120 дней и в городах — до 80 дней в году (Chandrasekhar, WPC — 1954). Среди индусов от таких сношений принято воздерживаться в дни моления определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии и в 11-й день лунного цикла (ecadishi), при лунном и солнечном затмениях, при подготовке к религиозным праздникам, 2—3 дня после прекращения месячных, 4—6 месяцев после рождения ребенка и т. д. Особо следует отметить обычай длительных посещений молодой женой своих родителей, такие визиты нередко продолжают

¹ Многочисленные примеры таких половых производственных табу, запрещающих половые сношения во время определенных видов деятельности, приведены в работе Ю. И. Семёнова (Семёнов, 1966, стр. 285).

в течение 8 месяцев и более и заметно удлиняют интервал между вступлением в брак и беременностью. При среднем возрасте вступления женщины в брак в 14—16 лет рождение первого ребенка происходит в среднем через 3,5—4 года; с повышением брачного возраста этот разрыв несколько сокращается, так как женщины постарше меньше соблюдают обычай длительных визитов к родителям (Rele, 1963).

Существование многих из отмеченных выше ограничений половых сношений связано главным образом с взглядом на эти отношения, как на что-то «нечистое», источник какой-то опасности, иногда — как на причину раздоров во время коллективной хозяйственной деятельности. Эти ограничения нельзя еще рассматривать как средства планирования семьи, хотя они и оказывают отрицательное влияние на плодovitость. О контроле за рождаемостью как таковом можно говорить лишь в тех случаях, когда появление ребенка считается по тем или иным причинам нежелательным и для предотвращения этого принимаются вполне сознательно определенные меры — от полового воздержания до детоубийства. Ниже мы остановимся на этом более подробно.

Религиозный фактор

Религия, по выражению Маркса, является «извращенной реальностью», искаженным отражением в сознании людей господствующих над ними природных и общественных сил. Однако, будучи закреплена в виде канонических правил, в виде этической системы, религия, как и другие идеологические надстройки, влияет на формирование общественного и личного сознания, на образ жизни людей и их взаимоотношения. Она оказывает, в частности, существенное влияние на многие стороны естественного воспроизводства населения, регламентируя брачно-половые отношения, влияя на формирование отношения людей к деторождению, многодетности и т. п.

Влияние религии на плодovitость очень сложно и противоречиво. С одной стороны, заметно ее отрицательное влияние на брачность. У народов бесклассового и раннеклассового общества безбрачие допускалось в первую очередь для людей, выполняющих священные обряды (шаманы у тлинкитов, жрицы и жрецы у ацтеков

и перуанцев, монахи у буддистов и джайнов и т. п.). С другой стороны, заметно положительное влияние ряда религий на плодovitость: культы плодородия возникли еще в первобытную эпоху, и уже одна из первых религиозных систем — зороастризм — утверждала, что бездетный мужчина не может попасть в рай (Westermarck, 1925, v. 1, p. 384). Ниже мы остановимся на характеристике влияния на плодovitость главным образом наиболее распространенных религиозных систем (см. также Козлов, 1968).

Буддизм¹ — древнейшая из так называемых мировых религий, т. е. религий, распространенных в разных странах и у разных народов мира, не обнаруживает четкого отношения к плодovitости и во всяком случае скорее ограничивает, нежели поощряет ее. Отрицая земные интересы, изображая жизнь как зло и непрерывную цепь страданий, признавая единственным путем к спасению самоограничение и внутреннее самоусовершенствование, буддизм ни одной из своих догм не связывает достижение вечного блаженства в потустороннем мире с земными обязанностями по продолжению рода. Все направления буддизма (кроме специфического культа тантризма) поощряют безбрачие как наиболее верный путь к совершенству; десятки, а в некоторых странах сотни тысяч буддийских монахов обречены на безбрачие. Особенно велик процент монахов в районах распространения ламаизма, где каждый второй сын обычно посвящался в ламы. От обычая безбрачия священнослужителей отошли по существу лишь буддисты Японии (кроме монахов секты рицу). Однако (и в этом

¹ Буддизм возник в VI—V вв. до н. э. в Северной Индии и оттуда распространился в страны Юго-Восточной и Восточной Азии. В начале нашей эры в нем выделились два основных направления: махаяна, считающая, что достичь «спасения» могут не только священнослужители и монахи, но и миряне, и хиняяна, считающая, что достичь «спасения» можно только путем хотя бы кратковременного отказа от всего мирского (временное монашество). Хиняяна распространена в Бирме, Таиланде, Лаосе, Камбодже, среди сингалов Цейлона. Махаяна получила распространение в Китае, Корее, Японии и Вьетнаме, сочетаясь там с другими религиозными системами, в частности с конфуцианством; своеобразной формой махаяны является ламаизм, который исповедуют главным образом верующие тибетцы, монголы, буряты и калмыки. Общая численность буддистов во всем мире составляет около 200 млн. человек (здесь и ниже цифры приближенные).

одна из противоречивых сторон буддизма) введенная им идея «каммы», как бесчисленного числа перерождений, пока душа не достигнет высшего блаженства — «нирваны», в сущности призывает к деторождению, так как, по мнению буддистов, дух может проникнуть в свою новую телесную оболочку лишь во время зачатия.

Страны, население которых исповедует хинаяну, отличаются в настоящее время высокой плодовитостью, однако традиции ее возникли здесь, несомненно, еще до появления буддизма. Райен, изучавший причины высокой рождаемости на Цейлоне, в результате опроса 70 буддийских священников установил, что отношение их к вопросам брака и семьи сложилось главным образом под влиянием старых обычаев и что буддизм, по их мнению, «не ставит своей целью разрушение каких-либо древних традиций, в частности традиций ранних браков» (Ryan, 1954, p. 70). В подобной ситуации буддизм косвенно оказывает даже положительное влияние на плодовитость, ограничивая распространение контроля рождаемости. Большинство из опрошенных Райеном священников считали употребление каких-либо мер ограничения деторождения, в том числе контрацептивов, равноценным убийству живого существа, что, как известно, строго запрещено буддизмом. Провозглашая главенствующее положение мужчины в семье, буддизм также противодействует тенденции контроля рождаемости, в котором заинтересованы прежде всего женщины.

По сравнению с буддизмом индуизм¹ — это, так сказать, более земная и более активная религия, способствующая, в частности, высокой плодовитости. Он призывает к ранним и всеобщим бракам, а также к деторождению, в первую очередь — к рождению сыновей. Один из трех

¹ Индуизм, возникший в середине I тысячелетия н. э. в Северной Индии, представляет собой ряд довольно сильно различающихся культов (некоторые ученые считают их даже отдельными религиями), главными из которых являются культ бога Вишну и культ бога Шивы. Представляя собой комплекс религиозных и философско-этических воззрений, а также свод строгих предписаний, индуизм регламентирует все права и обязанности человека от самого рождения до смерти. В настоящее время индуизм исповедует подавляющее большинство жителей Индии, Непала и Шри-Ланки, значительные группы населения в Пакистане и на Цейлоне, а также балийцы (Индонезия). Общая численность индуистов в мире составляет около 400 млн. человек.

свещенных долгов, с которым родится мужчина, — долг перед предками — может быть оплачен только рождением сына. Этим же самым мужчиной исполняет свое обязательство перед кастой, заинтересованной в увеличении числа своих членов, и одновременно обеспечивает для себя возможность дальнейших перерождений, так как только сын может произвести над умершим определенный священный обряд, «освобождающий» душу покойного от прежней земной оболочки. Необходимость для мужчины иметь наследника-сына в условиях высокой смертности приводила к тому, что в семье должно было быть, по крайней мере два-три сына, а всего (учитывая равную возможность рождения девочек) — четыре-шесть детей. Среди членов высшей касты — брахманов — родители невесты, по традиции, благословляют ее фразой: «Будь матерью восьми сыновей...»

Благосклонное отношение индуизма к плодовитости коренится в древних обычаях; Совани возводит их к периоду завоевания Индии племенами ариев, связывая с тем, что «колонизация нуждается в высокой плодовитости» (Sovani, 1952). Еще законы Ману (II—I вв. до н. э.) восхваляли многодетных матерей. В Махабхарате и сутрах отражен обычай левирата (Karadia, 1966, p. 654); можно предположить поэтому, что традиционное предубеждение индуистов против вторичного замужества вдов имеет сравнительно позднее происхождение. Влияние самой кастовой системы на плодовитость довольно сложно: с одной стороны, эта система создает предпосылки для высокой плодовитости, связывая престиж каждой касты и ее подразделений — готр с их численностью, с другой стороны — как бы препятствует этому, заставляя выбирать невесту среди ограниченного числа женщин, что оказывается нередко весьма затруднительным.

В индуизме, как и в буддизме, контроль рождаемости прямо не запрещен, однако отношение к нему в целом неодобрительно, так как он может нарушить цикл перерождений души; немаловажное значение имеет и приниженное положение женщин.

Ислам, или магометанство (мусульманство)¹, — вторая по численности своих приверженцев мировая религия —

¹ Ислам возник в VII в. н. э. в Аравии, а с периода арабских завоеваний распространился по многим странам мира: от Марокко

в еще большей степени, чем индуизм, создает предпосылки для высокой плодовитости, так как, в частности, одним из основных священных предписаний его является укрепление сил приверженцев Аллаха и борьба за «истинную» веру против иноверцев. Распространению ислама, несомненно, способствовала разрешенная Магометом полигамия, причем мусульманин имел право взять себе в жены даже последовательницу другой единобожной религии (христианку, еврейку и т. п.); в период религиозных войн, сопровождаемых гибелью значительной части мужчин как среди самих мусульман, так и среди покоряемых ими народов, полигамия не только поддерживала рождаемость на достаточно высоком уровне, но и способствовала ассимиляции иноверческого населения. В отличие от других мировых религий, ислам видит в половых отношениях один из источников наслаждения (это отразилось и в мусульманской концепции рая); он (кроме секты бекташей) не знает воздержания и полового аскетизма. Служение богу в исламе не требует безбрачия, священники должны жениться, как и обычные верующие; ислам приветствует даже браки между рабами. Дети считаются одним из величайших благодеяний Аллаха; бездетность жены считается важной причиной для развода или для того, чтобы взять вторую жену. Многодетные матери пользуются в мусульманских деревнях почтением и уважением окружающих.

В настоящее время почти все мусульманские народы отличаются высокой плодовитостью, связанной, в частности, с ранними и всеобщими браками. Доля женщин детородного возраста, состоящих в браке, в мусульманских странах, как правило, превышает 95% (в христианских странах обычно до 10—15 и более процентов женщин оказывается вне брака). Ритуальных ограничений брачно-половых отношений у мусульман значительно меньше, чем у индуистов. Традиции многодетности среди

на западе до Индонезии на востоке. Его исповедуют многие, нередко преобладающие группы населения стран Передней Азии и Северной Африки (включая часть Гвинеи, Нигерии и ряда других государств южнее Сахары), некоторых стран Южной Азии (Индонезия, Малайя); кроме того, ислам исповедует верующее коренное население Средней Азии и Казахстана, а также некоторых районов Кавказа и Поволжья. Общая численность мусульман составляет свыше 460 млн. человек.

мусульман подкрепляются у них верой в то, что Аллах позаботится о детях, которые пришли в этот мир по его воле, и обеспечит их пищей. Аборты (особенно после того, как плод уже начал двигаться) строго запрещены одной из священных заповедей: «Не умертвляйте детей ваших из-за страха бедности». Вместе с тем Коран допускает контроль рождаемости путем прерванного полового сношения; в последнее время этому разрешению пытаются придать расширенное толкование. Муфтий Египта еще в 1937 г. заявил: «Допустимо как для мужа, так и для жены, по взаимному согласию, принимать любые меры недопущения семени в матку, чтобы предотвратить зачатие» («Human Fertility», v. 10, № 10). Однако меры планирования семьи распространяются среди мусульман весьма медленно; этому, в частности, препятствует приниженное по исламу положение женщины.

Подобно буддизму, *христианство* — наиболее распространенная сейчас религия¹ — не обнаруживает четкого отношения к деторождению. Евангелие почти ничего не говорит о деторождении и даже в отношении брака подчеркивает главным образом духовный характер этой связи. Во всех основных христианских церквях (не говоря уже о таких специфических явлениях, как секта скопцов) безбрачие, умерщвление плоти поощряется, как наиболее верный путь к спасению души; монахи и монахини — «христовы братья и сестры» — пользуются у христиан особым уважением; все это свидетельствует о том, что христианство значительно отошло от прямого завета

¹ Христианство возникло в начале нашей эры на востоке Римской империи как одна из сект иудаизма. Оформившись в самостоятельную религию, христианство в раннем средневековье распространилось среди народов Европы, а в период великих географических открытий (конец XV—XVII в.) проникло с европейцами и в другие части света. В настоящее время христианство исповедует подавляющее большинство верующего населения стран Европы, Америки, Австралии и значительные группы населения в других частях света (в Африке — в Эфиопии, ОАР и др., в Азии — на Филиппинах и др.). Христианство представляет собой не единую религиозную систему, а ряд религиозных течений (церквей) и сект, довольно сильно отличающихся друг от друга. Общая численность христиан на земном шаре составляет свыше 900 млн. человек, в том числе католиков — свыше 550 млн., протестантов (лютеран, кальвинистов и др.) — свыше 220 млн., православных — приблизительно 50—100 млн. человек.

Библии: «Плодитесь и размножьтесь». Что же касается косвенного влияния христианских церквей на плодovitость, то оно связано главным образом с их отношением к контролю рождаемости.

В течение многих столетий христианские церкви считали ограничение семьи недопустимым, так как первая (некоторые «отцы церкви» утверждали, что и «единственная») цель половых отношений в браке — это дети. Отрицательное отношение к контролю рождаемости было одним из немногих положений, в котором сходились католичество, протестантские церкви и православие. Изменение их позиции наметилось лишь в последние 50—60 лет под влиянием и давлением народных масс, которые во многих христианских странах встали на путь планирования семьи. Одними из первых — еще в конце XIX в. — выступили за допущение контроля рождаемости неконформисты Англии. Другие протестантские церкви упорствовали в этом вопросе вплоть до конца второй мировой войны; англикане лишь в 1959 г. на своей церковной конференции допустили употребление контрацептивов. Католическая церковь, наиболее многочисленная и централизованная среди всех христианских церквей, долгое время занимала непреклонную позицию, считая контроль рождаемости «смертным грехом Онанас». В энциклике 1930 г., касающейся всех сторон брачной жизни верующих, искусственные средства контроля рождаемости были отнесены к числу аморальных и недопустимых; после ее выхода церковники ряда католических стран (Франции, Бельгии, Италии и др.) развернули кампанию за запрещение продажи противозачаточных средств. Перелом наметился лишь в 1951 г., когда папа римский Пий XII в своем послании итальянскому католическому союзу акушеров не протестовал против контроля рождаемости и даже назвал ряд причин (в том числе и экономическую), оправдывающих такой контроль. На Вселенском соборе 1965 г. впервые в истории католической церкви развернулась широкая дискуссия по вопросу об отношении к контролю рождаемости, широко распространенному в одних католических странах и являющемуся насущной потребностью для других. Однако большинство кардиналов и епископов сочло возможным признать лишь «естественные» методы контроля: полное воздержание от половых сношений и использование ме-

тода месячного ритма. В последней, посвященной этому вопросу энциклике папы Павла VI вновь говорится, что цель каждого полового акта — деторождение, и отвергаются контрацептивы. Позицию православной церкви в этом вопросе установить трудно, тем более что в основных странах ее распространения (СССР, Болгария, Румыния, Югославия) ее влияние на общественную жизнь несущественно.

Кроме четырех основных мировых религий, целесообразно, хотя бы кратко, остановиться на конфуцианстве¹, центральное место в котором занимает культ предков; исполнение обрядов почитания предков возложено на мужчин. В своем влиянии на плодovitость оно во многом сходно с индуизмом, так как его положительное влияние на плодovitость также проявляется главным образом в стремлении иметь наследников-сыновей. «С религиозной точки зрения для китайцев, — пишет С. А. Токарев, — самое дурное, что может случиться с человеком, это не оставить по себе мужского потомства, которое могло бы приносить жертву и заботиться о благополучии умерших предков» (Токарев, 1965, стр. 233). Сходство между конфуцианством и индуизмом по отношению к плодovitости выступает и в некоторых частностях; так, например, конфуцианство почти столь же неодобрительно, как и индуизм, относится к вторичному замужеству вдов.

Статистические данные, характеризующие различия в плодovitости групп людей, принадлежащих к различным религиозным системам, сравнительно немногочисленны, особенно в отношении буддизма и индуизма. Кроме того, эти данные не всегда достаточно сопоставимы, так как группировка по религиозной принадлежности не исключает различий в составе таких групп по характеру занятий, уровню образования, месту жительства (город, село) и по ряду других важных показателей. Эти различия могут затемнить и даже исказить действительное влияние религиозного фактора. Сложность учета влияния религиозного фактора состоит и в скудности

¹ Конфуцианство — религиозно-этическое учение, оформившееся на рубеже нашей эры в Китае и с тех пор составлявшее основу религиозной жизни китайского народа. Численность конфуцианцев на середину XX в. оценивалась примерно в 300 млн. человек.

материалов, характеризующих действительную религиозность населения той или иной страны; сама религиозная принадлежность обычно определяется довольно формально, исходя из религиозной принадлежности главы семьи или из факта совершения обряда над младенцем, а не путем учета действительной религиозной убежденности того или иного лица, его связи с церковной организацией и т. п.

По материалам индийской статистики, влияние религиозного фактора проступает уже в различии среднего возраста вступления в брак: после 1930 г. он составлял у женщин-индусок — 14,2 года, у мусульманок — 15,1, у христианок — 18,6 (Das Gupta, Kumar Som, 1955, p. 97). Однако по ряду причин, в частности из-за традиционного ограничения половых отношений в браке, более раннее вступление в брак индусок не привело к более высокой плодовитости. По данным переписи 1931 г., на 1000 замужних женщин в возрасте 15—39 лет приходилось детей до 4 лет включительно среди индусок — 817, среди мусульманок — 900, а среди буддисток — 932 (Davis, 1954, p. 223). Самая высокая плодовитость отмечена у сикхов, а самая низкая — у парсов — сравнительно небольшой религиозной группы, сосредоточенной преимущественно в г. Бомбее. Пониженная плодовитость парсов может быть объяснена не только жизнью в городе, но и повышенным уровнем образования; следует отметить также, что религия предписывает парсам добиваться материального благосостояния.

Плодовитость мусульманок в сравнении с христианками может быть показана на примере Ливана, где численность мусульманской и христианской общин примерно одинакова. Показательно, что разница между ними особенно заметна среди городского населения, так как горожане-мусульмане, даже в условиях сравнительной доступности противозачаточных средств, сохраняют традиции многодетности. Среднее число рождений на одну женщину старше 45 лет в религиозных общинах Ливана составляло в семьях, где муж мусульманин, в сельской местности 7,65, в городах — 6,53; в семьях, где муж христианин, — соответственно 7,18 и 3,70 (Yankey, 1962).

Значительный интерес представляет материал по странам Балканского полуострова, где соседствуют православные, католические и мусульманские народы. В Болгарии

естественный прирост турок-мусульман, в связи с их более высокой плодовитостью, был заметно выше, чем у болгар-христиан. Согласно данным о естественном движении населения по религиозной принадлежности за 1925—1928 гг. («Статистически годишник на България 1935»), коэффициент рождаемости среди православных, к числу которых принадлежала основная масса болгар, составлял 35,3‰, смертности — 18‰, естественного прироста — 17,3‰, среди мусульман (турки и часть болгар-помаки) — соответственно 41,0, 22,1 и 18,9‰. Среднегодовой естественный прирост турок в 1946—1956 гг. был примерно вдвое выше, чем у болгар. В Югославии, по данным 1931 г., влияние религиозных различий ощущалось слабо: коэффициент рождаемости среди мусульман (боснийцы, албанцы, турки) составлял 44,5‰, среди православных (сербы, македонцы, черногорцы) — 44,0, среди католиков (хорваты, словенцы, венгры) — 33,5‰ («Statistički Godišnjak», 1939). Однако в последующие годы мусульманское население Югославии сохранило высокую рождаемость, а христианское снизило ее, в связи с чем различия в естественном приросте между религиозными группами усилились. Признавая условность имеющихся в нашем распоряжении статистических материалов, обусловленную значительными социально-экономическими различиями между группами населения, исповедующими ту или иную религию, можно отметить все же, что численность мусульман-боснийцев за период с 1948 по 1953 г. возрастала ежегодно примерно на 2,5%, численность православных сербов — на 1,6%, численность католиков-хорватов и словенцев — всего на 1,0%. Подобная закономерность сохранилась и в последующие годы (см. табл. 3).

В зарубежной литературе сравнительно большое внимание уделено влиянию на плодовитость католичества и протестантских церквей, а также иудаизма. Судя по имеющимся материалам по ФРГ, Швейцарии, Нидерландам, Канаде и США, плодовитость католиков во всех странах их обитания на 20—50% выше, чем у живущих там же протестантов, причем это различие обычно больше у групп католиков, составляющих более низкий процент населения (Day, 1968); вероятно, примерно такое же соотношение и в других странах, где живут католики и протестанты. Таблица 7 показывает, что эти различия

Плодовитость протестантов и католиков в Германии *

Социальное положение изучаемых групп и район их расселения	Религиозная принадлежность	Период заключения брака и среднее число детей на брачную пару старше 45 лет		
		1880—1900 гг.	1901—1918 гг.	1919—1933 гг.
Крестьяне	Протестанты	5,96	4,64	3,16
в Шварцвальде	Католики	7,55	6,28	4,45
Крестьяне долины Рейна	Протестанты	4,55	3,59	2,30
	Католики	5,84	4,48	3,08
Рабочие в Шварцвальде	Протестанты	5,30	3,75	2,14
	Католики	6,23	4,31	2,64
Рабочие в долине Рейна	Протестанты	5,02	3,52	2,37
	Католики	5,93	3,76	2,71

* Таблица составлена по кн.: G. Ungern-Sternberg, H. Schubnell. Grundriss der Bevölkerungswissenschaft. Stuttgart, 1950, S. 277.

Таблица 8

Распространение контроля рождаемости в Великобритании *

Время заключения брака и социальное положение	Доля практикующих контроль рождаемости, в %	
	протестанты	католики
Время заключения брака		
До 1929 г.	55,4	20,0
1930—1939 гг.	68,0	38,9
1940—1949 гг.	73,9	61,2
Социальное положение		
Работники умственного труда	75,5	59,3
Работники физического труда		
квалифицированные	71,9	44,3
неквалифицированные	63,8	43,7

* Таблица составлена по данным: G. Rowntree, R. M. Pierce. Birth control in Britain. «Population Studies», 1961, v. XV, № 1.

четко проступают как в сельской местности, так и в городах. При общем значительном снижении уровня плодородности за рассматриваемый продолжительный период различия между католиками и протестантами сохранились почти без изменения. После второй мировой войны различия между плодородностью католиков и протестантов в ФРГ несколько уменьшились; характерно, что в семьях, где муж и жена имели различное вероисповедание, плодородность была ниже, чем в соответствующих религиозно однородных семьях (Witt, 1966).

Кроме прямых данных о различиях в плодородности религиозных групп, большое познавательное значение имеют материалы, связанные, в частности, с практикой контроля рождаемости. Материалы по Великобритании на 1961 г. показывают, что во всех социальных группах, особенно же среди рабочих, католики реже прибегают к такому контролю, чем протестанты, хотя за последнее время эта разница начинает уменьшаться (табл. 8). Среднее желаемое число детей у молодых брачных пар среди католиков в 1,5—2 раза больше, чем среди протестантов (Chou., 1968).

Связь между плодородностью и религиозной принадлежностью довольно основательно исследована в США. По материалам анкетных обследований в 1941 г. в г. Индианаполисе, плодородность католических пар оказалась почти на 20% выше, чем протестантских, и на 55% выше, чем иудейских¹ («Social and psychological...», 1958). Результаты нескольких обследований населения Детройта, проведенных в 1950-х годах, показали связь не только между плодородностью и религиозной принадлежностью, но и между степенью религиозности брачных пар. Молодые католические пары (до 35 лет), посещающие церковь еженедельно, имели в среднем по 2,22 ребенка, а посещающие церковь изредка — 1,88; среди протестантов-белых соответствующие цифры — 1,90 и 1,75; среди протестантов-негров — 2,32 и 2,25. На каждую замужнюю католичку старше 45 лет приходилось в среднем 3,06

¹ Низкая плодородность иудеев, отмечаемая почти всеми современными исследователями в странах Европы и Северной Америки, имеет, по-видимому, недавнее происхождение. В Пруссии, например, с 1820 по 1880 г. на каждый брак у христиан приходилось 4,3 рождения, у иудеев — 5,2.

Таблица 9

Результаты обследования брачных пар г. Детройта с неуравновешенными (А) и уравновешенными (Б) социально-экономическими характеристиками *

	Протестанты		Католики		Евреи	
	А	Б	А	Б	А	Б
Средний возраст вступления женщины в брак	19,7	21,4	21,2	22,5	21,8	21,8
Среднее число детей фактическое	2,1	1,4	2,1	2,0	1,7	1,7
Среднее число детей желаемое	3,0	2,8	3,5	3,7	2,6	2,6
Процент одобряющих контроль рождаемости	86	96	45	30	94	94
Процент пользующихся контрацептивами или методом ритма	75	83	57	59	86	86

* Таблица составлена по данным: R. Freedman, P. K. Whelpton, J. W. Smith. Socioeconomic factors in religious differentials in fertility. «American Sociological Review». New York, 1961, v. 26.

ребенка, протестантку-белую — 2,69, протестантку-негритянку — 3,24, иудейку — 2,22 (Lenski, 1961, p. 231).

Для того чтобы исключить влияние побочных факторов, некоторые американские исследователи подбирали брачные пары, принадлежащие к различным религиозным группам, но имеющие приблизительно одни и те же социально-экономические характеристики (одинаковые занятия, доход, жилищные условия, образование, продолжительность брака и т. п.). При доведении таких факторов почти до полного сходства показатели плодovitости протестантов оказались близкими к показателям плодovitости евреев, но те и другие заметно уступали показателям плодovitости католиков (см. табл. 9).

Высокая плодovitость некоторых групп католиков в ряде случаев поддерживалась не только общей позицией католической церкви, но иногда и политическим соперничеством с другими группами населения. Подобное явление наблюдалось, например, среди франкоканадцев, конфликтовавших с протестантами англо-канадцами, и среди католиков Нидерландов, соперничавших с протестантами Нидерландов. В XVI в., когда Нидерланды выделились в самостоятельное государство, католическая

часть их населения была притесняемым религиозным меньшинством, заметно уступавшим по численности протестантам. Однако в XIX в. и особенно в XX в. численное преобладание протестантов стало уменьшаться. Это было связано с распространением среди них контроля рождаемости, в то время как среди католиков велась кампания за высокую плодovitость. В этой кампании участвовали не только католические священники, но и возникшая там католическая партия и католические профсоюзы, выступавшие против аборт и контрацептивов, дезорганизующих, по их словам, семью. Перед второй мировой войной плодovitость католиков в Нидерландах была на 45% выше, чем протестантов-лютеран, и на 15% выше, чем протестантов-кальвинистов; более высокая плодovitость католиков была отмечена и в послевоенный период (Neek, 1956). В результате этого, а также, по-видимому, в связи с переходом части протестантов в число атеистов, численность католиков, по данным переписи 1960 г., оказалась уже равной численности протестантов.

Заканчивая краткий обзор материалов, характеризующих влияние религиозного фактора на плодovitость, следует еще раз подчеркнуть его зависимость от социально-психологических и социально-экономических факторов. Многие из отмеченных выше религиозных обычаев, поощряющих высокую плодovitость, ведут свое начало от народных обычаев и традиций; религия только освятила их и закрепила в своих канонах.

По своему влиянию на плодovitость религия в большинстве случаев уступает другим факторам. Обследование плодovitости в Сальвадоре (1964 г.) установило, что католицизм оказывает на плодovitость меньшее влияние, чем образование, которое очень быстро прививает терпимое отношение к контролю рождаемости даже ревностным верующим. Слабое распространение мер планирования семьи в мусульманских странах объясняется не только установками ислама, поощряющими многодетность, приниженным по исламу положением женщины, патрилинейностью и патрилокальностью семей, но и низким уровнем образования, что сочетается с незнанием современных средств контроля рождаемости¹. В таких

¹ Весьма показательно в этом отношении положение в Турции, где, по данным опроса, более половины населения ничего

странах развитие культуры и образования (а в это понятие входит и распространение знаний о мерах планирования семьи) должно неизбежно привести к распространению контроля рождаемости, невзирая на религиозные установки.

Вместе с тем нельзя принижать значение религиозного фактора, действие которого иногда приобретает этнический аспект. Многие религиозные установки в результате многовекового их исполнения входят в культуру и быт народов, становятся по существу народными традициями и как таковые продолжают существовать даже после того, как религия уходит в прошлое. Подавляющее большинство населения СССР в настоящее время атеисты, однако неслучайно, что наиболее высокие показатели плодородности отмечены у народов, исповедовавших в недавнем прошлом ислам (азербайджанцев, туркмен, узбеков и др.), а один из самых низких показателей — у эстонцев, принадлежавших к протестантским народам¹. Изучение таких явлений нашими демографами и социологами несомненно будет иметь важное теоретическое и практическое значение.

Социально-экономические факторы

Социально-экономические факторы, в число которых входит прежде всего форма хозяйственной деятельности, или вид занятий, благосостояние, урбанизация и образование, относятся к факторам, влияющим на рождаемость и плодородность преимущественно косвенным путем, однако, как уже неоднократно отмечалось выше, во многих случаях это косвенное влияние оказывается весьма дей-

ственным, а нередко и решающим. В нашей литературе, как уже отмечалось, социально-экономическим факторам уделяется большое внимание, но, к сожалению, некоторые авторы ограничиваются лишь корреляцией между изменением этих факторов, с одной стороны, изменением рождаемости или плодородности, с другой, не прослеживая детально все звенья этой, порой очень сложной, связи.

До недавнего времени большинство буржуазных ученых, рассматривая плодородность и рождаемость, игнорировали связь между изменением тех социально-культурных и социально-психологических факторов, с которыми они связывали высокую плодородность, и развитием производительных сил общества при определенных производственных отношениях. Необоснованность сведения причин плодородности только к культурным и психологическим факторам становится тем очевиднее, чем ближе авторы подходят к современному классовому обществу. Однако, как показано выше, она достаточно заметна и при анализе племенных обществ. Поэтому многие зарубежные ученые вначале при исследовании рождаемости и плодородности в экономически развитых странах, а затем и при изучении динамики этих показателей у народов развивающихся стран были вынуждены все чаще обращаться к анализу социально-экономических факторов¹.

Социально-экономические факторы, тесно связанные с определенным уровнем развития производительных сил и производственных отношений, определяют многие из рассмотренных выше социально-культурных и психологических факторов плодородности. Одна из главных причин высокой плодородности — традиции многодетности, сохраняющиеся в настоящее время во многих странах мира,

¹ Показательно, например, что японский демограф Х. Мизусима в докладе на Второй всемирной конференции по народонаселению 1965 г. назвал среди основных причин и факторов снижения рождаемости в Японии следующие: 1) вовлечение женщин в производство; 2) нехватка женщин-нянек в обеспеченных семьях; 3) отсрочка браков в связи с увеличением социальной мобильности; 4) подъем жизненного уровня, стремление к обеспеченности и образованию; 5) рост затрат на воспитание и образование детей; 6) миграции молодых мужчин из деревни в город, более тяжелая работа оставшихся в деревне женщин; 7) жилищные трудности в городах (Mizushima, WPC — 1965). Все названные им причины относятся к числу социально-экономических.

особенно в развивающихся странах, возникли, как уже отмечалось выше, в связи с очень тяжелыми материальными условиями существования человеческих коллективов в далеком прошлом. Ранние браки, в целом повышающие уровень плодovitости, тесно связаны с низким уровнем развития производительных сил, аграрным характером экономики. Возникновение и существование больших семей, оказывающих сильное положительное влияние на плодovitость, также объясняется главным образом трудностью, а зачастую и невозможностью существования индивидуальных семей в условиях слабого развития производительных сил.

Конкретное проявление социально-экономических факторов, степень их влияния различны в разных социально-экономических формациях и даже у населения стран, входящих в одну и ту же формацию, будь то, например, капиталистическая или социалистическая; вместе с тем основная направленность этих факторов, тенденция их развития имеет сходный характер для большинства народов мира. По сравнению с социально-культурными факторами влияние на уровень рождаемости социально-экономических факторов имеет менее выраженный этнический аспект, за исключением тех случаев, когда дифференциация по этническим группам оказывается связанной с дифференциацией по социальным группам (например, у негров США). Но, так как эта тема сравнительно хорошо освещена в нашей литературе, ниже мы ограничимся обзором лишь некоторых основных закономерностей.

Вид занятий (хозяйственной деятельности) и *благополучие* — два довольно тесно связанных между собой фактора, определяющих в конечном итоге степень удовлетворения материальных, а в значительной степени и духовных потребностей. При этом фактор благополучия (общий и средний на душу доход семьи, жилищные условия и т. д.) сам находится в определенной зависимости от вида занятий, хозяйственной деятельности.

Влияние на плодovitость видов хозяйственной деятельности, проступавшее, по-видимому, с глубокой древности, обусловлено особенностями развития производительных сил, различиями природных условий обитания и другими причинами. Наиболее важные этапы разделения труда были связаны с выделением охоты и собирательства, рыболовства, земледелия, скотоводства, торговли,

ремесла и других видов занятий. По этнографическим, историко-социологическим и другим работам установлено, например, что охота и собирательство — виды хозяйственной деятельности, требующие сравнительно низкой плотности населения и связанные с постоянными передвижениями семейных групп, — не способствуют плодovitости; это объясняется большей продолжительностью грудного вскармливания, быстрой изнашиваемостью женского организма и рядом других причин (Krzywicki, 1934, p. 119—130). Традиция многодетности развились и окрепли главным образом среди земледельческих и скотоводческих народов, сыграв немаловажную роль в росте их численности.

К сожалению, статистические материалы, характеризующие влияние на плодovitость ранних форм хозяйственной деятельности, встречаются очень редко. Так, на Второй всемирной конференции по народонаселению этот вопрос был затронут по существу лишь в докладе Хеннина (Henin, WPC — 1965). Сравнивая плодovitость кочевых и оседлых народов, он отметил пониженную плодovitость первых. В Судане среднее число рождений на одну женщину старше 45 лет у кочевников — 4,7, у оседлых — 4,9; но общий показатель плодovitости за 1955—1956 гг. у оседлых почти вдвое выше, чем у кочевников; по данным Хеннина, у кочевников женщины позже вступают в брак (более обременительный выкуп за невесту); среди них вдвое больший процент разведенных и вдов. По-видимому, оседлость, как более упорядоченный образ жизни, повсеместно повышает уровень плодovitости.

Более многочисленны данные о различиях в плодovitости разных по виду занятий групп населения развитых стран. Установлено, что работники физического труда, особенно низкой квалификации, отличаются повышенной плодovitостью, интеллигенция (так называемые «белые воротнички» — «white-collars») — низкой плодovitостью. В Бразилии на каждого семейного мужчину, занятого в сельском хозяйстве, приходилось в 1940 г. 8,8 ребенка, занятого в индустрии — 7,3, торговле — 7,1, администрации, юстиции, образовании — 7,3, свободной профессией (артисты и пр.) — 6,3 (Mortara, 1963). Влияние занятости в сельском хозяйстве иногда оказывается более значительным, чем проживание в городе; в Японии, по переписи

1960 г., на каждую женщину 35—39 лет, семья которой живет в городе, но занята сельским хозяйством, приходилось 3,0 ребенка, при жительстве в поселке или деревне — 3,4; для незанятых в сельском хозяйстве цифры соответственно были равны 2,5 и 2,8 (Kinnura, WPC — 1965).

Влияние уровня благосостояния на плодovitость и рождаемость привлекало внимание многих исследователей, которые при его оценке образовали два лагеря. Одни из них считают, что благосостояние и плодovitость находятся в прямой зависимости; ограниченные материальные средства, низкий уровень благосостояния «не позволяют» иметь много детей, с ростом благосостояния число детей возрастает. В доказательство этой концепции приводят обычно факты снижения рождаемости в капиталистических странах во время сильных экономических кризисов, когда резко возрастала безработица и снижалась брачность; со стабилизацией экономического положения рождаемость вновь несколько повышалась. Падение рождаемости в сельских местностях по этой концепции объясняется прежде всего усилением относительного аграрного перенаселения и т. п. В СССР подобные взгляды еще недавно придерживались Б. Я. Смулевич (1959), С. М. Снесарев (1962) и ряд других авторов.

По другой концепции, на наш взгляд несравненно более аргументированной, хотя в некоторых своих тезисах еще остающейся спорной, плодovitость и рождаемость находятся в обратной зависимости от уровня благосостояния. Факты о том, что обеспеченные классы имеют меньше детей, чем бедняки, известны еще со времен Древнего Рима. Карл Маркс, соглашаясь с мнением Адама Смита о том, что «бедность, по-видимому, благоприятствует размножению», писал: «... Не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 658). В советской литературе это положение Маркса было раскрыто главным образом в работах академика С. Г. Струмилина (см., например, Струмилин, 1957) и подкреплено результатами недавних конкретных обследований. Так, Н. А. Таубер в результате обследования, проведенного в г. Жуковском (Московской области), установила обратную зависимость пло-

дovitости от размеров дохода на одного члена семьи, причем эта зависимость в семьях рабочих проступает сильнее, чем в семьях служащих. Выявлена также обратная зависимость плодovitости от обеспеченности жилой площадью, хотя эта зависимость носит более сложный характер. Выяснилось, в частности, что у женщин, имеющих хорошие жилищные условия, плодovitость значительно ниже, чем у женщин, плохо обеспеченных жилой площадью, однако наличие отдельной квартиры сокращает интервал между рождением первого и второго ребенка (Таубер, 1966). Такие же закономерности выявлены Л. М. Давтяном при обследовании брачной плодovitости женщин в г. Ереване (Давтян, 1966).

Об обратной зависимости между уровнем благосостояния и рождаемостью свидетельствует уже современная картина различий рождаемости по странам мира: в так называемых развивающихся странах с низким национальным доходом на душу населения и низким уровнем благосостояния рождаемость и плодovitость значительно выше, чем в экономически развитых странах. Эта закономерность прослеживается и внутри стран. Так, работам американских демографов установлено, что группы белого населения США с высоким уровнем дохода имеют плодovitость на 22%, а группы со средним доходом на 14% меньше, чем группы с низким доходом (Maeyer, Klappert, 1955)¹. По материалам обследования плодovitости населения Детройта на 1952—1958 гг., среднее число детей на женщину старше 40 лет у горожан составило при доходе семьи до 3000 долларов в год 2,4, 5000—7000 долларов — 2,2; свыше 7000 долларов — 2,4; при тех же доходах выходцы из сельских местностей имели соответственно 3,2; 2,6 и 2,2 ребенка (Goldberg, 1959). Сходные результаты получены и при обследованиях населения Великобритании (Glass, Grebenik, 1954; Johnes, 1965; Lewis-Faering, 1949). В Индии, относящейся к числу развивающихся стран, среднее число рожденных детей в семьях с повышенным уровнем дохода — 6,1,

¹ Следует сказать, что в ряде случаев внутри отдельных социальных групп было отмечено и прямое влияние размеров дохода на уровень рождаемости; довольно четко это проявилось, например, в некоторых группах высокооплачиваемых граждан (Ruggles, 1960).

средним доходом — 6,7, низким доходом — 7,9 (Sinha, 1957).

Понижение рождаемости с ростом благосостояния может быть отчасти объяснено тем, что этот рост сопровождается увеличением средней продолжительности жизни и возрастанием в составе населения процента людей пожилого и старческого возраста, уже не участвующих в процессе естественного воспроизводства. Что же касается понижения плодovitости, то причины этого явления довольно сложны. Б. Ц. Урланис, касаясь этого вопроса, придает большое значение культурному уровню, связывая таким образом фактор благосостояния прежде всего с фактором образования. Он пишет: «Где беднота и нищета, там и низкий культурный уровень, где низкий культурный уровень, там отсутствует контроль рождаемости и обычно преобладают ранние браки. Все это приводит к повышенной рождаемости в малообеспеченных семьях... С ростом дохода растет культурный уровень... увеличивается моральная ответственность родителей за воспитание детей, увеличивается удельный вес родителей, практикующих внутрисемейное регулирование числа детей» (Урланис, 1963, стр. 61—62). Это объяснение в общем правильно, но далеко не полно; оно помогает при сопоставлении, например, рождаемости в США и в Индии, но в значительной степени теряет свою действенность при анализе причин социально-классовой дифференциации рождаемости в США, где рабочий уже не является темным, забитым нуждой человеком.

Среди теорий, объясняющих обратную зависимость плодovitости от уровня благосостояния, в зарубежной литературе представляет интерес теория «социальной капиллярности», выдвинутая французским ученым Дюмоном (Dumont, 1890). Смысл теории сводится к тому, что в демократическом обществе каждая семья стремится подняться к более высокому положению. Чем выше стоит семья, особенно в тех странах, где сам уровень жизни сравнительно высок, тем труднее для нее при большом числе детей сохранить свой уровень благосостояния, а тем более сделать дальнейший шаг по общественной лестнице. Время, которое уходит на дополнительное образование или более усиленную служебную деятельность, наряду с расходами, которые приходится нести по воспитанию и образованию детей (особенно в случае, когда им также

желают дать повышенное образование), играют весьма существенную роль в ограничении размеров семьи. Заслуживает некоторого внимания и тот факт, что с ростом благосостояния (и образования) у людей расширяется круг внесемейных интересов и возможностей получить удовольствие вне семьи (путешествия, занятия искусством и пр.). Многие из отмеченных причин и в первую очередь рост потребностей брачной пары с повышением ее культурного уровня и возрастание «стоимости» содержания детей учитываются и советскими демографами (см. Коростелев, 1968; Кваша, 1968 и др.).

Плодovitость сельского населения довольно тесно связана с формой землевладения. В странах с развитым общинным землевладением, например в дореволюционной России, дополнительный надел зависел от числа сыновей в семье, и это несомненно благоприятно влияло на плодovitость. С переходом земли в частное владение крестьяне встали перед угрозой дробления своих участков. Существенную роль в этом играло право наследования. Во Франции отмена принципа первородства по Кодексу Наполеона создала положение, при котором идеальным размером семьи стала считаться семья из двух детей: сына, который мог наследовать неразделенную землю, и дочери, которая могла выйти замуж за сына соседа. Поздние браки сельского населения Ирландии в значительной степени связаны с тем, что браки откладываются до получения земли в наследство или приобретения земельных участков другим способом (Aalen, 1963).

В. Стис на основе проведенного в 1948 г. исследования плодovitости в 20 польских деревнях установил прямую связь размеров семьи с размерами ее земельных владений. Число детей у женщин старше 50 лет возрастает с увеличением земельного надела, составляя в семьях, которые имеют 0—0,5 га, 4,88, в семьях с 30—50 га — 9,11; исключением являются семьи безземельных крестьян (5,24 ребенка), так как они не испытывали страха перед дроблением земельных участков. Повышение рождаемости у безземельных крестьян отмечено в царской России, Германии, Китае и в Швеции (Stys, 1957). Обнаружено также, что переход от земледелия к скотоводству и от поликультур к монокультурам обычно снижает рождаемость, так как уменьшает возможное число занятых в производстве рук.

Значительное влияние на показатель рождаемости оказывает вовлечение женщин в производство, на оплачиваемую работу вне дома. Эта связь взаимная: женщина с малым числом детей может более легко пойти работать и, напротив, работающей женщине приходится ограничить число детей. С рождением детей женщина обычно вынуждена оставлять работу; когда дети подрастают, она может возвратиться к ней. Важная роль этого фактора подчеркивается всеми нашими исследователями, анализирующими причины снижения рождаемости в большинстве районов СССР (см. Таубер, 1966; Тамре, 1966 и др.).

Образование, обусловленное социально-экономическим развитием общества, в частности совершенствованием средств производства, развитием науки и техники, относится к числу факторов, отрицательное влияние которых на плодovitость не вызывает, по-видимому, сомнений. Повышение образования, т. е. удлинение срока общего или специального обучения, означает прежде всего более позднее вступление мужчин и женщин в самостоятельную жизнь и, как правило, приводит к повышению брачного возраста. Для мужчин и особенно для женщин образование расширяет интересы и занятия вне семейной сферы; для удовлетворения этих интересов многодетность, конечно, является существенной помехой. Образование расширяет сведения о методах планирования семьи и повышает эффективность их использования¹. С повышением образования обычно повышается уровень благосостояния, а также усиливается социальная мобильность, трудно совместимая с большими размерами семьи.

В Армянской ССР на каждые 100 семей (брачных пар) было детей у матерей с высшим и средним специальным образованием — 188, с общим средним и семилетним образованием — 229, с начальным образованием — 246 (Давтян, 1966, стр. 157). В Болгарии, по материалам обследования 1964 г., среди семей, имевших одного ребенка, на родителей с высшим образованием приходилось 36%, со средним и начальным образованием — 10,7%; среди семей, имевших по 4 ребенка, — соответственно 5,4 и 78,2% (Анчев, 1966). Сходные результаты полу-

¹ Так, в ряде обследованных районов Индии среди неграмотных были знакомы с контрацептивами у мужчин 61%, у женщин 63,5%, у имеющих высшее образование — соответственно 90 и 96% (Nevett, WPC—1965).

чены и в ряде обследований населения США (см. Kiser, 1942, 1965).

Исследование эволюции плодovitости во многих странах мира показало, что снижение ее имеет тесную связь с ликвидацией неграмотности и повышением уровня образования, особенно у женщин. При этом в одних странах влияние образования сказывалось сразу же при начальном образовании, в других — лишь на уровне школы второй ступени и высшей школы. Последнее отмечено, например, в Пуэрто-Рико, где процент неграмотных среди людей старше 10 лет снизился с 55% в 1920 г. до 32% в 1940 г. и 19% в 1960 г., однако показатель рождаемости в 1920—1940 гг. держался на прежнем уровне и лишь в 1950-х годах упал с 40 до 30⁰/₀₀, что в значительной степени было связано и с эмиграцией из страны значительных групп производительного возраста (Stycos, 1965).

Насколько можно судить по имеющимся данным, действие фактора образования растет с увеличением уровня образования; различие в плодovitости женщин, не имеющих образования, и женщин с начальным образованием — не так уж велико (Rizk, 1963). В настоящее время в мире имеется, по-видимому, около 1,5 млрд. неграмотных старше 15 лет, основная масса которых приходится на развивающиеся страны. В большинстве этих стран развернулась борьба с неграмотностью, но трудно ожидать, чтобы это оказало в ближайшее время решающее влияние на снижение плодovitости живущих там народов.

Процент грамотных среди населения старше 15 лет по основным зарубежным регионам («World Illiteracy», 1957)

Мир в целом	55—57	Юго-Западная Азия . . .	20—25
Северная Африка . . .	10—15	Южная Азия	15—20
Тропическая и Южная Африка	15—20	Юго-Восточная Азия . .	30—35
Северная Америка . . .	96—97	Восточная Азия	50—55
Центральная Америка .	58—60	Северная и Западная Европа	98—99
Южная Америка	56—58	Центральная Европа . .	97—98
Австралия и Океания . .	90—95	Южная Европа	79—80

Фактор урбанизации обнаруживает зависимость от вида хозяйственной деятельности. Процесс урбанизации развернулся в основном в промышленную эпоху, связанную исторически с развитием капиталистических отношений

и индустриализацией. Перемещение сельского населения в города было обусловлено проникновением капитализма в сельское хозяйство, концентрацией земельной собственности и разорением мелкого сельского производителя. В первой половине XIX в. рост городов шел наиболее быстро в странах Европы, раньше других вставших на путь капиталистического развития. Во второй половине XIX в. разворачивается ускоренными темпами процесс урбанизации в странах Америки, рост городов в которой был связан не только с развитием промышленности, но и с притоком иммигрантов, оседавших прежде всего в городах. Процесс урбанизации в странах Азии в XIX в. шел замедленным темпом; многие крупные города, ограбленные европейскими колонизаторами или не выдержавшие торговой конкуренции с дешевыми европейскими товарами, приходили в упадок. Заметный рост городов начался здесь в основном в XX в., особенно в последние десятилетия. То же самое относится и к странам Африки. В СССР урбанизация развернулась главным образом с середины 1920-х годов (см. «Население мира», 1965, стр. 88)¹.

Урбанизация, как правило, оказывала и оказывает снижающее влияние на плодovitость. Так, если принять показатель детности в сельских местностях за 100, то соответствующий показатель по городам выглядел: в США в 1800 г. — около 60, в Пруссии в 1864 г. — около 70, в Мексике в 1895 г. — 71, в Румынии в 1899 г. в мелких городах (до 25 тыс. жителей) — 75, в крупных городах — 62 и т. д. В целом в большинстве стран мира в первой трети XX в. плодovitость среди городского населения была примерно на 30% меньше, чем у сельского населения, варьируя обычно в пределах $\pm 10\%$ в зависимости от величины городов (в крупных городах она, как правило, ниже, чем в мелких), религиозной принадлежности населения и других факторов. Так, в Палестине на 1931 г. плодovitость среди христиан в городах была на 29%

¹ Разделение населения на городское и сельское может быть произведено по имеющимся статистическим материалам с известной условностью, так как само понятие города в разных странах трактуется по-разному. Все же можно считать, что в настоящее время в городах живет немногим более трети всего населения мира: в Австралии и Океании — более 75% населения, зарубежной Европе и Америке — около 60%, СССР — 55%, зарубежной Азии — несколько более 20%, Африке — около 20%.

ниже, чем в сельских местностях, среди мусульман — на 20%, среди евреев — на 6%; в Японии в 1913 г. в городах размером свыше 100 тыс. жителей — на 28%, в городах менее 100 тыс. — на 18%, в Пуэрто-Рико в 1930 г. среди «белого» населения — на 47%, среди негров — на 41% и т. д. (Jaffe, 1942). К середине XX в. в экономически развитых странах разница между плодovitостью городского и сельского населения стала уменьшаться. В Европейской России в 1911—1913 гг. коэффициент рождаемости среди городского населения составлял 33,4, а среди сельского — 43,9‰. В годы Советской власти разница между этими показателями несколько сократилась главным образом за счет более значительного снижения рождаемости в сельских местностях, однако и в настоящее время она остается достаточно заметной. По материалам обследования 1958—1959 гг., плодovitость в семьях колхозников была на 18% выше, чем в семьях рабочих и служащих, а в возрасте 40—49 лет — более чем в два раза (Урланис, 1963, стр. 65).

Влияние урбанизации отражает совместное действие нескольких факторов, в число которых входит более высокий, по сравнению с сельскими местностями, культурный уровень населения (уровень образования и т. п.), обычно большие жилищные трудности, большее вовлечение женщин в общественное производство, на работы вне дома, меньшие возможности для вовлечения в производство детей, которые в сельских местностях уже с малых лет могут помогать по хозяйству, а в городах могут быть приняты на работу обычно лишь при достижении определенного возраста и т. п. Необходимо отметить и уменьшение традиций многодетности, связанное, в частности, с уменьшением целесообразности и затруднением существования в городских условиях больших семей. В городах стран, процесс индустриализации которых только развернулся или еще продолжается, обычно повышается брачный возраст. Так в Индии в браках, заключенных после 1930 г., средний брачный возраст у женщин в городах составлял 15,1 года, в сельских местностях — 14,4 (Das Gupta, Kumar Som, 1955).

Действие фактора образования в городском и сельском населении проявляется, по-видимому, с одинаковой силой. Об этом говорит, в частности, материал по Пуэрто-Рико; число рожденных детей на 1000 женщин старше

ными половыми связями, если дети от них встречаются с осуждением (особенно в случае беременности до инициации). Видную роль играет и нежелание нового ребенка, когда предыдущий еще мал и не отнят от груди; это особенно характерно для охотников-собирателей, ведущих бродячий образ жизни (австралийцы, бушмены и др.), у которых женщины, как правило, не в состоянии заботиться одновременно больше чем об одном ребенке (Krzywicki, 1934, p. 131). Нередко имеют место и другие, в том числе психологические, причины (например, желание женщины участвовать в приближающихся празднествах или религиозных церемониях, ссора с мужем и т. п.). У многих народов (например, в Океании и Индии) считается неприличной беременность женщины, имеющей внуков, беременную невестку или просто женатого сына (Firth, 1959); такая ситуация из-за распространения ранних браков встречается довольно часто. Подобные мотивы ограничения рождаемости у женщин старшего возраста нередко встречаются и в экономически развитых странах (Киселева, 1968, стр. 315).

Скудность средств существования, как уже отмечалось выше, не способствует поддержанию традиций многодетности и, таким образом, может создать базу для распространения контроля рождаемости. Следует отметить, однако, что большинство известных случаев резкого снижения плодovitости среди народов Океании, Африки, Азии и Америки объясняется не этой «естественной» причиной, а сильным влиянием колониально-империалистической экспансии. Стремление буржуазных ученых, в частности Лоримера, представить это влияние только как «культурный шок», приведший к дезорганизации в области личных и половых отношений, не выдерживает критики. Снижение плодovitости коренного населения многих колониальных стран было связано в значительной степени с проникновением в туземное хозяйство товарно-денежных отношений, что вело к быстрому разложению родо-племенной организации и распаду больших семей. Утрата родовой организации, являвшейся основной формой коллективной борьбы за существование, и жестокая эксплуатация со стороны колонизаторов вызвали снижение жизненного уровня коренного населения. Большое значение имело обострение аграрного кризиса в туземном хозяйстве, что сопровождалось миграциями части муж-

ского населения на работу в города и на плантации и нередко вело к распаду семей. Все это привело к утрате старых традиций многодетности и к падению рождаемости. Сам же Лоример приводит весьма характерное в этом отношении заявление туземцев Меланезии: «Должны ли мы давать своим детям жизнь для того, чтобы они работали на белых людей» (Lorimer, 1954, стр. 134).

Не останавливаясь на детоубийстве, которое будет рассмотрено в разделе «Смертность», и на некоторых специфических обрядах¹, отметим, что среди предохранительных средств в племенных обществах чаще всего употребляется *coitus interruptus*, иногда женщины применяют промывание влагалища, употребляют масляные тампоны и т. п. Довольно широко распространены аборт, которые обычно производятся в середине беременности весьма жестокими и несовершенными средствами: пьют настои из ядовитых растений, вставляют острые палочки в матку, туго перетягивают живот или бьют по нему для умерщвления плода и т. п. (Ford, 1945, p. 50; Devereux, 1960). Некоторые индейские племена бассейна Амазонки знакомы с растительными средствами, вызывающими временную стерилизацию.

Исторические сведения о применении контрацептивных средств народами раннеклассовых формаций восходят к глубокой древности; они были известны древним египтянам (папирусы XIX—XI вв. до н. э.) и древним евреям. Древнегреческие ученые, особенно Гиппократ, в качестве основного контрацептивного средства рекомендовали микстуры, оказывающие стерилизующее или abortивное действие; применялись и внутривлагалищные средства (Noonan, 1965, стр. 9—15). Однако, кроме некоторых случаев (например, среди римской знати в первых веках нашей эры), эти средства не имели широкого распространения.

Массовое систематическое применение контрацептивных средств требует определенного уровня культурной

¹ Так, в Австралии и некоторых областях Океании при инициации юношей нередко производится продольный надрез *penis* с перерезанием семявыводящих каналов (*subincision*), что снижает способность к оплодотворению. Однако происхождение этой операции вряд ли связано с контролем рождаемости, так как многие из производящих ее не видели прямой связи между половым актом и беременностью (Montagu, 1957, стр. 183).

эволюции, изменения моральных норм, что было достигнуто в эпоху промышленного развития. Регулирование рождаемости в современном понимании этого процесса ведет свое начало с конца XVIII в., когда оно начало разворачиваться во Франции. Постепенно, главным образом со второй половины XIX в., оно стало распространяться на другие страны Европы и других континентов; известную роль в этом отношении играло дальнейшее усовершенствование контрацептивных средств, однако эту роль не следует переоценивать. Никакие противозачаточные средства не помогут тому, кто не понимает необходимости их употребления, не умеет или не хочет ими пользоваться.

Одна из главных причин начавшегося в XIX в. процесса регулирования рождаемости — развитие капитализма и рост явлений относительного аграрного перенаселения в деревне, возрастающая трудность земельного и хозяйственного обеспечения младших сыновей, жилищные трудности и угроза безработицы в городах, а также запрещение детского труда; показательно, что в Англии, где капитализм развивался более быстрыми темпами, чем во Франции, законы о трудоустройстве бедных и о применении детского труда замедлили в начале XIX в. процесс контроля рождаемости. Кроме этих, по существу экономических, причин, немаловажную роль играло стремление расходовать меньше сил на поддержание семьи, обеспечить лучшее наблюдение за детьми, дать им лучшее воспитание и образование. Чем меньше детей, тем при определенном доходе супругов выше уровень благосостояния семьи, больше возможность отложить деньги на будущее; если раньше обеспечение старости связывалось главным образом с наличием детей, то с индивидуализацией семей, стремлением молодых пар обособиться от родителей на первый план нередко выступает необходимость самим заботиться о будущем; большое значение в этом отношении имеет развитие социального страхования. Брачные пары среднего возраста нередко применяют контрацептивы из-за боязни, что могут умереть, оставив детей еще маленькими, и т. д.

В контроле рождаемости женщина обычно заинтересована больше мужчины, так как только такой контроль позволяет ей вырваться из круга забот, связанных с беременностью, рождением и воспитанием детей. Поэтому

Таблица 11

Желаемое и действительное число детей *

Страна и год обследования	Среднее число детей в семье	
	желаемое	действительное
Канада 1960 г.	4,31	3,99
США 1960 г.	3,63	2,99
Нидерланды 1960 г. . . .	3,28	2,71
Великобритания 1960 г. . .	2,78	2,37
Франция 1956 г.	2,85	2,44
ФРГ 1958 г.	2,59	2,25
Венгрия 1960 г.	2,27	1,98

* Таблица составлена по данным: «Studies on Fertility and social mobility». Budapest, 1964, p. 50.

развитие его непосредственно связано с социально-правовым положением женщины в обществе. Приниженное положение женщины может действовать двояко: там, где муж стремится к многодетности, такое положение неизбежно ограничивает контроль рождаемости, там, где традиций многодетности нет, оно может явиться добавочным стимулом для применения женщиной контрацептивных средств. В странах, где женщина достигла юридического и фактического равноправия с мужчиной во всех сферах общественной жизни, прежде всего в социалистических странах, для контроля рождаемости во всех отношениях имеется более благоприятная обстановка¹.

Потенциальная возможность планирования семьи является при сопоставлении желаемого и фактического числа детей в семье. Характерно, что в экономически развитых странах желаемое число детей, как правило, несколько больше фактического (табл. 11). Это связано, по-видимому, как с тем обстоятельством, что многие пары применяют контрацептивы с начального периода брака и впоследствии уже не могут достичь желаемого числа детей, так и с тем, что в жизнь брачных пар втор-

¹ Учитывая стремление раскрепощенной женщины к сознательному материнству, т. е. к сознательному ограничению числа детей, Август Бебель давно предсказывал, что «в социалистическом обществе размножение населения будет совершаться медленнее, чем в буржуазном» (Бебель, 1959, стр. 579).

гаются какие-то неблагоприятные по своему влиянию на плодovitость факторы. Такая же картина выявилась и в результате проведенных в последние годы обследований ряда групп населения СССР. Напротив, у народов развивающихся стран желаемое число детей, как правило, меньше действительного. В Пуэрто-Рико, где средняя плодovitость около 5 детей, большинство опрошенных женщин желало иметь лишь 2—3 детей (Hill, Stycos, 1959, p. 114), женщины индийских деревень в районе Дели, имевшие по 5 и более детей, считали идеальным числом детей — 4 ребенка (Agarvala, 1954, p. 117) и т. д. Причиной этого является прежде всего слабое знакомство населения с техникой планирования семьи. Так, около 70% всех опрошенных пуэрториканок до вступления в брак ничего не знало о методах контроля рождаемости, а около 50% ничего не знало о них даже после первой беременности. В последующие годы, в связи с развернутой кампанией пропаганды средств планирования семьи, даже среди неграмотных женщин большинству стали известны контрацептивные средства. Однако применяются эти средства сравнительно редко; мужчины не желают контроля рождаемости, чтобы привязать женщину к дому, женщины — чтобы их «не заподозрили в тенденциях неверности» (Stycos, 1962, p. 310).

Немаловажное значение для массового развития контроля рождаемости имеет простота и эффективность контрацептивных средств, легкость внедрения их в традиционный быт, удобство применения и другие, в том числе психологические факторы. Достаточно показательна в этом отношении неудача распространения внутривлагалищных шариков и презервативов среди населения некоторых развивающихся стран, в частности в Индии, хотя еще в недавнем прошлом эти средства широко использовались, например, в странах Европы и Северной Америки. Не останавливаясь подробно на этом малоизученном вопросе, исследование которого не может обойтись без участия этнографов, отметим, что в последние годы во многих зарубежных странах начали широко применяться противозачаточные пилули, вызывающие временную стерилизацию. Очень удобны и эффективны внутриматочные средства (спирали и колечки из мягкой пластмассы). Оба эти средства становятся главным оружием контроля рождаемости во всех, в том числе и в раз-

вивающихся, странах мира, вытесняя другие контрацептивные методы, особенно аборт, наносящие несомненный вред женскому организму¹.

Одним из средств контроля рождаемости является полная стерилизация одного из членов брачной пары при достижении ею желательного числа детей. Операции по стерилизации приняли сравнительно массовый характер лишь в немногих странах, в том числе в Японии, где к 1965 г. было стерилизовано около 1 млн. женщин (Tien, 1965), а также в Индии и Китае, в связи с проводимой там политикой ограничения рождаемости.

Под *политикой народонаселения* понимают ряд мер, проводимых тем или иным государством с целью оказать определенное влияние на характер естественного движения населения (а иногда и на другие демографические показатели, например на развитие внешних миграций). И если в отношении смертности политика народонаселения направлена, как правило, на ее сокращение, прежде всего путем развития системы здравоохранения (участие государства в войнах должно быть рассмотрено особо), то в отношении рождаемости эта политика не столь однолинейна. С одной стороны, государство заинтересовано в увеличении числа своих граждан, связывая это с увеличением военной мощи (численности армии), государственной казны (числа налогоплательщиков), экономической мощи (люди — основная часть производительных сил), а иногда и просто с «жизнеспособностью» нации. С другой стороны, в некоторых случаях государство может быть заинтересовано в уменьшении темпов естественного прироста и даже в стабилизации численности своего населения, так как это избавляет его от угроз перенаселения, позволяет высвободить средства, направляющиеся на воспитание детей и их образование, чтобы использовать эти средства для ускорения своего экономического развития и т. п.

Конкретная политика народонаселения должна складываться, очевидно, в результате учета обеих этих тенденций, с целью достижения оптимума населения, т. е. та-

¹ Имеющиеся статистические данные по распространению абортов весьма красноречивы. Во Франции, например, в 1930-х годах 35—40% всех беременностей кончались абортами. В 1958 г. в Японии было 1,6 млн. рождений и 1,1 млн. абортов (Roberts, WPC—1965).

кой его численности и состава, которые при данном исторически сложившемся уровне производительных сил и социально-экономических условий обеспечивают в конечном счете наибольший прирост дохода на душу населения; темпы прироста населения должны при этом соответствовать темпам социально-экономического развития. Однако в реальной жизни обычно превалирует либо одна, либо другая тенденция.

В нашу задачу не входит анализ различных популяционистских теорий и высказываний по этому вопросу ученых и общественных деятелей; такой теме посвящены специальные работы Б. Я. Смулевича «Критика буржуазных теорий и политики народонаселения» (1959), Д. И. Валентея «Теория и политика народонаселения» (1967) и других ученых. Отметим, что поощрительная популяционистская политика ведет свое начало от традиций высокой плодovitости народов первобытной эпохи. Проявление этой политики отмечено, например, в раннеклассовом государстве инков, которое под страхом наказания заставляло всех своих граждан при достижении определенного возраста вступать в брак; в древней Иудее были запрещены аборты, в Древнем Риме применялся налог на холостяков и ограничение прав бездетных и т. д. (Westermarck, v. 1, p. 384).

В последующие эпохи поощрительная популяционистская политика государств также выражалась главным образом в повышении брачности (путем снижения брачного возраста, удержания налога с холостяков, поощрения брачующихся и т. п.), в запрещении производства абортов и контрацептивных средств и поощрении многодетности (путем выдачи денежных пособий после рождения какого-то по счету ребенка, с возрастанием этой суммы на последующие рождения¹ и т. д.). Обычно эти меры применяются в той или иной комбинации. Очень активную поощрительную популяционистскую политику проводили перед второй мировой войной агрессивные государства — Германия, Италия и Япония. В настоящее время к странам, проводящим политику поощрения рождаемости, можно отнести Аргентину, Австрию, Австра-

лию, Бельгию, Болгарию, Венгрию и ряд других государств со снижающимися или уже пониженными темпами естественного прироста. К сожалению, статистических материалов, показывающих действенность этой политики, нет.

Сдерживающая или антинаталистская политика также начала проводиться довольно давно, хотя ее трудно связать с тенденциями ограничения числа членов некоторыми племенными обществами, обитающими в неблагоприятных природных условиях или на ограниченном пространстве (например, в горных долинах или на островах). Великие древнегреческие ученые Платон и Аристотель призывали ограничить число жителей своих государств главным образом путем регламентации брачного возраста и времени рождения последнего ребенка, а также разрешением абортов. В XVIII в. в Баварии и некоторых других немецких государствах были приняты законы, запрещающие вступать в брак малообеспеченным мужчинам и женщинам. Более четко такая политика стала проявляться в XIX в. в ряде экономически развитых стран Западной Европы; немаловажную роль в ее развитии сыграли в то время идеи Мальтуса, утверждавшего, будто бы бедность трудящихся обусловлена их неразумно быстрым размножением (Мальтус, 1889). В настоящее время она характерна главным образом для развивающихся стран, имеющих чрезмерно высокие темпы естественного прироста населения, — Индии, ОАР и др. Основными рычагами сдерживающей антинаталистской политики являются повышение брачного возраста, создание общественного мнения, направленного на ограничение размеров семьи, легализация абортов, а иногда и стерилизации, широкая пропаганда и распространение контрацептивных средств и т. п. Однако эффективное проведение ее в жизнь, очевидно, невозможно без крупных социально-экономических преобразований и повышения уровня образования.

Отметим в заключение некоторую условность разделения мероприятий, относящихся к политике народонаселения, на две противоположные группы. Если, например, запрещение абортов явно относится к числу мер, принимаемых для повышения рождаемости, то легализация абортов сама по себе еще не свидетельствует о каком-то стремлении снизить рождаемость; она, как, например,

¹ Величина денежных надбавок в этих странах довольно значительна, составляя, например, во Франции и Чехословакии при 4 детях свыше 50% среднемесячного заработка (Кваша, 1968, стр. 170).

и устройство пунктов по ознакомлению женщин с контрацептивными средствами, призвана создать необходимые условия для сознательного материнства. Следует подчеркнуть и большую сложность разработки тех или иных мер в области политики народонаселения¹.

СМЕРТНОСТЬ

Основные причины и факторы смертности

Вторая важнейшая сторона процесса естественного воспроизводства — смертность — взаимосвязана с рождаемостью. Дело здесь не только в банальной истине: человек, прежде чем умереть, должен родиться, но, например, и в прямой связи общего показателя рождаемости и показателя смертности. Увеличение первого из-за повышенной смертности детских возрастов обычно приводит к увеличению второго. В свою очередь смертность оказывает влияние на рождаемость, сокращая продолжительность детородного периода или изменяя поло-возрастную структуру населения, в частности, нарушая баланс мужчин и женщин в группе производительных возрастов, и т. д.; происхождение традиций многодетности, во многом определяющих уровень рождаемости, как уже отмечалось, было связано в основном с существовавшей в прошлом высокой смертностью.

В отличие от рождаемости, приуроченной к так называемому производительному периоду жизни, смертность охватывает все возрастные группы населения. Ее явно невозможно свести до нуля; для каждой популяции существует определенный нижний предел уровня смер-

ности, в то же время у нее, в отличие от рождаемости, нет столь определенного верхнего предела. Если рождаемость тесно связана с социально-психологическими факторами и личными мотивами, то смертность определяется главным образом влиянием объективных причин. В социальном отношении смертность, как правило, — зло, поэтому исторический прогресс человечества во многом определялся борьбой с различными причинами смертности. Показатели смертности обнаруживают, в частности, непосредственную зависимость от уровня благосостояния населения, уровня его социально-экономического развития и развития здравоохранения. Однако это еще не говорит о сравнительной легкости исследования смертности; число факторов, воздействующих на нее, очень велико, причем степень их влияния на показатель смертности и взаимодействие их между собой в различных исторических и природных условиях очень разнообразны.

На протяжении длительного времени, по существу вплоть до XX в., смертность определяла характер естественного движения населения, динамику численности большинства народов мира, привлекая к себе внимание ученых и общественных деятелей. Показательно, что первой в истории науки демографической работой считаются таблицы смертности по Лондону, составленные в середине XVII в. Дж. Граунтом. За последние десятилетия большинство демографов и социологов переключило свое внимание на рождаемость или плодовитость, которые стали определять основные особенности роста численности населения стран мира. В результате этого многие аспекты смертности остаются малоизученными; особенно слабо освещено влияние социально-культурных факторов, которые во многом определяют этнический аспект смертности и поэтому представляют особый интерес для нашего исследования; характерно, что в недавно вышедшем и по существу единственном в своем роде обзоре литературы о социальных и экономических факторах, воздействующих на смертность (Benjamin, 1965), из числа социально-культурных факторов рассмотрено лишь курение. До сих пор не разработана и сама классификация факторов смертности, поэтому приводимую ниже их группировку следует рассматривать лишь применительно к целям данной работы.

¹ Так, в Японии в 1958 г. свыше половины всех абортс произведены по «экономическим причинам», остальные — главным образом по «здоровью женщины»; в индийском штате Майсор на 1957—1958 гг. около 80% абортс произведены по экономическим причинам (Research..., 1962, p. 487) и т. д. Материалы обследований, проведенных в различных районах СССР, говорят о том, что и здесь главной причиной контроля рождаемости называется экономическая или непосредственно с ней связанные плохие жилищные условия и т. п. Однако факты показывают, что улучшение экономического положения, подъем благосостояния далеко не всегда приводит к увеличению плодовитости.

При изучении смертности можно выделить ее непосредственные причины и косвенные причины или факторы. Смерть — неизбежное явление, однако она редко бывает прямым результатом процесса физиологического старения; непосредственной причиной смерти, как правило, являются те или иные болезни, голод, насильственное умерщвление (главным образом в ходе войн), реже — несчастные случаи или самоубийства. Непосредственные причины смерти и различия в показателях смертности у разных групп населения, в том числе у отдельных народов, определяются влиянием ряда факторов, которые с некоторой условностью можно разделить на природные (географическая среда), физиологические, социально-экономические и социально-культурные. Эта условность связана, в частности, с тем обстоятельством, что некоторые из «непосредственных причин» смертности также могут играть роль «факторов»; так, например, голод может быть вызван войной, голод и война в свою очередь могут повлиять на развитие эпидемических болезней и т. д. И если голод может быть рассмотрен среди социально-экономических факторов, то такие важные причины смертности, как болезни и войны, требуют хотя бы краткой предварительной характеристики.

Болезни и войны

Основной причиной смертности не только в условиях мирной жизни, но часто и в военное время являются болезни. Однако их влияние на процесс естественного воспроизводства этим не ограничивается. Многие болезни, даже если они и не приводят непосредственно к смерти, ведут к столь значительным нарушениям жизнедеятельности человеческого организма, что это может препятствовать вступлению в брачно-половые отношения или нарушить прежнюю брачную жизнь, может привести к рождению неполноценных детей и т. д. Особое место среди них занимают половые болезни, непосредственно влияющие на процесс естественного воспроизводства населения, и наследственные болезни, рассматриваемые ниже в разделе «физиологические факторы».

История болезней, в том числе эпидемических, урон от которых наного превосходит людские потери в самых

кровавопролитных войнах, прослеживается лишь в самых общих чертах. Палеопатология — наука, изучающая болезни древних людей, — дает нам данные лишь о существовании, а отчасти и о распространении тех болезней, которые оставляли свои следы на костях человека. Изучение костных остатков позволило, например, установить наличие у древних людей аномалий развития (недоразвитость конечностей, монголизм и т. д.), костного туберкулеза, сифилиса и фрамбезии, раковых поражений и др. Наиболее ранние свидетельства костного туберкулеза относятся к неолитическим захоронениям (около 5 тыс. лет назад) в Германии (Goldstein, 1963). Рохлин установил сифилитические поражения костей у населения Южной Сибири во II тысячелетии до н. э. (Рохлин, 1965, стр. 95). Из отмеченных в письменных источниках болезней самыми древними являются проказа, натуральная оспа, чума и туберкулез. Упоминание об оспе обнаружено, например, в египетском папирусе, датированном 3730—3740 гг. до н. э.; проказа в древности была известна как «финикийская» болезнь, или болезнь Тира и Сидона, — финикийских городов, расцвет которых относится к 3000 г. до н. э.; Гомер, насколько можно судить, пишет о чуме и сибирской язве и т. п. (Башенин, 1958, стр. 7). В более поздних исторических источниках говорится о холере и дизентерии. Однако подавляющее большинство болезней, в том числе многие опасные для жизни, но с недостаточно отчетливо выраженными симптомами (в их числе грипп, возвратный тиф, рак, почти все сердечно-сосудистые болезни и болезни других внутренних органов) были установлены сравнительно недавно, главным образом в XIX—XX вв. в связи с успехами медицины.

Приведем некоторые историко-демографические материалы о чуме, как одной из самых страшных, и о малярии, как одной из самых распространенных эпидемических болезней¹. Страх перед чумой, охватывавший в прошлом целые страны, был связан с ее сильной заразностью и высокой летальностью, доходившей при легочной форме до 100%. Историк Фукидид писал об эпидемии чумы в Греции в IV в. до н. э. во время Пелопонесской войны; в последующие столетия чума неоднократно сви-

¹ Довольно обстоятельная сводка материалов по этим и другим болезням дана в книге О. В. Барояна «Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека».

репствовала в Европе, проникая туда обычно из Малой Азии, однако наиболее значительные пандемии ее были в VI—VII вв. (главным образом в Южной Европе и в Ирландии) и в XIV в. (1348—1349 гг. и 1360—1361 гг.). Пандемия XIV в. (известная под названием «черной смерти») охватила население всех стран Европы и унесла свыше четверти, а возможно, и треть ее жителей. Довольно сильные эпидемии чумы были отмечены в некоторых странах Европы и в XV—XVII вв.; так, например, во время эпидемии чумы 1630—1631 гг. только в Северной Италии и Тоскане умерло около 1 млн. человек, т. е. свыше трети населения (Урланис, 1941, стр. 159). Большая пандемия чумы началась в 1894 г. в Гонконге и распространилась по многим портовым городам мира. Только по официальным данным, с 1894 по 1938 г. от чумы умерло свыше 13 млн. человек, из них 12,5 млн. в Индии, 250 тыс. в Китае, свыше 200 тыс. на Яве и т. д. (Бароян, 1962, стр. 7). Благодаря проведенной борьбе с чумой потери от нее даже в основных эпидемических очагах (Центральная Азия) в настоящее время незначительны.

Успехи по борьбе с малярией не были столь значительны. По имеющимся данным, ею в активной и скрытой фазе все еще поражено около 1 млрд. населения мира, главным образом в тропических и субтропических странах Африки и Азии; ежегодно она является прямой или косвенной причиной смерти около 5 млн. человек; выраженные клинические формы заболевания имеются у 200 млн. человек, из которых ежегодно умирает около 2 млн. (Martin, 1965). В прошлые столетия малярия имела еще более широкое распространение, охватывая и большинство стран умеренного пояса, в том числе многие страны Европы. В России, например, она была распространена преимущественно на Кавказе, в Средней Азии и Поволжье; средняя ежегодная заболеваемость здесь малярией в конце XIX в. составляла более 5 млн. человек; в некоторых районах от нее умирало до трети и более населения (Кассирский, Плотноков, 1959, стр. 28).

Малярия сильно тормозила социально-экономическое развитие; еще в начале 1950-х годов от нее в Таиланде ежегодно терялось 10 млн. рабочих дней, в Индии — 170 млн. (Martin, 1965). Она препятствовала освоению многих районов и, в частности, долгое время мешала исследованию Африки; так, из 44 европейцев, участвовав-

ших в экспедиции Мунго Парка к верховьям Нигера (1805 г.), умерло от малярии 35. Кроме того, малярия оказывала весьма неблагоприятное влияние на рождаемость. Исследователи этого вопроса отмечают частое преждевременное наступление родов при малярии, довольно высокую смертность новорожденных, более тяжелое и упорное течение малярии у беременных. По наблюдениям на о. Цейлоне, в 1937 г. у 82% больных женщин наступили преждевременные роды, причем общая летальность плодов и новорожденных составила около 67%, а смертность рожениц была вдвое выше, чем у здоровых женщин. По данным обследования в Таджикистане в 1935—1940 гг., общая летальность детей (мертворождения и умершие вскоре после рождения) составляла у здоровых рожениц — 3,2%, у болевших малярией до беременности — 8,8%, болевших во время беременности — 13,2%, болевших во время родового периода — 22,4% (Кассирский, Плотноков, 1959, стр. 76—78). Приводимая Стампом карта распространения малярии по округам Бенгалии на 1910 г. и карта роста их населения за период с 1901 по 1911 г. довольно четко показывают обратную зависимость между этими явлениями: в основных малярийных районах наблюдается убыль населения, в районах слабо затронутых малярией — наибольший прирост (Stamp, 1964, p. 22, 23).

В недавнем прошлом, примерно до XIX в., главную роль среди причин смертности, как правило, повсеместно играли инфекционные болезни. Успехи медицины и здравоохранения в экономически развитых странах мира привели к почти полному исчезновению целого ряда инфекционных (в первую очередь эпидемических) болезней и к резкому уменьшению смертности от других причин. В настоящее время основными причинами смертей в таких странах являются (в порядке значимости) сердечно-сосудистые болезни, рак, нервные болезни, инфекционные болезни (главным образом грипп и пневмония), болезни младенческого возраста, а также сосудистые поражения мозга. Нельзя не отметить и значительное число смертей от несчастных случаев (производственный и бытовой травматизм, автомобильные катастрофы и т. п.). В развивающихся странах среди причин смертности на первом месте по-прежнему стоят инфекционные болезни, в том числе малярия, туберкулез, дизентерия и др.; очень ши-

роко распространены в этих странах такие болезни, как филяриатоз (220 млн. больных), шистоматоз (150 млн.), фрамбезия, или «кожный сифилис» (до 100 млн.), венерические болезни, а также болезни недостаточного питания.

Переходя к рассмотрению смертности от войн, отметим, что вооруженные столкновения между различными группами (общностями) людей ведут свое начало с самых ранних этапов человеческой истории. Наиболее древней причиной таких столкновений было нарушение племенных границ, реальное или предполагаемое посягательство на жизнь и здоровье членов племени, похищение женщин и т. п. Характеризуя военные столкновения в эпоху первобытнообщинного строя, Ф. Энгельс писал: «В принципе каждое племя считалось состоящим в войне со всяким другим племенем, с которым оно не заключило мирного договора по всей форме... Все, что было вне племени, было вне закона. При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царилла война между племенами, и эта война велась с той жестокостью, которая отличает человека от остальных животных и которая только впоследствии была несколько смягчена под влиянием материальных интересов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 94, 99). Однако, несмотря на случаи жестокостей, проявлявшихся в истреблении всего или значительной части побежденного племени (часто в живых оставлялись лишь женщины и девочки), в целом племенные столкновения, как подчеркивают все исследователи этого вопроса, не были кровопролитными (Косвен, 1953, стр. 125); среди австралийцев, например, многие межплеменные столкновения кончались сразу же после появления нескольких раненых или убитых.

В период разложения первобытнообщинного строя, с появлением частной собственности на средства производства и с разделением общества на антагонистические классы военные столкновения учащаются и обостряются. Это было обусловлено появлением нового стимула — жажды обогащения путем захвата имущества врага и обращения его самого в раба или данника. В классовом обществе война стала орудием, при помощи которого различные государства или классы стремились достичь определенных экономических и политических целей.

Война — своего рода социальная катастрофа, отрицательное влияние которой на процесс естественного воспроизводства сказывается несколькими путями. Кроме непосредственных военных потерь среди армии и мирного населения, оказавшегося в полосе военных действий или подвергшегося нападению в тыловых районах, войны приводят к значительным косвенным потерям, связанным с понижением рождаемости от разрыва брачных связей, сокращения брачности, изменения поло-возрастного состава, в частности, сокращения числа мужчин и уменьшения числа женщин, находящихся в браке¹, а в последнее время и от более жесткого планирования семьи, и повышения смертности среди гражданского населения, а также ухудшением физического состояния (появление больших групп инвалидов и т. п.) и культурного уровня людей. Повышение смертности во время войн нередко связано также с учащением заболеваний и развитием эпидемий, чему способствует недоедание, физическое и психическое утомление, скученность людей, ухудшение здравоохранения, снижение санитарной культуры и другие причины.

В древности и в феодальную эпоху потери воюющих сторон от болезней обычно значительно превосходили прямые военные потери. Еще Гомер отмечал, что греки при осаде Трои больше страдали от болезней, чем от неприятельских копий. Во время Пелопонесской войны чума решила судьбу Афин; историк Фукидид писал, что эта болезнь вызвала во всей Греции большие социальные и экономические потрясения, чем сама война. Имеющиеся в исторических источниках сведения о громадных боевых потерях в крупнейших битвах древности, как считает Б. Ц. Урланис в своем обширном исследовании «Войны

¹ Так, в годы первой мировой войны страны Антанты мобилизовали в армию до 60 млн. человек (Россия — около 16 млн.), Германия и ее союзники — до 25 млн. (в том числе Германия — 13 млн., или около 20% всего населения); во вторую мировую войну общее число мобилизованных значительно превышало 100 млн. человек. Сокращение рождаемости достигало 30—50%; в Германии, например, она составляла в 1911—1914 гг. — 27,8%, в 1917 — 13,8%, в 1939 г. — 20,4%, в 1942 г. — 14,9% («Курс демографии». М., 1968, стр. 346, 348). Потери от снижения рождаемости в годы двух войн только в России — СССР измеряются тремя десятками миллионов человек.

и народонаселение Европы», мало правдоподобны; по всей вероятности, эти потери лишь в исключительных случаях измерялись десятками тысяч человек. Так, например, римляне при Каннах потеряли немногим более 48 тыс. убитыми, армия Ганнибала — около 10 тыс. В одном из крупнейших сражений средних веков — Куликовской битве (1380 г.) — потери русских не превышали 10 тыс. человек, потери немцев в Грюнвальдском сражении составляли менее 20 тыс. человек (Урланис, 1960, стр. 36—40). Во время крестовых походов погибло, вероятно, несколько миллионов человек, но подавляющее большинство их составляли умершие от болезней; только во время 1-го крестового похода за три месяца от эпидемий умерло 100 тыс. человек (там же, стр. 256).

Влияние, которое оказывали войны в докапиталистических формациях на динамику численности народонаселения, объясняется не кровопролитностью отдельных сражений, а сравнительной малочисленностью всего населения, очень большой частотой таких войн, сопутствующими эпидемиями и значительными прямыми и косвенными потерями среди мирного населения стран, на территории которых происходили военные действия. Результатом некоторых особенно ожесточенных войн, связанных, в частности, с «великим переселением народов» (в том числе с походами гуннов), с монголо-татарскими и туркскими завоеваниями, было обезлюдение обширных областей Средней и Малой Азии, Восточной и Южной Европы.

Войны начального периода капитализма также действовали на динамику численности населения больше своей частотой, нежели кровопролитностью, причем санитарные потери войск по-прежнему значительно превышали боевые. Европейские войны XVIII в. унесли около 5,2 млн. жизней (войны XIX в. — 5,5 млн.); при этом наибольшим кровопролитием сражений отличались наполеоновские войны, общие потери от которых составили 3,5 млн. человек (Урланис, 1960, стр. 474). За время войны в Испании французская армия потеряла 300 тыс. человек от болезней и лишь 100 тыс. в боях; примерно такими же были и потери французской армии в России. Перелом в соотношении боевых и санитарных потерь наступил только в начале XX в. в связи с применением пулеметов и усилением артиллерии; во время русско-японской войны

потери от оружия (около 100 тыс. человек) в 2,5 раза превысили потери от болезней.

Самыми кровопролитными в истории человечества были войны периода империализма, главным образом две мировые войны XX столетия. Прямые военные потери воюющих стран в первую мировую войну 1914—1918 гг. составили около 9,5 млн. убитых и умерших от ран и до 20 млн. раненых; эти потери были усугублены разразившейся сразу же после войны эпидемией гриппа («испанки»), которая унесла по всем странам мира примерно 20 млн. человеческих жизней. Еще более страшные бедствия принесла народам мира, прежде всего народам Европы, вторая мировая война, в которой сильно пострадало и мирное население. Только прямые потери стран зарубежной Европы составили свыше 15 млн. человек, из которых более 9 млн. приходится на мирное население («Population», 1953, N 2); прямые потери Советского Союза составили свыше 20 млн. человек. Если присовокупить к этому людские потери стран Восточной Азии (в том числе потери в японо-китайской войне 1937—1942 гг.), то общий урон от этой войны составит, по нашим подсчетам, около 40 млн. человек.

Отличительной особенностью военных потерь по сравнению с уроном от болезней является то, что эти потери часто имели четко выраженный этнический аспект. В первобытнообщинную эпоху по существу все военные столкновения представляли собой столкновения между отдельными этническими общностями (племенами). Таковой же характер имели и многие войны в раннеклассовых формациях; весьма показательны в этом отношении военные столкновения эпохи «великого переселения народов», приведшие сами по себе или вместе с другими причинами к исчезновению с исторической арены целого ряда этнических общностей (аваров, гуннов и др.). В развитых классовых формациях этническая окраска военных потерь в целом в ряде случаев даже усилилась, так как распространенные ранее религиозные войны сменились войнами между национальными государствами, национально-освободительными и другими, оказывающими сильное влияние на численность одних народов и почти не влияющими на численность народов соседних стран. Многочисленные войны, которые вела, например, Франция в XVIII и XIX вв., своими прямыми потерями (за XVIII в. —

около 1,5 млн. чел., за XIX в. — 1,7 млн. чел.) и своим отрицательным влиянием на процесс естественного воспроизводства сыграли немаловажную роль в снижении темпов роста численности французов. Две мировые войны также по-разному сказались на динамике численности вовлеченных в них народов; весьма показательны в этом отношении сравнительно небольшие потери Франции во второй мировой войне (всего, без эльзасцев, с погибшими участниками «движения Сопротивления» и умершими в плену — 210 тыс. человек. — Урланис, 1960, стр. 234) и громадные потери СССР, особенно народов западных республик (белорусов, украинцев) и русских.

К военным потерям по своей «насильственной» сущности близки известные в истории случаи прямого физического истребления национальных меньшинств тех или иных стран (геноцид). Характерным примером геноцида явилась резня армян в Турции (главным образом в 1915 г.), во время которой погибло свыше 1,5 млн. человек, и особенно проводившаяся немецкими нацистами политика истребления «неполноценных» народов, в первую очередь евреев, цыган и славянских народов; всего за период с 1933 по 1945 г. в Германии и оккупированных ею странах было уничтожено свыше 5 млн. евреев, т. е. примерно половина еврейского населения Европы (включая СССР). На некоторых случаях таких этнически избирательных потерь, оказывающих существенное влияние на динамику численности народов, мы остановимся ниже.

Природные факторы

Географическая среда как условие материальной жизни общества не оказывает определяющего влияния на процесс его исторического развития. Вместе с тем природные условия (климат, орография, гидрография и др.) прямо или косвенно влияют на многие стороны жизни людей, в том числе на их заболеваемость и смертность. Такое влияние, по мере развития производительных сил общества, постепенно уменьшалось, но пока еще ощущается довольно сильно. Для нашего исследования имеет существенное значение этнический аспект воздействия природных факторов, обусловленный тем обстоятельством, что каждая этническая территория географически

локализована и ее природные условия отличаются от условий жизни других народов.

Прямое влияние природной среды на заболеваемость и смертность проявляется прежде всего в том, что она создает благоприятные или неблагоприятные условия для нормальной жизнедеятельности человека как особого биологического вида¹; косвенное влияние — в обеспечении условий для развития поддерживающих существование человека видов хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, скотоводство, земледелие и др.). Как правило, прямое и косвенное влияние сочетаются, приводя, например, к существующей ныне незаселенности или очень слабой заселенности обширных областей мира: Антарктиды, арктических районов, тундры и большой части тайги Евразии и Америки, полупустынь, пустынь, высокогорий, влажных тропических лесов. Конечно, человек может жить и работать, например, как на высоте в 5 км над уровнем моря (рудокопы в Андах Южной Америки), так и на льдах Антарктиды, однако развитие популяций в таких условиях вряд ли возможно.

При изучении влияния природной среды на распространение болезней этническая демография соприкасается с медицинской географией, в составе которой выделяются два основных раздела: а) географическая патология, изучающая географическое распространение и течение болезней непаразитарной природы; б) эпидемиологическая география, изучающая географическое распространение инфекционных и инвазионных болезней человека; она исследует как нозоареалы (районы распространения болезней), так и ареалы вида возбудителя болезни — территории, в пределах которых наблюдается непрерывное существование возбудителя на определенных его носителях, обычно на животных (Шошин, 1962).

К числу непаразитарных болезней человека относятся, в частности, болезни, связанные с недостатками питания как по калорийности и усвояемости пищи (на этом влиянии, обусловленном преимущественно особенностями хо-

¹ Прямое влияние природных условий на смертность очень четко проступает и в тех случаях, когда район, благоприятный для ведения хозяйства и жизни человека, оказывается чаще других подвержен тем или иным стихийным бедствиям (наводнениям, землетрясениям, извержениям вулканов и т. п.), хотя потери от таких бедствий в целом сравнительно невелики.

зяйственной деятельности и традиций, мы остановимся в другом подразделе), так и по содержанию в ней определенных химических элементов, что связано главным образом с особенностями химического состава воды и почвы и относится непосредственно к влиянию природных условий. Так, например, недостаток йода в продуктах питания и воде ведет к нарушению обмена веществ и образованию зоба. Этой болезнью поражено население многих районов земного шара (особенно в гористых местностях); только в Италии от эндемического зоба страдает около 5 млн. человек (главным образом в провинциях Перуджа, Терни, Гроссето). Имеются области с повышенной радиоактивностью почвы (например, о. Ниуэ в Океании), которая действует непосредственно и через пищевые продукты, приводя к бесплодию и врожденным аномалиям («The natural radiation...», 1964)¹. Принято выделять и непаразитарные болезни, связанные с климатическими и другими географическими особенностями среды обитания (солнечный и тепловой удар, снежная слепота, горная болезнь и др.), а также связанные с особенностями флоры и фауны данного географического района. До сих пор в мире ежегодно регистрируется, например, около 500 тыс. случаев укуса людей змеями, из них около 40 тыс. со смертельным исходом; большинство летальных случаев приходится на тропические страны, где медицинская помощь слабо развита и где, кроме того, распространены змеи, против яда которых нет достаточно действенной лечебной сыворотки (Martin, 1965).

Среди паразитарных болезней, наиболее широко распространенных и оказывающих обычно определяющее влияние на смертность, выделяется группа болезней, имеющих глобальные нозоареалы (грипп, корь, оспа и др.). Возбудители большинства этих болезней относятся к числу антропонозов, т. е. распространенных исключительно в человеке, причем такая адаптация их произошла в исторические периоды, когда были уже сформированы важнейшие в эпидемиологическом отношении черты современного общества: относительно высокая плотность населения, интенсивные миграции и т. п. (Елкин, Яп-

куль, 1965). Вследствие этого приспособления возбудителей болезней их эндемические очаги в настоящее время сохраняются весьма стойко, а эпидемии в целом слабо зависят от природных условий, хотя в ряде случаев последние могут способствовать их распространению или, напротив, тормозить его. Часть глобальных нозоареалов (бешенство, крысиный риккетсиоз, эхинококкоз и др.) относится к зоонозам, связанным с инфекциями и инвазиями сельскохозяйственных и других животных. В прошлом эти болезни были географически локализованы, а их глобальные нозоареалы возникли главным образом путем распространения этих животных людьми, бравшими их с собой в места новых поселений.

Основная масса паразитарных болезней имеет зональное распространение, связанное прямо или косвенно с определенными климатическими и ландшафтными зонами земного шара; эта связь нередко отражается в самом названии болезней: так, существует особая группа «тропических болезней» и т. п. Зональность болезней определяется, как правило, границами распространения самих возбудителей болезней, а также животных, рыб и насекомых — носителей и передатчиков болезней. Одним из характерных примеров таких болезней может служить сонная болезнь (африканский трипаносомоз) и малярия. Область распространения первой определяется экологией ее переносчика — мухи це-це (Glossina), которая распространена в тропической Африке за исключением ее северо-восточных областей и Мадагаскара, главным образом во влажных долинах рек. Распространение малярии обусловлено распространением малярийного комара (Anopheles), типичными биотопами (областями обитания) личинок которого являются мелководные, хорошо освещаемые водоемы с густой погруженной растительностью, богатые планктоном, с щелочной водой и перенасыщенные кислородом — обычно заросли прудов с пологими берегами и т. п. Малярийных комаров нет на больших (выше 1,5 км) высотах, поэтому горные районы в тропической зоне, как правило, свободны от малярии. Большое число заразных болезней передается грызунами, к ним относятся чума, туляремия, кожный лейшманиоз, клещевой энцефалит и др. Так, эндемичные очаги чумы расположены в зоне сухих степей и полупустынь, где водятся основные носители возбудителя этой болезни:

¹ Мы не останавливаемся здесь на радиации, вызванной испытанием атомного оружия или мирным использованием атомной энергии, хотя и эта радиация нередко также имеет локальный характер.

сурки и песчанки в Евразии и Африке, луговые собачки и хомяки в Америке и т. п.

За последние десятилетия влияние климатических или в более широком смысле — природных факторов на появление и распространение эпидемий сильно уменьшилось, и на первый план выступило влияние других факторов, прежде всего экономического уровня и санитарной культуры. Трудно сказать, какие климатические условия являются оптимальными для физического и умственного труда, но несомненно, что ныне высокая смертность большинства народов тропических стран обусловлена прежде всего социально-экономическими, а не природными факторами. Экономический подъем, развитие медицины и здравоохранения в этих странах могут сделать многие из них одними из самых здоровых на земле.

Физиологические факторы

При анализе смертности физиологические факторы, к числу которых мы относим наследственность, антропологические и поло-возрастные особенности, выступают более четко, чем при анализе рождаемости, и оказывают на показатели смертности в целом более сильное влияние.

Группы человечества, обитая в течение длительного времени в различных областях земного шара, биологически приспособились к природным условиям этих областей, что нашло свое отражение и в изменении их физического облика, в конституциональных и антропологических особенностях, передаваемых по наследству. Темная кожа негроидов является защитным средством от вредного влияния ультрафиолетовой части солнечных лучей; рак кожи, сильно распространенный в тропических странах, поражает, как правило, светлокожих людей, в первую очередь европейцев; отмечено также, что отношение веса тела к его поверхности у народов тропиков заметно меньше, чем у народов умеренного пояса, что обеспечивает их лучшую терморегуляцию (Schrefder, 1966). Особая складка глазного века у монголоидов (так называемый эпикантус) хорошо охраняет глаза от пыльных и песчаных бурь и т. п. Эскимос может получить перегрев организма и солнечный удар при температуре, которая покажется, например, тамилу довольно прохладной; в свою очередь тамил может легко получить воспаление

легких там, где эскимос не подхватит и насморка. При резких изменениях условий обитания, при переселении в другую область земного шара, организму человека приходится перестраиваться. Процесс приспособления к новым климатическим условиям (акклиматизация) редко проходит безболезненно; обычно он ведет к ослаблению жизнедеятельности организма и подготавливает почву для заболеваний¹. Негры, завезенные в США, и через несколько поколений по характеру заболеваний продолжают отличаться от европейского по происхождению населения; в частности, среди них гораздо чаще встречаются болезни органов дыхания (Henschen, 1966, p. 16). Европейцы, попадающие в тропические страны, отличаются, как известно, повышенной смертностью.

Среди тяжелых наследственных заболеваний, связанных с отклонениями от нормы в количестве и структуре хромосом, выделяются так называемая болезнь Дауна («монголизм»), синдромы Тернера и Клайнфельтера (женский и мужской половой инфантилизм). Генетические аномалии, нарушающие химические процессы, которые регулируют клеточные функции, могут привести к задержке умственного развития (фенилкетонурии), сахарному диабету или ожирению. В прошлом такие больные, как правило, быстро умирали; в настоящее время благодаря успехам медицины, особенно в развитых странах, значительная часть из них не только остается жить, но и дает потомство, что ведет к увеличению числа подобных заболеваний.

Существуют аномалии генетического механизма, которые приводят к изменению строения гемоглобина, вызывая серповидность эритроцитов, серповидноклеточную анемию и талассемию. Первая широко распространена главным образом в тропических районах Африки, доходя у некоторых нилотских народов и у народов банту до 30% и более (Ниль, Шэлл, 1958, стр. 276); от нее ежегодно умирает примерно 80 тыс. человек. Число больных только

¹ Не исключено, что сравнительно слабая заселенность большинства областей доколумбовой Америки и сравнительно низкий уровень социально-экономического развития большинства индейских народов связаны и с трудностями физиологической адаптации их предков к экологической среде, так как при своем продвижении от Берингова пролива к Огненной Земле они попадали во все изменяющиеся природные условия.

тяжелыми формами талассемии достигает 100 тыс. человек, особенно в странах Юго-Восточной Азии и Средиземноморья; все они обречены на смерть еще в детском возрасте («Здоровье мира», август—сентябрь 1966, стр. 26, 27). Своеобразной «естественной компенсацией» обеих этих болезней является то, что их носители легко переносят малярию, широко распространенную в тех же районах. Влияние групп крови, сильно варьирующих у разных народов мира, еще не вполне изучено, но, по-видимому, оно сказывается на развитии некоторых болезней, например рака желудка, язвы двенадцатиперстной кишки, пептической язвы и др. (Харрисон..., 1968, стр. 249; Tinbridge, 1964); о влиянии несовместимости резус-фактора мы уже писали выше (см. стр. 114).

Генетические аномалии могут сказаться особенно сильно в сравнительно небольших экзогамных обществах, характеризующихся распространением кровнородственных (в частности, кросс-кузенных) браков. Степень распространения таких браков у крупных народов зависит от принятых брачных норм и обычаев, т. е. от социально-культурных факторов, хотя в целом этнический аспект наследственных болезней выражен неотчетливо. К числу немногих исключений можно отнести, вероятно, не так давно открытую на Новой Гвинее болезнь куру. Эта болезнь, связанная с прогрессивным расстройством двигательной координации и дававшая до 90% летальности, распространена преимущественно среди женщин и детей обоего пола племени фор (восточное нагорье) и племен, имевших с ним кровнородственные отношения (гими, кейагана, каните и камана), т. е. имеет, по-видимому, какие-то генетические элементы, хотя механизм ее действия не вполне установлен (Alpers, 1965).

Поло-возрастные особенности влияют на заболеваемость и смертность чаще всего через посредство социально-экономических факторов. В связи с физиологическими особенностями организма мужчины и женщины существует ряд болезней, которые встречаются только у женщин (гинекологические болезни, некоторые болезни крови и т. п.) или (реже) только у мужчин. Организм мужчины несколько иначе реагирует на воздействие внешней среды, чем женский организм; отмечено, например, что мужчины лучше сопротивляются воздействию высокой температуры воздуха, чем женщины (Sargent,

Weinman, 1964). Выше мы уже говорили о существовании значительных различий в поло-возрастной смертности; имеются болезни, присущие в основном детскому возрасту (например, ветрянка) или пожилому возрасту (например, атеросклероз). Поло-возрастные особенности заболеваемости и смертности имеют обычно слабо выраженный этнический аспект, однако большое демографо-социальное значение этих особенностей заставляет нас остановиться на них несколько подробнее.

Внутриутробное развитие мужского плода, возможно в связи с его хромосомными особенностями, протекает более затрудненно, чем развитие женского плода, поэтому среди выкидышей и мертворожденных преобладают мальчики (примерное соотношение 1:2). Мертворождения могут зависеть от возраста матери (у молодых и у пожилых рожениц мертворождения случаются чаще, чем у женщин среднего возраста) и от ее здоровья, в частности, от таких болезней, как сифилис, алкоголизм, острые инфекции с высокой температурой (например сыпной тиф) и т. п. В странах с налаженным статистическим учетом мертворождения составляют примерно от 2,5 до 4,5% всего числа рождений.

В экономически развитых странах почти во всех возрастных группах смертность среди женщин ниже, чем среди мужчин. Эта разница особенно заметна в начальный период жизни, когда разворачивается процесс биологического приспособления организма к новым для него условиям жизни (питанию и физической среде); показатели детской смертности у мальчиков значительно выше, чем у девочек. Подобное различие, правда в несколько меньшей степени, сохраняется и в последующие годы; в результате этого имевшееся численное преобладание новорожденных мальчиков (см. стр. 116) примерно к 10—15 годам исчезает, после чего начинается все возрастающее преобладание численности женщин. Повышенная смертность мальчиков объясняется прежде всего их большей активностью и подвижностью, что требует больше жизненных сил и чаще приводит к вредным для организма столкновениям с внешней средой. Эти же причины играют существенную роль и в более зрелых возрастах, что приводит к более быстрой изнашиваемости мужского организма или отдельных его органов (сердца, сосудов, нервных тканей и т. п.); сильное влияние на этот

процесс оказывают профессиональные болезни, травматизм и алкоголизм. Мужчины чаще заняты на более тяжелых и опасных работах, на вредных производствах, чаще попадают в неблагоприятные условия природной и социальной среды и более резко реагируют на эти условия и т. д. Характерно, что в странах Европы смертность от несчастных случаев среди мужчин во второй половине XIX в. была примерно втрое больше, чем среди женщин; среди самоубийц мужчин было также в 3—4 раза больше, чем женщин (Смит, 1901, стр. 154, 261); к середине XX в. эта разница уменьшилась, но осталась существенной.

Пол сам по себе не играет заметной роли в заболеваемости инфекционными болезнями, и наблюдаемое неравное распределение между мужчинами и женщинами некоторых болезней объясняется главным образом условиями социальной жизни и быта. Так, например, отмеченная в дореволюционной России большая заболеваемость мужчин брюшным тифом связана с их передвижениями в поисках работы, службой в армии и т. д.; повышенная заболеваемость женщин скарлатиной и дифтерией — тем, что именно женщинам приходится ухаживать за больными, и т. п. (Баппенин, 1958, стр. 108).

Уже в конце XIX в. в экономически развитых странах мира средняя продолжительность жизни женщин была обычно на 2—4 года больше, чем у мужчин. В последующие десятилетия, при общем возрастании продолжительности жизни, эта разница еще более увеличилась. Так, среди «белого» населения США средняя продолжительность жизни на 1900—1902 гг. у мужчин была 48 лет, у женщин — 51 год, на 1962 г. — соответственно 67 и 73 года; в России на 1896—1897 гг. — соответственно 31 и 33 года, в СССР на 1966 г. 66 и 74 года. В настоящее время в большинстве других развитых стран средняя продолжительность жизни женщин обычно на 4—6 лет больше, чем у мужчин.

Что же касается развивающихся стран, то во многих из них, особенно в Южной и Восточной Азии, наблюдается обратная картина — смертность женщин здесь, по крайней мере до середины 1950-х годов, почти во всех возрастных группах была выше, чем смертность мужчин. Это связано с пренебрежительным отношением к девочкам, антисанитарными условиями жизни, ранним мате-

ринством, частыми родами и некоторыми другими причинами, на которых мы остановимся ниже. В Индии в 1901 г. на каждую 1000 мужчин приходилось 972 женщины, в 1921 г. — 955, в 1941 г. — 945 и в 1961 г. — 941; среди религиозных групп наибольшая диспропорция полов — у сикхов и у мусульман (соответственно 782 и 901 женщина на 1000 мужчин) («Население мира», 1965, стр. 117); средняя ожидаемая продолжительность жизни в Индии в 1941—1950 гг. составляла у мужчин 32,5 года, у женщин — 31,7 года, в 1957—1958 гг. — соответственно 45,2 и 46,6 («Население земного шара», 1965, стр. 145). В настоящее время общее число мужчин в Китае примерно на 20 млн. превышает число женщин, в Индии — на 13 млн., в Пакистане — на 5 млн. и т. д.

Описанное выше «естественное» соотношение численности мужчин и женщин в ряде стран мира нередко нарушалось громадными потерями мужского населения в годы войны. Из числа наиболее ярких исторических примеров можно назвать Парагвай, в населении которого после изнурительной войны 1864—1870 гг. насчитывалось лишь 28 тыс. мужчин примерно на 200 тыс. всего населения (Tuiner, 1965). Хорошо известно о громадных потерях мужского населения стран Европы в первую и вторую мировые войны. На начало 1950-х годов в ФРГ и ГДР, главным образом вследствие войны, численность мужчин была на 5,5 млн. меньше численности женщин; в СССР, по переписи 1959 г., численность мужчин была на 20 млн. меньше численности женщин, причем, например, в возрастной группе 45—49 лет на каждые 100 мужчин приходилось 160 женщин, а в группе 55—59 лет даже 200 женщин.

Остановимся кратко на показателе *детской смертности*, которая в сравнительно недавнем прошлом во многих районах мира играла определяющую роль в общей картине смертности, унося треть и более всех новорожденных детей в возрасте до 1 года. Очень велика была смертность детей и более старшего возраста; в России, например, в конце XIX в. до 5-летнего возраста среди русских умирала половина всех рожденных живыми детей, среди татар и чувашей — более 40% и т. д. (см. табл. 1). Именно борьба с детской смертностью за последние десятилетия во многих случаях оказала наиболее сильное влияние на снижение общего показателя смертности и

повышение естественного прироста населения. В большинстве стран Европы и других экономически развитых странах мира детская смертность в настоящее время ниже 50%; а во многих странах — ниже 30%. Основными причинами смертности грудных детей являются: родовые травмы, постнатальные асфиксии, болезни органов пищеварения, врожденные пороки развития и воспаления легких (Enke, Werner, 1965). В Европейской России детская смертность в 1892—1897 гг. составляла 278, в 1907—1912 гг. — 246 (Яновский, стр. 101), в 1950 г. детская смертность в СССР составляла 81, а к 1967 г. сократилась до 26 на 1000 родившихся.

Во многих слаборазвитых странах детская смертность все еще выше 100. Особенно неблагоприятно положение в Африке. В 1955—1960 гг. детская смертность в Мали составляла 293, в Северной Родезии — 290, в Ньясаленде — 240, в 1960 г. в Конго (Бразавиль) и Центрально-Африканской республике — 200, Марокко — 150 на 1000 и т. п.; есть основания считать, что все эти цифры занижены, так как значительная часть детей умирает незарегистрированными. Причинами детской смертности является белковая и калорийная недостаточность пищи, заболевания желудочно-кишечного тракта и органов дыхания, а также инфекционные болезни (малярия, корь, брюшной тиф и др.). Широко распространены такие болезни новорожденных, как пупочный сепсис, столбняк, родовые травмы.

В странах зарубежной Азии и Латинской Америки детская смертность ниже, чем в Африке, но заметно выше, чем в промышленно развитых странах мира. В 1961—1962 гг. детская смертность в Индонезии составляла 125, Бирме — 140, Бразилии — 160, Чили — 115, Эквадоре — 105, Индии — около 100 на 1000 родившихся. Лишь в сравнительно немногих странах детская смертность менее 70‰ (показатель, который для европейских стран исключительно высок), но возможно, что это сравнительное «благополучие» связано просто с недоучетом детской смертности. По данным индийских ученых, зарегистрированные показатели детской смертности по всем штатам Индии на 30—40% ниже действительных (Ghosh, 1956).

Социально-экономические факторы

Социально-экономические факторы — виды хозяйственной деятельности, условия труда и быта (в том числе жилищные условия), уровень благосостояния и полноценность пищи, особенности расселения и другие — оказывают сильное, во многих случаях определяющее влияние на заболеваемость и смертность; достаточно показательно, что, например, эпидемии обычно тесно связаны с войнами, экономическими потрясениями, голодом и т. п. Разнообразие социально-экономических факторов и обычно сравнительно слабо выраженный у большинства из них этнический аспект заставляют нас ограничиться лишь кратким обзором основных из этих факторов. Мы не останавливаемся, в частности, на анализе уровня образования; этот фактор, оказывающий сильное влияние на снижение рождаемости, влияет и на уменьшение показателя смертности, но по своему значению явно уступает другим социально-экономическим факторам.

Виды занятий (хозяйственной деятельности) — фактор, оказывающий существенное самостоятельное влияние на смертность и, кроме того, действующий на нее через ряд других факторов: уровень благосостояния, особенности расселения и др. Каждый вид занятий и каждая профессия обуславливают своеобразное взаимодействие человеческого организма с внешней средой, а также физиологические особенности его трудовой деятельности, в связи с чем в медицине принято выделять так называемые профессиональные болезни. Обратимся ли мы к древнейшему разделению труда (охота и рыболовство, земледелие и животноводство, ремесло и торговля) или к современной чрезвычайно сложной картине общественно производственных занятий и профессий, нетрудно заметить, что различные профессиональные группы людей подвержены тем или иным болезням в разной степени и структура смертности у них своеобразная, даже если они живут в одних и тех же природных условиях и при одной и той же системе здравоохранения¹. Еще более

¹ Анализируя причины повышенной заболеваемости и смертности среди людей некоторых профессий, исследователи еще в XIX в. отмечали, например: 1) работу в скорченной или неестественной позе (кружевницы, сапожники и т. п.); 2) действие ядовитых или раздражающих веществ (спичники, маляры, скор-

силы эти различия у народов разных стран. Рисоводы-яванцы, работающие на затопленных полях, которые удобряются преимущественно фекалиями, по видам болезней, конечно, весьма отличаются от скотоводов-арабов, кочующих со стадами верблюдов по сухим степям и полупустыням Аравии, от чилийских рабочих на горных медных рудниках или от английских чиновников. Отметим, что по сравнению с другими социально-экономическими факторами вид занятости имеет в целом ряде случаев более четко выраженный этнический аспект. Это связано прежде всего с устойчивостью этнически-традиционных видов хозяйственной деятельности; немаловажное значение имеет и проводимая во многих капиталистических странах политика национального гнета, одной из сторон которой является ограничение выбора профессии у угнетаемых народов.

Изучая влияние видов занятий на заболеваемость и смертность, следует учитывать не только виды хозяйственной деятельности, но и интенсивность труда. При повышенной интенсивности появляются явления усталости, которая ослабляет сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям (понижает щелочность крови, накапливает вредные продукты обмена, истощает нервную систему и т. п.).

Наиболее существенная сторона влияния видов занятости на смертность определяется их органической связью с материальным производством, создающим основу самого существования человека. Исторический прогресс человеческого общества и особенно начальные его этапы определялись прежде всего появлением новых видов хозяйственной деятельности, обеспечивающих возможность увеличения численности населения. Подсчитано, например, что на одной и той же площади земли земледелие может прокормить в 20—30 раз больше людей, чем скотоводство, а скотоводство — в 20 раз больше, чем охота (Урланис,

ники, газопроводчики, наборщики и т. п.); 3) действие спиртных напитков (трактирщики, кабатчики и т. п.); 4) несчастные случаи (рудодобытчики, кампеломщики, рыбаки и т. п.); 5) вдыхание пыли (каменщики, металлисты, гончары и т. п.) (Смит, 1901, стр. 177). Можно добавить еще, что люди, занятые на лесозаготовках в эпидемиологически неблагоприятных районах, подвергаются опасности заражения клещевым энцефалитом, охотники — туляремией, рыболовы — глистными инвазиями и т. п.

1944, стр. 371). Подобные подсчеты, несмотря на их несовершенство (отдельные виды скотоводства и земледелия дают иное соотношение), достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что увеличение средств существования могло ограждать от смерти все большее число людей. На этом чрезвычайно важном обстоятельстве, во многом определившем особенности роста численности отдельных народов мира, нам не раз придется остановиться ниже.

Фактор *благосостояния* (общий и душевой доход семьи, жилищные условия и др.) оказывает сильное влияние на смертность. Еще в источниках XIV в., описывавших бедствия, причиненные «черной смертью», отмечалось, что ее жертвами были главным образом толпы бедняков. В последующие столетия и особенно с XIX в. влияние благосостояния на показатель смертности было подтверждено многочисленными исследованиями¹. Установлена связь уровня благосостояния с развитием тех или иных болезней. Так, английский ученый Эуорт, изучая динамику показателя смертности от туберкулеза с 1850 по 1920 г., установил тесную обратную связь его с динамикой заработной платы и прямую связь с динамикой цен на хлеб (Башенин, 1958, стр. 120). Многие исследователи подчеркивают, что борьба с туберкулезом — это прежде всего борьба с нищетой и перенаселенностью жилищ.

Питание — очень важный фактор заболеваемости и смертности — может рассматриваться как один из элементов благосостояния; вместе с тем оно обнаруживает тесную связь с природными условиями, видами хозяйственной деятельности и социально-культурными факторами, в частности традициями населения. У народов,

¹ Так, по данным г. Бремена, в 1901—1910 гг. смертность детей у бедных жителей (учитывались дети до 5 лет) превосходила смертность детей у богатых в 9 раз, а смертность грудных детей была больше в 5 раз (Смуглевич, 1959, стр. 103). С. А. Новосельский, разрабатывая данные по дореволюционному Петербургу, разбил его на семь групп участков с учетом среднегодовой платы за квартиру, числа жителей на одну комнату, процента неграмотных и других показателей. Полученные им результаты говорят о том, что показатель общей смертности колебался от 42,6‰ (богатые участки) до 27,2‰ (бедные участки); детской смертности — соответственно со 107 до 263‰ (Новосельский, 1958). Материалы Ф. А. Щербины по Воронежской губернии указывают на связь показателя смертности с размерами земельных владений (Щербина, 1897, стр. 252—254).

занимающихся охотой, рыбной ловлей, скотоводством, преобладает, например, белковая по своему составу пища, у сельскохозяйственных народов — углеводная. Как уже отмечалось выше, для нормальной жизнедеятельности организма необходимо питание достаточное как по калорийности, так и по своему составу — наличию в нем должного соотношения белков, жиров и углеводов, витаминов, солей и т. п. Нередко голод сам по себе был причиной массовой смертности населения, как это показывают голодовки в Индии, регулярно уносившие многие миллионы жизней, или, например, голод в Поволжье в 1921—1922 гг. Однако чаще всего голод и недоедание действуют не прямым, а косвенным путем: ослабляя организм, они способствуют развитию эпидемий. Вспышки сыпного тифа в Ирландии, Франции и Силезии в XIX в. наступали обычно в годы неурожая картофеля — основной пищи населения. В период гражданской войны в СССР эпидемия сыпного тифа была связана с разрухой, истощением людей и неурожаем. Малярия в Индии в период голодовок дает повышенную смертность (Башенин, 1958, стр. 124).

В течение многих тысячелетий голод, наряду с эпидемиями и войнами, был основным фактором, тормозящим рост численности населения. Исторические источники, начиная с древнеегипетских папирусов, содержат многочисленные сведения о голоде, поражавшем обширные области. По средневековым хроникам стран Западной Европы, тяжелый голод с высокой смертностью случался в среднем почти каждые 10 лет. Основной причиной столь частых голодовок был низкий, по сравнению с нынешним, уровень развития сельского хозяйства, большая зависимость от капризов природы, а также бедность основной массы населения — крестьян, которые вынуждены были отдавать весь свой прибавочный продукт господствующим слоям — сеньорам, духовенству и пр. Из-за отсутствия личных запасов каждый неурожайный год (из-за засухи, дождей, саранчи и т. п.) приводил к голоду, а два неурожая подряд — к настоящему бедствию, губительные последствия которого усугублялись слабым развитием путей сообщения и торговли с другими областями и странами, а нередко и войнами между феодалами, сопровождавшимися грабежом и разорением крестьян. Очень сильный голод отмечен во Франции в 1030—1032 гг., в Германии —

в 1125 г., в Богемии — в 1280—1282 гг. и т. д.; в некоторых пораженных им районах вымирало свыше четверти всего населения. На территории России, по летописям и другим источникам, с XI по XVII в. сильный неурожай и голод случался не менее 8 раз в столетие; одним из самых тяжелых был голод 1601—1602 гг., охвативший центральную часть страны.

С середины XIX в. в европейских странах сильных голодовок не наблюдалось, хотя хроническое недоедание трудящихся масс еще было обычным явлением; последний сильный голод в Ирландии в 1847—1848 гг., вызванный двумя неурожаями картофеля — основной пищи ирландских крестьян, привел к гибели свыше 1 млн. человек — четверти всего населения острова. В России голодовки продолжались значительно дольше. По исчислениям Б. Ц. Урланиса, избыток умерших в России за три неурожайных года (1872, 1882 и 1892) — свыше 4 млн. человек — должен быть отнесен, конечно, за счет голода и эпидемий (Урланис, 1963, стр. 83). Очень сильный голод 1921—1922 гг., охвативший главным образом губернии Поволжья, был непосредственно связан с разрухой сельского хозяйства за годы первой мировой и гражданской войн; потери от этого голода и сопровождавшей его эпидемии сыпного тифа составили около 5 млн. человек (БСЭ, 1, «Голод»).

В XIX—XX вв. голод очень часто поражал густонаселенные крупные страны Азии: Китай и Индию. В Китае в 1877 г. от голода в северных провинциях погибло 4—6 млн. человек; в 1929 г. в Китае голодало 54 млн. человек, в 1931 г. — 70 млн. (БСЭ, 2, «Голод»). Тяжелое продовольственное положение в Индии, непосредственно связанное с гнетом британского империализма, усугублялось тем, что англичане разрушили амбарную систему, созданную крестьянами на случай неурожая. Только в XIX в. в Индии голод свирепствовал более 30 раз, особенно часто в последнюю четверть века, унеся 20—25 млн. жизней. Во время голода 1948—1949 гг., сопровождавшегося эпидемией «испанки», в Индии умерло свыше 15 млн. человек (Кастро, 1954, стр. 223), во время последнего крупного голода в Бенгалии 1943—1944 гг. — около 4 млн. человек (Петров, 1965, стр. 136).

После второй мировой войны продовольственная проблема в мире продолжала оставаться очень острой. Под-

считано, что для нормальной жизнедеятельности взрослому человеку требуется ежедневно примерно 2100—2500 калорий (эта цифра варьирует в зависимости от климата, размеров тела и других показателей). Между тем около $\frac{2}{3}$ населения земли питается недостаточно, а более половины из них (т. е. примерно 1,5 млрд. человек) фактически голодают, получая в день значительно меньше калорий, чем требуется по норме. Ежегодно от голода и связанных с ним болезней умирают многие миллионы людей. Своеобразная «зона голода» тянется в жарком поясе, охватывая большинство так называемых развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. В некоторых из них за послевоенный период питание даже ухудшилось, так как темпы прироста населения обгоняли там темпы роста производства (например, в Юго-Восточной Азии среднесуточный рацион за последние 15 лет уменьшился на 100 калорий). В питании населения развивающихся стран преобладают продукты растительного происхождения, оно потребляет много крахмалистой пищи (углеводов), но мало жиров и белков, особенно весьма важных для организма белков и жиров животного происхождения (Озер, 1959). Если, например, житель США получает ежедневно в среднем свыше 3000 калорий, причем 40% из них в виде продуктов животноводства и птицеводства, то житель Индии — лишь 1600 калорий в день и лишь 3% из них в виде продуктов животноводства (Озер, 1959, стр. 30) ¹.

Качественная недостаточность пищевого режима, наряду с количественной, служит причиной ряда неинфекционных заболеваний. Нехватка животных белков ведет к квашиоркору и голодным отекам, недостаток витамина А — к куриной слепоте, помутнению и размягчению роговицы, а нередко и к полной слепоте и т. д. Во многих странах Азии, население которых питается очищенным рисом (бедным витамином В), распространена болезнь бери-бери, созданная по существу самим человеком; показательно, что в бедных деревнях Индокитая, где в пищу употребляют неочищенный рис, содержащий тиамин, этой

¹ Следует отметить, что за средними, сравнительно «благополучными», цифрами по развитым капиталистическим странам обычно скрываются большие различия между богатыми и бедными людьми, а также между различными этническими и расовыми группами, например в США — между «белыми» американцами и неграми.

болезни нет. Сходна с бери-бери болезнь пеллагра, распространенная в странах, население которых питается кукурузой.

Особенно сильно недостатки питания сказываются на детях. Так, в Африке, где проживает 8,5% населения мира, но производится лишь 4% мировых пищевых продуктов (причем разрыв между приростом населения и ростом производства пищи в ряде стран все усиливается), особенно низка калорийность пищи и велика белковая недостаточность именно у детей; в связи с этим среди них широко распространен квашиоркор (летальность 20—50%), малярия, анемия и другие болезни. Из-за неполноценного питания дети отстают в физическом и умственном развитии, причем это отставание обычно накладывает отпечаток на все последующее развитие (Sai, 1965).

Отмечена связь особенностей питания с возникновением и развитием ряда сердечно-сосудистых и других заболеваний. На некоторых сторонах связи питания с заболеваемостью и смертностью, определяемых бытующими традициями и часто приобретающими этническую окраску, мы остановимся ниже, при характеристике социально-культурных факторов.

Болезни могут передаваться разнообразными путями (водно-пищевые, воздушно-капельные, контактные и др.); вместе с тем распространение большинства их непосредственно связано с плотностью населения и другими особенностями расселения. Распространение инфекционных болезней, к которым человек обладает по существу абсолютной восприимчивостью (корь, пандемический грипп и др.), прекращается лишь тогда, когда фактически все население, переболев, приобретает иммунитет; распространение других болезней — когда будет инфицировано восприимчивое к данной болезни население. Течение эпидемий будет различным в небольшом и замкнутом, крупном и открытом коллективе; в первом случае оно, естественно, придет к концу, во втором будет продолжаться сравнительно долго. В причерноморских и прикаспийских степях, как предполагают, издавна существовали эндемические очаги чумы, однако низкая плотность населения в этих районах до середины II тысячелетия н. э. не давала возможности возникновения там эпидемий. Показательно также, что на острове Исландия наблюдались лишь кратковременные вспышки кори и коклюша, так как

длительному удержанию этих болезней там явно препятствовала малочисленность и разбросанность населения (Башенин, 1958, стр. 171). Напротив, высокая плотность населения способствует распространению эпидемий; об этом говорят, например, часто повторявшиеся в прошлом эпидемии холеры в долине Нила, долине Ганга и т. п.

Скопление людей в городах создает благоприятные условия для распространения болезней, особенно передающихся контактным и воздушно-капельным путем. В прошлые исторические эпохи население городов отличалось, как правило, повышенной смертностью. Скученность жителей, полное отсутствие каких бы то ни было санитарных правил, канализации и водопровода (в подавляющем большинстве крупных средневековых городов Европы жители брали воду из рек и колодцев, а нечистоты выбрасывали прямо на улицу) являлись благодатной почвой для развития всевозможных эпидемий. По имеющимся данным, смертность во многих городах превышала рождаемость и существование их поддерживалось лишь за счет притока населения из сельской местности. Даже в 1750 г. в Лондоне смертность составляла 40—50‰ (Dorn, 1959, p. 459). Положение начало изменяться лишь в промышленную эпоху, в основном в XIX в., когда получила развитие санитарная служба, появились водопровод (с конца XIX в. распространяется хлорирование воды) и канализация, усилилась борьба с инфекционными болезнями.

В настоящее время разница в заболеваемости и смертности населения городов и сельских местностей коренится в их культурно-бытовых и санитарно-гигиенических условиях, организации медицинской помощи и других причинах, которые отодвигают на второй план различия в плотности населения, или, например, в климатических условиях. Необходимо отметить, что в городах нередко бывает более благоприятный возрастной состав (вследствие притока молодых возрастов из сельских местностей и оттока людей пожилого возраста) и лучшая организация медицинского обслуживания. С другой стороны, в городах большая жилищная скученность, а также повышенное число несчастных случаев (особенно на автомобильном транспорте) и преступлений. В последнее время при характеристике неблагоприятного влияния городской жизни подчеркивается большая вредность загрязнения город-

ского воздуха химическими веществами (окисью углерода, сернистым ангидридом и бензопиреном), а также вредное влияние городского шума и других раздражителей. Из-за сложного переплетения всех этих факторов соотношение показателей заболеваемости и смертности городского и сельского населения в экономически развитых странах сильно варьирует.

Материалы о различиях в заболеваемости и смертности городского и сельского населения развивающихся стран довольно противоречивы, что отражает неустойчивый и весьма своеобразный процесс их урбанизации, когда многие города (особенно в странах Африки) растут не за счет промышленности, а главным образом за счет усиления их административно-торговых функций и не могут поглотить массы населения, выталкиваемого из сельского хозяйства. По имеющимся данным, в Малайе, на Цейлоне и Филиппинах детская смертность в городах ниже, а в Индии и некоторых странах Латинской Америки — выше, чем в селах, хотя, возможно, это связано и с качеством ее регистрации. В большинстве развивающихся стран состояние здоровья населения находится на более высоком уровне в крупных городах, чем в средних, мелких городах и в сельских местностях. Это связано с лучшей медицинской помощью и санитарным надзором, водоснабжением и несколько лучшим питанием. Вместе с тем отмечены и неблагоприятные аспекты жизни в крупных городах развивающихся стран, где наблюдается развитие алкоголизма, юношеской преступности, половой распущенности, венерических болезней, полиомиелита, тифов, туберкулеза и ряда других заболеваний (Brown, 1966).

Важным фактором распространения болезней, в том числе эпидемий, являются *миграции* населения. Выше уже отмечалась видная роль миграций в образовании глобальных нозоареалов некоторых болезней. Такие нозоареалы возникали как в далекой древности, по мере заселения людьми земного шара, так и в новое время, особенно в связи с проникновением европейцев в другие части света (Елкин, Яшкуль, 1965). Весьма показателен в этом отношении завоз в Америку натуральной оспы (в 1527 г. с экспедицией Кортеса), кори, скарлатины и других болезней, завоз на острова Океании малярийных комаров и т. п.

Пути сообщения с древности являлись и путями распространения эпидемий. Известно, например, что чума обычно двигалась в Европу из Азии тремя основными торговыми путями: 1) северным — до Крыма, а оттуда морем в Константинополь; 2) средним — до Каспия, затем через Армению и Малую Азию в Константинополь; 3) южным — через Аравию и Египет. «Черная смерть» в XIV в. пришла в Россию из Западной Европы через большие торговые города — Новгород Великий и Псков. Речные пути сообщения играли существенную роль в распространении холеры как на территории России, так и в других странах в XIX—начале XX в. Морские пути сообщения нередко являлись путями распространения крысиной чумы; последняя, третья пандемия чумы в XIX в. охватила, как известно, главным образом портовые города (Константинополь, Марсель, Александрию, Капшатдт, Буэнос-Айрес, Сидней и др.). Так же распространялась желтая лихорадка, эпидемии которой в XVIII—XIX вв. с Канарских островов и островов Зеленого мыса перекинулись в Лиссабон, Оporto, Брест, Саутгемптон и другие города Европы (Шопин, 1962, стр. 107). Ирландцы, массами переселявшиеся с середины XIX в. из Ирландии, разносили сыпной тиф, китайские кули — проказу и т. п. Большую роль в распространении болезней играют внутренние миграции населения. Так, в России миграции приводили к распространению сыпного тифа выходцами из Рязанской и Смоленской губерний в Донбасс, а оттуда, уже с возвращающимися украинскими рабочими, — в Могилевскую и другие губернии. В результате этого устанавливался фронт сыпного тифа от Москвы до Черного моря (Башенин, 1958, стр. 129).

Видную роль в распространении болезней и эпидемий играло паломничество к святым местам. Священная река Индусов Ганг издавна известна как эндемический очаг холеры; в период религиозных праздников сотни тысяч паломников разносили холеру по всей Индии и за ее пределы — в Китай, Юго-Восточную Азию. Индийцы-мусульмане заносили холеру в священные мусульманские города Мекку и Медину, куда ежегодно приезжали сотни тысяч паломников из самых различных стран мира. Только с 1831 по 1912 г. в Мекке было 27 эпидемий (холера, дизентерия, брюшной тиф, малярия), за последние 12 из

них умерло 70 тыс. человек (Башенин, 1958, стр. 158). Нередко заразные болезни разносили и обычные туристы¹.

Особое место среди миграций населения занимает кочевничество, играющее, как показал в своих работах Протеро, немаловажную роль, например, в распространении сонной болезни и малярии в ряде областей Африки, южнее Сахары (Prothero, 1962, 1963).

Кроме влияния миграций на распространение болезней, необходимо отметить и существование ряда особенностей заболеваемости и смертности мигрантов по сравнению с местным населением. В большинстве случаев иммигранты, несмотря на их более благоприятную возрастную структуру, имеют повышенные показатели заболеваемости, а иногда и смертности; так, по материалам американской статистики конца XIX в., в Иллинойсе среди лиц, рожденных за границей, заболеваемость была в 3 раза больше, чем у местных уроженцев (Davis, 1921). Эти особенности обычно обусловлены трудностями приспособления иммигрантов к новой природной, социально-экономической и культурной среде, их обычно пониженным уровнем благосостояния, отходом от традиционной пищи и т. д., существенное значение имеют и различия в использовании системы здравоохранения (нехватка докторов, знающих язык приезжих, и т. п.).

Завершая краткий обзор социально-экономических факторов заболеваемости и смертности, следует остановиться на роли *медицины и здравоохранения*, развитие которых тесно связано с развитием производительных сил. Начала медицины и здравоохранения восходят к ранним стадиям истории человеческого общества. Археологические находки говорят о том, что первобытные люди умели лечить переломы, а иногда прибегали даже к таким сложным операциям, как трепанация черепа.

¹ В настоящее время в большинстве стран мира приняты меры против распространения опасных болезней. В таможенных пунктах особо тщательному контролю обычно подвергаются люди, приезжающие из тропических стран; против ряда болезней (холеры, чумы, сыпного и возвратного тифа и др.) существуют обязательные прививки и карантинные правила. Однако вспышки оспы в Нью-Йорке (1947 г.), Неаполе (1957 г.), Москве (1960 г.), вспышка холеры в Японии (1964 г.) показали, что абсолютно надежной защиты от проникновения опасных болезней пока не существует (Jusatz, 1966).

Исследователи, изучавшие жизнь племенных обществ Африки, Азии, Америки и Океании, пишут о существовании у них разнообразных приемов лечения. Так, например, австралийцы применяли припарки, перевязки, компрессы, кровопускание и пр., прикладывали к ранам жир, золу, птичий помет и т. п., к нарывам и опухолям — горячую золу, песок и ракушки, хорошо лечили укусы змей и других ядовитых животных, употребляли слабительные, возбуждающие и другие средства (мед, настойки трав и т. п.), при переломах накладывали лубки из коры и т. п. (Токарев, 1964¹, стр. 104). Благоприятные условия для развития медицинских знаний имелись у племен охотников и скотоводов, которые могли наблюдать за строением тела животных и их физиологией, тщательнее отбирать и испытывать лекарственные растения и т. п.

Но если в хирургии с давних пор преобладала опытно-рациональная точка зрения и были достигнуты неплохие результаты, то в отношении внутренних болезней эта точка зрения явно уступала суевериям. Происхождение внутренних болезней связывалось с колдовскими и магическими действиями индейцев, нарушением табу, сновидениями и другими мнимыми причинами, а лечение сводилось главным образом к заклинаниям и обрядам, которыми пытались победить вредоносную магию, изгнать из тела больного внедрившуюся туда злую силу и т. п.; иногда для этой цели употреблялись особо противные лекарства. Характерно, что во всех племенных обществах знахари-заклинатели, типа сибирских шаманов, считались рангом выше тех лекарей, которые пытались применить для лечения больного какие-то медикаменты. Многие африканские народы до сих пор с большим недоверием относятся к европейским методам лечения болезней и европейским врачам и тратят значительную часть своего времени на различные религиозные церемонии, связанные с изгнанием болезней.

В нашу задачу не входит обзор и анализ средств и приемов народной медицины; но на некоторых ее аспектах нам придется еще остановиться при анализе социально-культурных факторов заболеваемости и смертности. Отметим лишь, что многие народные средства не только не давали ощутимого эффекта в лечении тех бо-

лезней, против которых они были направлены, но и вызывали другие, зачастую не менее опасные болезни. Например, среди корейцев в недавнем прошлом было принято пить при кори и других болезнях, протекающих с высокой температурой, в качестве лекарства выжимки из сырых крабов, что вело к распространению легочных гельминтов-сосальщиков (Cameron, 1962). Следует отметить также необычайную стойкость знахарства, изобретающего все новые способы лечения болезней. Так, среди бантуязычных вендов (северный Трансвааль) стало принятым лечить венерические болезни (заносимые обычно из города) отваром из корней апельсинового дерева и персиков, которые кипятятся вместе с булавкой и никелевой монетой, т. е. с городскими по происхождению предметами (Ross, Warmelo, 1965).

Многие рациональные элементы народной медицины были обобщены жрецами-врачами древних цивилизаций (Египта, Индии, Китая и др.) и с успехом применялись ими. Имелись даже особые специалисты по внутренним болезням, женским болезням и т. п. Античный мир дал медицине нескольких врачей (в том числе Гипократа), трудами которых пользовались в течение многих столетий. В некоторых греческих полисах и в Риме начинает развиваться система здравоохранения. Однако все это было лишь первыми робкими шагами по пути к подлинно научной медицине. Внутренние болезни, в том числе болезни, вызывавшие массовые эпидемии, по-прежнему считались делом каких-то таинственных сил, наказанием бога или других сверхъестественных сил за грехи; в Бенаресе (Индия) существовал даже особый храм оспы. Естественно, что лечение эпидемических болезней было малоуспешным, а борьба с ними давала ощутимый успех лишь при применении строгой изоляции.

Даже промышленная революция, создавшая в странах Европы важные предпосылки для улучшения здравоохранения¹, не оказала заметного влияния на разви-

¹ Характеризуя развитие здравоохранения в раннекапиталистической Англии, Ф. Энгельс писал: «Все повторяющиеся вспышки холеры, тифа, оспы и других эпидемических заболеваний показали английскому буржуа настоятельную необходимость улучшения санитарного состояния его городов, если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 275).

тие медицины, которая почти до середины XIX в. могла предсказать и временно облегчить ряд болезней, но не могла еще убедительно доказать свою власть над ними путем эффективного их предотвращения или излечения. Немногие применявшиеся в то время средства предупреждения болезней, такие, как карантин и начавшиеся прививки против оспы или такие лекарства, как ртутные соединения против сифилиса и хинин против малярии, были примером разумного применения случайных открытий или народных традиций. Уже появилось мнение, что болезни вызываются какими-то попавшими в тело паразитами, но ни один из них еще не был опознан, а многие врачи вообще отказывались признать их существование (Бернал, 1956, стр. 315, 364). Все же улучшение санитарного дела остановило распространение эпидемий, переносимых по воде; такое заболевание, как брюшной тиф, сходит на нет в Европе, а число заболеваний дифтеритом, дававшим высокую летальность в детских возрастах, сильно сократилось. Постепенно медики научились бороться с такими бедствиями, как холера, чума и малярия, за исключением тех случаев, когда нищета или другие социальные беды делали применение новых мер невозможными. Эти и последующие успехи в борьбе с болезнями развивались по-разному в странах мира, главным образом в зависимости от государственного строя и уровня экономического развития, поэтому темпы снижения смертности были различными у разных народов.

Начало научной революции в медицине связывается главным образом с именем Луи Пастера (1822—1895 гг.), решительно выступившего с бактериальной теорией болезней и доказавшего ее результатами иммунизации против сибирской язвы у скота и бешенства у человека. Вслед за ним развернулось активное изучение инфекционных заболеваний, выявление возбуждающих их микробов и поиски иммунизирующей или лечебной сыворотки. После открытия Пастером бактерий не прекращались поиски химических веществ, которые могут убить их в самом организме человека, не нанося ему вреда. Особо важную роль в этом отношении играло открытие в 1930-х годах группы сульфамидов, а также группы антибиотиков, первый из которых — пенициллин — был открыт в 1928 г. Флемингом и пущен в массовое

производство с 1944 г. Кроме того, с начала XX в. началось активное лечение таких болезней, как цинга, бери-бери, зоб и диабет. И только болезни, связанные со злокачественным ростом тканей (раковые заболевания), еще не нашли пока действенного лечения.

Большое влияние на улучшение здравоохранения оказывали социальные и государственные организации. Так, в России снижение смертности от острозаразных заболеваний более чем в 1,5 раза за период между пятилетиями 1891—1895 и 1911—1914 гг. (в том числе уменьшение числа умерших от оспы с 73 до 29 тыс., числа умерших от тифа со 113 до 60 тыс. человек и т. д.) было достигнуто главным образом благодаря успехам земской медицины после реформ 1860—1870-х годов (Урланис, 1963, стр. 73). Не случайно, что в настоящее время один из самых низких уровней смертности — в СССР, социалистическом государстве с постоянно повышающимся благосостоянием населения, развивающейся системой здравоохранения и особой социальной и медицинской заботой о детях. Одним из ярких достижений советского государственного строя является охват единой системой здравоохранения всех народов нашей страны, в том числе и народов прежде отсталых, колониальных окраин, ранее лишенных медицинской помощи.

Следует отметить, что сравнительная дешевизна новых лекарственных препаратов и развитие международной торговли ими, а также помощь в этом отношении слаборазвитым странам со стороны международных организаций по здравоохранению привели к тому, что прежде существовавшая прямая связь смертности с уровнем социально-экономического развития и благосостояния начинает ослабевать. Успехи медицины, будучи принесенными в слаборазвитые страны, наряду с распространением там простейших средств здравоохранения, дали колоссальный эффект по снижению смертности, хотя образ жизни населения и его благосостояние по существу не изменились¹. Смертность в некоторых

¹ Весьма показательна в этом отношении борьба против малярии, которая в ряде экономически развитых стран к концу XIX в. была почти ликвидирована путем осушения болот и дезинфекции других водоемов, опасных в малярийном отношении. После второй мировой войны развернулась борьба с малярией и в странах Азии, Африки и Латинской Америки; использование

экономически отсталых аграрных странах в результате проведенных там мероприятий (охрана водоемов и хлорирование воды в водопроводах, строительство уборных и канализации, применение препаратов ДДТ против насекомых-бациллоносителей, антибиотиков и сульфамидных препаратов против остеоинфекционных болезней, распространение прививок и налаживание акушерской службы и т. п.) стала близка к смертности в развитых индустриальных странах.

Социально-культурные факторы

Социально-культурные, в том числе культурно-бытовые, факторы по своему влиянию на смертность отступают обычно на второй план перед социально-экономическими, а иногда и другими факторами и, возможно, поэтому не привлекали пристального внимания демографов и других ученых; многие из социально-культурных факторов, в значительной степени определяющих этнический аспект смертности, изучены явно недостаточно. Все это вынуждает нас ограничиться самым общим обзором важнейших из них. Мы не анализируем, в частности, факторы, связанные с семейным положением населения. Еще в XIX в. было установлено, что смертность среди женатых мужчин во всех возрастных группах ниже, чем среди холостых, вдовцов и разведенных; среди замужних женщин подобная связь характерна преимущественно для среднего и пожилого возраста (Смит, 1904, стр. 157). Это явление отмечено и современными исследователями: так, по данным, относящимся к населению Англии и Уэльса за 1959 г., в возрастной группе 25—35 лет у семейных мужчин показатель смертности 0,9‰, у холостых — 1,8‰, у вдовцов и разведенных — 1,6‰, у женщин — соответственно 0,7, 1,4 и 1,2‰ (Benjamin, 1965, p. 43). Механизм действия факторов семейного положе-

новения средств дало очень быстро хорошие результаты. Так, в 1947—1948 гг. была развернута борьба с малярией на Цейлоне, где она являлась основной причиной повышенной смертности населения. Эта борьба проводилась главным образом путем опрыскивания водоемов стойкими препаратами ДДТ и потребовала сравнительно небольших расходов, но в результате ее за несколько лет смертность уменьшилась почти вдвое: с 20,3‰ в 1946 г. до 12,0‰ в 1952 г. (соответственно смертность от малярии — с 10,7 до 4,3‰) (Barclay, 1959, p. 152).

ния не вполне выяснен, и обычные ссылки на большую упорядоченность семейной жизни представляются недостаточными¹.

Анализ влияния элементов материальной культуры весьма затруднен разнообразием и своеобразием их у разных народов мира. Следует подчеркнуть, что большинство из этих элементов связано непосредственно с особенностями природных условий и хозяйственной деятельности людей и сами по себе они играют сравнительно слабую роль в формировании этно-географических различий заболеваемости и смертности.

Традиционные одежды и жилища обычно являются одним из средств многовекового приспособления человека к природным условиям. Правда, в некоторых случаях, борясь с одним неблагоприятным фактором среды обитания, человек может создать условия для усиленного действия другого фактора. Так, пространство между землей и полом у распространенных в некоторых тропических странах домов на невысоких сваях играет положительную роль, предохраняя их жителей от сырой почвы, но вместе с тем часто служит убежищем для крыс, разносящих инфекции, а иногда и для ядовитых змей. В Индии крысы легко используют для своих гнезд пустотелые бамбуковые жерди, широко применяемые для строительства жилищ. Жилища скотоводов в Средней Азии, хижины и помещения для скота в Северной Африке нередко заселены клещами — переносчиками эндемического возвратного тифа. Во многих странах умеренного и холодного пояса среди населения, ведущего кочевой образ жизни и имеющего легкие переносные жилища (чумы, юрты, палатки и др.), широко распространены различные простудные заболевания. Японские домики, которые обычно строятся из легкого материала, также плохо защищают от холода и тем самым способствуют массовым заболеваниям дыхательных путей и т. п. (Шошин, 1962, стр. 104).

Иногда связь тех или иных элементов материальной культуры с заболеваемостью носит явно случайный характер; к ним относится, например, тот факт, что многие народы тропиков, обходящиеся минимумом одежды, из-

¹ Несомненно большую роль здесь играет и то обстоятельство, что в брак чаще вступают более здоровые люди.

бавлены таким образом от платяных вшей и от сыпного тифа. Но в подавляющем большинстве случаев элементы материальной культуры вполне определенно противодействуют заболеваемости и смертности. Необдуманное нарушение многовековой традиционной культуры населения может привести к ухудшению его здоровья. Характерно, что распространение европейской одежды среди народов, живущих во влажном тропическом климате, с частыми ливневыми дождями, привело к учащению среди них различных простудных заболеваний.

Высокая в прошлом детская смертность усугублялась распространением среди ряда народов мира обычаев детоубийства. Они были особенно характерны для народов, живущих в неблагоприятных природных условиях, ведущих бродячий образ жизни (австралийцы, бушмены и др.), так как женщина не могла в течение 3—4 лет выкормить больше одного ребенка. Убийству обычно подвергался ребенок, рожденный вскоре после предыдущего, однако в Австралии было принято убивать первого ребенка у молодой матери, как «нежизнеспособного». Широко было распространено убийство детей с врожденными уродствами или чем-то отличающихся от стандартных норм; так, например, у австралийцев убивали детей с более светлой кожей. Среди ибибио в Африке убивали детей, рождавшихся ножками вперед, а также детей, у которых первыми прорезывались верхние зубы, и т. д. Рождение двойни (или большего числа детей) во многих племенных обществах встречалось враждебно. Возможно, что это было связано отчасти с тем, что в тяжелых условиях жизни женщина не могла одновременно выкармливать более одного ребенка. Кроме того, соплеменникам обычно было непонятно, чем вызваны подобные роды: сношением женщины с другим мужчиной или действием злого духа. Чаще всего убивали одного или обоих новорожденных; последнее было особенно характерно при рождении детей разного пола, так как их обвиняли в запрещенном кровосмешении. Полагают, что в некоторых австралийских племенах до 2—3-летнего возраста по разным причинам умерщвлялось до половины всех рожденных детей (Krzywicki, 1934, стр. 127; Ford, 1945, p. 58—60).

Убийство детей встречалось в прошлом и среди более цивилизованных народов, например у спартанцев и рим-

лян. У индусов было довольно широко распространено убийство поворожденных девочек; эти детоубийства, несмотря на принятые против этого обычая меры, бытовали еще во второй половине XIX в. и даже после 1900 г., особенно среди групп раджпутов и гуджаратов (чаще всего — если в семье уже была девочка). Если девочку и оставляли в живых, то за ней меньше ухаживали, ее хуже кормили и одевали, реже обращались к врачам в случае болезни и т. п. Все это, как уже отмечалось выше, вело к повышенной смертности среди девочек. Убийство девочек и преимущественно пренебрежительное отношение к ним было распространено и среди других народов мира, например у китайцев. Имеются сведения о распространении детоубийства среди кельтов, англосаксов и средневековых скандинавов; чаще всего оно было связано с бедностью семьи или физическими недостатками ребенка. Особенно пренебрежительно относились к девочкам и детям обоего пола от рабынь и наложниц. Когда в 1000 г. исландцы согласились принять христианство, они оговорили себе сохранение права самим решать вопрос о жизни детей (Гуревич, 1966, стр. 14).

Кроме детоубийства, в прошлом среди ряда народов мира, особенно среди живших в тяжелых условиях народов Севера (эскимосы, индейцы-атапаски, чукчи и др.), были распространены обычаи убийства (и вынужденного самоубийства) стариков. Эти убийства обычно вызывались сильным голодом или каким-то другим резким ухудшением условий существования, вынуждавшим жертвовать одними для спасения других. Оказывая влияние на повышение показателя смертности, эти обычаи сами по себе не влияли на процесс естественного воспроизводства.

Не останавливаясь на известных, но сравнительно редких случаях распространения каннибализма, главным образом в Океании, отметим, что рост численности некоторых народов Юго-Восточной Азии, Океании, Африки и Южной Америки замедлял и обычай «охоты за головами». Среди даяков центрального Калимантана или нага в Северо-Восточной Индии юноша не мог взять себе жену до тех пор, пока не добудет голову врага; таким образом, процесс естественного воспроизводства здесь начинался с убийства. Нельзя не отметить и широко распространенных среди народов раннеклассовых фор-

маций обычаев кровной мести, нередко приводивших к гибели целых семей и родов.

Интересны обычаи, связанные с беременностью и родами, в которых, как и в других сторонах жизни народов, отсталых в социально-экономическом отношении, переплетаются элементы рациональной народной гигиены и медицины и вредные для здоровья обычаи и привычки. Отношение к беременной женщине чаще связано с уровнем благосостояния, нежели с какими-то традиционными обычаями, однако у многих народов принято в последние месяцы беременности не загружать женщин тяжелой работой. Широко распространены различные пищевые ограничения. Так, у карибов беременным женщинам запрещено есть яйца, хлеб из маниоки, зеленые бананы и крупную рыбу, так как эти виды пищи якобы затрудняют развитие плода. У малайцев беременным и кормящим женщинам запрещено потребление овощей и фруктов, которые и без того употребляются в пищу крайне редко; это ведет к недостатку в организме женщины и ребенка витамина С (Wolff, 1965). Среди банту Таганьики женщинам и девушкам запрещено употреблять яйца, так как они якобы вызывают бесплодие (Latham, 1964), и т. п.

Акушерская помощь и забота о роженицах и новорожденных у многих народов была крайне несовершенной, что приводило к высокой детской и женской смертности. У юкагиров пуповину мальчика обрезали охотничьим ножом, девочки — кухонным. У некоторых народов пуповина не перевязывалась вообще или оставалась очень длинной, что вело либо к потере крови, либо к инфекциям (Ford, 1945, p. 58).

Известный индийский демограф С. Чандрасекар, анализируя причины повышенной смертности среди рожениц и новорожденных, объясняет ее рядом обычаев. Роженицы в Индии считаются «нечистыми»; для родов им отводится самая плохая, грязная комната дома; близкие родственники, в первую очередь мать, не допускаются к роженице, вся забота о ней возложена на повитух-сиделок («dai») — женщин (обычно из касты парикмахеров), как правило, необразованных и не имеющих представления об элементах санитарной гигиены и медицины. Родовспоможение сводится к давлению повитухи на живот роженицы. Пуповина перерезается

бамбуковым расщепом или старым ножом; если ребенок не плачет, то он откладывается, как мертворожденный; если плачет — его смазывают маслом и завертывают с головой в старые лохмотья, которые якобы обеспечат ему долголетие. Считают, что свежий воздух вреден матери и ребенку, поэтому помещение роженицы никогда не проветривается; оно обогревается жаровней и освещается жировым светильником, что приводит к повышенному содержанию углекислоты в комнате. Для успокоения ребенка нередко дают небольшие дозы опиума (Chandrasekhar, 1959).

Большое значение для здоровья ребенка, особенно в младенческом возрасте, имеют обычаи, связанные с его вскармливанием. Традиционная продолжительность грудного кормления, оказывающего благоприятное влияние на развитие ребенка¹, колебалась у разных народов в очень широких пределах. У некоторых народов она была длительной, нередко превышая 3 года (ряд индейских племен Бразилии и Калифорнии, лопари, ненцы, эскимосы и др.). Иногда она определялась и религиозными установками; так, Коран предписывает верующим кормление грудью до двухлетнего возраста. Столь длительное грудное кормление, если оно ведется без прикорма, может, конечно, привести к некоторым отрицательным результатам, как и краткое. В карибских странах период кормления детей грудью короче, чем в странах Азии и Африки, и продолжается в среднем до 6 месяцев, после чего оно полностью или частично прекращается. Детей прикармливают коровьим молоком, крахмалистыми корнеплодами (батат, ямс и др.), однако это изменение питания часто оказывает неблагоприятное действие: недостаточность питания и желудочно-кишечные болезни являются здесь в 50% случаев причиной смертности детей в возрасте от 6 месяцев до 2 лет (Aukroyd, 1965). М. Птуха, исследуя причины различий в детской смертности у 11 народов дореволюционной Европейской России, отмечал связь повышенной смертности у русских с распространенными

¹ Дело здесь не только в том, что женское молоко — наиболее ценная пища для детей, но и в его бактериологических свойствах. Установлено, например, что дети, вскормленные молоком матери, в 13 лет имеют в крови дифтерийный антитоксин в 45% случаев, а искусственно вскормленные дети — только в 15% (Башинин, 1958, стр. 105).

В прошлом среди сельских жителей обычаями давать ребенку чуть ли ни с первых дней жизни, кроме материнского молока, жеваный хлеб, кашу и т. п.; у татар и башкир, живших в еще более антисанитарных условиях, но, согласно мусульманским обычаям, кормивших ребенка только грудью, детская смертность была значительно ниже (Птуха, 1928, стр. 30—32). Нужно отметить благоприятное влияние кормления ребенка грудью на здоровье самой женщины, в частности резкое уменьшение случаев рака молочной железы. Так, на Гавайских островах у европейских женщин рак молочной железы встречается в 5 раз чаще, чем у японок и женщин других этнических групп, которые более длительное время кормят своих детей грудью.

Совершаемые над детьми обряды, связанные с народными традициями или с установками религий, обычно оказывают неблагоприятное влияние на их здоровье. Хорошо известен, например, вред принятых среди большинства христиан обрядов крещения и причастий, которые ведут к простудным заболеваниям и распространению инфекций. К числу обрядов, имеющих отчасти рациональный характер, можно, по-видимому, отнести обрезание, распространенное среди многих племенных обществ и включенное в число установок иудаизма и ислама, если, конечно, этот обряд производится с соблюдением элементарной асептики. В противном случае, что, к сожалению, бывает более часто, этот обряд приводит к повышенной смертности мальчиков¹. Многочисленными исследованиями установлено, что у народов мира, практикующих обрезание, почти не встречается рак полового члена, в то время как у остальных народов, особенно в тропических странах, он составляет значительное число всех раковых заболеваний².

¹ Это относится, например, к курдам, которые по традиции присыпают рану после обрезания золой или землей, что нередко ведет к столбняку.

² Так, в Кении, большинство населения которой практикует обрезание, рак полового члена составляет лишь около 2% всех раковых заболеваний; подавляющее большинство заболеваний подобного рода здесь (78% всех случаев) приходится на два племени, члены которых не производят обрезания. В Уганде, где обрезанию подвергается только незначительная часть мужчин, рак полового члена является самой частой формой рака у мужчин (Dodge, 1965). Подобные связи отмечены, например, и среди населения Казахстана (Шабад, 1966).

В предыдущем разделе, характеризуя особенности питания различных групп населения мира, мы останавливались главным образом на различиях диеты в связи с разными социально-экономическими и природными условиями. Вместе с тем немаловажное влияние на диету оказывает регламентация пищи, обусловленная традициями, религиозными предписаниями и т. п. Так, буддисты не употребляют мяса животных и поэтому, как правило, страдают от белковой недостаточности; магометане едят баранину и говядину, но не употребляют в пищу свинину, поэтому они не подвержены заражению трихинами. В некоторых случаях, как, например, у иудеев, регламентированы не только виды продуктов, но и способы приготовления пищи (запрещение смешивать мясо и молоко, мясо и рыбу и т. п.); еврейские дети обычно страдают от недостатка молока и овощей и от избытка маринованных блюд (Davis, 1924, p. 261). Значительный вред здоровью наносят продолжительные посты, особенно среди мусульман и христиан, так как они обычно приводят к сильной белковой недостаточности и способствуют заболеваниям.

Не умножая числа подобных примеров, отметим существование традиционных поло-возрастных регламентаций пищи. Например, в полигамных семьях Нигерии количество пищи, приходящееся на каждого члена семьи, определяется прежде всего потреблением ее главой семьи и мужчинами (первым в семье ест муж, за ним сыновья, потом жены и дочери по старшинству); в результате этого дети, особенно девочки, постоянно получают недостаточное количество белков и жиров (Olusanya, 1965). Подобные явления в той или иной степени наблюдаются среди всех народов с патриархальными семейными традициями. Кроме того, среди ряда племенных обществ пища женщин значительно отличается от пищи мужчин; существование некоторых пищевых запретов, связанных с беременностью, отмечалось выше.

Традиции питания, привычные способы приготовления и потребления пищи у многих народов настолько устойчивы, что даже в условиях недоедания внедрить новые виды пищи трудно. Одна из причин неполноценного питания некоторых скотоводческих народов Африки, в частности масаи, — традиционный взгляд на скот как на символ богатства и власти и нежелание употреблять его

в пищу; в Индии, имеющей наибольшее в мире поголовье крупного рогатого скота, коровы считаются священными животными, убивать которых запрещено. Население может отвергать новые и лучшие продукты в пользу традиционной пищи или же использовать такие приемы обработки продуктов, при которых питательная ценность их может быть утрачена. Так, например, у северо-восточных приморских банту свежая рыба рассматривается как нездоровый продукт и в пищу употребляется только сушеная рыба (Gerlach, 1964).

Говоря о влиянии традиционных особенностей питания на заболеваемость и смертность, нельзя не отметить распространенность среди народов мира различных возбуждающих, пищевых по своему происхождению средств. Особого внимания в этом отношении заслуживают алкогольные напитки (различные виды пива и вина)¹. Алкогольные напитки известны с глубокой древности; о довольно широком распространении пива в Древнем Египте и Вавилоне говорят источники, относящиеся к 2500 г. до н. э.; известно, что некоторые племенные общества (например, в Юго-Восточной Азии) применяли перегонные аппараты для получения крепких вин и т. п. (Липс, 1954, стр. 175—177). Однако употребление алкогольных напитков обычно было связано с проведением различных празднеств и церемоний (в том числе религиозных). Пьянство и алкоголизм как социальные явления, оказывающие значительное влияние на заболеваемость и смертность, появились лишь в классовом обществе, в связи с глубокими экономическими и социально-культурными потрясениями, неустойчивостью жизни и другими обстоятельствами.

Степень распространения алкогольных напитков у различных народов мира и мера их употребления очень разнообразны. В Вавилоне, по кодексу Хаммураби (1720 г. до н. э.), их употребление было ограничено, в Древнем

¹ В вопросе о влиянии алкогольных напитков на здоровье еще не все ясно, но можно считать установленным, что наибольший вред приносит частое употребление крепких напитков, таких, как ром, виски, водка, коньяк, арака и т. д. К вызываемым им болезням относятся алкогольные психозы, невриты, цирроз печени, сердечно-сосудистые болезни, а также общее понижение духовных и телесных способностей, отражающееся на всей жизнедеятельности и облегчающее действие других факторов заболеваемости и смертности.

Египте таких ограничений не существовало; в Индии некоторым кастам, в первую очередь брахманам, предписывается воздерживаться от таких напитков, другие касты, в частности кшатрии, могут свободно употреблять их; буддистам и мусульманам религия запрещает алкоголь, христианам — разрешает; некоторые христианские народы, например французы и испанцы, включают вино в свой ежедневный пищевой рацион, другие — употребляют его лишь в праздничные дни и т. п. Вместе с тем выступают и некоторые общие закономерности употребления алкогольных напитков среди различных по своей культуре народов: почти у всех это является в первую очередь «привилегией» мужчин, а не женщин, взрослых, а не подростков (Mandelbaum, 1965).

Весьма разнообразны и не менее широко распространены другие возбуждающие средства, прежде всего различного вида курения: от сравнительно слабого табака до столь сильных наркотиков, как опиум (главным образом в Восточной и Юго-Восточной Азии), гашиш (Передняя Азия) и марихуана (Северная Америка). Некоторые возбуждающие вещества употребляются путем жевания; к ним относится бетель, широко распространенный в Юго-Восточной Азии и Океании, листья кока и орехи кола (Южная Америка) и др. Употребление всех этих, в том числе и наиболее сильнодействующих средств известно с глубокой древности, курение опиума и гашиша, например, было, по-видимому, известно еще доисторическим обитателям свайных построек (Липс, 1954, стр. 167), однако применялись такие средства вряд ли часто, а побудительные причины их использования в то время в большинстве случаев носили религиозный характер. Широкое распространение сильнодействующих наркотиков, (в частности, опиума) в XIX—начале XX в. в ряде стран Азии (Китай, Индия и др.), а после второй мировой войны и во многих развитых капиталистических странах (особенно в США) поддерживается развернувшейся контрабандной торговлей ими, приносящей огромные барыши.

Вредное влияние, оказываемое различными возбуждающими средствами на нервную систему, усугубляется их неблагоприятным воздействием на другие органы и канцерогенными свойствами многих из них. Поскольку раковые заболевания обычно связаны с длительным, т. е. повседневно-бытовым, воздействием канцерогенных фак-

торов, связь таких заболеваний с определенными традициями представляет значительный интерес и в нашем анализе социально-культурных факторов.

Рак пищевого тракта обычно связан с употреблением раздражающих веществ и недостатками питания. Так, частый рак пищевода у монголов объясняется употреблением очень крепкого и горячего чая, а также употреблением смеси различных сортов табака для курения и для жевания в смеси с известью. Учащение рака пищевода у банту связывается с употреблением чрезмерно горячей пищи и домашних алкогольных напитков (Symposium on cancer..., 1966). Среди этнических групп населения Гавайских островов рак желудка наблюдается чаще всего у японцев, которые употребляют очень горячую пищу и напитки (особенно чай), причем в их пище мало витамина В₁; те же причины объясняют и относительно частые случаи рака желудка и полости рта как в Японии, так и среди японцев Калифорнии (США). Частый рак желудка в Турции (особенно среди сельского населения — 75% всех раковых заболеваний) объясняют употреблением в пищу острых пряных мучных и овощных блюд, чаще всего в жареном виде, обычно за один раз принимают очень много пищи, которую запивают большим количеством воды. Повышенная частота рака желудка в Исландии объясняется частым употреблением в пищу копченой рыбы (Henschen, 1966, p. 301). У эскимосских женщин распространен рак пищевода, связанный с обработкой ими тюленьих шкур: для лучшего удаления волос со швиваемых краев шкур женщины жуют эти края, предварительно посыпав их золой. У народов Южной и Юго-Восточной Азии, которые жуют бетель, смешанный с известью (а иногда и с табаком), часто встречается рак полости рта и пищевода; на острове Гуам, где бетель жуют главным образом пожилые женщины, эти виды рака встречаются преимущественно у них; в Северной Индии, где бетель жуют реже, чем в Южной Индии, эти виды рака встречаются значительно реже. У мужчин в Индии часто бывает рак ротовой полости из-за привычки сосать «кхени» — смесь табака и гашеной извести; в среднеазиатских республиках СССР жуют «нас» — смесь табака, золы, извести и хлопкового масла, — также оказывающий, по-видимому, канцерогенное действие (Чаклин, 1967, стр. 64, 65).

Повышенная частота рака носоглотки у китайцев Сингапура связана с ароматическими курениями (Scott, 1964). В Кении рак носоглотки встречается, как правило, в центральных высокогорных районах, где пониженная температура воздуха и в хижинах почти все время горит огонь, причем в качестве топлива употребляется эвкалипт и акация, выделяющие ароматические углеводороды. Установлено, что курение табака нередко ведет к раку легких и полости рта. При изучении этих заболеваний в Индии выявлено, что среди людей, курящих сигареты, рак полости рта и носоглотки встречается реже, чем среди людей, придерживавшихся таких традиционных способов курения, как кальян, биди (курение самокруток с дымящимся концом во рту) и др. Характерно, что у парсов, религия которых запрещала курение, рак губы и носоглотки встречается очень редко (Wahi, Kehar Usha, Lahiri, 1965). Рак легких очень широко распространен в экономически развитых, индустриальных странах; в Великобритании он стоит на первом месте среди всех раковых заболеваний. В США от рака легких, вызванного главным образом курением (и загрязнением воздуха промышленными газами), ежегодно умирает до 40 тыс. человек; показательно, что этого вида рака почти нет у адвентистов, среди которых курение запрещено.

Заметное влияние на появление рака оказывают и другие культурно-бытовые, традиционные факторы, создающие весьма сложную картину этно-географического распределения раковых заболеваний. Так, в Кашмире жители обычно обогреваются, прикладывая к телу глиняный горшок с горячим пенлом (конгри), в результате чего появляется сильная эритема, приводящая через несколько лет к раку кожи. Другой вид рака кожи поясничной области, широко распространенный среди населения Индии, носит местное название «джхоти», т. е. название одежды из хлопковой ткани, которую бедняки носят круглый год, туго завязывая ее на талии.

При изучении связи болезней с особенностями быта, обычаями и обрядами могут быть выделены случаи, когда один и тот же традиционный обряд, например ритуальный обряд омовения у мусульман или пользование общей посудой в старых русских деревнях, может явиться причиной целого ряда инфекционных болезней и, напро-

тив, когда та или иная болезнь связывается с комплексом каких-то особенностей быта. А. Лебединский, изучавший санитарное положение калмыков до революции, отмечал широкое распространение среди них сифилиса, который передавался в основном через чашки и трубки, переходившие изо рта в рот (Лебединский, 1927).

Целесообразно в этой связи остановиться на такой болезни, как трахома, которой в середине 1950-х годов в мире болело 300—400 млн. человек и которая в ряде стран до сих пор является социальным бедствием. Достаточно сказать, что в Индии насчитывается 3 млн. слепых и 12 млн. человек с частично поврежденным зрением; в северо-западных штатах Индии, в Марокко и Тунисе трахомой поражено 50% населения. Встречаясь в первую очередь в сухой зоне северного полушария, трахома по существу является типичной болезнью нищеты и грязи; чаще всего она поражает женщин, занимающихся приготовлением пищи у дымных очагов, ткачеством и т. п. Широкое распространение трахомы среди мусульман несомненно связано с ритуальным омовением, которое в условиях нехватки воды часто производится грязной, бывшей в употреблении водой. Распространению трахомы в Италии и Испании способствовал обычай смачивать глаза при входе в католический храм «святой» водой из общей чаши (Башенин, 1958, стр. 163).

Мы не можем рассматривать здесь более частных элементов заболеваемости и смертности. Подчеркнем в заключение отрицательную роль религиозных установок и обрядов, которые, как видно из приведенных выше примеров, чаще всего вредны для здоровья. Сравнительно немногочисленные рациональные предписания, например включение мусульманской религией чистоты в число пяти дел, «угодных Аллаху», отступают на задний план перед массой вредных обрядов и наставлений той же религии (посты и пищевые ограничения, телесные истязания, пошение женщинами паранджи и т. д.); показательно, что почти все мусульманские страны вплоть до XX в., несмотря на поощрения исламом многодетности, имели незначительный прирост населения из-за высокой смертности. Такая неблагоприятная роль религий обусловлена их общим отношением к земной жизни как к временному эпизоду, к болезням как к справедливому нака-

занию за какие-то грехи, к страданиям и лишениям как к одному из наиболее верных путей достичь вечного блаженства в потустороннем мире. Конечно, в некоторых случаях священнослужители способствовали развитию медицины и здравоохранения, организовывали борьбу против эпидемий и т. п., однако здесь речь идет не об этих исключениях, а о сущности религиозных учений. Поэтому борьба против религии является существенной частью борьбы за здоровье и счастье людей.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ МИРА И ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Динамика численности народонаселения

Проведенный нами в предыдущих разделах анализ рождаемости и смертности показывает, что большинство определяющих их факторов связано с этносом либо непосредственно (через народную культуру, быт, традиции и пр.), либо — что бывает гораздо чаще — косвенным путем (через этническую территорию, специфику хозяйственной деятельности и пр.). Подобные связи ярче проступают в докапиталистических стадиях социально-экономического развития, которое чаще облекалось в этническую (национальную) форму, но они могут быть обнаружены и на более поздних стадиях. Даже факторы, не имеющие, казалось бы, связи с этносом, например единая политика народонаселения в многонациональном государстве, преломляясь через традиционную культуру и быт народов, через особенности их этнической психологии, могут приобрести в своем воздействии этнический аспект. Статистические материалы по СССР показывают, что индексы плодovitости женщин одной и той же национальности (например русских), живущих в разных республиках, весьма близки между собой и в то же время очень заметно отличаются от плодovitости женщин коренной национальности. Вместе с тем необходимо сказать, что показатели рождаемости и смертности у групп людей, входящих в один народ, но отличающихся своим классово-профессиональным положением, расселением, уровнем образования и т. д., могут различаться сильнее, чем у этнически разнородных групп, сходных по

степени урбанизация или другим социально-экономическим показателям¹.

Обращаясь к историческому процессу роста населения земного шара и конкретных народов, следует отметить, что этот рост в ранние исторические эпохи может быть прослежен в самых общих чертах. Процесс антропогенеза по наиболее распространенному сейчас мнению начался более 1 млн. лет назад. В течение многих сотен тысяч лет численность первобытных людей росла крайне медленно, что объясняется, в частности, низким уровнем развития производительных сил, большой зависимостью человека от природы и от различных случайностей. На заре человеческой истории, в первобытнообщинную эпоху, различия в показателях естественного движения групп населения внутри этнических общностей, отчасти и из-за малых размеров этих общностей, их социально-хозяйственной однородности, были, вероятно, незначительны; вместе с тем была невелика в среднем (при возможных колебаниях) и разница между отдельными этническими общностями, основу хозяйственной деятельности которых повсеместно составляли охота, рыболовство или собирательство. Все они, как правило, имели высокую рождаемость и очень высокую смертность, крайне низкий естественный прирост².

¹ По приведенным выше данным на 1927 г., на территории Европейской части СССР горожане русские, украинцы и другие имели почти одинаковые показатели рождаемости и смертности, резко отличаясь в то же время от групп сельского населения (см. табл. 2). На 1964—1965 гг. колебания между показателями рождаемости и смертности отдельных групп русских (Псковская обл. — рождаемость 12,2, смертность — 11,0‰, Омская — соответственно 19,5 и 6,7‰) были значительно больше, чем, например, разница между средними показателями по Российской Федерации, с одной стороны, Украинской и Литовской ССР — с другой («Вестник статистики», 1966, № 12) и т. д.

² Некоторые авторы, характеризуя процесс естественного воспроизводства в первобытнообщинную эпоху, утверждают, что одной из отличительных его черт был якобы весьма низкий уровень рождаемости (Авербух, 1967, стр. 59). Эти утверждения, направленные на объяснения причин чрезвычайно слабого роста численности населения в ту эпоху, мало обоснованы. Низкие темпы прироста народонаселения в первобытнообщинной формации объясняются, по нашему мнению, преимущественно очень высокой смертностью, в том числе очень высокой детской смертностью, а не низкой рождаемостью.

Высокий уровень рождаемости и плодovitости, обусловленный главным образом ранними и универсальными браками, при отсутствии контрацептивных средств, был в то время, очевидно, все же ниже физиологически возможного. Такое предположение можно обосновать диспропорцией полов (особенно в малочисленных родоплеменных группах), быстрой изнашиваемостью женского организма из-за преждевременного вступления в половую связь, ранних беременностей и родов, тяжелого труда и болезней. Особенности естественного воспроизводства тех или иных племен определялись главным образом различиями в смертности, которая могла колебаться в очень широких пределах, временами значительно превышая рождаемость. Особенно велика была детская и материнская смертность. Большое, нередко определяющее влияние на динамику численности народов оказывали военные столкновения, вспышки различных болезней, голод и стихийные бедствия, приводившие к уменьшению численности, а зачастую и к полному уничтожению отдельных родоплеменных групп. Весьма трудными для первобытных людей были условия существования в странах умеренного и холодного пояса, где зимние голодовки были столь же обыденным, сколь и губительным по своим последствиям явлением. Несомненно, что из-за повышенной смертности народы умеренного пояса в то время имели более низкий естественный прирост, чем народы жарких стран. К началу мезолита (т. е. около 15 тыс. лет назад) первобытные племена, расселившиеся по всем обитаемым ныне материкам, насчитывали всего лишь несколько миллионов человек (Ohlin, 1965), в VII тысячелетии до н. э. — только 5—10 млн. (Deevey, 1965). Судя по костным остаткам, лишь немногие люди в то время доживали до 50 лет (Харрисон, 1968, стр. 417).

Жизнеспособность первобытных племен была непосредственно связана с их численностью, поэтому почти все они, за исключением лишь некоторых, попавших в особо неблагоприятные условия существования (как, например, австралийцы), стремились к увеличению числа своих членов. Вместе с тем племенная общность сама по своей природе ставила определенные пределы роста своей численности. Существование верхнего предела численности племен было обусловлено их внутренней структурой, ос-

нованной на кровнородственных связях. Подобные связи могли достаточно надежно и четко проследиваться лишь в сравнительно небольшом коллективе, поэтому при возрастании числа членов племени оно выделяло «дочерние» племена или делилось на несколько частей, каждая из которых становилась самостоятельным племенем. Об этом процессе, рассматриваемом нами в III главе, говорит и сравнительная малочисленность обследованных племен, средние размеры которых обычно измерялись несколькими сотнями, реже — несколькими тысячами человек (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 93; см. также: Krzywicki, 1934, p. 44—83). Эти размеры колебались главным образом в зависимости от типа хозяйства: у племен, занимавшихся охотой и собирательством, что вынуждало их рассредоточиться на большой территории, численность была, как правило, меньше, чем у племен, перешедших к земледелию.

Первобытные племена в среднем были, по-видимому, значительно меньше, чем племена, описанные учеными в XVIII—XIX вв.; они вряд ли превышали несколько сот человек. Эта малочисленность племен оказывала отрицательное влияние на темпы их развития. При отсутствии письменности, когда хранителями накопленных знаний были живые люди, передававшие эти знания другим соплеменникам и следующему поколению, небольшие племена чаще подвергались опасности регресса в случае преждевременной гибели нескольких носителей таких культурных ценностей.

Основу жизни первобытных людей составляли охота и собирательство — способы использования природной среды, которые характерны и для животного мира. Поэтому в то время географическая среда могла ставить и часто ставила верхний предел роста общей численности народонаселения, за исключением случаев, когда создававшаяся перенаселенность обычно устранялась путем переселения в еще необжитые районы. Основным инструментом приведения численности народонаселения к естественным ресурсам, очевидно, была смертность (особенно в детских и пожилых возрастах), а не какое-то сознательное ограничение числа детей путем абортов и детоубийств, как получилось у некоторых авторов (см. Carr-Saunders, 1936; Авербух, 1967). Положение существенно изменилось с переходом человека к производству про-

дуктов — к скотоводству и особенно земледелию; именно в этот период отчетливо выяснилось, что человек может постоянно производить значительно больше, чем потреблять. Переход к земледелию, начавшийся в некоторых районах земного шара (Ближний Восток) 7 тыс. лет до н. э. и известный в работах западных ученых под названием первой «культурно-технической революции», по существу положил конец тому сильному влиянию, которое оказывала природная среда на процесс воспроизводства и динамику численности народонаселения.

Постепенно, по мере хозяйственного и культурного развития человечества, сравнительно однородная картина естественного движения населения стала сменяться более пестрой. Народы, перешедшие от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству создали благоприятные условия для снижения смертности. Это привело к повышению темпов роста численности одних народов и сделало эту численность более устойчивой у других народов. Возможно, что у таких народов несколько повысилась рождаемость; это могло быть вызвано некоторым улучшением условий жизни (особенно с переходом на оседлость) и сознательным стремлением к многодетности. Показательно, что традиции многодетности наиболее четко проступают именно у земледельческих и скотоводческих народов. В то же время народы, оставшиеся на стадии охотников и собирателей, и особенно народы, отнесенные в районы со скудными естественными ресурсами (тропические леса, полупустыни, тайга и тундра, небольшие острова и т. п.), сохранили прежний характер естественного воспроизводства, а некоторые даже стабилизировали свою численность. Ученые, изучавшие жизнь таких народов (австралийцев, бушменов, эскимосов и др.), не обнаружили у них четких традиций многодетности¹.

Процесс естественного воспроизводства у народов, вступивших в раннеклассовые формации, в связи с ростом социально-экономических и культурных различий стал

¹ Показательно то, что в Сибири с конца XVIII по конец XIX в. устойчивый рост численности наблюдался, как правило, лишь у тех коренных народов, которые перешли к земледелию и скотоводству, в то время как бродячие и полуседлые племена, занимавшиеся охотой и рыболовством (ханты и манси, эвенки, ительмены и др.) имели неустойчивый прирост или даже снизили свою численность (Патканов, 1909, стр. 54—58).

еще более разнообразным, хотя в целом сохранял еще важные отличительные черты естественного движения населения при первобытнообщинном строе: высокую рождаемость, обусловленную ранними, обязательными браками и отсутствием широкого планирования семьи, и высокую смертность, обусловленную тяжелыми антисанитарными условиями жизни основной массы населения, войнами, эпидемиями и голодом¹. Особенно сильный урон наносили эпидемии, широкое распространение которых, как уже отмечалось, было связано с увеличением плотности населения и появлением городов. Известные редкие исключения, например снижение брачности и рождаемости среди имущих слоев римских граждан в последние столетия существования империи, говорят о возможности довольно широкой вариации показателей рождаемости. Однако эти вариации не заслоняют господствующего стремления к многодетности, подкрепляемого не только народными традициями, но и законодательством правителей и установками большинства возникавших в то время религиозных систем. В довольно широких пределах варьировала и смертность, продолжающая определять динамику численности народов.

Достигнутый в раннеклассовых формациях уровень развития производительных сил, обеспечивающий постоян-

¹ Попытки установить законы воспроизводства народонаселения в раннеклассовых формациях малоубедительны. При анализе рабовладельческой эпохи они сводятся обычно к вопросу о воспроизводстве рабов, являвшихся якобы «подавляющей массой трудящегося населения» (Авербух, 1967, стр. 105). Подобные утверждения спорны даже в отношении «классических» рабовладельческих государств — греческих полисов и Римской империи — и совершенно не подходят к другим странам. Поэтому предложенный для рабовладельческой эпохи закон «суженного естественного воспроизводства рабского населения» (Авербух, стр. 105) мало что дает для понимания особенностей происшедшего в то время роста численности населения стран мира и динамики численности отдельных народов. Столь же мало применимы и законы естественного воспроизводства населения для феодальной эпохи, отличительной чертой роста населения которой является якобы значительно более высокая рождаемость по сравнению с прежней рабовладельческой эпохой. Это «повышение» рождаемости обычно объясняется возможностью использования в хозяйстве детского труда (Авербух, 1967, стр. 121), хотя ошибочность взгляда на детопроизводство, как на лучшую возможность для крепостной брачной пары повысить свое благосостояние, достаточно очевидна.

ное производство прибавочного продукта, уже создал необходимую базу для более быстрого прироста населения. Поэтому, вероятно, всюду, где длительное время не было опустошительных войн, эпидемий и стихийных бедствий, где не было громадной массы рабов, солдат и священнослужителей, не участвовавших в процессе естественного воспроизводства, население возрастало, пока какое-нибудь новое социальное потрясение не нарушало этот рост. Образование крупных многомиллионных скоплений населения в областях великих цивилизаций древности и в других районах мира было в значительной степени связано именно с периодами сравнительно спокойного существования. В Древнем Египте эпохи фараонов насчитывалось, как полагают, до 7 млн. жителей, в Вавилонии — 4—5 млн. (Reinhard, Armengaud, 1961). В целом рост численности народонаселения мира после первой культурно-технической революции шел более быстрыми, хотя еще невысокими темпами. По имеющимся исчислениям, на земном шаре за 5 тыс. лет до н. э. было всего 30—50 млн. человек, т. е. примерно столько, сколько сейчас живет в Украинской ССР. К началу нашей эры численность народонаселения мира составила свыше 250 млн. человек, из них в пределах Римской империи, по исчислениям Белоха (Beloch, 1886, р. 501—507), находилось свыше 50 млн., в том числе в Италии — 6 млн., Иберии — 6 млн. (см. табл. 12); в Китае в это время насчитывалось, вероятно, свыше 50 млн. человек (Ohlin, WPC — 1965), в Индии, по-видимому, немногим меньше.

К сожалению, мы не знаем и, очевидно, не узнаем величину основных показателей естественного воспроизводства населения ни по одному из народов древности и раннего средневековья. Имеющиеся сведения о рождаемости крайне скудны и ограничиваются, как правило, замечаниями о многодетности (например, Тацит пишет о многодетности германцев) или о малодетности (например, тот же Тацит — о римлянах. — Соч., т. II, стр. 152). Сведения, относящиеся к смертности, более многочисленны; в трудах древних и средневековых авторов можно найти немало данных о людских потерях вследствие войн, эпидемий и голода, достаточно показательных и без их статистического оформления. В частности, имеются сведения, что у некоторых побежденных народов было уничтожено все мужское население. Такие меры были при-

няты, например, фараоном Тутмосом II против восставших племен эфиопов (Брэстед, 1915, т. I, стр. 282). Весьма красноречивы и сведения об уничтожении городов, об обезлюдении обширных районов из-за истребления и увода в рабство их населения, как это произошло, например, с древнеизраильским царством в VIII в. до н. э., или из-за нарушения всей системы хозяйства, как это случилось, например, в Месопотамии в начале нашей эры, и т. п. Продолжительность жизни была небольшой и составляла в античных государствах в среднем 20—30 лет (Харрисон. . ., 1968, стр. 418).

Численность населения мира до середины II тысячелетия н. э. росла все еще невысокими темпами. К 1000 г. эта численность обычно оценивается в 280—300 млн. человек, на 1500 г. — в 400—500 млн., в том числе на территории современной зарубежной Азии — примерно 250 млн., Африки — 80—90 млн., зарубежной Европы — 65—80 млн., Америки — 30—50 млн., СССР — 15—20 млн. Во многих странах античной цивилизации в раннем средневековье наблюдается снижение численности населения из-за войн и разрухи хозяйства, последовавших в результате восстаний рабов и нашествия «варваров». Рост населения в странах Западной Европы, возобновившийся после окончания «великого переселения народов» (VIII в.), был вновь нарушен в XIV в. эпидемией бубонной чумы («черной смерти»), во время которой погибло около трети (а в некоторых областях — около половины) жителей. Весьма существенным было сокращение населения во многих странах Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии, Балкан и Восточной Европы, на которые обрушились завоевательные походы арабов, монголо-татар и тюрок; в некоторых странах (Сирия, Египет, Балканы) в течение многих столетий по существу не было прироста населения; высокая смертность в этих странах сводила на нет традиционную многодетность. Своеобразная картина наблюдалась в средневековой Японии, численность населения которой в течение нескольких столетий почти не возрастала, хотя она не испытала ни внешних вторжений, ни сильных эпидемий или голода. Правда, внутреннее политическое и экономическое положение Японии из-за межфеодалных распрей не отличалось устойчивостью, и, по-видимому, решающее влияние на стабилизацию численности японцев оказало широкое распространение в то

Динамика численности населения по странам мира (в млн. человек) *

	Нач. н. э.	600 г.	1000 г.	1300 г.	1500 г.	1600 г.	1700 г.	1750 г.	1800 г.	1850 г.	1900 г.	1930 г.	1950 г.	1965 г.	2000 г. (прогноз)
ЕВРОПА	...	...	40—50	60—70	70—80	80—90	90—110	110—130	150—160	195	293	356	395	444	491—563
Италия	7—8	4—5	7	10	11,0	12,0	13,0	15,2	18,1	23,0	32,8	40,3	46,6	51,6	64
Франция	5—7	(5)	9	17	15,5	17,2	20,4	22,0	27,3	34,9	38,9	41,2	41,7	48,9	62
Испания	} 5—7	(4)	9	6	6,5	8,0	7,3	8,4	10,5	14,4	18,6	23,4	27,9	31,6	43
Португалия					2,0	1,4	1,9	2,6	3,4	3,0	5,4	6,8	8,4	9,2	11
Британия	} 0,5—1,5	0,5—1	1,9	3,4	4,2	5,2	6,8	7,5	10,9	21,0	36,8	44,5	48,9	53,1	60
Ирландия			0,6	0,7	0,8	1,1	1,4	2,3	5,5	6,6	4,5	4,2	4,4	4,3	(5)
Бенилюкс	} 0,5	...	1,1	2,1	2,9	2,8	4,0	4,4	5,4	7,7	12,0	16,3	19,0	22,1	28
Дания			0,5	0,7	0,6	0,6	0,7	0,8	0,9	1,5	2,4	3,5	4,3	4,8	(6)
Швеция	} 0,5	...	0,4	0,5	0,6	0,9	1,5	1,8	2,3	3,5	5,1	6,1	7,0	7,7	(10)
Норвегия			0,2	0,3	0,3	0,4	0,5	0,6	0,9	1,4	2,2	2,7	3,3	3,7	(5)
Германия	2—3	3—4	5,4	9,1	10,8	14,6	13,5	18,9	24,3	35,4	56,4	65,0	...	...	...
Греция	3	1—2	1—2	2	1,5	...	...	...	1,0	...	3,5	6,4	7,6	8,5	(10)
СССР (Россия) . .	5—10	...	10—15	10—15	15—20	18—25	20—30	25—45	40—55	65—80	125—135	176	180	231	316—403
АЗИЯ	...	...	150—200	200—300	...	...	...	395—595	530—720	700—910	880—1010	1072	1384	1824	2969—3914
Сирия	4—6	4—7	(2)	(3)	(2)	...	...	...	...	...	...	2,3	3,4	5,4	...
Индия (и Пакистан)	...	...	(50)	(50)	50—60	60—80	80—120	125—210	150—210	215—240	285	338	434	585	1047—1226
Китай	...	(50)	60—70	60—100	(120)	(150)	150—200	200—250	300—365	365—500	390—500	475	555	710	882—1385
Япония	...	(3)	(4)	9—10	(15—17)	17—20	...	27—30	27—30	28—31	44	64	82,9	98	115—139
Индонезия	...	...	...	...	...	...	...	6—14	10—18	15—30	43—47	60,7	76,7	105	220—265
АФРИКА	...	...	(50)	...	(80—90)	...	...	50—160	60—150	80—140	125—175	157	207	310	684—864
ОАР (Египет) . . .	5—9	(3)	(3)	(3)	(2,5)	...	...	2,5	...	5	9,7	14,7	20,4	29,6	(85)
Северная Америка	...	...	...	...	...	...	...	6	...	26	81	135	167	214	294—376
США	...	...	...	...	1	...	...	1—2	5,3	23	76	123	152	195	(280)
Латинская Америка	...	...	...	...	30—70	...	...	7—20	15—35	30—50	60—70	109	162	243	514—673
Австралия и Океания	...	...	...	...	...	...	...	2	2	2	6	10	13	18	28—35
Всего	200—300	...	250—350	...	400—500	...	...	590—950	800—1130	1100—1400	1570—1770	2015	2509	3285	5296—6828

* Таблица составлена по следующим основным источникам: цифры по странам Европы с 1000 по 1900 г. даны по кн.: В. Ц. Урланде. Рост населения в Европе. М., 1941, стр. 414—415 и др., до 1000 г. по странам Европы и Южного Средиземноморья главным образом по работам: S. U. Russell. Late ancient and medieval population. «Trans. of the Amer. Philos. soc.», v. 48. Philad., 1958, p. 3; G. Ohlin. Historical outline of World population Growth. WPC—1965; по другим странам и континентам до 1900 г. главным образом по работам: G. Ohlin. Op. cit.; I. D. Durand. World Population Estimate 1750—2000. WPC—1965; M. Reinhard, A. Armengaud. Histoire générale de la population mondiale. Paris, 1961.

Для уточнения некоторых цифр привлекались дополнительные источники, например по Америке — D. E. Dumond. Population Growth and cultural change. «South—W. Journ. of Antrop.», v. 21, № 4, 1965; по Индии — В. В. Петров. Население Индии. М., 1965; некоторые изолированные оценки, не подкрепленные другими источниками, даны в скобках. Цифры с 1930 г. даны по демографическим ежегодникам ООН («Demographic Yearbook», 1948—1967); прогноз на 2000 г. — по I. Durand. Op. cit. (цифры в скобках — наше исчисление)

время детоубийств (обычно убивали всех детей сверх трех) и абортот (Taeuber, Beal, 1944).

С середины XVII в. демографическая история ряда стран мира, прежде всего стран Западной Европы, исследована более подробно. Это дает возможность проследить последствия второй «культурно-технической революции», составной частью которой была так называемая промышленная революция, сопровождавшаяся улучшением сельского хозяйства (внедрение правильных севооборотов, химических удобрений, машин, улучшение семенного фонда и выведение новых, более продуктивных пород скота). Бурное развитие материального производства и увеличение количества пищевых продуктов создало необходимую базу для быстрого роста численности населения. Очень важное значение в этом отношении имело улучшение здравоохранения и успехи медицины, особенно в борьбе с эпидемиями и детской смертностью.

В странах зарубежной Европы темпы прироста населения заметно возросли в XVI—XVII вв., однако в полную силу этот процесс проявился в XIX в. Сильный рост населения, лишь отчасти сокращаемый войнами и развернувшейся с середины XIX в. массовой эмиграцией в другие части света (особенно в Америку), наблюдался почти во всех европейских странах. Характерно, что наиболее ожесточенные войны того времени — войны наполеоновской Франции в начале XIX в. — не привели к снижению численности ее населения, так как большие потери от них были перекрыты еще более значительным естественным приростом. До известной степени похожей была динамика численности населения России, хотя по темпам своего экономического развития Россия отставала от Западной Европы. Темпы роста населения здесь ускорились в основном с XVIII в., начавшегося реформами Петра I. Только с 1800 по 1900 г. численность населения, проживавшего в современных границах СССР, возросла более чем втрое: с 40 до 125 млн. человек.

Население стран зарубежной Азии в XVI—XVIII вв., по имеющимся исследованиям, росло примерно теми же темпами, как и в Европе, однако в XIX в. с началом усиленной империалистической эксплуатации многих из этих стран темпы роста их населения значительно снизились. Материальное производство и здравоохранение развивались медленно. Голод и эпидемии почти ежегодно

уносили здесь миллионы людских жизней. Динамика численности населения Африки была во многом подобна зарубежной Азии с той лишь разницей, что отрицательное влияние европейской экспансии началось здесь раньше и было более сильным. Начиная с XVI в. Африка становится, по выражению К. Маркса, «заповедным полем охоты на чернокожих», откуда вывозили рабов в Америку. Работоторговля и связанные с ней войны привели к сокращению численности населения Африки примерно со 100 млн. в 1650 г. до 90 млн. в 1800 г. К 1900 г. число жителей Африки по сравнению с 1800 г. возросло лишь в 1,3 раза — до 120 млн. человек при среднем росте численности населения мира за этот же период в 1,8 раза.

Население Америки в XVI в. — в начальный период европейской колонизации, сопровождавшейся гибелью миллионов индейцев, — резко сократилось, но уже с середины XVIII в. начало быстро увеличиваться как за счет притока массы переселенцев из стран Европы, так и за счет более высоких темпов естественного прироста этих переселенцев по сравнению со странами их выхода; немаловажное влияние на рост населения оказывал и привоз негров-рабов из Африки. С 1800 по 1900 г. число жителей Америки возросло почти в 6 раз, с 25 до 145 млн. человек; особенно быстрыми темпами росла численность населения США, увеличившаяся примерно с 6 млн. до 76 млн. Число жителей Австралии и Океании в 1800 г. составляло 2 млн. человек, к 1900 г. оно возросло, главным образом за счет европейской иммиграции, до 6 млн. человек. Общая численность населения мира составляла в 1800 г. около 910 млн. человек, в 1900 — около 1620 млн. (табл. 12).

XX век и особенно период после второй мировой войны характеризуются все убыстряющимся ростом численности населения мира. Это обусловлено быстрым снижением смертности во многих, в том числе в наиболее многочисленных, районах Азии (Китай, Индия и др.) и в большинстве стран Латинской Америки и Африки при сохранении там высокой рождаемости. Напротив, в зарубежной Европе снижение рождаемости, наметившееся еще в XIX в., стало обгонять по своим темпам снижение смертности, в связи с чем естественный прирост населения зарубежной Европы сокращается. Сильный удар по росту ее населения нанесла продолжающаяся эмиграция в другие части

Таблица 13

Плодовитость этно-расовых групп населения Цейлона *

Группа	Число рождений на 1000 женщин 15—45 лет		
	1910—1912 гг.	1920—1922 гг.	1945—1947 гг.
Сингалы	187	184	176
Тамилы	136	157	173
Мавры	139	179	192
Бюргеры	133	143	127
Малайцы	188	235	208
Европейцы	87	88	119

* Таблица составлена по данным: N. K. Sarkar. The demography of Ceylon. Colombo, 1957, p. 197.

света и особенно две мировые войны, потери от которых исчисляются десятками миллионов человек. При общем росте численности жителей стран зарубежной Европы к 1965 г. до 444 млн. человек удельный вес ее в народонаселении мира снизился с 18,6% в 1900 г. до 13,5%. Довольно значительно, в частности из-за войны 1941—1945 гг., снизился и прирост населения СССР.

Исторические и в первую очередь социально-экономические особенности развития отдельных стран и народов мира привели к тому, что процесс естественного воспроизводства у них шел по-разному. Сложившиеся в результате этого основные существующие ныне типы воспроизводства рассмотрены в начале данной главы. Там же и в других разделах главы были приведены материалы, показывающие межэтнические различия рождаемости и смертности. Приведем также данные по двум внеевропейским странам — Цейлону и Гавайским островам (табл. 13, 14), показывающие, что в отдельные периоды плодovitость женщин у некоторых народов не только не уменьшалась, как это наблюдалось в первой половине XX в. во всех странах Европы, но даже возрастала. Возможно, что на Цейлоне это в какой-то степени связано просто с улучшением учета рождений, так как другая возможная при-

чина — улучшение здоровья населения — стала действовать лишь с 1947 г., когда развернулась борьба с малярией. Наше предположение подтверждается и тем, что в охваченный таблицей период происходило сокращение числа ранних браков и увеличение грамотности; тот и другой факторы должны были вызвать скорее снижение, чем повышение плодovitости. Процент женщин в возрасте 15—49 лет, состоящих в браке, сократился с 1901 по 1921 г. у сингалов с 40 до 20, тамилы — с 42 до 39, мавров — с 70 до 65, бюргеры — с 20 до 9 (Sarkar, 1957, p. 196).

При анализе материалов этно-расовой статистики трудно заметить повышенные темпы естественного воспроизводства почти всех метисных групп. Так, в Бразилии на 1951 г. число детей в возрасте до 5 лет, приходящихся на 1000 женщин 15—49 лет, составляло (по цвету кожи) у «белых» — 653, «черных» — 789, «коричневых» — 841, «желтых» — 368 (Hutchinson, 1959). Пониженное число детей у негритянок, по сравнению с метисной «коричневой» группой, объясняется низким показателем их брачности, трудностью найти постоянного мужа. В сельских местностях Чили, по материалам переписи 1940 г., число детей, рожденных живыми, на каждую женщину старше 45 лет было у испаноязычных метисов (т. е. собственно чилийцев) — 6,8, у индейцев — 6,2, что также объясняется более поздним вступлением индейцев в брак, их более низким показателем брачности (Stycos, 1963). В ЮАР за период с 1911 по 1931 г. коэффициент естественного воспроизводства у «европейцев» снизился с 1,74 до 1,22, у банту — с 1,53 до 1,49, а в метисной группе «цветных» возрос с 1,47 до 1,69 (Badenhorst, 1962).

Большой интерес представляют сравнительные данные о плодovitости групп одного и того же народа, проживающих в разных странах мира. Так, в Японии в последние десятилетия отчетливо резкое снижение рождаемости, снижение рождаемости отмечено и среди японского населения США и Гавайских островов, между тем в Бразилии японцы сохраняют высокие показатели рождаемости. Группы индийского населения имеют высокую рождаемость во всех странах их расселения, в том числе в Малайе и в странах Африки: Кении, Уганде и Танганьике. На Фиджи, где находится большая группа индийских поселенцев, каждая индианка старше 45 лет

Таблица 14

Плодovitость этно-расовых групп населения Гавайских островов *

Группы	Число рождений на 1000 женщин 15—45 лет	
	1932 г.	1950 г.
Гавайцы и смешанные гавайцы	187	205
Европейцы	90	105
Китайцы	139	105
Японцы	170	95
Филиппинцы	312	213

* Таблица составлена по данным: B. Z. H o r m a n n. R i g i d i t y a n d F l u i d i t y i n R a c e r e l a t i o n. «Race Relation in . . .», 1955.

имела в среднем 6,8 рождений, фиджийка — 5,8 (Blacker, 1959). Численность детей в возрасте до 5 лет на 1000 женщин 20—44 лет в Мексике составляла на 1930 г. 796, у мексиканцев США — 906 (Lorimer, 1954, p. 149). Целесообразно привести также данные о плодovitости женщин различных (по происхождению) групп населения

Таблица 15

Число рождений детей на 1000 женщин 45—49 лет в США *

Группа населения	Всего	В городах	В сельских населенных пунктах	
			не сельскохозяйственных	сельскохозяйственных
«Белые» уроженцы США . . .	2,5	2,1	2,8	3,6
«Белые», рожденные за границей	2,5	2,4	2,8	3,5
Негры	2,8	2,2	3,1	4,8
Другие группы	4,2	3,2	4,7	...

* Таблица составлена по данным: C. V. K i s e r. Differential Fertility in the United States. «Demographic and Economic change in Developed countries». Princeton, 1960, p. 88.

США, с подразделением их по типам расселения; из табл. 15 ясно видно, что различия в плодovitости по этно-расовому признаку меньше, чем различия между городским и сельским населением.

Останавливаясь несколько подробнее на этническом аспекте динамики народонаселения СССР, отметим, что за период с 1926 по 1959 г. (наиболее доступный демографическому анализу) процесс естественного воспроизводства претерпел существенные изменения. Эти изменения были связаны прежде всего со значительным повсеместным снижением смертности, в среднем по стране с 23⁰/₀₀ в 1926 до 7,2⁰/₀₀ в 1960 г., т. е. более чем в 3 раза. Такое снижение смертности объясняется экономическим и культурным развитием страны, успехами медицины, улучшением здравоохранения, поднятием жизненного уровня населения и другими причинами. Одновременно, под воздействием еще более сложного комплекса факторов, снижалась и рождаемость. К числу этих факторов относится изменение возрастной структуры населения (увеличение в общей массе населения процента людей пожилого возраста, уже не участвующих непосредственно в процессе естественного воспроизводства), более позднее вступление в брак из-за удлинения общего и специального образования, урбанизация, усиление миграционной и социально-профессиональной мобильности, вовлечение женщин в общественное производство на работах вне дома, ослабление традиций многодетности, диспропорция полов, возникшая в результате тяжелых войн, и др. Примерно с середины 1950-х годов падение рождаемости сопровождается стабилизацией и некоторым повышением смертности, что привело к сокращению общего показателя естественного прироста.

Динамика численности отдельных народов СССР значительно отличалась от средних данных по стране в целом. Эти отличия обусловлены локальными этническими особенностями процесса естественного воспроизводства, связанными с неодинаковым, особенно в прошлом, социально-экономическим развитием районов их обитания, различными темпами и степенью урбанизации, с различиями хозяйственного и семейного быта народов, их неодинаковыми относительными и абсолютными потерями во время войны 1941—1945 гг., разным традиционным отношением к брачности, многодетности и т. д.

Общая численность населения СССР за период с 1926 по 1939 г. (в старых границах СССР) возросла на 16,1%. При этом у ряда народов (русских, грузин, армян, азербайджанцев, узбеков, таджиков и др.) показатель прироста был значительно выше среднего по стране. Особенно высокий процент прироста отмечен у армян и азербайджанцев, у которых значительное снижение смертности в 1930-е годы сочеталось с сохранением высокой рождаемости. У белорусов, туркмен и некоторых народов автономных республик прирост был заметно ниже среднего, а у казахов и украинцев имело место даже снижение абсолютной численности.

Период с 1939 по 1959 г. дает еще более пеструю картину. Общая численность населения (в новых границах СССР) возросла за это время всего на 9,5%, что объясняется громадными прямыми и косвенными потерями в годы Отечественной войны. Тяжелее всего война сказалась на народах западных областей страны, которые входили в зону военных действий и были оккупированы гитлеровцами. Существенное влияние на снижение численности украинцев и белорусов в годы войны оказал массовый вывоз молодых мужчин и женщин на работу в Германию, так как значительная часть выбывших погибла, а часть не была репатриирована в послевоенные годы и попала в число так называемых перемещенных лиц. Огромные потери среди групп людей производительного возраста сказались и в послевоенные годы, замедлив в западных областях повсеместно происходивший рост рождаемости.

Основные народы закавказских и среднеазиатских республик с Казахстаном с 1939 по 1959 г. дали прирост значительно выше среднего по стране: азербайджанцы и армяне — на 29%, узбеки — на 24%, туркмены — на 23% и т. д. Высокий прирост армян отчасти объясняется тем, что вскоре после войны в Армению переселилось около 90 тыс. зарубежных армян (главным образом из стран Средиземноморья), а прирост азербайджанцев — включением в их состав талышей, выделенных переписью 1939 г. как самостоятельный народ, однако основной причиной повышенного прироста этих и других народов южных республик страны является их более высокая рождаемость по сравнению с народами других союзных республик. Об этом явлении говорят уже сводные данные, от-

носящиеся ко всему населению союзных республик. Так, на 1955 г., при сравнительно близких показателях смертности, колеблющихся от 7 до 11‰, показатели рождаемости составляли в Туркменской ССР — 40,7‰, Армянской — 38,0, Азербайджанской — 37,8, а, например, в Латвийской ССР — лишь 16,4, в Эстонии — 17,9‰.

Высокие показатели рождаемости у народов южных республик определенным образом связаны с распространенными здесь обычаями ранних браков и традициями многодетности; стойкость таких традиций у азербайджанцев, казахов, узбеков, туркмен, киргизов и таджиков явно связана с пережиточно сохранившимися установками мусульманской религии, которая в недавнем прошлом господствовала у этих народов; многодетность армян поддерживается бытованием среди них патриархальных традиций, а отчасти и стремлением восполнить громадные потери армянского народа в начале XX в.

В опубликованных материалах переписи населения 1959 г. показатели естественного воспроизводства народов СССР представлены довольно скупо. О различиях в уровне плодovitости основных народов союзных республик можно судить по имеющимся данным о детности, но и эти данные весьма красноречивы: показатели детности (число детей в возрасте 0—9 лет на 1000 женщин в возрасте 20—49 лет) у народов Средней Азии были почти втрое выше, чем у латышей и эстонцев.

Показатели детности на 1959 г.

Русские	863	Грузины	905
Украинцы	714	Армяне	1240
Белорусы	836	Азербайджанцы	1710
Литовцы	823	Казахи	1896
Латыши	612	Узбеки	1878
Эстонцы	638	Туркмены	1810
Молдаване	1190	Киргизы	1886
		Таджики	1782

Различия в плодovitости народов СССР обнаруживают связь с различиями в брачности: среди женщин наиболее плодovитого возраста (20—24 лет) у прибалтийских народов в браке состояло менее 40%, у народов Средней Азии 84—89% (см. табл. 6). Однако основной причиной различий в плодovitости несомненно является различное отношение брачных пар к внутрисемейному планированию числа детей.

Судя по имеющимся статистическим данным, различия в показателях естественного воспроизводства крупных народов СССР после 1959 г. сохранились, а кое-где даже и возросли, что существенно отражается на темпах роста их численности. Можно ожидать, в частности, что узбеки, еще в 1959 г. значительно уступавшие по численности белорусам, к началу 1970-х годов перегонят их и станут третьим по численности народом СССР.

Проблема «вымирания» народов

Остановимся в заключение на проблеме «вымирания» отдельных народов мира, которая тесно связана с особенностями естественного движения населения. Под вымиранием того или иного народа следует понимать прежде всего резкое снижение его численности вследствие высокой смертности, что ставит под угрозу само его существование. К этому понятию близко понятие депопуляции, т. е. такое устойчиво сохраняющееся в течение длительного времени соотношение показателей его рождаемости и смертности, которое не обеспечивает простого воспроизводства населения и приводит к снижению абсолютной численности этого народа. Необходимо подчеркнуть, что для обеспечения даже простого воспроизводства каждая супружеская пара должна иметь более двух детей, так как часть рожденных детей умирает, не дожив до детородного возраста, а какая-то часть из доживших не сможет (из-за бесплодия и других причин) или не захочет участвовать в процессе естественного воспроизводства. Подсчитано, что в условиях низкой смертности и средней рождаемости, например в СССР, для поддержания существующей численности населения каждая супружеская пара должна иметь в среднем 2,7 ребенка (Урланис, 1963, стр. 69); при высокой смертности это минимальное число детей возрастает до 4—5, а иногда и больше.

Если демографическая ситуация стабильна, то о характере процесса естественного воспроизводства населения можно судить на основании соотношения показателей рождаемости и смертности; при снижающейся смертности положительный естественный прирост иногда может скрывать и начало депопуляции. Так, во многих странах Центральной и Западной Европы (Австрии, Чехословакии,

Швейцарии, Швеции, Франции и др.) в 1930-х годах нетто-коэффициент воспроизводства был меньше единицы, т. е. все они вступили в стадию депопуляции, хотя лишь в двух из них — Франции и Австрии — в отдельные годы показатель смертности был больше показателя рождаемости, а остальные страны имели положительную разность с колебаниями естественного прироста от +1 до +6‰ (Козлов, 1959, стр. 108, 111). В аналогичном положении сейчас находятся, например, Бельгия, Венгрия, ГДР, Швеция, а также ряд областей СССР (Псковская, Новгородская и др.), хотя численность их населения пока еще возрастает.

Предугадать развитие процессов депопуляции очень трудно, об этом говорит, например, ошибочность предсказаний о депопуляции Франции, Англии и других стран. Поэтому мы остановимся лишь на действительных случаях сокращения численности отдельных народов мира. История знает немало случаев сокращения численности отдельных народов в связи с эпидемиями, войнами и голодом; были случаи и полного вымирания народов, к сожалению, за редким исключением, они в демографическом отношении совершенно не изучены. Более или менее достоверный историко-демографический материал по вне-европейским странам появляется лишь с нового времени, с эпохи великих географических открытий и начавшейся экспансии европейцев в страны Америки, Африки, Азии и Океании. Особого внимания при этом заслуживают сведения о резком сокращении численности ряда коренных народов этих стран, непосредственно связанном с деятельностью колонизаторов.

По вопросу об общей численности индейцев доколумбовой Америки нет единого мнения; имеющиеся оценки колеблются примерно от 8,5 млн. человек (Kroeber, 1934, p. 166) до 50 млн. (Sapper, 1924) и даже 120 млн. (Do-byns, 1966). В советской литературе М. Я. Берзина принимает оценку Стюарта — около 16 млн. человек (Берзина, 1962, стр. 283), однако американские ученые в последних работах склоняются к более высоким цифрам. По исчислениям Бораха и Кука, основанным на материалах налогового обложения индейцев Центральной Мексики, только в этой, по-видимому наиболее густонаселенной, одной области Америки находилось около 25 млн. человек (Borah, Cook, 1963).

Резкое сокращение численности индейцев Америки в начальный период европейской экспансии отмечается всеми исследователями. Так, на островах Карибского моря, где жило, по-видимому, более 1 млн. индейцев, в том числе на Ямайке 200 — 300 тыс., на Кубе 200 тыс. и т. д. (Дридзо, 1966), к середине XVI в. сохранились лишь незначительные группы их: на Гаити к 1542 г. осталось всего 200 индейцев, на Ямайке и Пуэрто-Рико — 400 индейцев и т. п. («Народы Америки», II, стр. 27). В Центральной Мексике осталось к 1568 г. 2,6 млн. индейцев, а к 1605 г. — лишь 1,1 — 1,4 млн. индейцев (Cook, Borah, 1960); почти полностью исчезли индейцы в современных границах Уругвая и Аргентины; на территории США из находившегося там перед началом колонизации 1 млн. индейцев к концу XIX в. осталось лишь немногим более 200 тыс. человек и т. д.

Это сокращение было вызвано несколькими причинами, из которых главными являются: 1) прямое физическое уничтожение индейцев европейцами; 2) гибель индейцев от эпидемий завезенных европейцами «новых» болезней (оспы, кори, чумы и др.), а также от изнурительного труда на коях, на плантациях и в поместьях; 3) повышение смертности из-за ухудшения условий существования; большой вред здоровью и благосостоянию индейцев нанесло широкое распространение спиртных напитков. Немаловажное значение имело и снижение рождаемости, также связанное с рядом отмеченных выше причин и с нарушением привычного уклада жизни, с сильными социально-культурными потрясениями.

Место и степень воздействия каждой из перечисленных причин снижения численности индейцев в разных частях Америки были различными. В научно-популярной литературе обычно подчеркиваются случаи прямого физического истребления индейцев, однако этот фактор в большинстве случаев не играл главной роли и по своему воздействию на снижение общей численности индейцев Америки несомненно уступал влиянию эпидемий. В частности, уменьшение индейского населения Центральной Мексики за полстолетия, происшедшее после прихода испанцев, более чем на 20 млн. человек, по исчислениям Бораха и Кука, или — если признать их цифры преувеличенными вдвое — на 10 млн. человек невозможно объяснить его физическим истреблением находившимися

там небольшими испанскими отрядами, да после захвата власти испанцы и не очень стремились к этому (Zavala, 1953, p. 249). Очень сильное влияние на это снижение численности оказали, по-видимому, эпидемии, среди которых особенно выделяется эпидемия желтой лихорадки 1545 г., от которой погибло не менее 800 тыс. человек (Queiroga, 1966). Подобные эпидемии возникали, как правило, стихийно, а их высокая летальность объясняется главным образом отсутствием иммунитета к завезенным европейцами болезням. Эпидемии поражали и самих европейцев, поэтому они, за исключением единичных случаев (известно, например, что португальские колонисты подбрасывали лесным индейцам Амазонии одежду от людей, больных оспой), вряд ли были заинтересованы в их распространении.

В некоторых других странах Америки, например на островах Карибского моря, в США и Аргентине, роль физического истребления индейцев была более значительной, а в некоторых случаях (истребление индейцев Виргинии в 1706—1722 гг., индейцев области пампы в 1879—1883 гг. и др.) — определяющей. Немаловажную роль в снижении численности ряда индейских племен США играли межплеменные войны, ставшие более кровопролитными после заимствования индейцами огнестрельного оружия; кроме того, некоторые индейские племена, например союз протоиндейцев, гуараны, принимали участие в войнах английских и французских колоний, а затем — между Англией и колонистами США и несли при этом большие потери.

Попытки использовать индейцев как источник рабского труда делались повсюду, но успех имели только в бывших раннеклассовых государствах ацтеков и инков, где многие группы населения еще до прихода европейцев, кроме уплаты дани, выполняли различные принудительные работы. Тяжелый подневольный труд на золотых приисках, в серебряных и свинцовых рудниках, на плантациях и в крупных поместьях стоил жизни сотням тысяч индейцев.

Что же касается охотничьих племен, то их вымирание было связано с сокращением охотничьих угодий, частично захваченных европейскими колонистами для сельскохозяйственных нужд, и уменьшением числа промысловых животных. Так, в США резкое сокращение численности

племен индейцев прерий (пауни, дакота и др.) было вызвано истреблением бизонов — основного средства их существования — в результате применения огнестрельного оружия. Индейцы оттеснялись в бедные, неблагоприятные для существования районы (полупустыни, горы и т. п.), где для них были созданы так называемые резервации. Это привело к изменению всего образа жизни индейцев, нарушило их традиционное питание, неблагоприятно отразилось на их здоровье и, в частности, способствовало распространению туберкулеза, алкоголизма, сифилиса и других «социальных» болезней.

Со временем по ряду причин, в частности и в связи с приспособлением многих индейских племен к новым условиям существования, приобретением иммунитета против одних болезней и начавшимся лечением других болезней, их вымирание постепенно прекратилось и численность начала возрастать. В Мексике это произошло, по-видимому, во второй половине XVII в. («Народы Америки», т. II, стр. 105), в США — лишь в конце XIX в. В настоящее время процесс вымирания продолжается, возможно, лишь у отдельных индейских племен, обитающих в болотистых районах бассейна Амазонки.

Еще более значительной по абсолютным размерам была депопуляция в странах Африки, южнее Сахары, начавшаяся примерно полвека спустя после открытия Америки и непосредственно связанная с ее освоением. Европейцы, старавшиеся наладить на островах Карибского моря, а затем и в смежных районах материка Америки крупное плантационное хозяйство, столкнулись с нехваткой рабочей силы; местное индейское население оказалось мало приспособленным к тяжелому подневольному труду, к тому же численность его быстро сокращалась. Проблему решил ввоз из Африки негров-рабов, которые были знакомы с возделыванием тропических культур, а будучи оторваны от родины, оказывались в полной власти своих хозяев; немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в результате предшествовавших исторических контактов с Европой народы Африки уже приобрели некоторый иммунитет к болезням, уносившим индейцев десятками и сотнями тысяч.

Первые черные рабы в Америке появились на островах Карибского моря еще в начале XVI в., но основной приток их начался с середины XVI в. и сошел на нет лишь

в середине XIX в. Точных данных о числе негров, ввезенных в страны Америки за весь период работорговли, нет, но, несомненно, что это число измеряется многими миллионами человек; только в Бразилию было доставлено свыше 3 млн. негров, а на Кубу, например, — свыше 1 млн. По имеющимся оценкам, на каждого ввезенного раба приходилось не менее 3 умерших во время транспортировки через океан, а на каждого невольника, погруженного на корабль, в свою очередь — не менее 3 погибших во время их насильственного захвата и при перегоне к месту погрузки. В. М. Травинский, пользуясь этими цифрами и исходя из общего числа завезенных в Америку рабов-негров в 10 млн. человек, приходит к выводу, что общие потери африканского населения за период работорговли составили около 100 млн. человек (Травинский, 1963, стр. 88, 89). При этом наиболее тяжелые потери понесли народы Гвинейского побережья Африки, где находились основные центры работорговли.

Остановимся также на сокращении численности коренного населения Австралии и многих районов Океании, связанном, как и в предыдущих случаях, главным образом с европейской экспансией. В Австралии до прибытия туда первых европейских поселенцев — ссыльных каторжников с Британских островов (1788 г.) — находилось, по исчислениям, 200—300 тыс. аборигенов; после ста лет колонизации материка — к концу XIX в. — от них осталось менее 100 тыс., в 1921 г. их насчитывалось всего 60,7 тыс. человек, в 1961 г. (без метисов) — 40 тыс. Коренное население Тасмании, составлявшее, по-видимому, около 6 тыс. человек, полностью исчезло к 1876 г., когда умерла последняя тасманийка. Численность новозеландских маори, составлявшая в конце XVIII в. 200—250 тыс. человек, сократилась к 1874 г. до 37,5 тыс. (Price, 1949, p. 197); численность гавайцев — примерно с 300 тыс. человек в 1778 г. до 31 тыс. в 1896 г. и 11 тыс. (без метисов) в 1961 г. Общая численность полинезийцев снизилась примерно с 1,1 млн. до 450 тыс. человек («Народы Австралии и Океании», стр. 20). Сильно пострадало и население Меланезии: численность фиджийцев снизилась примерно с 250 тыс. в 1840—1850 гг. до 105 тыс. в 1891 г., численность новокаледонцев — с 60 тыс. в 1854 г. до 26,9 тыс. в 1926 г. (Roberts, 1927, p. 89, 98; Пучков, 1967, стр. 91), и т. д.

Причины уменьшения численности коренных народов в различных местах были разными. В Тасмании основной причиной сокращения числа аборигенов было прямое физическое истребление их европейскими поселенцами, которые охотились на них, как на диких зверей, отесняя в малопригодные для жизни районы; важную роль эта причина играла и в сокращении численности австралийцев. Сокращение численности новозеландских маори, гавайцев и некоторых других народов, находившихся на начальной стадии становления классового общества, было связано и с усилением межплеменных войн, и с их более кровопролитным характером из-за применения приобретенного у европейцев огнестрельного оружия; в Новой Зеландии, в Новой Каледонии и в других местах это сочеталось с вооруженной борьбой против европейцев, которые жестоко подавляли подобные восстания. Повсеместное сильное влияние на сокращение численности островитян оказали завезенные европейцами болезни: оспа, грипп, корь, туберкулез и др. На Гавайских островах только в 1849 г. от эпидемий умерло 10 тыс. человек, т. е. $\frac{1}{3}$ всего населения (Roberts, 1927, p. 92); в двух деревнях на одном из островов архипелага Новые Гебриды в 1900—1902 гг. после эпидемии кори из 278 человек осталось лишь 32, да и те вскоре почти все умерли от туберкулеза (Baker, 1928). Неблагоприятное влияние на здоровье населения оказал алкоголь, а также внедрение европейской одежды, о чем мы уже писали выше.

Повышение смертности в Океании почти всюду сопровождалось снижением рождаемости. Последнее было вызвано ростом бесплодия (из-за распространения венерических болезней) и падением традиций многодетности в изменившихся под влиянием европейцев условиях жизни. В Меланезии видную роль в этом отношении играл и вывоз молодых мужчин на плантационные работы в Австралию, на Фиджи и в другие районы; из 57 тыс. меланезийцев, вывезенных за 40 лет в Австралию, вернулось на родину лишь несколько тысяч человек («Народы Австралии и Океании», стр. 498).

При обзоре этно-демографической истории СССР обращает на себя внимание продолжающееся в течение нескольких столетий сокращение численности некоторых малых народов северо-восточных окраин страны. Так, число ительменов, насчитывавших в конце XVII в., по

Динамика этно-расовых групп населения Аргентины
(в тыс. чел.) *

Группа	1700 г.	1800 г.	1852 г.	1869 г.
Европейцы	3	9	22	350
Метисы	50	421	563	1315
Индийцы	530	210	100	3
Негры	7	20	15	15
Мулаты	10	60	110	120

* Таблица составлена по данным: K. Beals. Indian-mestizo-white relations in Spanish America. «Race Relations in World Perspective». Honolulu, 1955, p. 415.

исчислениям Б. О. Долгих, 12,8 тыс. человек, уменьшилось к 1897 г. до 2,8 тыс., в 1926 г. их было 4,2 тыс.; соответствующие цифры по юкагирам равны 4,8; 1,2 и 0,4 тыс.; по корякам — 10,7; 7,3 и 7,3 тыс.; по эскимосам — 4,3; 1,3 и 1,3 тыс. (Долгих, 1960, стр. 616, 617; Патканов, 1908). Основными причинами этого сокращения, происшедшего преимущественно в XVIII в., были болезни и голод; эпидемии оспы и кори уносили до половины некоторых племен (Гурвич, 1966, стр. 23). Существенную роль играли военные столкновения, в частности набеги чукчей; характерно, что численность чукчей, находившихся в тех же условиях существования, возросла с 2,4 тыс. в конце XVII в. до 11,8 тыс. в 1897 г. Очень пагубное влияние на здоровье коренного населения этих районов оказало широкое распространение спиртных напитков. По-видимому, среди сократившихся в численности народов имело место и снижение рождаемости, однако сколько-нибудь подробных данных по этому вопросу нет.

Подводя итоги краткого анализа сокращения численности народов в некоторых районах земного шара, следует отметить, что почти ни в одном из рассмотренных случаев не наблюдалось собственно вымирания как биологического процесса; зачастую оно было усугублено, а нередко отодвинуто на задний план прямым физическим истреблением. Существует и другое, не менее важное обстоятельство, предостерегающее против излишне частого употребления термина «вымирание», определения «обречен на вымирание» и т. п. Во многих из рассмотренных выше случаев сокращение численности народов было связано не только с резким повышением смертности и снижением рождаемости, но и с этническими процессами, сводящимися к переходу групп людей из одной этнической общности в другую. Снижение численности индейцев Центральной и Южной Америки сопровождалось, например, физическим смешением европейцев с индейцами, ростом численности метисного населения, которое составило основу новых многомиллионных наций: мексиканской, чилийской и др. Этот процесс отчетливо проступает даже в Аргентине, население которой считается преимущественно «белым» (табл. 16).

Точно так же сокращение численности «чистых» гавайцев за последнее столетие сопровождалось быстрым ростом числа гавайцев-метисов, а сокращение числа ительме-

нов — возрастанием метисной группы камчадалов, вошедшей в состав русских как их особая этнографическая группа.

Если сопоставить карту народов Европы или Азии, составленную на начало нашей эры, с современной, то можно обнаружить полное исчезновение с нее почти всех прежних народов. Однако и это объясняется, как правило, не вымиранием или истреблением прежних народов, а возникновением на их основе других, ныне существующих народов. Не найти на современной карте Америки миллионов испанцев, англичан и других европейских переселенцев, которые не «вымерли», а органически вошли в состав новых американских наций.

Только за последние десятилетия статистически установлено сокращение численности отдельных народов Европы: уэльсцев и гэлов в Великобритании, бретонцев во Франции; в СССР перенес населения 1959 г. показала, например, сокращение численности мордвы по сравнению с 1939 г. Все эти случаи объясняются поглощением названных народов этнически контактирующими с ними крупными нациями — англичанами, французами, русскими и др. — и не имеют ничего общего с вымиранием.

Рассмотрению этнических процессов, лежащих в основе подобных изменений, посвящена следующая глава.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ТИПЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
И ФАКТОРЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Типология этнических процессов

В ходе истории этнические общности подвержены изменениям, обусловленным общим ходом социально-экономического и культурного развития человечества и особенностями их собственного существования. Процессы, вызывающие эти изменения, весьма разнообразны по своей сущности и по степени их воздействия на те или иные стороны этнических общностей. Среди них можно, например, выделить социально-экономические процессы, непосредственно связанные с развитием производительных сил и изменением производственных отношений, перестройкой классово-профессиональной структуры, и т. п.; социально-культурные процессы, выражающиеся в изменениях различных элементов культуры; языковые процессы, приводящие к изменению разговорного и письменного языка, и др. В данной главе рассматриваются процессы, завершающиеся изменением этнической принадлежности групп людей, что в той или иной степени сказывается на численности народов, которые в эти процессы вовлечены. Мы называем их этническими процессами, хотя, как будет показано ниже, в этот термин нередко вкладывается и иное содержание.

Исследование этнических процессов стало разворачиваться в основном с конца XIX в., главным образом в многонациональных странах (в том числе и в России) и в странах массового оседания иммигрантов, особенно США. Однако в тот период такие исследования носили частный характер и сводились обычно к изучению процессов поглощения малочисленных этнических общностей и групп иммигрантов основными народами тех или иных

стран. В последние десятилетия деятельность зарубежных ученых по изучению этнических процессов заметно усилилась, а тематика исследований расширилась. Появился ряд обобщающих работ¹, эти вопросы обсуждались на нескольких специальных международных конференциях² и заняли видное место на социологических конгрессах и т. д. И хотя методология подобных работ не может удовлетворить советских исследователей, содержащийся в них фактический материал представляет большую ценность. Исследование этнических процессов в СССР долгое время ограничивалось главным образом вопросами, связанными с национальными отношениями в политико-правовой и социально-экономической сферах. В советской этнографической науке направление, связанное с изучением этнических процессов, достаточно четко выделилось и стало одним из ведущих только в последние годы. Однако обобщающих работ по этой тематике пока мало и многие методологические вопросы еще не вполне разработаны.

Двумя основными типами этнических процессов являются, по нашему мнению, процессы *этнического разделения и этнического объединения*. Этническое разделение представляет собой процесс, при котором от прежней единой этнической общности отделяется (точнее отпочковывается) другая общность или когда первая целиком делится на две или больше частей, каждая из которых становится отдельным самостоятельным народом. Такие процессы, как будет показано ниже, были особенно характерны для первобытнообщинной эпохи и племенной стадии развития этнических общностей. В настоящее время на земном шаре имеется, вероятно, не менее двух тысяч народов. Есть все основания предполагать, что в прошлом их было намного больше, так как только в последнее тысячелетие множество народов прекратило свое существование: часть из них была истреблена или вымерла, часть — влилась в другие народы и т. п.; только в Австралии перед приходом туда европейцев было около 500 пле-

¹ См., например, «Race and culture contacts». New York, 1934; «When Peoples meet. A study in Race and Culture contacts». New York, 1942; E. M. Frazier. Race and culture contacts in the modern world». New York, 1957 и др.

² См. например, «Race Relations in World Perspective». Honolulu, 1955.

мен со своими языками («Народы Австралии и Океании». 1956, стр. 76). Если даже признать, что человечество ведет свое начало не от одного, а от нескольких территориально разобщенных стад гоминид, то и тогда достаточно ясно, что появление многих тысяч народов может быть объяснено лишь многократными процессами этнического разделения¹.

Процессы этнического объединения, распространенные преимущественно в классовых формациях, могут быть в свою очередь подразделены на консолидационные и ассимиляционные. Под процессом этнической консолидации нами понимается процесс слияния относительно самостоятельных народов (иногда и крупных частей народов), обычно родственных по языку и культуре, в единую этническую общность, например восточнославянских племен вятичей, кривичей, северян и других в русский народ. Так как родственные народы обычно ведут свое происхождение от какой-то единой в прошлом этно-языковой общности, то развитие процессов этнической консолидации в ряде случаев является как бы своеобразным диалектическим отрицанием процессов этнического разделения. Под ассимиляцией понимается процесс этнического взаимодействия уже сформировавшихся народов, обычно значительно отличающихся своим происхождением, языком и культурой и имеющих четкое этническое самосознание. Сущность процесса ассимиляции заключается в том, что отдельные группы людей и индивидуумы, принадлежащие к одному народу, вступая в соприкосновение с другим народом (и особенно оказываясь в среде этого народа), в результате общения с ним утрачивают свои особенности в области культуры и быта, усваивают культуру другого народа, воспринимают его язык и перестают считать себя принадлежащими к прежней этнической общности. В отличие от процессов консолидации (и этнического разделения), охватывающих целые этнические общности и приводящих к исчезновению одних и появлению других народов, ассимиляционные процессы, как правило, особенно первое время, не затрагивают самого существования участвующих в них народов, хотя и при-

водят иногда в конце концов к полному поглощению одного народа другим.

Следует различать естественную и насильственную ассимиляцию. Естественная ассимиляция возникает при непосредственном контакте народов и их культур и обусловлена всем ходом социально-экономического развития той или иной страны. Насильственная ассимиляция связана с ассимиляторской политикой правительства и местных властей в области школьного образования и других сферах жизни, при помощи которых стремятся искоренить язык и культуру национальных меньшинств. Насильственная ассимиляция, характерная главным образом для стран, где национальности неравноправны, во многих случаях сочетается с естественной ассимиляцией, обусловленной контактом групп населения различной национальной принадлежности, причем разделить влияние того или другого вида ассимиляции весьма затруднительно.

Предлагая данную типологию этнических процессов, следует сказать, что, несмотря на усиление за последние годы в нашей этнографической литературе внимания к этой тематике, вопрос о сущности этнических процессов еще не вполне решен. Многие авторы рассматривают этнические процессы в широком смысле, понимая под ними все изменения основных элементов этнической общности: языка, территории расселения, материальной и духовной культуры и др.; нередко эти процессы объединяются и даже смешиваются с общим процессом национального развития, т. е. прежде всего с социально-экономическим развитием народов, изменением материального благосостояния и т. д. Конечно, все из перечисленных изменений могут влиять на этнические процессы, а в ряде случаев (это касается в первую очередь языковых процессов и процессов изменения специфических для данного этноса элементов культуры) могут быть их составной частью или стадией, но в целом они выступают как особые виды социально-экономических или социально-культурных и языковых процессов.

Основным критерием для выделения собственно этнических процессов из широкой группы различных процессов, которые так или иначе затрагивают этнические общности, является в нашем случае изменение главного этнического определителя — этнического самосознания, выражающееся в постепенной замене чувства при-

¹ См. об этом подробнее в нашей статье «Типы этнических процессов и особенности их исторического развития» (Козлов, 1968).

надлежности к одной этнической общности чувством принадлежности к другой общности. Если сопоставить, например, русских XVI в. и современных русских, то нетрудно заметить разительные изменения в их хозяйственной деятельности, социально-политической организации, материальной и духовной культуре, психологии и даже в таких важных этнических признаках, как этническая территория и язык. Но, поскольку такие изменения в целом не затронули этнического самосознания, вряд ли кто будет рассматривать этих столь разных русских как два различных народа; поэтому мы не считаем процессы, вызвавшие такие изменения, этническими в узком смысле этого слова. Мы не считаем этническими и процессы, возникшие, например, в начальный период контакта индейцев североамериканских прерий с европейцами, так как, хотя появление у индейцев лошадей и огнестрельного оружия, а также другие нововведения значительно изменили их прежний уклад жизни, культуру и быт, все же они остались индейцами определенных племен. Напротив, например, процессы поглощения русскими к XVI—XVII вв. некоторых финноязычных народов (водь, ижора и др.) или развернувшееся с XVI в. в Мексике смешение индейцев с испанцами, приведшее к сложению новой этнической общности — мексиканцев, могут быть с полным основанием названы этническими процессами.

В советской научной литературе типология этнических процессов пока не вполне установилась. Это относится прежде всего к процессу этнического разделения, который еще не выделялся в нашей литературе в качестве особого типа¹. Нельзя не заметить некоторую схематизацию процессов консолидации и ассимиляции, проявляющуюся в очень расширенном и потому расплывчатом понятии консолидации и в недостаточно четком разграничении консолидации и ассимиляции, особенно при изучении этнических процессов в нашей стране. Сам термин «консолидация» применяется не только в принятом нами значении (слияние нескольких, обычно родственных, народов в один), но и для обозначения про-

цесса внутреннего сплочения уже в основном сформировавшихся народов. Так, пишут, например, о продолжающемся процессе консолидации русской, украинской и других наций, понимая под этим обычно сглаживание различий между этнографическими группами этих наций и упрочение общенационального самосознания. Такое употребление термина консолидация, по нашему мнению, достаточно оправдано лишь в тех случаях, когда речь идет о группах, ведущих свое происхождение от некогда по существу самостоятельных этнических общностей.

В первой появившейся у нас обобщающей статье по этническим процессам в СССР авторы не дали определения сущности этнических процессов и ограничились выделением двух основных направлений таких процессов: «1) продолжающаяся консолидация и развитие социалистических наций и народностей; 2) общий процесс все большего сближения социалистических наций и народностей нашей страны...» (Гарданов, Долгих, Жданко, 1961). Из текста статьи видно, что под «развитием» наций и народностей понимается их экономический, политический и культурный прогресс, что, как уже отмечалось выше, не вполне подходит под понятие этнических процессов. Видно также, что термину «консолидация» придано расширенное значение, охватывающее и процесс поглощения тем или иным народом группы населения иного национального происхождения, т. е. в нашем понимании процесс ассимиляции. Стремление охватить термином «консолидация» все основные виды этнических процессов в СССР сохранилось и в последующие годы. Так, например, этническое взаимодействие тюркоязычных туркмен с понавшими в их среду курдами, принадлежащими к другой языковой семье, — процесс, который в недалеком будущем закончится, по-видимому, окончательной ассимиляцией этих курдов, представляется как процесс «слияния», являющийся одним из «важных этапов в процессе консолидации туркменской нации» (Аристова, Васильева, 1964, стр. 30); национальная консолидация социалистических наций Средней Азии представляется как процессы исчезновения не только этнографических групп внутри каждой нации, но и обособленных, живущих в окружении данной нации инонациональных малочисленных народностей, например, поглощение узбеками групп среднеазиатских арабов (Моногарова, 1965), и т. д.

¹ Справедливости ради отметим, что и в нашей первой работе, посвященной данной теме, — «Культурно-исторический процесс и динамика численности народов мира» (Козлов, 1959) были выделены лишь процессы консолидации и ассимиляции.

Не вполне избегал такой тенденции И. С. Гурвич, который в обобщающей статье по этническим процессам в СССР пишет: «Под этническими процессами мы понимаем различные виды взаимодействия этносов, приводящие к изменению старых или возникновению новых этнических образований. Основные из них: консолидация народностей из близкородственных племен и этнографических групп; консолидация наций из близких по языку и культуре народностей, этнографических групп, национальных меньшинств и т. д.; сближение и постепенное слияние между собой различных народностей и наций; ассимиляция отдельных племен, этнических групп, народностей и наций в ходе консолидационных процессов» (Гурвич, 1967, стр. 63). Уже из этого определения видно, что в консолидацию включены процессы ассимиляции национальных меньшинств и сама ассимиляция рассматривается как составная часть консолидации. Следует отметить также и не совсем точное определение И. С. Гурвичем сущности этнических процессов, так как из этого определения выпали процессы этнического разделения, обусловленные не взаимодействием различных этносов, а внутренним развитием самой этнической общности.

Имеющаяся тенденция применять термин «консолидация» (или «слияние») ко всем случаям этнического взаимодействия между народами СССР, в том числе и к таким процессам, которые ведут к поглощению одним народом инородных в этническом отношении групп населения, т. е. в нашем определении — к процессам ассимиляции, объясняется, по-видимому, тем, что в термин «консолидация» вкладывается какой-то положительный смысл, приличествующий процессам, происходящим в социалистическом обществе, а под «ассимиляцией» подразумевается что-то отрицательное. Возможно, что такое отношение к термину «ассимиляция» объясняется отождествлением его с насильственной ассимиляторской политикой царского правительства. Конечно, как мы уже отмечали выше, во многих случаях влияние факторов естественной и насильственной ассимиляции на изменение этнического облика переплетается столь тесно, что разделить это влияние не представляется возможным. Однако это обстоятельство не должно служить причиной отождествления столь противоположных по своему характеру

сторон ассимиляционного процесса и причиной отрицательного отношения к самому понятию ассимиляции. Известно, что В. И. Ленин в своих работах по национальному вопросу разграничивал понятие естественной и насильственной ассимиляции и считал, что даже в условиях капиталистической России естественная ассимиляция в целом имела безусловно прогрессивное значение. В работе «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин посвятил этой проблеме целый раздел «Националистический жупел „ассимиляторства“», где выступая против бундовцев, обвинявших большевиков в поддержке ассимиляции, и, подразумевая под термином «ассимиляция» не насильственный, не неравноправный, а естественный процесс, писал о том, что же реального остается в понятии «ассимиляторства»:

«Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм.

Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но так же несомненно, что тот якобы марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за «ассимиляторство», на деле представляет из себя просто *националистического мещанина*. И далее: «Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов — особенно в отсталых странах вроде России» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 125, 127).

В Советском Союзе, где достигнуто равноправие всех народов и созданы условия для беспрепятственного развития национальных языков и культур, ассимиляционные процессы потеряли свою прежнюю противоречивость. Они обусловлены, как правило, объективными причинами и являются результатом дружной совместной экономической и культурной жизни представителей разных народов, смешанных браков и т. д., т. е. представляют собой

процессы естественной ассимиляции. Мы уже отмечали, что между процессами консолидации и ассимиляции нет пропасти. Они могут быть близки по внешнему виду, особенно если в процессе консолидации участвуют один значительно более крупный и развитый народ и несколько мелких народов, причем название первого переносится на всю консолидирующуюся группу; в некоторых случаях, например при изучении процесса слияния якутов и долган, исследователю действительно трудно решить, является ли рассматриваемый процесс процессом ассимиляции или он представляет собой процесс консолидации. Однако в подавляющем большинстве случаев различия между этими видами процессов выступают весьма четко. И, конечно, поглощение русскими или украинцами, например, отдельных групп евреев методологически правильнее рассматривать не как процесс «консолидации» русской и украинской наций, а как процесс ассимиляции ими данной инонациональной группы. Что же касается введения терминов «слияние» или «сближение», то оно методологически вряд ли оправдано. Эти термины указывают лишь на наличие этнических процессов и их направление, но не вскрывают особенности их содержания. Кроме того, вряд ли можно говорить, например, о «слиянии» туркмен и курдов, если их языки не сливаются и не могут слиться, если в действительности туркмены как этническая общность продолжают оставаться туркменами, а группы курдов перестают быть курдами. Вряд ли уместно применять для обозначения того же процесса и термин «консолидация», если им тут же обозначается процесс сближения этнографических групп одного и того же народа — групп, которые имеют общий язык, сходные элементы культуры и быта, представление об общности происхождения и исторических судеб и т. д. Необходимость разграничить эти качественно различные виды процессов в терминологическом отношении представляется достаточно очевидной.

В зарубежной и прежде всего в англо-американской литературе нет установившихся понятий этнического разделения и этнической консолидации, что объясняется, в частности, как сравнительно слабым вниманием большинства социологов к этническим общностям, так и недостаточной историчностью проводимых исследований, в центре которых находятся, как правило, уже сформировавшиеся народы.

При изучении взаимодействия этнических общностей или групп людей с различной этноязыково-культурно-расовой принадлежностью там принято выделять не типы, а скорее стадии происходящих процессов, хотя многие из применяемых понятий имеют несомненно методологическое значение и могут дополнить принятую нами терминологию.

Начальная стадия взаимодействия народов обычно именуется «начальным соприкосновением» (initial contact), которое может быть связано с установлением торговых и иных отношений и означать лишь ознакомление представителей одного народа с культурой и бытом другого народа. Для обозначения первой стадии действительного контакта применяются термины «аккомодация» (accommodation) и «адаптация» (adaptation), означающие приспособление групп людей к новой — инонациональной среде их жизни, а отчасти и приспособление к ним этой среды с целью взаимного сосуществования и взаимодействия в экономической и социальной сферах («Analysis of...», 1954, p. 120). Это общение сопровождается принятием адаптирующей группой языка и норм поведения, бытующих у ее нового этнического окружения, но не затрагивает еще основ культуры и быта и системы ценностей этой группы.

Одним из центральных понятий, связанных с изучением межэтнического общения, является понятие аккультурации. Под аккультурацией понимается процесс, в ходе которого группы людей с различными культурами, вступающая в продолжительный и непосредственный контакт, изменяют свои первоначальные культурные модели (Redfield, 1939). Это изменение идет как в результате одностороннего, так обычно и в результате взаимного избирательного усвоения элементов материальной и духовной культуры. Поскольку в США и Великобритании под культурой понимается прежде всего функция человеческой психики, то и при изучении аккультурации основное внимание принято уделять изменению психологических элементов. Обмен культурными элементами между отдельными группами чаще всего носит неравнозначный характер; одна из групп, как правило, больше отдает, а вторая больше принимает. В некоторых случаях термин «аккультурация» заменяется более узкими и более четкими понятиями, например, понятием «европеизация» —

распространение в странах Азии, Африки и Америки элементов европейской культуры, форм хозяйства, государственного устройства и т. п. Аккультурация, как таковая, обычно является стадией этнического процесса (чаще всего ассимиляции), но может и не быть ею.

Широко применяется в зарубежной литературе и понятие «ассимиляции». Парк в энциклопедии социальных наук определяет ассимиляцию как процесс, в котором люди различной расы и культуры, обитая на одной территории, достигают культурной близости, достаточной для создания национального (этнического) единства; ассимиляция является полной, если ассимилируемый не выделяется среди нового общества, полностью принимает его образ жизни (Park, 1949). Одни элементы культуры могут восприниматься сознательно, например язык и одежда, другие — бессознательно, например жестикация и манеры, культурные ценности и т. д. Таким образом, ассимиляция может рассматриваться как один из возможных результатов аккультурации. Некоторые исследователи, в частности Херсковиц, считают, что в отличие от аккультурации, ассимиляция предполагает неравноправное положение группы, воспринимающей культуру, по отношению к группе, которая передает ее (Herskovits, 1938, p. 7), т. е. выделяют ее насильственные формы.

Обращая внимание на психологические аспекты ассимиляции, некоторые исследователи прямо подчеркивают, что под ассимиляцией понимается не грубое внедрение языка и материальной культуры, а главным образом изменение самосознания ассимилируемого, с одной стороны, и сознания его окружающих, с другой (Eisenmann, 1926, p. 326). Французские исследователи обычно определяют ассимиляцию как процесс уподобления, который противоположен сепарации и сводится к принятию всех законов, действующих в стране оседания, вместе с правами и обязанностями нового гражданства, к разрыву юридических и политических связей со страной происхождения, переходу на язык новой страны, усвоению ее обычаев. Иммигрант может считаться ассимилированным, если он чувствует себя гражданином новой страны, говорит на ее языке, а его поведение и образ жизни не выделяют его среди граждан этой страны (Bunle, 1950, p. 6).

Учитывая психологический аспект понятия «ассимиляции», некоторые ученые США полагают, что данный термин не вполне отвечает сущности этнических процессов, происходящих в их стране, так как многие этнические группы в США сохраняют культурную специфику и этническое (национальное) самосознание, составляя в то же время органическую часть американской нации. Для обозначения такого процесса предлагается термин «интеграция» (Borrie, 1959, p. 91). Развивая эту мысль и понимая под интеграцией культурный плюрализм, Петтерсон пишет, что термин «ассимиляция» может быть применен как к «группам» людей, так и к отдельным людям, а термин «интеграция» — только к группам людей (Patterson, 1964, p. 101). Вместе с тем некоторые канадские социологи считают, что термин «ассимиляция» может быть применен не только для обозначения процесса уподобления господствующей группе, но и для обозначения процесса возрастания сходства между членами данной группы (Vallee и др., 1965, p. 64), т. е. именно в том смысле, в котором у нас употребляется термин «консолидация» и который явно противоречит культурному плюрализму «интеграции».

Кроме этих терминов, относящихся к этно-культурным по своей сущности процессам, в зарубежной литературе часто применяется термин «амальгамация», относящийся к процессам расово-культурным. Под амальгамацией понимают процесс биологического смешения групп, различных в расово-культурном отношении, основанный главным образом на смешанных браках и приводящий к сглаживанию этих различий.

Не останавливаясь на анализе конкретных работ зарубежных исследователей по этно-культурным и расово-культурным процессам (недостатки некоторых из них уже подверглись критическому обзору в нашей литературе — см., например, «Современная американская этнография», 1963), отметим, что применяемые ими термины заслуживают внимания. Каждый из рассмотренных выше терминов: начальное соприкосновение, аккомодация или адаптация, аккультурация, ассимиляция, интеграция и амальгамация — достаточно определены и в ряде случаев могут быть применены при характеристике различных стадий и видов процессов, происходивших или происходящих в различных странах мира. Введение уточ-

няющих понятий тем более необходимо, что научная терминология, касающаяся этнических процессов, как уже отмечалось, в нашей литературе еще слабо разработана.

Кроме рассмотренных выше процессов, сводящихся в конечном итоге к *перемене* этнической принадлежности, этнического самосознания, могут быть процессы, связанные с *утратой* чувства этнической принадлежности в результате вытеснения его другими видами самосознания: чувством принадлежности к государству или стране, религиозной общине и т. п. Этнос — лишь одна из форм общности людей, и нет оснований считать, что каждый человек обязательно должен принадлежать к определенному народу, т. е. чувствовать себя неразрывно связанным с ним. Этническое самосознание не является врожденным, оно складывается при определенных социально-культурных условиях и при отсутствии таковых может не появиться или исчезнуть.

Особенно часто подобные процессы проявлялись, по-видимому, в период перехода от племенной к национальной общности. На них обращал внимание Ф. Энгельс, характеризуя особенности этно-культурного развития народов Римской империи: «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами. Римское управление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самостоятельности. Новоиспеченное римское гражданство ничего не предлагало взамен; оно не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 146, 147). В. А. Белявский, рассмотрев вопрос об этнической общности в древности, приходит даже к выводу, что большинство жителей и других античных государств представляло собой «людей без этноса» (Белявский, 1967, стр. 37). В средние века, как уже отмечалось в I главе, были нередки случаи вытеснения этнического самосознания религиозным.

В настоящее время случаи утраты или во всяком случае ослабления этнического самосознания наиболее характерны для многонациональных стран, где нет заметных национальных противоречий. Важной причиной развития этих процессов является ослабление роли этнического фактора в социально-экономической жизни таких стран, что подготавливает почву для предсказанного классиками марксизма-ленинизма слияния всех наций во всемирном масштабе. Часто такие процессы связаны со смешанными браками: ребенок, рожденный, например, на целинных землях Казахстана от брака татарина и белоруски, вырастая в русско-казахском окружении, не так-то легко может определиться в этническом отношении. Показательно, что в программу переноса населения Югославии 1961 г. была включена графа «югославы неопределенные»; она охватила 317 тыс. человек, которые не смогли отнести себя ни к одному из основных народов Югославии. Значительная часть их в прошлом входила, очевидно, в состав боснийцев, выделяя себя главным образом по религиозной принадлежности, значение которой в этническом отношении затем постепенно утратилось.

Авторы работ, касающихся этнических процессов в СССР, обычно подчеркивают процесс сближения всех народов в пределах страны с возможным предварительным или одновременным сближением их внутри крупных историко-географических областей: Средней Азии, Прибалтики и др. Подобные процессы, наблюдаемые и в других многонациональных странах, например в Индии, Югославии, являются по своей сущности скорее социально-политическими и этно-политическими, нежели просто этническими, так как связаны с ослаблением прежних этнических связей в пользу внутригосударственных связей. Т. А. Жданко, характеризуя наиболее распространенные виды этнических процессов в СССР, отмечала усиление смешения населения разных национальностей в быстро развивающих свою экономику и культуру республиках Советского Союза, с ростом подвижности населения, межнациональных связей. Это усиление характеризуется, «в частности, ростом числа смешанных браков, что убедительно свидетельствует о ломке былых религиозных, бытовых националистических предрассудков. Рост межнациональных связей в многонациональных городах и сельских областях сильно отражается

также на языке, материальной и духовной культуре, на всем облике населения, приобретающего все больше черт интернационализма» (Жданко, 1964). В данном случае, как ясно из изложенного, речь также идет по существу о процессах ослабления этнического фактора в жизни населения СССР. Возможно, что в дальнейшем такая «интернационализация» приведет к появлению группы населения, которые будут считать свою «национальную принадлежность» «общесоветской» или просто «советской».

Факторы этнических процессов. Расселение и численность

Этнические процессы, за исключением процессов этнического разделения, которые протекают внутри этнических общностей и которые, как уже отмечалось, в последние столетия были сравнительно редки, связаны со взаимодействием между народами или отдельными частями этих народов. Этнические контакты, развитие этнических взаимоотношений между народами зависят от многих обстоятельств и факторов. К числу их относятся особенности расселения, т. е. территориального размещения взаимодействующих групп, их занятия, численность контактирующих групп и особенности их поло-возрастного состава, их социально-правовое положение, сходство или различие их языка и культуры, религиозная принадлежность и расовый состав, а также предубеждения, основанные на этно-культурных или расовых различиях. Перечисленные факторы весьма неоднородны как по своей сущности, так и по степени воздействия на изменение этноса, поэтому целесообразность раздельного анализа каждого из них в методологическом отношении представляется достаточно очевидной. Вместе с тем следует отметить, что в реальной жизни эти факторы обычно действуют в тех или иных сочетаниях. Так, в Ирландии национальные взаимоотношения, этнический контакт ирландцев и англичан в течение ряда столетий были осложнены не только враждебностью ирландцев к англичанам как к захватчикам, различным социально-правовым положением ирландцев и англичан, но и противоречиями между ними в экономической сфере (ирландские крестьяне арендовали землю у английских лендлордов), различиями языка и культуры, а также религиозными рас-

прями (ирландцы — католики, англичане в подавляющем большинстве — протестанты). Следует подчеркнуть большое значение социально-психологических факторов, которые, будучи обусловленными в конечном счете объективными факторами, особенностями социально-экономического развития стран и народов, оказывают прямое и нередко очень сильное влияние на формирование этнического самосознания и его трансформацию.

Рассмотрение факторов этнических контактов целесообразно начать с особенностей *территориального размещения* взаимодействующих этнических групп и их численности; эти особенности являются важным условием и фактором развития этнических процессов и, кроме того, создают как бы фон для анализа других факторов. Роль территориального размещения в развитии этнических процессов определяется прежде всего значением территории для возникновения и самого существования этнической общности (см. стр. 28). Нарушение общности территории вследствие переселения какой-то части народа в другую область или вследствие вселения на прежде однородную этническую территорию больших инонациональных групп нарушает этно-территориальное единство и обычно приводит либо к процессу этнического разделения с образованием новой этнической общности, либо к развитию ассимиляционных процессов, с поглощением отколовшейся части. Территориальное соседство народов, общность территории являются одним из важнейших условий развития процессов этнического объединения: консолидации или ассимиляции.

Особенности территориального взаимодействия народов можно свести к двум основным случаям, которые называются нами *пограничным* и *сквозным* контактами. Пограничный контакт, как это ясно из его названия, связан со взаимодействием этнических общностей в полосе этнической границы. Такие контакты стали развиваться по мере ослабления племенных рубежей и границ племенных союзов, и получили распространение в раннеклассовых формациях, особенно у народов, входящих в многонациональные государства. В этническое общение в полосе этнической границы вовлекались лишь сравнительно небольшие части контактирующих этнических общностей; оно обычно мало затрагивало их этнические ядра. Территориальное смешение народов в полосу

этнических границ сопровождалось взаимодействием их языков и культур, приводило к появлению переходных форм этнического самосознания с последующей ассимиляцией тех или иных групп. Из полосы этнических границ некоторые усвоенные элементы культуры могли распространиться в глубь этнической территории, не вызывая обычно каких-либо изменений в этническом самосознании воспринявших их людей.

Не останавливаясь на анализе ряда специфических проблем, связанных с этническими границами, рассмотренных в работе П. И. Кушнера (1951), отметим, что развитие пограничных контактов зависит от природных условий пограничной полосы, от близости языка и культуры народов. Если этнические границы идут по крупным естественным рубежам, например по большим рекам или горным хребтам, это сильно затрудняет развитие этнических контактов. Известны многочисленные случаи, когда народы, живущие в смежных горных долинах, разделенных хребтами (Дагестан, Памир и др.), в течение столетий почти не общались друг с другом и поэтому здесь не было ни процессов консолидации, ни ассимиляции. Напротив, народы, этнические границы между которыми шли по таким местам, где природные условия благоприятствовали развитию различных связей, обычно быстро вступали в общение, сопровождавшееся развитием этнических процессов. Вопрос о влиянии на это общение близости языка и культуры контактирующих народов будет рассмотрен ниже, однако отметим, что сам вид этнической границы во многом зависел от этой близости. П. И. Кушнер, подробно рассмотрев ряд этнических границ, указывает, что чем ближе языки и культура, тем менее четко выступает этническая граница, тем шире смешанная переходная в языково-культурном отношении полоса между народами (например, граница между поляками и украинцами в XIX в.). И, напротив, в случае отдаленности языков и культур народов (например, хорватов и венгров) этнические рубежи выступают очень четко. Имеются и переходные случаи, связанные с близостью культур, но с отдаленностью языков народов (например, украинцы и молдаване) и т. д. (Кушнер, 1951, стр. 33, 34).

По своему влиянию на развитие этнических контактов природные рубежи в большинстве случаев явно усту-

пают политическим рубежам т. е. государственным границам. Превращение этнической границы в политическую означало затруднение, а зачастую и прекращение этнических контактов. Даже части прежде единой этнической общности, отделенные друг от друга государственными границами, теряют хозяйственную, а иногда и культурно-языковую связь друг с другом, что способствует развитию процессов этнического разделения и может привести к превращению их в самостоятельные народы.

Сквозной контакт возникает при сильном территориальном смешении этнических общностей или отдельных групп их. Он может быть подразделен на два основных подтипа. Первый из них связан с проникновением значительного числа людей одной этнической общности на этническую территорию другого народа, расположенную рядом с этой общностью или на каком-то расстоянии от нее, как это происходит, например, при массовых миграциях населения из одной страны в другую или из одного района большой страны в другой инонациональный район с целью постоянного поселения на новом месте. Развивающиеся этнические процессы в данном случае не затрагивают этнической целостности как народа, дающего мигрантов, так и народа, их принимающего, хотя и могут сильно сказаться на некоторых чертах их культуры и быта. Второй из подтипов сквозных этнических контактов возникает при проникновении всей этнической общности на этническую территорию другого народа или при территориальном взаимопроникновении этих народов. Такие проникновения были широко распространены, например, в Европе в период так называемого великого переселения народов: переселение болгар в среду древнеславянских племен северо-западного Причерноморья, переселение лангобардов в Северную Италию и т. п.; они часто случались, например, и в России: в ходе переселения русских в пределы этнических территорий мордвы, татар и других народов Поволжья в XV—XVI вв., а также совместного участия русских и народов Поволжья в заселении пустующих земель нижнего Поволжья и Заволжья. Развивающиеся в результате подобного территориального смешения этнические процессы захватывают не только пограничные части контактирующих народов, но и основную массу хотя бы одного из них.

Быстрота развития этнических процессов находится, как будет показано ниже, в прямой связи с фронтом соприкосновения контактирующих групп и со степенью их территориального рассредоточения. В соответствии с этим могут быть выделены народы, компактно заселяющие тот или иной район в многонациональном государстве и почти не живущие вне этого района, народы, компактно заселяющие определенный район и, кроме того, образующие отдельные этнические «островки» вне его, в пределах другой этнической территории, и другие, вплоть до народов распыленных по значительной части территории страны и не имеющих по существу своей этнической территории. Если обратиться к народам Советского Союза, то к первому случаю могут быть отнесены, например, эстонцы, к последнему — евреи и цыгане.

Целесообразно выделить сельский и городской типы расселения, связанные прежде всего с видами хозяйственной деятельности контактирующих групп. В сельской местности этнические процессы протекают, как правило, значительно медленнее, чем в городах, что связано не только с территориальным фактором, но и с большей консервативностью жизни сельского населения, его сравнительно слабыми связями с окружающей средой, большей этнической солидарностью и т. д. Очень важное значение имеют и микросообщности расселения: живут ли, например, контактирующие этнические группы в одном и том же населенном пункте (и занимают ли они в нем отдельные кварталы или полностью перемешаны в пределах улиц и даже отдельных домов) или живут в различных, хотя и соседних, населенных пунктах.

Остановившись несколько подробнее на особенностях влияния территориального фактора применительно к группам переселенцев, следует отметить стремление их в новой стране или новом районе обитания селиться рядом друг с другом, образуя этно-территориальные ячейки. Стремление мигрантов селиться на новом месте компактно объясняется не только повышенным чувством групповой этнической солидарности в чужой стране или новой среде, стремлением к групповой взаимопомощи, но и желанием сохранить таким образом свою культуру, религию или другие элементы этнической специфики.

Этно-территориальные ячейки могут возникнуть несколькими путями, прежде всего путем с организованного, обычно единовременного переселения крупной группы иммигрантов. Именно так возникли, в частности, поселения многих групп иммигрантов США, немцев-лютеран в Южной Австралии, поляков в горнорудных районах северо-восточной Франции, индийских кули в Британской Гвиане, итальянских плантационных рабочих в Северном Квинсленде (Австралия) и т. д. В дореволюционной России так возникли, например, поселения украинцев в Уссурийском крае.

Второй путь возникновения этнически однородных поселений может быть назван «цепным», так как он сводится к установлению своеобразной цепной связи между районами выхода и районами оседания иммигрантов. Обычно вначале мигрирует и основывается на новом месте небольшая группа людей, которая затем через переписку или иные формы связи притягивает к себе родных и знакомых. Этот путь является, по-видимому, наиболее распространенным; достаточно сказать, что из общего числа иммигрантов, прибывших в США в 1908—1909 гг., примерно 90% имели в стране родных и знакомых, к которым они и направлялись (Price, 1959, p. 275). В 1922 г. в округе Гриффит (Новый Южный Уэльс, Австралия) поселилось 5 иммигрантов-итальянцев — выходцев из Калабрии; в 1955 г. в этом округе было уже около 1000 итальянцев-калабрийцев; многие из них совершили переезд на деньги, присланные им уже основавшимися на новом месте родными и знакомыми (Boggie, 1959, p. 45). К числу подобных примеров «цепной» связи относятся, в частности, и поселения норвежцев в Фокс-Ривер (Иллинойс, США), где все поселенцы являются выходцами из нескольких деревень вокруг города Ставангера в юго-западной Норвегии (Price, 1959, p. 273).

Групповые поселения — этно-территориальные ячейки — могут быть основаны и путем «притяжения», когда иммигранты, принадлежащие к определенной этнической общности, поселяются вначале в различных частях новой страны обитания, но со временем начинают съезжаться, концентрируясь вокруг одной или нескольких небольших этнических ячеек. Именно таким путем возникли, например, многие еврейские кварталы в американских городах.

В сельских местностях этно-территориальные ячейки обычно представляют собой одно или несколько близлежащих селений или поселков, занятых преимущественно членами одной этнической общности. Такие сельские ячейки отличаются большой устойчивостью, связанной нередко с замкнутостью жизни: известно, например, что китайские сельскохозяйственные рабочие на сахарных плантациях Гавайских островов не поддерживали контакта даже со своими соплеменниками, осевшими в других районах и в городах. В Трансильвании — недавно одном из самых смешанных в национальном отношении районов Европы — жители деревни обычно были одной национальности — румыны, венгры или немцы; особенно изолированно жили немецкие поселенцы (саксы), сохранявшие в течение многих столетий язык и особенности своей культуры. Вообще же в многонациональных странах этническая однородность селений удерживается обычно тем слабее, чем дальше отходят поселенцы от своей этнической территории. Эта закономерность хорошо прослеживается в СССР на примере мордвы, широко расселившейся по Поволжью и Приуралью; процент мордвы в основных селениях ее оседания (от общего числа жителей селения) уменьшается с запада на восток, по мере удаления от коренного района ее расселения (Козлов, 1961, стр. 66).

Города, как административно-культурные и хозяйственные центры, по сравнению с сельскими местностями, имеют более пестрый и нередко сильно отличающийся в этническом отношении состав населения, что связано с притоком в них мигрантов из различных районов страны, а в странах иммиграции — из-за рубежа. Известно, что В. И. Ленин, рассматривая национальный вопрос в России, подчеркивал, что «города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 149). Многие крупные города в национальных районах, например, Одесса на Украине, Казань в Татарии, Уфа в Башкирии, Ташкент, Алма-Ата и Ашхабад в Средней Азии, имели преимущественно русское население. Даже в такой аграрной стране, как Индия, где в городах живет менее 20% всего населения, на 1951 г. около 40% жителей крупнейших городов («миллионеров»)

родилось вне их, причем около половины этого числа — вне данного штата, т. е. в большинстве случаев за пределами соответствующей этно-языковой общности. В настоящее время в связи с дальнейшим развитием миграций индийского населения этот процент повысился (Robinson, 1961, p. 232).

Характерно, что почти во всех странах Нового света вновь прибывшие иммигранты, даже если они стремились к сельскохозяйственной деятельности (кроме законтрактованных сельскохозяйственных рабочих), обычно вначале оседали в городах и лишь спустя некоторое время перебирались в сельскую местность. Иммигранты, осевшие в городах, обычно селились вблизи друг друга, образуя своеобразные этнические улицы, кварталы и даже целые городские районы; это стремление нередко усиливалось сегрегационной политикой властей. Одними из первых поселений подобного рода были еврейские гетто в средневековых городах Европы. Очень много таких национальных кварталов в городах США: негритянские, пуэрториканские, итальянские и другие кварталы в Гарлеме (Нью-Йорк), японские и китайские кварталы в Сан-Франциско и т. д. С течением времени этническая группа может сменить квартал, сохраняя определенную компактность расселения и на новом месте.

Количественный фактор — абсолютная численность контактирующих групп и соотношение между ними — частично учитывался уже при анализе особенностей территориального размещения; совершенно ясно, что при сквозных контактах распыленный тип расселения одной из групп означает в то же самое время, что во всех районах своего обитания она составляет меньшинство населения. Однако этот фактор имеет и важное самостоятельное значение. Рассматривая его влияние на развитие этнических процессов нам придется неизбежно коснуться не только абсолютной и относительной численности той или иной группы, но и особенностей ее поло-возрастного состава.

Абсолютная численность народов, как уже отмечалось выше, варьирует в очень широких пределах — от нескольких десятков и сотен человек (как, например, у некоторых индейских племен) до нескольких десятков и даже сотен миллионов. Длительное этническое взаимодействие небольшого с крупным по численности народом

при прочих равных условиях (а при резком неравенстве их численности — почти при любых прочих условиях) должно завершиться этническим поглощением этого небольшого народа. И хотя в действительности известные исторические случаи взаимодействия народов шли под влиянием целого ряда факторов, все же нередко, например при поглощении славянами северо-западного Причерноморья пришедших туда тюркоязычных болгар, поглощении романизированными галлами германоязычных западных франков, роль количественного фактора выступает достаточно заметно. Отмечено, что китайцы, переселившиеся в начале XX в. в восточный Тибет, вначале перенимали тибетский язык и обычаи, но затем, увеличившись в числе, стали ассимилировать тибетцев (Shibutani, 1965, p. 125).

Исследователи современных этнических процессов отмечают связь ускоренной ассимиляции небольших этнических групп не только с тем, что эти группы оказываются полностью в инонациональном окружении и уже вследствие этого не имеют достаточно благоприятных условий для развития или просто для поддержания своего языка и культуры, но и с более благоприятным отношением к ним со стороны окружающего этноса. Вопрос о роли предубеждений будет рассмотрен ниже, но там, где они есть, небольшой группе иммигрантов легче устроиться в инонациональной среде на новом месте как в жилищном, так и в хозяйственном отношении; она обычно имеет повышенную социальную-экономическую мобильность по сравнению с более крупной группой, так как встречает меньше противодействия со стороны коренных жителей. Так, в одном из обследованных городов США — «модельном» городе Янки-Сити — 12 семей прибывших туда франкоканадцев почти сразу же осели в хорошем квартале, в то время как сотни имевшихся в городе ирландцев добивались подобного в течение ряда лет.

По мнению некоторых американских авторов, повышение процента негров среди населения города или небольшого района вначале ведет к усилению общения между ними и «белыми», но с определенного предела, когда негры превышают примерно четверть всех жителей, «обеспокоенные белые» стремятся к расовой сегрегации (Wilner, 1955, p. 12).

Влияние количественного фактора нередко варьирует в зависимости от размеров поселений. Отмечено, что в маленьких городах США, где почти все жители знают друг друга, негры чаще вступают в различные виды контактов с «белыми»; там же отмечена и ускоренная ассимиляция евреев, связанная, в частности, с тем обстоятельством, что они из-за малочисленности не могут создать там собственной религиозной организации (Williams, 1964, p. 116, 303). В крупных городах США (свыше 100 тыс. жителей каждый), где жизнь в целом менее консервативна, интенсивность контактов между этническими группами снижается, хотя в большинстве таких городов процент людей, рожденных за границей, и вообще этническая пестрота заметно выше, чем в средних и малых городах.

Замедление этнических процессов, по мере укрупнения групп национальных меньшинств, из-за психологических причин может быть показано и на примере сельскохозяйственных поселений итальянцев в восточной Австралии; по мере роста этих поселений часть англо-австралийских фермеров, оказавшихся в окружении итальянцев, поспешила перебраться в другие районы, чтобы уберечь детей от «вредного влияния «даго» (кличка итальянцев). Вопрос о межнациональных браках будет более подробно рассмотрен ниже, но можно отметить, что с увеличением этнотерриториальных ячеек, групповых селений, увеличивается возможность выбора брачного партнера той же национальности, растет оппозиция к инонациональным бракам. Так, среди греков Сиднея до 1924 г., когда начался их значительный приток, около половины всех мужчин женилось на англо-австралийках, а в 1922—1942 гг. при таком же примерно соотношении полов — лишь около четверти (Price, 1959, p. 281, 282). Однако в некоторых случаях рост численности иммигрантской группы сверх какого-то предела приводит не к укреплению, а к ее разъединению. Такое явление отмечено, например, среди немецких иммигрантов США и Австралии; до тех пор, пока они были малочисленны, они чувствовали себя просто «немцами», при росте группы они начинали более резко разъединяться по религиозному признаку, в частности организовывать свои католические костелы и лютеранские церкви, создавая при них обособленные религиозные организации и т. п.

Большое значение для развития этнических процессов имеют особенности поло-возрастного состава контактирующих групп. Это относится прежде всего к иммигрантам, так как они почти всегда резко отличаются от основной массы населения страны выхода и страны оседания пониженным процентом детей и людей пожилого возраста и повышенным процентом людей среднего возраста обычно с преобладанием среди них мужчин. Известны многочисленные случаи, когда группы иммигрантов состояли из одних мужчин (например, миграция китайских кули в Чили во второй половине XIX в.), и, напротив, лишь единичные случаи преимущественно женской иммиграции (например, миграции скандинавских и немецких девушек для работы прислужкой в Англии), хотя те и другие случаи обычно связаны с временной миграцией. Такой поло-возрастной состав иммигрантов способствует их ассимиляции по ряду причин, к числу которых относится меньшая стойкость этнических традиций (носителями которых являются в первую очередь люди старшего поколения и отчасти женщины), большое число смешанных браков и детей, рожденных в новой стране обитания и более восприимчивых к этно-культурному влиянию окружающей среды, и т. п.

Доля семейной иммиграции в разных странах и в различные исторические периоды колеблется в довольно значительных пределах. Роль этой иммиграции в развитии этнических процессов — двойственна. С одной стороны, семейная иммиграция способствует укоренению иммигрантов, крепче связывает поселенцев с новой страной обитания, с другой — способствует образованию первичных этнических ячеек сохранения языка, традиционных обычаев и привычек. Этническая солидарность одиночек-иммигрантов обычно более слаба. В некоторых странах оседания (например во Франции и Великобритании после второй мировой войны и т. п.), имелся значительный избыток женского населения, часть которого могла вступить и вступала в браки с иммигрантами, резко ускоряя тем самым их ассимиляцию. Во многих случаях обзавестись семьей на новом месте не легко. В Австралии, например, проблема женитьбы стала очень остро для мужчин — военных беженцев и перемещенных лиц из стран Восточной Европы, которые не могли отыскать

себе жен из близкой этно-языковой группы, как это делали, например, иммигранты англичане в среде англо-австралийцев, и не могли съездить за невестой на родину и вернуться обратно, как это делали многие итальянские иммигранты (Borrie, 1959, p. 119). Численность таких холостых иммигрантов со временем сокращается не столько за счет их ассимиляции, сколько за счет их естественного вымирания.

Важность роли количественного фактора в этнических процессах и вместе с тем его «объективность» и сравнительная простота учета делают его весьма привлекательным в классификационном отношении. Видный американский социолог Ф. Фрезир в своем исследовании «Расовые и культурные контакты в современном мире» (Frazier, 1957) использовал количественный показатель для выделения основных типов стран со своеобразным характером расовых и культурных контактов. К первому из них он отнес страны массового оседания европейских колонистов (страны Северной и Южной Америки, Южной Африки, Австралию и Новую Зеландию), которые оттеснили или истребили коренное население; ко второму — бывшие тропические колонии (страны Центральной Африки, Юго-Восточной Азии и др.), мало пригодные для жизни европейцев; к третьему — страны древних цивилизаций (Индия, Китай и др.), где европейскому влиянию противостояла, в частности, и большая численность населения. Эта и подобные ей классификации, не учитывающие специфику социально-экономических и культурных отношений, в методологическом отношении не убедительны; культурные и расовые контакты в современной Бразилии и в Южно-Африканской Республике коренным образом различны, и попытка объединить эти страны в один тип, только затрудняет исследование.

По нашему мнению, количественный фактор уместно использовать для типологизации лишь применительно к одной стране и к сравнительно узкому историческому периоду. В этом случае сочетание количественной характеристики с особенностями расселения народов позволяет создать типологический ряд, который, будучи основан на этих признаках, отражает возможность возникновения и скорость развития этнических процессов, прежде всего процессов ассимиляции. В качестве дополнительного элемента классификации уместно ввести соот-

ношение этнической территории с территорией соответствующего ей национального административно-территориального образования. Ограничиваясь примером СССР, отметим, что эти территории могут довольно точно совпадать, как, например, у удмуртов и чукчей, совпадать лишь в общих чертах, как например, у карелов, и, наконец, явно не совпадать, как например, у эвенков и татар. Следует учитывать также число людей данной национальности, живущих за пределами своей республики, степень их территориального разобщения и форму смешения с другими народами как в городах (дисперсное расселение, расселение по улицам и кварталам, расселение по районам города и т. п.), так и в сельской местности (дисперсное расселение в селениях, уличное и квартальное расселение в селениях, отдельные селения и группы селений, сравнительно однородные в этническом отношении и т. п.). Большое значение имеет тип заселения территории: сплошной, связанный с земледелием, и рассеяно-текучий, связанный с кочевым скотоводством и охотой. Охотники-оленьеводы эвенки, разбросанные небольшими группками на огромных пространствах таежной и лесотундровой зоны Сибири и Дальнего Востока, имеют примерно такую же численность, как земледельцы и животноводы черкесы, заселяющие сравнительно компактно один из районов предгорий Северного Кавказа (эвенки тоже сохраняют относительную целостность этнической территории), однако место этих народов в типологическом ряду, как и происходящие с ними этнические процессы, сильно различаются.

Такой типологический ряд, составленный применительно к СССР с целью изучения процессов этнической ассимиляции и интеграции, целесообразно начать с русских — крупнейшего народа страны, компактно заселяющего значительную часть ее территории и составляющего видную часть населения большинства автономных и союзных республик. Вслед за ним должны быть поставлены крупные народы с компактной этнической территорией, составляющие подавляющее большинство населения в городах и селениях своей республики, прежде всего украинцы, белорусы, грузины и др. (отдельные части этих народов живут за пределами их республик, в смешении с другими народами страны), а также крупные народы, сконцентрированные в основном в пределах своих рес-

публик, но живущие там в значительном смешении с другими народами (таджики, узбеки и др.). Далее идут крупные народы, часть которых сравнительно компактно заселяет территорию своей республики, но значительная часть живет за пределами республики, в сильном смешении с другими народами (армяне, чуваш и др.); народы, составляющие в пределах своих республик меньшинство населения (особенно среди городского населения) и сильно смешанные с другими народами, причем вне своих республик число их невелико (казахи, каракалпаки, башкиры и др.); народы, основная масса которых живет за пределами своих республик в сильном смешении с другими народами (татары, мордва и др.); народы, не имеющие в СССР своих национально-территориальных образований, но составляющие большинство населения в некоторых небольших районах страны (немцы, поляки и др.); малые компактно расселенные народы, имеющие национальные образования (черкесы и др.) и не имеющие таковых (абазинцы, рутульцы и др.); малые территориально разбросанные народы, слабо смешанные с другими народами (чукчи, коряки и др.); типологическую таблицу замкнут малые территориально разбросанные народы, живущие в сильном смешении с другими народами (юкагиры, кеты, ительмены и др.), а также народы, не имеющие своей этнической территории и разбросанные мелкими группами по территории страны (евреи, цыгане, айсоры и др.).

Подобная типологизация может быть проведена и по другим многонациональным странам мира.

Социально-экономические и политико-правовые факторы

Территориальное распределение этнических групп, а также ряд других факторов этнических контактов обнаруживают зависимость от социально-экономического положения этих групп, в частности от их хозяйственной деятельности. Социально-экономические факторы оказывают сильное, нередко определяющее влияние на весь ход этнических процессов. В конечном счете именно развитие экономики, материального производства создает необходимые условия для исторической эволюции этнических общностей, в частности для развертывания процессов

национальной консолидации; оно же лежит в основе большинства миграций населения, влияние которых на развитие этнических (главным образом этноразделительных и ассимиляционных) процессов уже отмечалось выше и в дальнейшем еще не раз будет привлекать наше внимание. Некоторые вопросы влияния социально-экономических факторов на этнические процессы освещены в литературе пока недостаточно. К числу их относится, например, весьма важный вопрос о влиянии сходства или различия в хозяйственной деятельности контактирующих народов. Представляется очевидным, что сходство хозяйственной деятельности сочетается с близостью многих элементов их материальной, а иногда и духовной культуры, облегчая взаимопонимание этих народов и их сближение. С другой стороны, подобное сходство препятствует установлению обменно-торговых отношений, в классово-антагонистическом обществе приводит к конкурентным столкновениям и другим явлениям, препятствующим развитию этнических контактов; возникающие при этом противоречия достаточно сильны даже при этнической близости групп, в случае же значительных этнических и расовых различий они могут принимать очень резкие формы.

В целом сходство хозяйственной деятельности контактирующих общностей на ранних ступенях их развития, по-видимому, создает благоприятные возможности и является важным условием для развития процессов этнической консолидации; различие тормозит такие процессы. Сохранение внутри этнической общности четкой хозяйственной специализации больших групп людей часто свидетельствует о незавершенности процессов ее консолидации; нередко это подтверждается и тем, что такие этнохозяйственные группы имеют особое самосознание и самоназвание, играющее при общении с другой группой роль этнонима (например, кочевые коряки, занятые оленеводством, — «чавчыв», береговые оседлые коряки, занятые охотой на морского зверя, — «нымыллын» и т. п.). Широко распространенные в прошлом случаи этнического взаимодействия преимущественно земледельческих и скотоводческих народов обычно были весьма сложны. Чаще всего они принимали форму завоеваний, как это произошло, например, в Средней Азии при образовании узбекского народа; кочевники-скотоводы, завоевав осед-

лых земледельцев, передали им свой язык, восприняв от них, в свою очередь, многие элементы культуры. Завершающий этап национальной консолидации узбеков в капиталистическую и социалистическую эпохи, как и у большинства других народов мира, был связан с дальнейшим социально-экономическим развитием, сопровождавшимся возникновением новых классово-профессиональных группировок, которые простирались во все части этнической общности.

Мы оставляем без детального анализа достаточно полно освещенный в нашей и зарубежной литературе вопрос о роли социально-экономических факторов во взаимодействии европейского и местного населения в странах Азии, Африки, Австралии и Океании. Почти всюду за исключением немногих стран, на которых мы остановимся ниже, складывающиеся отношения — от простого обмена товарами до широкого использования принудительного и вольнонаемного труда «туземцев» на основанных европейцами сельскохозяйственных и промышленных предприятиях — оказывали сильное влияние на социально-экономическое и культурное развитие аборигенного населения. В большинстве случаев они способствовали этнической эволюции этого населения, в частности, его этнической консолидации, но не приводили к развитию этнических процессов между самими европейцами и аборигенами. Активизация таких процессов препятствовала и проводимая в некоторых странах, особенно в ЮАР, политика апартеида, существование так называемых цветных барьеров, ограничивающих сферу социально-экономической деятельности коренного населения.

Широкое развитие этнических процессов, в которые были вовлечены европейцы и «туземцы», наблюдалось главным образом в странах Америки где этно-расовые контакты европейских колонистов, индейцев и привезенных из Африки негров привели к сложению многих современных наций — кубинской, мексиканской, бразильской и др. К числу социально-экономических факторов, оказавших значительное влияние на развитие таких процессов, относится введенная испанцами и португальцами система принудительного труда, которая вырывала людей из прежней этнической среды. Заслуживает внимания мнение некоторых исследователей, отметивших, напри-

мер, что плантационная система с использованием труда рабов-негров, при всех ее известных ужасах и пороках, играла не только экономическую, но и важную социально-культурную роль; процесс аккультурации негров на плантациях Бразилии (овладение новым языком, орудиями труда, изменение одежды и пицы, обращение в христианство и т. п.) как бы подготавливал их к роли этнического компонента формирующейся бразильской нации (Frazier, 1957, p. 236—246).

Социально-экономические факторы иногда по-разному влияют на ассимиляцию национальных меньшинств, чем на ассимиляцию иммигрантов той же страны. Так, например, сельскохозяйственная деятельность в первом случае, как правило, сильно замедляет процесс ассимиляции. Этнические контакты в сельской местности, как уже отмечалось выше, по ряду причин развиваются медленнее, чем в городах¹. В Шотландии сокращение числа говорящих по-гэльски, по крайней мере с 1900 г., шло параллельно сокращению числа лиц, занятых в сельском хозяйстве (Deutsch, 1953, p. 112). Данная закономерность прослеживается во всех, в том числе и в развивающихся странах. По наблюдениям, в странах Западной Африки установлено, например, что смешанные в этническом отношении браки среди людей, занятых в сельском хозяйстве, встречаются вдвое реже, чем среди городских рабочих, особенно среди групп квалифицированных рабочих и интеллигенции (Mercier, 1954, p. 345).

Иммигранты, осевшие в сельской местности и занимающиеся сельским хозяйством, обычно также, по крайней мере на первых порах, слабо затрагиваются процессами ассимиляции; это связано как с отмеченной консервативностью сельской жизни, так и с более легким возникновением там этно-территориальных ячеек. Показательно, что в Бразилии наименее ассимилируемая группа — японцы, этническая стойкость которых несомненно связана и с тем обстоятельством, что 85% их занято в сельском хозяйстве. Вместе с тем именно занятие

сельским хозяйством, особенно приобретение земли в собственности, гораздо сильнее, чем все другие виды деятельности, связывает иммигрантов с новой страной обитания, способствует их укоренению и в конечном счете — ассимиляции.

Повышенная квалификация или более высокий уровень образования иммигрантов, при условии примерно одинакового уровня социально-экономического и культурного развития страны выхода и страны оседания, обычно способствует их мобильности и ускоряет их ассимиляцию; эта закономерность, по-видимому, не распространяется лишь на лиц, занятых внутри своих этно-территориальных ячеек (учителя на родном языке, врачи, священники и т. п.). Примерно такая же картина наблюдается в многонациональных странах с той, однако, разницей, что здесь из всех групп квалифицированных работников упорнее всех противится ассимиляции гуманитарная интеллигенция, очень тесно связанная по своей деятельности с родным этносом (см. стр. 49). Что же касается групп национальной буржуазии, то она во всех случаях, как в многонациональных странах, так и в странах иммиграции (например, выделившаяся в США шведская и немецкая буржуазия; см. Богина, 1965, стр. 165 и др.), играла двойственную роль: известны случаи, когда она использовала национальные чувства, этническую принадлежность в конкурентной борьбе и противилась ассимиляции; известны случаи, когда она легко забывала прежние этнические связи и ассимилировалась.

Экономическая абсорбция, включение в хозяйственную жизнь страны, является, по-видимому, обязательной промежуточной стадией ассимиляции иммигрантов. Однако для полной ассимиляции иммигранты должны равноправно с местными жителями иметь полную свободу выбора занятий, обладать той же социально-экономической мобильностью. Сравнительно быстрое развитие ассимиляционных процессов в Бразилии объясняется, в частности, отсутствием жестокого этно-социального деления общества, большой социальной мобильностью иммигрантов (Neiva, 1959, p. 184). Так как страны оседания иммигрантов обычно испытывают нехватку рабочей силы, экономическая абсорбция прибывших, т. е. вовлечение их в производство, идет довольно быстро, хотя приток их в ту или иную область хозяйственной жизни

¹ Отметим зависимость развития этих контактов от формы землевладения: мелкое землевладение резко ограничивает их; крупное, с применением наемного труда, способствует их развитию, хотя, конечно, не в такой степени, как занятия в промышленности и других «городских» сферах хозяйственной деятельности.

может сильно меняться. Так, в США в начальный период колонизации страны требовались главным образом сельскохозяйственные поселенцы, во второй половине XIX в. в связи с бурным развитием промышленности — квалифицированные рабочие, в XX в., когда основные кадры местного рабочего класса уже сложились, — малоквалифицированные рабочие и специалисты высшей квалификации, в том числе научные работники.

Что же касается свободы выбора конкретных занятий, то в этом отношении дело обстоит не так просто. Некоторые страны (в настоящее время — Великобритания, Бельгия, Франция и др.) приглашают иммигрантов лишь для выполнения каких-то определенных работ, оказывая этим иммигрантам материальную помощь для переезда, и одновременно затрудняют въезд иммигрантов других специальностей. Эта специализация по занятиям нередко связывается со странами выхода иммигрантов: определенные группы иммигрантов традиционно занимаются определенной деятельностью. Весьма показательны в этом отношении китайцы-прачки в западных городах США, польские горняки в Северо-Восточной Франции и Бельгии и т. д. Специализация иммигрантов по занятиям иногда связана и с этно-культурной спецификой самих иммигрантов. Так, в Великобритании иммигранты из Индии в большинстве случаев работают разнорабочими на фабриках и заводах (отсутствие специальной квалификации), кондукторами автобусов и т. п.; в то же время они никогда не бывают мясниками и редко работают в ресторанах, так как религия запрещает большинству из них обращение с мясом (Rashmi, 1963, p. 68). Подобные ограничения занятий придают иммигрантским группам элемент кастовости, затрудняют ассимиляцию. В некоторых случаях расширение сферы трудовой деятельности иммигрантов встречает противодействие и со стороны местных профсоюзов, охраняющих своих членов от конкуренции со стороны иностранцев. После второй мировой войны такая политика проводилась, например, рядом английских тредюнионов (союзы автобусных работников в Бристолье и Бирмингеме и др.) против «цветных» иммигрантов (*«Coloured Immigrants...»*, 1960, p. 219, 221).

Материалы, показывающие различия в занятиях этнических групп населения как в многонациональных го-

сударствах, так и в странах иммиграции, чрезвычайно обширны. Ограничимся лишь некоторыми примерами. В США, по переписи 1950 г., основная часть ирландцев была занята, как и в конце XIX в., на малоквалифицированной работе и в сфере обслуживания, скандинавов — в сельском хозяйстве (фермеры), мексиканцев — в сельском хозяйстве (батраки), венгров — в тяжелой промышленности, франкоканадцев — в текстильной и т. д. (Shibutani..., 1965, p. 236). На Гавайях число занятых в сельском хозяйстве среди групп европейцев (кроме португальцев) составляло на 1950 г. 2,2%, среди гавайцев — 14,3%, в то время как, например, среди филиппинцев — 84,3%; в Малайе в 1947 г. в сельском хозяйстве было занято 8,9% европейцев и 58,3% малайцев, в торговле — 18,5% китайцев и 2,9% малайцев. Сопоставляя материалы переписей 1931 и 1947 гг. по Малайе, можно отметить, что в большинстве видов занятий за этот период этнический аспект уменьшился, однако в некоторых случаях прежние различия даже увеличились; так, число европейцев, занятых в сельском хозяйстве, сократилось почти вдвое, в то время как у китайцев, индийцев и малайцев прежний повышенный процент занятых в сельском хозяйстве остался примерно на том же уровне (Lind, 1955, p. 66). После 1947 г. отмечен рост числа китайцев в торгово-промышленной сфере.

Исследования, проведенные в США, показывают, что для этнических групп иммигрантов характерно постепенное продвижение с течением времени от низшего социально-экономического статуса к высшему. Нередко ранее прибывшие группы оказываются при прочих равных условиях в несколько более благоприятном положении, чем новоприбывшие. Особенно заметно это на мобильности групп, занимавших пониженное положение, таких, например, как ирландцы, которые в середине XIX в. в Нью-Йорке составляли 28% всех жителей города и в то же время около 70% всех нищих (Handlin, 1959, p. 15). Американский социолог Уорнер, приняв индекс рабочего с физическим неквалифицированным трудом за 1, специалиста с высшим образованием за 6, подсчитал, что социально-экономический индекс ирландцев за период с 1850 по 1933 г. вырос с 1,62 до 2,52, превысив, например, индекс франкоканадцев и итальянцев, основная масса которых прибыла в США с несколько

более высоким индексом, чем ирландцы, но позже их (Warner, 1945, p. 60).

Рассматривая влияние на этнические процессы особенности расселения, численности этнических групп и социально-экономических факторов, мы применяли понятие *национального меньшинства*. Следует сказать, что в это понятие обычно вкладывается не только количественный смысл, но и *социально-правовое положение* той или иной этнической общности по сравнению с другой общностью, т. е. ее господствующее или, напротив, подчиненное положение. Чехи в Австро-Венгерской империи находились на положении угнетенного национального меньшинства, хотя численность их превышала численность господствующей австрийской нации; на положении национального меньшинства долгое время находились фламандцы Бельгии, несколько превосходящие по численности господствовавших валлонов; в настоящее время народы банту ЮАР также могут в некоторых районах рассматриваться как угнетенные национальные меньшинства, хотя общая численность их намного превышает численность господствующего «белого» населения — африканеров и англичан.

Политическая острота проблемы национальных меньшинств и в первую очередь меньшинств, которые принадлежат в этническом отношении к населению другой страны или пользуются поддержкой другой страны, потребовала урегулирования их правового положения в международных организациях. Этими проблемами занималась Лига Наций при урегулировании территориально-политических вопросов в Европе после первой мировой войны. К сожалению, деятельность Лиги Наций была связана главным образом с языковыми, религиозными и расовыми меньшинствами, более легко поддающимися учету на основании объективных показателей; Лига Наций даже не дала определения национального меньшинства, хотя и приняла предложение о защите жизни и свободы таких меньшинств и о их равноправии во всех сферах социально-экономической жизни государства (Azcarate, 1945, p. 58).

Несколько более плодотворной в этом отношении была деятельность ООН. По определению специалистов ООН, меньшинством следует считать подчиненную группу, которая по расовым, языковым, религиозным или нацио-

нальным особенностям отделена от господствующей группы, стремится к равноправию с этой группой, но в то же самое время желает сохранить некоторые свои традиционные отличия от этого большинства по языку, религии или другим признакам или встречает препятствия (дискриминацию) в своем стремлении к полному слиянию с господствующей группой (Lagorce, 1960, p. 5—6). Особо выделены национальные меньшинства, стремящиеся к самоопределению в административно-территориальном или политико-территориальном отношении; подобные стремления резко отличали национальные меньшинства от других видов меньшинств, которые обычно требовали лишь равноправия, свободы богослужения, получения образования на родном языке и т. п. Национальные меньшинства классифицировались по особенностям их расселения (с выделением пограничных меньшинств), по происхождению (издавна существовавшие в составе государства, включенные в него недавно в результате завоевания или территориальных уступок, иммигранты из других стран) и по гражданству («Definition...», 1950).

Неравноправное положение контактирующих групп имеет давнюю историю, восходя к межплеменным отношениям рабства, но наиболее отчетливо оно проявилось в капиталистических многонациональных государствах и в странах иммиграции, обостряя в них национальные проблемы. Политика господствующей группы по отношению к подчиненной может иметь форму насильственной ассимиляции, проводимой государственными органами. Чаще всего она направлена на язык национального меньшинства. Так, еще в конце XVI в. торговцы Фрейбурга (Юго-Западная Германия) подвергались штрафу, если они употребляли французский язык; в Бельгии, находившейся в начале XIX в. в составе Франции, чиновников, пользовавшихся фламандским языком, ждало наказание вплоть до тюремного заключения; в 1863 г. царское правительство запретило преподавание литовского языка в школах и их печать на латинице; в Италии в 1923 г. был издан закон, запрещающий употребление всех языков, кроме итальянского, даже в личной беседе и т. п. Подобным гонениям нередко подвергаются религия, традиционные обычаи национального меньшинства и т. п.; достаточно показательна в этом от-

ношении политика насильственной христианизации «иноплемен», проводившаяся в XVI — XVIII вв. в Поволжье и других областях России.

Учитывая важность правового фактора, некоторые зарубежные ученые применяют его для типологии этно-культурных контактов. Так, Спайсер выделяет два основных вида таких контактов: ненаправленный, когда отношения между контактирующими группами не носят элемента подчиненности, когда культурные ценности отбираются и усваиваются «по выбору», и направленный, когда члены одной общности осуществляют определенный контроль над другой общностью с целью передать ей те или иные культурные элементы. Например, взаимоотношения индейцев Канады со скупщиками мехов могут быть отнесены к ненаправленному контакту, а деятельность среди этих индейцев созданных несколько позже религиозных миссий — к направленному контакту (Spicer, 1961, p. 520). В данном случае речь идет об естественной и насильственной аккультурации, как стадиях соответствующих форм ассимиляции, сущность которых рассматривалась нами выше (см. стр. 268).

Политика национального гнета может иметь форму сегрегации, т. е. определенной изоляции национального меньшинства, ограничивающей его контакты с господствующей группой. В большинстве случаев сегрегация связана с территориальной изоляцией, как это произошло, например, с индейцами США, загнанными в резервации, или с социальной изоляцией, запрещающей общение в определенных сферах жизни, как было, например, на юге США по отношению к негритянскому населению. Иногда эти формы сегрегации сочетаются, примером чего может служить так называемая политика апартеида в ЮАР. В некоторых случаях господствующая группа стремится ликвидировать проблему национального меньшинства ускоренными темпами, прибегая к его депортации в другую страну (например, выселение греков из Турции, а турок из Греции в 1924—1925 гг.) или даже к его физическому истреблению — геноциду (например, резня армян в Турции в 1915 г., истребление «неарийских» народов в нацистской Германии).

Отношение самой подчиненной группы, национального меньшинства к господствующей группе также может быть различным. В одних случаях национальное мень-

шинство может желать слияния с господствующей группой, полного растворения в ней, как это наблюдается у многих групп евреев в странах Европы и США. В других случаях национальное меньшинство может стремиться к сохранению своих этно-культурных особенностей, к независимому существованию рядом с господствующим большинством и с другими меньшинствами. Последнее стремление нередко находит свое выражение в явлениях как бы добровольной сегрегации, проявлявшейся, например, в США в стремлении некоторых групп иммигрантов создавать обособленные общины, селиться отдельно от остальных групп и т. п. Так, в Сиэттле (США) англичане, уэльсцы, датчане, канадцы, шотландцы, ирландцы и немцы не обнаруживали желания к изоляции, но норвежцы, шведы, русские, австрийцы и греки стремились обособиться от остального населения (Betty, 1954, p. 275).

Значительный интерес представляет политика бывших колониальных держав в отношении принадлежавших им заморских владений. Английские и голландские колонизаторы, как правило, резко выступали против ассимиляции «туземцев», сохраняли в своих целях племенную организацию и обычаи. В отличие от них французская колониальная теория, особенно в XIX в., считала одним из основных своих положений доктрину ассимиляции, восходящую к древнеримской политике латинизации завоеванных стран. Еще королевские эдикты 1635 и 1642 гг. заявляли, что туземцы, обращенные в католицизм, должны считаться «естественными французами». Эта идея была поддержана во время Великой французской революции, но затем отклонена Наполеоном и начала вновь восстанавливаться с 1848 г. Во французских колониях вводилось прямое управление, как и во французских департаментах, внедрялся французский язык, юрисдикция, некоторые обычаи и т. п. Однако в конце XIX в. в печати была открыта кампания против такой политики, «вредной для туземцев и для французов», раздавались голоса в похвалу английской политики косвенного управления и т. д. В конце концов с развитием империализма была принята политика «ассоциации», допускавшая «развитие» туземцев согласно их социально-культурным особенностям и «союз» их с французами в экономической, политической и военной областях (Betts, 1964, p. 12, 75).

В настоящее время государство может влиять на ассимиляцию не только преимущественно через школу, как это было раньше, но и через печать, радио, телевидение. Так как страны иммиграции обычно заинтересованы в скорейшей абсорбции переселенцев, то ассимиляционная деятельность нередко облекается в организационные формы; в Австралии, например, при департаменте иммиграции имеется специальный Отдел ассимиляции (Vogel, 1959, p. 142). Однако ассимиляционная политика государства, особенно в многонациональных странах, иногда дает отрицательные результаты, в связи с чем некоторые исследователи призывают «не торопиться ассимиляцию» (Neiva, 1959, p. 182). И если национальный гнет чаще всего ослабляет этнические контакты, то признание прав меньшинств, наряду с развитием чувства их солидарности с окружающим населением, как правило, ускоряет процесс социально-экономической и культурной интеграции, создавая почву для развития этнических процессов, в частности ассимиляции. Уравнение в правах касается не только контактирующих групп, но и отдельных индивидуумов. В племенных обществах, социальные ячейки которых держались на кровно-родственных связях, принятие чужака в члены племени требовало его усыновления каким-то родом (или семьей), хотя в большинстве случаев даже это не давало ему полных прав соплеменника. Со становлением государств уравнение в социально-политических правах было связано с официальным получением гражданства страны обитания, в случае иммигрантов — с их натурализацией. Подобная практика ведет свое начало еще от юристов Древней Греции, выработавших правила приема в города-полисы людей из других полисов или стран (искусных ремесленников, артистов и т. п.). В разное время и в разных государствах процесс натурализации происходил по-разному, но чаще всего для принятия нового гражданства требовался определенный срок пребывания в новой стране обитания, знание основного языка страны и ее законов. В одних странах натурализация очень затруднена; так, гражданство Андорры может получить лишь четвертое поколение осевших в ней иммигрантов. В других странах для определенных групп иммигрантов она намеренно облегчена; в Израиле, например, для нее требуется лишь 12-месячное пребывание еврейского переселенца в стране. Но во всех случаях при-

нятие гражданства новой страны обитания является обязательным условием для нормального развития процесса ассимиляции, а тем более для его завершения.

Нам осталось еще сказать об очень важном — *политико-государственном* факторе развития этнических процессов. Действие этого фактора достаточно определено: государство, как социальный организм, создает условия для развития политических, экономических и культурных связей между входящими в него этническими общностями, способствуя тем самым развитию процессов этнического объединения; с другой стороны, именно государственно-политические рубежи, как уже отмечалось в предыдущем разделе, создают серьезные препятствия для общения разрезанных ими частей прежде единой этнической общности, вызывая к жизни процессы этнического разделения. На действии этого фактора нам придется еще не раз останавливаться ниже при характеристике исторического развития этнических процессов.

Роль социально-экономических и политико-правовых факторов хорошо видна на примере развития этнических процессов в СССР. Царская Россия была, по выражению В. И. Ленина, «тюрьмой народов». От ига царизма страдали все народы, но особенно тяжело это иго воспринималось нерусскими народами, так как проявлялось для них и в политике насильственной русификации. Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув власть помещиков и капиталистов, открыла новую эру в истории народов, населявших российскую империю. Одним из первых декретов Советской власти была «Декларация прав народов России», отменявшая все национальные привилегии и ограничения, провозгласившая равенство всех народов и заложившая основы для их всестороннего хозяйственного, культурного и политического развития. Последовательно осуществляя ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия и Советское правительство всей системой своих мероприятий способствовали отстающим в своем развитии народам подняться до уровня передовых, добиться общего подъема экономики и культуры. Это развитие прежде отсталых народов России, особенно народов так называемых колониальных окраин, стало возможным лишь при всесторонней помощи более развитых народов, прежде всего русского. Русские, составлявшие существенную часть па-

селения в крупных городах и промышленных центрах и национальных областей страны, сыграли важную роль в подготовке местных кадров рабочего класса и интеллигенции. Развивавшиеся на этой основе этнические контакты усиливались по мере роста городов и по мере приобретения местными национальными кадрами социально-экономической мобильности, позволяющей им принять участие в общей жизни страны.

Возникновение новых городов, строительство энергетических комплексов, открытие и разработка природных богатств, освоение пустовавших земель и развитие всех видов транспорта усиливали подвижность населения, содействовали территориальному смещению и расширению взаимного общения народов СССР. Сильное влияние на развитие этнических контактов оказала война против гитлеровской Германии, вызвавшая многомиллионные потоки мигрантов с запада на восток и затем с востока на запад. В настоящее время в городах и во многих сельских населенных пунктах Советского Союза живут бок о бок и дружно трудятся люди различной национальной принадлежности. Все это несомненно способствует развитию этнических процессов.

Следует отметить, что экономическое и культурное развитие подавляющего большинства народов СССР было облечено в политико-территориальную форму национальных союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов. Такие национально-территориальные образования, обеспечивая наиболее благоприятные условия для существования и развития той или иной этнической общности, в частности для развития ее языка и культуры, укрепления этнического (национального) самосознания и т. д., явно способствовали развитию процессов этнической консолидации. Влияние национально-территориального устройства на развитие других этнических процессов и прежде всего на процессы ассимиляции еще не вполне изучено; не вполне изучено и существенное воздействие на ассимиляцию (по крайней мере на ее конечную стадию, выражающуюся в изменении прежней национальной принадлежности) таких факторов, как паспортная система и система административно-анкетного учета с фиксацией национальной принадлежности.

Одним из важнейших факторов развития этнических процессов является сходство или различие *языка*; то же самое, хотя и в меньшей степени, относится к элементам культуры. Некоторые стороны влияния языковых и культурных факторов уже были нами затронуты, материалы по языковой ассимиляции будут рассмотрены нами ниже при характеристике развития этнических процессов. Поэтому здесь мы ограничимся лишь обзором некоторых общих вопросов, связанных с ролью языка в этнических, главным образом в ассимиляционных, процессах и с ролью в этих процессах некоторых культурных различий (включая религиозные различия) и психологических факторов.

Важная роль языка в развитии этнических процессов определяется, с одной стороны, тем, что он является основным средством общения людей, в том числе и при контактах различных этнических общностей, с другой стороны, тем, что именно язык во многом определяет специфику той или иной этнической общности и часто выступает в качестве символа этнической принадлежности, изменение которого оказывает сильнейшее влияние на изменение этнического самосознания. Совпадение или во всяком случае очень большая близость языков контактирующих общностей является неизменным условием процесса консолидации на всех стадиях этнического развития народов — от племен до наций. Нивелировка диалектов, по мере распространения общенационального литературного и принятых норм разговорного языка, считается одним из основных показателей этно-языковой консолидации нации. И, напротив, появление диалектальных различий внутри этнической общности может свидетельствовать о возможном или уже начавшемся процессе этнического разделения.

В случае сильного расхождения языков контактирующих общностей процесс их этнической консолидации чрезвычайно затрудняется. Весьма показательны в этом отношении положения во многих странах Африки южнее Сахары, имеющих пестрый этнический и языковой состав населения. Основными языками межнационального общения внутри этих стран и особенно в городах, явля-

ющихся центрами возможной этнической консолидации, основными языками высшего и специального образования, науки и техники почти всюду остались языки бывших колониальных держав, в большинстве случаев английский или французский, мало известные массе сельского населения. Очевидно, здесь речь может идти пока не об этнической консолидации, а об этно-политической интеграции, сопровождаемой процессами языковой и этнической ассимиляции. До некоторой степени сходная языковая ситуация может встретиться и в более развитых многонациональных странах.

В СССР языковая ситуация наиболее сложна, по-видимому, в Дагестане, где на сравнительно небольшой площади бытует более двух десятков языков, в большинстве своем языки малочисленных народов — агулов, ботлихцев, цахуров и других, сохранивших свою этно-языковую самобытность в изолированных горных долинах. Основным языком межнационального общения, школьного и специального образования здесь служит русский язык; поэтому он является одной из основ развития этнических процессов¹.

Близость языков, допускающая возможность непосредственного речевого общения, несомненно способствует этническим контактам и между уже сформировавшимися народами. Примером этого могут служить развивающиеся в течение нескольких столетий контакты между восточнославянскими народами — русскими, украинцами и белорусами, между некоторыми тюркскими народами, например татарами и башкирами, между народами Югославии, говорящими на сербскохорватском языке (сербь, черногорцы, хорваты, боснийцы), и т.д. Общение между народами, говорящими на существенно различающихся языках, зависит от распространения двуязычия, которое достигается либо путем овладения языком народа, с которым контактируется данная общность, либо каким-то

языком посредником. В первом случае двуязычие может стать стадией развития процесса языковой ассимиляции, полное завершение которой предполагает не только знание языка нового этнического окружения, но и постоянное предпочтительное употребление его в быту со всеми особенностями речи окружающего населения. Языковая ассимиляция, как уже отмечалось, может вести, но может и не вести к полной этнической ассимиляции. Следует отметить в связи с этим, что близость языков контактирующих групп, облегчающая процесс языковой ассимиляции, сравнительно слабо сказывается на ходе завершающего этапа этнической ассимиляции; украинцу, попавшему в русскую среду, легче овладеть русским языком, чем, например, удмурту или калмыку, говорящим на языках других лингвистических семей, но это еще не значит, что трансформация этнического самосознания у украинца окончится быстрее.

Двуязычие (и многоязычие) как особое социально-культурное явление наиболее характерно для многонациональных стран и стран иммиграции. Существование и всестороннее (прежде всего экономическое) развитие столь сложного социального организма, каким является государство, требует постоянного общения входящих в него групп людей, что ведет к распространению какого-то языка межнационального общения. Чаще всего таким языком становится язык народа наиболее многочисленного, более развитого или исторически занявшего главенствующую роль в государстве. В России, например, таким языком стал русский, в Габсбургской империи был немецкий и т.д. Такой общегосударственный язык общения распространялся как в результате непосредственных повседневных контактов людей, так и через систему общего и специального образования, прессу и т.п., нередко — в принудительной форме. Почти всюду двуязычие (и многоязычие) было сильнее распространено среди мужчин в связи с их большей мобильностью, отходом из родных мест на временные заработки в инонациональные города и районы, службой в армии и т.п.

Кроме двуязычия, связанного с овладением основным языком межнационального общения, во многих областях с разнородным национальным составом населения существовали местные формы двуязычия и многоязычия, распространение которых имело определенные законо-

¹ Попытка М. М. Ихилова представить рост двуязычия в Дагестане прежде всего как процесс консолидации особой дагестанской нации, вбирающей в себя только местные по происхождению народы и оставляющей в стороне живущие в Дагестане довольно многочисленные группы русского населения (Ихилов, 1965), малоубедительна. Пока, очевидно, было бы правильнее говорить лишь об идущих там процессах языковой ассимиляции ряда коренных народов.

мерности. Чаще всего оно было приурочено к полосе этнической границы между народами. В уже упомянутом выше Дагестане по долинам горных рек жители чаще перенимали не язык населения высокогорных районов, а язык населения, жившего ниже по течению реки, так как именно через него они общались с экономически более развитыми равнинными областями; характерно также, что языками межнационального общения в Дагестане были языки народов, занимавших равнинные области: в южной части страны — азербайджанский, в северной — кумыкский (Волкова, 1967).

В советское время по ряду причин, в частности из-за общего социально-экономического развития страны и усиления мобильности населения, двуязычие (и многоязычие) стало еще более распространенным явлением; в настоящее время трудно найти человека, который бы совершенно не знал русского языка. Однако это двуязычие, несомненно облегчающее всесторонние контакты между народами СССР, само по себе и особенно в национальных республиках далеко не всегда ведет к полной языковой, а тем более этнической ассимиляции. Социально-этническое обследование, проведенное недавно в Татарской АССР, показало, что у татар степень владения русским языком (сочетающаяся даже с повышенным уровнем образования, социальной мобильностью, стремлением учить своих детей в русских школах и т. п.) не оказывает существенного влияния на этническое самосознание и межнациональные отношения, в частности, на частоту заключения этнически смешанных браков и т. п. (см. Арутюнян, 1968).

Остановимся несколько подробнее на сравнительно слабо освещенном в нашей литературе вопросе о роли языкового фактора в странах иммиграции. Исследование ассимиляции различных групп иммигрантов показывает, что чем ближе их язык к языку новой страны обитания, тем ассимиляция идет быстрее и легче (Borrie, 1959, p. 50). При совпадении языков (англичане и шотландцы в США и Канаде, испанцы в Аргентине и Уругвае, португальцы в Бразилии и т. д.) ассимиляция может завершиться уже во втором поколении, если только ей не препятствуют религиозные или какие-то другие факторы. И, напротив, при сильном различии языков (итальянцы в США, немцы в Бразилии и т. п.) процессы ассимиляции

сильно замедляются. Показательно, что страны иммиграции (США, Канада и др.), регламентируя иммиграцию, устанавливая квоты, явно отдавали предпочтение мигрантам из близких в языково-культурном отношении стран мира.

Процесс овладения языком новой страны обитания неизбежен. Иммигранты, даже осевшие в сельской местности, вынуждены общаться с внешним миром (покупка — продажа товаров и т. п.) и усваивать язык окружающего населения, если только нет особых языковых посредников, какие, например, имеются в некоторых сельских этнических ячейках иммигрантов в Австралии. Однако у разных групп иммигрантов и в разных странах этот процесс имеет свои особенности. Американский социолог Уорнер, изучавший языковую ассимиляцию различных групп иммигрантов в Янки-Сити (США), отмечает, что среди недавних иммигрантов русских и поляков женщины обычно не знали английского языка, так как они мало общались с людьми вне дома. Между собой иммигранты обычно говорили на своих языках, иногда на ломаном английском. Молодое поколение этих групп иммигрантов владело английским свободно. В одной польской семье внук говорил по-польски лишь с бабушкой, так как его мать уже забыла польский; когда он вырос, то забыл его и сам. Евреи считали идиш жаргоном и не уделяли сохранению его особого внимания. Обычно второе поколение еврейских иммигрантов из Центральной и Восточной Европы забывало идиш, хотя еще продолжало знать иврит, так как изучало его в еврейских школах. Напротив, греки стремились сохранить свой язык, связывая его с культурными ценностями. Они старались учить детей в греческих школах и чаще всего пользовались английским языком лишь за пределами своей общины. Однако греческие дети, обучавшиеся в обычных школах или общавшиеся на улицах с другими детьми, становились двуязычными, а выходя из общины, постепенно забывали родной язык. Ирландцы, знавшие на родине английский и гэльский (ирский) языки, быстро утрачивали последний, не передавая его даже второму поколению, и т. п. (Warner, 1945, p. 220—230).

В XIX в. основные страны иммиграции обращали мало внимания на языковой вопрос. В США он встал очень остро лишь с конца XIX в., когда туда хлынул поток «но-

вых иммигрантов», главным образом выходцев из стран Южной и Восточной Европы. Польский или итальянский крестьянин, попав в американский город, оказывался среди людей, языка которых он не знал и образ жизни которых был ему чужд; это деморализовывало его, ограничивало его использование. Для решения языкового вопроса была выработана специальная система обучения, которая позже в той или иной форме распространилась и в других странах иммиграции. В Австралии языковая проблема встала остро лишь после второй мировой войны, когда прежняя иммиграция, представленная главным образом переселенцами из Великобритании и группами, сходными с ними по культуре (немцы, скандинавы и др.), была оттеснена на второй план массовым притоком переселенцев из других стран (итальянцы, беженцы и перемещенные лица из стран Восточной Европы и т. д.).

Языковой вопрос очень остро стоит в Израиле. По переписи 1948 г., 65% населения этого государства родилось за границей, из них 85% прибыло после 1931 г. из различных стран мира и говорило на идиш, ладино (спаньоль), французском, венгерском, болгарском, персидском и других языках; значительная часть местных уроженцев, а также выходцев из стран Северной Африки и Южной Аравии говорила по-арабски. Для обучения языку иврит, который был принят в качестве государственного, были созданы многочисленные центры, включая дневные и вечерние школы, кружки в воинских частях и сельскохозяйственных кооперативах и т. п. (Isaak, 1959, p. 237—252). Однако на 1965 г. около трети населения еще не овладело ивритом (Руло, 1966), что говорит о незавершенности консолидации израильской нации.

В настоящее время в основных странах иммиграции для обучения иммигрантских детей школьного возраста рекомендуется система помещения их в общие школы, по классам ниже, с прикреплением в помощь двуязычных учеников, создание специальных групп и т. д. Школа дает не только знание языка новой страны обитания, но и ее истории, традиций, обычаев, облегчая тем самым окончательную ассимиляцию иммигрантов. Для взрослых эта задача решается не школой, а главным образом радио, кино, телевидением и печатью.

Образование и печать на родном языке несомненно тормозят процесс окончательной ассимиляции. Вместе

с тем они способствуют приспособлению иммигрантов к новой жизни, уменьшают национально-языковые конфликты и в конечном счете способствуют нормальному развитию этого процесса. Поэтому официальные органы основных стран иммиграции обычно не придерживаются политики насильственной языковой ассимиляции или проводят ее лишь частично. В 1906 г. в Бразилии в районе значительной концентрации иммигрантов (Блюменау) из 112 муниципальных школ преподавали на немецком языке в 81, на португальском и итальянском — в 17, португальском и немецком — в 5, португальском и польском — в 4 и лишь в 4 школах преподавали только на португальском языке. С этого времени правительство стало вводить португальский в качестве обязательного, вначале как дополнительного, а после первой мировой войны — как основного языка школьного преподавания (Neiva, 1953, p. 243). Ограничиваясь некоторыми другими примерами, отметим, что в США число периодических изданий на иностранных языках возросло со 158 в 1850 г. до 1350 в 1910 г., после чего стало сокращаться, но в 1948 г. еще превышало 900 изданий на 40 языках; примерно 200 газет и журналов являлись органами религиозных организаций и свыше 300 — органами различных землячеств. В том же году еженедельно передавалось около 300 радиопрограмм на 26 языках, основную часть которых, как и среди публикаций, занимал немецкий и скандинавские языки (Davie, 1936, p. 486; Chyz., 1957, p. 426). В г. Торонто (Канада), где осели большие группы иммигрантов, 6 кинотеатров показывают только итальянские фильмы и 3 — только немецкие (Vallee., 1965, p. 65). В некоторых странах, например в Австралии, выпуск газет на языке иммигрантов не требует даже официального разрешения, как и передачи по частному радио, но в большинстве других стран, в частности в Канаде, пресса на иностранных языках требует особой регистрации главным образом из-за опасности, что она может быть использована для распространения националистической пропаганды.

Влияние на этнические процессы различий в культуре контактирующих групп в целом во многом сходно с влиянием языковых различий: близость культур, как правило, ускоряет развитие процессов консолидации и ассимиляции, разнообразность — тормозит их. Наиболее

существенное отличие заключается в том, что завершающий этап ассимиляции не требует полного изменения всех элементов материальной и духовной культуры, как это отмечалось в отношении языка: некоторые элементы традиционной культуры и быта, например особенности питания, могут сохраниться и на этом этапе, если только они не играют роль символов прежней этнической принадлежности. В противном случае окончательное изменение этнической принадлежности может связываться именно с изменением того или иного элемента культуры. Так, в Южной Мексике и Гватемале, где важным символом этнической дифференциации индейцев и собственно мексиканцев или гватемальцев (метисов или «ладино») являются особенности одежды, именно переход от так называемой пеонской одежды к «европейской» знаменует собой этническую трансформацию того или иного лица, «превращение» его, например, из индейца в мексиканца (Shibutani, Kwan, 1965, p. 76).

Смешанные в национальном отношении браки подробно рассматриваются в следующем разделе, но можно отметить, что распространение их находится в определенной связи с близостью языка и культуры. Так, на Гавайских островах китайки при выборе невесты для своих сыновей среди других этно-расовых групп отдают явное предпочтение девушкам смешанного гавайско-китайского происхождения, так как они более знакомы с традиционным китайским бытом и могут относиться к теще с должным почтением (Adams, 1937, p. 144). В США среди итальянских иммигрантов в Нью-Хейвине стремление мужчин к бракам с итальянками объясняется, в частности, тем, что те знают традиционный быт и национальную итальянскую кухню (Child, 1943, p. 138); браки между японцами и американцами в США затруднены различием культуры и быта, в частности различным положением женщины в традиционной японской и американской семье (Boddy, 1921, p. 135); при изучении смешанных браков иммигрантов с местными жителями в Бразилии отмечено, что они чаще встречаются у культурно близких к бразильцам португальцев и итальянцев, реже — у немцев и совсем редко у японцев (Hutchinson, 1957) и т. д. Отметим также связь быстроты ассимиляционных процессов с формой семейной организации; неразделенные семьи с патриархальными традициями более стойко

сохраняют прежнюю этническую принадлежность, чем малые семьи (Eisenstadt, 1951, p. 16).

Видное место среди элементов культуры занимают те, которые связаны с религиозной принадлежностью. Взаимоотношения между этнической и религиозной общностями были рассмотрены в I главе данной работы, но некоторые вопросы требуют еще дополнительного освещения. Важность религиозного фактора для развития этнических процессов обусловлена в первую очередь довольно часто встречающимся отождествлением религиозной и этнической принадлежности. Так, в Бирме человек, не исповедующий буддизма, не считается бирманцем, поэтому ассимиляция бирманцами некоторых национальных меньшинств требует изменения ими религии; еще в большей степени это относится к тем однородным в религиозном отношении странам, где религия является государственной (Испания и др.). Исследователи отмечают, что в США в конце XIX в. трудность интеграции так называемой новой иммиграции была связана и с тем обстоятельством, что большинство прибывающих в те годы иммигрантов были католики, в то время как американцы — преимущественно протестанты (O'Dea, 1966, p. 100). При изменении элементов культуры особой стойкостью отличаются те из них, которые связаны с религиозными установками; таковы, например, ограничения нищи у мусульманских народов и евреев, головной убор у сикхов, одежда у индианок (Desai, 1963, p. 9).

Многие переселенцы на оставленной родине были меньшинством, притесняемым не только в национальном, но и в религиозном отношении (армяне и греки в Турции, поляки в царской России, ирландцы в Великобритании и т. д.). Религия играла видную роль в их национальном движении на родине, поэтому и в странах иммиграции такие группы оказались тесно связанными со своими церковными организациями, как своего рода национальными символами. Стремление к созданию своих церковных организаций проявлялось не только там, где имелись единоверческие церкви, но даже при миграции в страны, где вообще преобладали верующие той же религии, как это наблюдалось, например, у поляков и итальянцев в Северо-Восточной Франции (Zubrzycki, 1969, p. 178); прибывшие в США немцы-католики обычно вначале посещали ранее возникшие ирландские церкви, но затем

старались создать свои приходы (Warner, 1945, p. 169). Важное значение национальных протестантских церквей в этническом отношении состоит в том, что богослужение в них идет на родном языке.

Религиозные различия между контактирующимися народами во многом определяют возможность заключения смешанных браков. Еще этнограф Н. Н. Харузин, выступивший в конце XIX в. с объективным анализом ассимиляционных процессов в России и поставивший на первое место среди причин этих процессов смешанные в этническом отношении браки, отметил тесную зависимость их от религии (Харузин, 1894, стр. 48); важность этого фактора отмечают и многие зарубежные исследователи (Simpson, Yinger, 1958, p. 546). Среди верующего населения браки с иноверцами, как правило, осуждаются; при их заключении один из брачующихся обычно должен менять религию или, как это принято, например, в США при заключении браков между протестантами и католиками, брачующиеся подписывают особый контракт о веротерпимости. Даже сравнительно либеральная к этно-расовым смешениям мусульманская церковь, сыгравшая немаловажную роль, например, в арабизации Северной Африки, разрешала своим последователям браки только с христианками и еврейками (после обращения их в ислам); что же касается мусульманок, то их браки с иноверцами были запрещены. Особенно строго осуждались смешанные браки иудаизмом; нарушителей ждало исключение из еврейской общины, в родных семьях по ним иногда даже справлялся погребальный ритуал, как по умершим. Рост числа смешанных браков во многих странах был тесно связан с уменьшением роли религии в жизни этнических общностей.

Чем сильнее различия между иммигрантами и местным населением по языку, религии и культуре, тем сильнее тенденция иммигрантов отвлекаться от внутренней разнородности и создавать общие для данной этнической группы социальные институты (церковные организации, школы, спортивные общества, благотворительные общества и т. п.). В Великобритании, например, такие организации имеют даже сравнительно небольшие группы иммигрантов, например сомалийцы и китайцы. Характерно, что польские иммигранты во Франции во время оккупации этой страны немцами создали собственную подпольную

организацию, поддерживавшую контакт с Французским движением Сопротивления (Zubrzycki, 1946, p. 177). Социальная жизнь греческих иммигрантов в странах их массового оседания (США, Австралия и др.) связана с двумя типами организаций: греческой общиной церковно-земляческого типа и местным отделением пан-эллинского союза. Двойные (национальные и религиозно-территориальные) организации существовали у евреев, армян и некоторых других групп; многие группы (итальянцы и др.) имели лишь религиозно-территориальные организации (землячества). В странах массовой иммиграции, например в США, распространены многочисленные национальные хоровые коллективы, спортивные команды (баскетбольные и др.) и другие организации, игравшие немаловажную роль в сплочении иммигрантов по этнической принадлежности.

Остановимся в заключение на характеристике некоторых *психологических факторов*, заметив, что влияние их на этнические и на другие социальные процессы заслуживает гораздо большего внимания со стороны исследователей, чем ему пока уделяется в нашей литературе. Ограничиваясь примером ассимиляции, отметим, что, строго говоря, этот процесс нельзя считать окончательно завершенным даже в том случае, если, например, иммигрант получил новое гражданство, ассимилировался в языковом и культурном отношении и при опросах относит себя к новому этническому окружению; ассимиляция завершается лишь тогда, когда человек и в сознании не выделяет себя от этого окружения и не выделяется им. Подобное изменение психологии столь трудно, что даже при благоприятных обстоятельствах оно, как правило, растягивается на несколько поколений.

Психологические факторы — чувство симпатии или, напротив, антипатии и даже вражды между членами различных этнических общностей — оказывают большое влияние на развитие этнических контактов. Неприязненные отношения между этническими общностями часто коренятся в прошлых отношениях между ними — будь то отношения господства — подчинения или частые военные столкновения, а также соперничество в экономической и политической сфере; тот, например, факт, что шотландцы и англичане, живущие в течение многих столетий бок о бок в одном государстве, говорящие на одном

языке и имеющие много общего в культуре и быте, не сливаются в один народ, несомненно связан, в частности, с воспоминаниями об их прежних враждебных отношениях и неоднократных войнах. Очень часто такие неприязненные отношения подогреваются правящими группами, заинтересованными в разжигании вражды между народами во имя «классового мира» внутри отдельных народов и отвлечения трудящихся масс от революционной борьбы. Так действовала царская охранка, организовывая еврейские погромы накануне революции 1905 г. Среди самих евреев распространялись обособляющие их от других народов идеи сионизма, широко используемого ныне шовинистическими кругами Израиля.

Дружественные отношения между народами СССР являются результатом претворения в жизнь ленинской национальной политики, в частности, достижения полного равноправия народов, устранения насильственной ассимиляции и создания условий для сохранения и развития языков и культур; большое значение для их сближения имел совместный труд по построению социализма, совместная борьба против гитлеровской Германии и т. д. Наввно было бы, однако, полностью отрицать существование этнических симпатий и антипатий, обусловленных особенностями прошлой истории, а также сходством или различием языка, культуры, религии и других элементов, влияющих на этническое самосознание.

Для развития этнических контактов в странах иммиграции немаловажное психологическое значение имеют существующие или существовавшие в недавнем прошлом отношения между данной страной и страной выхода переселенцев, а также сила связей между иммигрантами и их родиной, чувство симпатии или антипатии их к новой стране обитания и новой этнической среде. Здесь, как и выше, речь идет главным образом не о временных, а о постоянных иммигрантах, которые волей-неволей вынуждены приспосабливаться к новой обстановке и стремиться к этническим контактам. Однако развитие таких контактов чаще всего зависит не от них, а от восприимчивости их этнической среды, которая может принимать контакты или отвергать их. Последнее нередко связано с различного вида предубеждениями, возникшими в результате прошлых контактов или являющимися результатами бытования этно-психических стереотипов.

В западной, особенно американской, научной литературе при анализе факторов развития этнических контактов основное внимание обычно уделяется именно предубеждениям («prejudices»), т. е. комплексу неприязненных чувств, которые бытуют среди одной этнической группы по отношению к людям других групп и которые препятствуют сближению этих групп. Возникновение таких предубеждений чаще всего объясняется несколькими причинами, в частности, «естественной» реакцией по отношению ко всему заметно отличающемуся в физическом (расовом) или культурно-бытовом отношении, соперничеством в экономической, политической или других областях, стремлением сорвать на ком-то не вполне осознанное недовольство условиями жизни и т. п. (Rose, 1957, p. 77—80). В нашей литературе эти факторы освещены слабо. По существу за много лет единственная посвященная им интересная статья И. С. Кона «Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений)» (Кон, 1966) затрагивает лишь часть проблемы и имеет публицистический характер.

Исследования, проведенные социологами и этнологами США, показывают чрезвычайно устойчивость среди «средних» американцев таких, например, «стереотипов», как «сексуальная агрессивность негров», «стремление итальянцев к поножовщине» и т. п. Сочетание подобных стереотипов с другими психологическими факторами, в частности с предубеждением против всего чуждого и незнакомого, фиксировалось по степени общей симпатии к той или иной общности в особые таблицы. По результатам одного из обследований населения США симпатии к тринадцати группам этнических и расовых меньшинств распределились следующим образом: у «белых» американцев первые три места заняли англичане, французы и немцы, три последние — негры, индусы и турки; у негров США соответственно — негры, французы, испанцы, с другой стороны — евреи, греки, турки; у евреев США — евреи, англичане, французы, с другой стороны — китайцы, индусы, негры (Simpson, Yinger, 1958, p. 159). Сила предубеждений обычно возрастает с увеличением различий в культурно-бытовом отношении. В Бразилии, где, как уже отмечалось выше, иммигранты сравнительно легко воспринимаются местной средой, наиболее сильны предубеждения против японцев (Zubrzycki, 1946, p. 177).

Сравнительно редкие случаи, когда переселенцы сами упорно противятся не только слиянию с новой этнической средой, но и сколько-нибудь широким этническим контактам, могут быть связаны с их действительным или воображаемым более высоким уровнем социально-экономического и культурного развития. В этом случае психологическая травма переселенцев от утраты прежних этно-культурных и других связей усугубляется чувством понижения общего социального статуса. Такого этнически замкнутого поведения придерживались, например, европейцы-чиновники, поселившиеся в азиатских и африканских колониях их стран. Значение психологической «цены ассимиляции» прослеживается и в других странах (Deutsch, 1953, p. 131).

Видную роль в социальной психологии может играть и расовый фактор, оказывающий очень сильное влияние на этнические контакты. Не повторяя приведенных в I главе данной работы фактов соотношения между расовой и этнической общностью, отметим, что если внешнее сходство людей еще не говорит о совпадении их этносов, то резкие антропологические различия между ними, прежде всего между основными расовыми типами, довольно убедительно говорят о различном происхождении людей, об их разных, по крайней мере в прошлом, исторических судьбах и о других особенностях, которые могут представиться несовместимыми с принадлежностью к одному и тому же этносу; кроме того, довольно часто в реальной жизни эти расовые отличия могут сочетаться с сильными различиями языка, культуры, религии и других элементов этнических общностей. Если учесть к тому же «наглядность» антропологических различий и их устойчивость по сравнению с языком и культурой, которые могут быть за какое-то время изменены, то значение расового фактора для социальных (в том числе этнических) группировок представится достаточно очевидным.

Весьма значительна роль расового фактора в создании всякого рода этно-расово-психологических стереотипов и в возникновении этно-расовых предубеждений. Такие предубеждения, коренящиеся в отрицательной психологической реакции людей на все чуждое их привычной социальной среде, могут составить базу так называемому бытовому расизму. В методологическом отношении последний целесообразно отличать от расизма, связанного

с расовыми теориями, с представлением о существовании «высших» и «низших» рас, и от особой расовой политики правящих классов. Бытовой расизм, к сожалению мало привлекающий внимание наших исследователей расовых отношений, более характерен для контактов, когда в расово-однотипную среду одного народа проникают небольшие, сильно отличающиеся в антропологическом отношении группы других народов, имеющие юридически одинаковое правовое положение; примером таких случаев может служить Англия, куда после второй мировой войны устремились иммигранты из Вест-Индии, главным образом негры с Ямайки. Официальный расизм, достаточно подробно освещенный в нашей литературе (см. сб. «Расовая проблема и общество». М., 1957; «Против расизма». М., 1966), более характерен для многорасовых стран; наиболее ярким примером его является расовая политика господствующих классов ЮАР, политика так называемого апартеида, т. е. разделения расовых групп населения во всех областях социально-экономической и культурной жизни страны с ущемлением прав всех «небелых» групп.

Психологическая важность роли расового фактора в ассимиляционных процессах, в частности в смешанных этно-расовых браках, являющихся основным средством нивелирования расовых различий, подчеркивается многими исследователями. Американские социологи Уорнер и Сроль, попытавшиеся свести в единую таблицу все подвергающиеся ассимиляции группы населения США, расположили эти группы по возможной скорости ассимиляции, положив в основу такой классификации расовый и религиозный факторы. В первую группу — «светлых европеоидов» — вошли англоязычные протестанты (англичане, шотландцы и др.), неанглоязычные протестанты (скандинавы, немцы, голландцы), англоязычные католики (ирландцы), неанглоязычные католики (франкоканадцы, французы, бельгийцы и др.), а также евреи из стран Европы; во вторую группу — «темных европеоидов» — вошли католики Южной Европы, португальцы и христиане (армяне и ливанцы), а также мусульмане Ближнего Востока; в третью группу вошло метисное население из стран Латинской Америки; в четвертую — «монголоиды» (китайцы, японцы и филиппинцы); в пятую — «негроиды» (негры США и переселенцы из других стран). Если ассимиляция англоязычных протестантов может, по мнению

авторов, завершиться в первом поколении, а ассимиляция англоязычных евреев в пятом-шестом поколении, то ассимиляция негров растягивается на неопределенное время (Warner, Srole, 1945, p. 290). При всей спорности этой классификации, выводы авторов представляют определенный интерес.

РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ИХ СТОРОНЫ И СТАДИИ

Историческое развитие этнических процессов

В растянувшейся на много тысячелетий первобытно-общинной эпохе наиболее характерным и, по-видимому, повсеместно преобладающим типом этнических процессов были, как уже отмечалось, процессы этнического разделения; немаловажную роль они играли и в последующие эпохи. В настоящее время мы обычно видим лишь результаты этих процессов. Некоторое представление о их ходе может быть составлено на основании существующей ныне системы классификации народов по языкам и расовым типам. Объединение народов в этнолингвистические группы и семьи во многих случаях отражает происшедший некогда процесс этнического разделения, сочетавшийся или не сочетавшийся с другими этническими и языковыми процессами; можно предполагать, например, что если не все, то многие славяноязычные народы ведут происхождение от некогда единой праславянской этноязыковой общности и т. п.

Основным рычагом этнического разделения в первобытнообщинную эпоху было территориальное отделение частей прежде единых племен. Такие этноразделительные миграции определялись двумя основными причинами. Одна из них коренилась в самой сущности племенной общности. Кровнородственный признак, лежащий в основе самоопределения членов племени, мог с достаточной силой проявляться лишь при сравнительно небольших размерах племен и сравнительно небольшой их территориальной рассредоточенности. Увеличение размеров племени за счет естественного прироста сверх определенных пределов (у племен, занятых охотой и собирательством и в силу этого расселенных на значительном пространстве, этот предел обычно измерялся несколь-

кими сотнями человек, у более компактно расселенных земледельческих племен — несколькими тысячами; см. также стр. 236) приводило к тому, что племя целиком делилось на два и больше племен или выделяло из себя отдельные группы родов (или фратрий), становившиеся самостоятельными племенами¹.

Второй причиной разделительных миграций первобытнообщинной эпохи была ограниченность средств существования, обусловленная слабым развитием производительных сил. Из-за истощения естественных ресурсов в пределах племенной территории, в поисках средств существования от племен отталкивались части, переселявшиеся в другие, нередко весьма удаленные районы, где они давали начало новым племенам. Возникшие новые племена обычно в течение длительного времени сохраняли чувство близости между собой и особенно с «материнским» племенем; именно такие родственные племена, если они не утрачивали территориальной связи, впоследствии могли более легко образовывать военные союзы племен. Впрочем, нередко, как показывает, например, история греческих племен, они вступали и во враждебные отношения друг с другом. При сильном территориальном разобщении этнические контакты полностью прерывались, и только близость языков или антропологического типа говорила о том, что народы имели какое-то общее происхождение.

Процессы этнического разделения в раннеклассовых формациях также были распространены весьма широко и лежали в основе возникновения многих современных народов. Главным рычагом этих процессов по-прежнему были миграции — переселение части какой-то этнической общности на новое место (см. Алексеев, Бромлей, 1968). Из-за широкого развития таких миграций в раннем средневековье на территории Евразии весь этот исторический период даже получил название «эпохи великого переселения народов». Однако даже при наличии письменных свидетельств о существовании таких процессов стадии их развития прослеживаются недостаточно четко. Это объясняется главным образом некоторой неопределенностью и неоформленностью этнических общностей в ту

¹ Некоторые стороны таких процессов рассмотрены в статье Н. П. Хлопина «Сегментация в истории первобытного общества» («Вопросы истории», 1968, № 8).

эпоху, когда прежние племенные связи прекратили свое существование, а новые — национальные — еще не успели возникнуть. Этнические миграции в раннеклассовых формациях вызывались сложным комплексом социально-экономических причин; нехватка средств существования, вызванная оскудением природных ресурсов и ростом численности населения, нередко сочеталась со стремлением к грабительским захватам чужого имущества, рабов и т. д. Происходившие процессы этнического разделения иногда отражались в этнонимах: уже из названий таких народов, как вестготы и остготы, видно, что они произошли от какой-то одной «готской» общности; то же относится и к западным и восточным франкам, которые в средние века выступали уже как самостоятельные народы. Ни один из четырех названных народов не сохранился до наших дней; они растворились среди других этнических образований, и только западные франки передали поглотившим их галлам свое имя.

Чем меньше была отколовшаяся часть этнической общности, тем обычно труднее было ей образовать новый самостоятельный народ. Подобное могло произойти обычно лишь в том случае, если она переселялась в какую-то изолированную область. Такой областью мог быть остров (группа островов), как случилось, например, с группой норвежцев, переселившихся в IX в. на Фарерские острова и давших начало фарерскому народу. Такой областью могли стать изолированные горные долины, как это произошло с рядом небольших андо-цезских народов Дагестана (андийцы, ботлихцы, годоберинцы и др.) или с припамирескими народами (язгулемцы, бартагцы, рушанцы и др.). При отсутствии таких благоприятных для этнического обособления условий дело кончалось, как правило, этническим поглощением переселенцев. Многочисленные финикийские и древнегреческие колонии, оказавшие заметное влияние на историю Средиземноморья, не дали, как известно, начала самостоятельным народам. Весьма показательна история норманнских поселенцев в странах Западной Европы: в северо-западной Франции они были поглощены французами (провинция Нормандия), в восточной части Британии — англичанами и шотландцами, в Ирландии — ирландцами, в Южной Италии — итальянцами, в Гренландии они вымерли и лишь на безлюдном до того острове Исландия, сохранив преж-

ний язык и культуру, образовали новую этническую общность — исландцев.

Более поздние военные походы монголо-татар, арабские и тюркские завоевания также сопровождались развитием процессов этнического разделения, которые сочетались с другими видами этнических процессов. Это многообразие процессов объясняется тем, что мощные потоки завоевателей сами не были этнически однородными, так как в них вовлекались все новые и новые этнические группы. Население завоеванных стран обычно также отличалось большой этнической пестротой; воспринимая язык и некоторые элементы культуры завоевателей, оно по-разному преломляло их в своей среде, что способствовало возникновению разных народов. Так, монголо-татарские и тюркские завоевания повели к сложению ряда тюркоязычных народов Европы, арабские завоевания — арабоязычных народов Передней Азии и Северной Африки и т. д. В качестве примера недавнего этнического разделения, связанного с переселением части народа на новое место обитания, можно привести происшедшую в XVII в. миграцию части ойратов из Синьцзяна в незаселенные тогда низовья Волги, где они образовали особый народ — калмыков.

Новой важной силой в раннеклассовых формациях, пробуждающей к жизни процессы этнического разделения и поддерживающей их развитие, было возникновение государств и изменение их границ. Политико-государственный фактор нередко усиливал действие миграций, способствуя этническому обособлению групп переселенцев, попавших в пределы другого государства или образовавших собственное государство. Нередко он действовал и самостоятельно: государственные границы, проводимые на основе династических связей или в результате войн, разрезали на части этноязыковые массивы, и каждая из таких частей давала начало особому народу. Так произошло обособление немецкоязычных народов: немцев, австрийцев, люксембуржцев и других, возникших на базе немецкоязычного массива, который хотя и не представлял собой в этническом отношении единого целого, но мог бы в дальнейшем стать таковым при условии развития в рамках единого государства. Довольно четко роль политического фактора выступает, например, в случае разделения португалоязычного массива на пор-

тугальцев и галисийцев, отрезанных государственной границей в XIII в.

Большое влияние на развитие процессов этнического разделения, особенно в докапиталистических формациях, оказывали религиозные различия, которые в ряде случаев усиливали действие политического фактора. Так, основу голландского народа составили северо-восточные, преимущественно протестантские провинции, выделившиеся в XVI в. в самостоятельное государство — Нидерланды, в то время как юго-западные — католические провинции явились базой формирования фламандского народа. Этноразделительная роль религии сильно ощущалась в странах Азии, где ряд религиозных общностей, например сикхи, считающиеся обычно частью панджабцев, до сих пор обладают многими чертами самостоятельной этнической общности.

Своеобразным видом процессов этнического разделения в раннекапиталистическую эпоху, когда большинство ныне существующих народов Старого света уже сложилось, стали процессы, связанные с переселениями европейцев (испанцев, англичан и др.) в Америку и другие внеевропейские страны. Правда, в большинстве стран оседания европейские переселенцы не смогли сохранить свою прежнюю этническую самобытность; образовав на первых порах сравнительно однородное этническое ядро, в дальнейшем они обычно сильно смешивались с прибывавшими на эту же территорию другими группами европейских переселенцев, а нередко и с коренным населением; в ряде стран Америки дополнительными этническими компонентами такого смешения были значительные группы рабов-негров, вывезенных из стран Африки. Территориальное смешение, сопровождавшееся брачным смешением и культурным взаимодействием, вело здесь по существу к уже иному виду этнических процессов; в то же самое время это переселение и смешение могут рассматриваться как своеобразная стадия этнического разделения, значительно облегчающегося в данном случае сильным изменением этнического и расового облика потомков переселенцев.

Далеко не во всех странах своего оседания европейские поселенцы смогли образовать новые этнические общности; для этого требовался ряд условий, в частности давность поселения и удаленность от метрополии, обра-

зование переселенцами значительных этнических массов, их политико-государственное обособление и т. п. И если французские переселенцы в Канаду, компактно заселившие там восточную часть страны (Квебек) и свыше 200 лет жившие изолированно от Франции, стали самостоятельной этнической общностью — франкоканадцами, то многочисленные французские колонисты в Алжире, поселившиеся среди коренного арабского населения и поддерживавшие тесные связи с Францией, не стали самостоятельным народом и в конце концов в большинстве вернулись во Францию. Не сформировались в самостоятельную этническую общность и значительные группы переселенцев из Великобритании в Южную Африку (в отличие, например, от переселенцев в Австралию и Новую Зеландию), главным образом потому, что они расселены смешанно с африканерами и банту, не составляя в районах своего обитания большинства населения и не образуя своих политико-территориальных единиц.

В XX столетии процессы этнического разделения не развиты столь заметно, как в предыдущие эпохи. На первом месте среди причин, обуславливающих возникновение и развитие этих процессов, находится политический фактор. Известны многочисленные случаи, когда государственно-политические границы разрезали на части по существу уже сложившиеся народы, и ни одна из этих частей не получала национально-территориального оформления: индейцы кечуа (Перу, Эквадор, Боливия), курды (Турция, Иран, Ирак), мандинго (Мали, Гвинея, Берег Слоновой Кости) и др.; известны случаи, когда части разрезанного границами этноса получали даже государственно-политическое оформление: таджики (Таджикская ССР и Афганистан), азербайджанцы (Азербайджанская ССР и Иран), сомалийцы (Сомали и Эфиопия), корейцы (КНДР, Южная Корея и Китай) и т. д., однако во всех этих случаях этноразделительные процессы выступают пока недостаточно четко. Наибольшей действенности таких процессов следует ожидать в Африке, где в ряде стран формирование национальных общностей только разворачивается. Однако эти процессы в большинстве случаев из-за сильной смешанности этнического состава населения таких стран неизбежно будут сочетаться с другими видами этнических процессов.

Переходя к более освещенным в нашей литературе процессам этнического объединения, отметим, что в начальный период первобытнообщинной эпохи такие процессы, как уже отмечалось, были, вероятно, развиты слабо и во всяком случае оттеснялись на задний план широко развитыми процессами этнического разделения. Происходившие тогда процессы внутреннего сплочения племен, сближения родов по мере развития производительных сил и упрочения социальной организации, как и объединение отклонившихся родов в новые племена, не вполне подходят под понятие этнической консолидации, так как роды не представляли собой самостоятельные этнические общности. Что же касается отношений между чуждыми племенами, то они, как подчеркивал Ф. Энгельс, не отличались миролюбием; мирное сосуществование племен обычно не простиралось дальше торгово-обменных отношений, которые носили эпизодический характер и происходили чаще всего на нейтральной территории. Племенные границы строго соблюдались; проникновение через них иноплеменников являлось враждебным актом и вело к военным столкновениям. Развитию процессов ассимиляции препятствовал кровнородственный принцип социальной структуры племен. Известные в этнографической литературе случаи, когда захваченным в межплеменных сражениях пленникам сохранялась жизнь с последующим принятием их в племя, что могло вести к их ассимиляции, довольно редки и, кроме того, касаются преимущественно отношений между сравнительно близкими племенами.

Процессы этнического объединения стали развертываться, по-видимому, в последней стадии первобытнообщинной эпохи. Это относится прежде всего к процессам *консолидации*, проявившимся в сложении союзов племен, подобных детально описанной Л. Морганом Лиги протоков. Многие народы древности, игравшие видную роль в истории стран Евразии: скифы, анты, саксы и другие — представляли собой не что иное, как племенные союзы, имевшие уже общее самоназвание и зачатки общего самосознания, но еще сохранявшие внутреннее деление на отдельные племена и племенное самосознание. Одним из факторов, способствовавших объединению племен, было усиление межплеменных контактов по мере роста общей численности населения. «Возрастающая плотность насе-

ления, — писал Ф. Энгельс, — вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 164). Другим, еще более важным фактором развития процессов этнической консолидации было сложение государств на базе групп родственных племен. Кроме уже имевшейся у этих племен близости языка и культуры, государство оформляло консолидирующиеся племена в территориально-политическом отношении, создавало определенную общность экономических, социальных и других интересов. К числу типичных видов таких процессов принадлежит объединение эллинистических племен в древнегреческих государствах-полисах, объединение италиков в Древнем Риме и т. д. Консолидация родственных племен или групп племен после объединения их в государство лежит в основе сложения большинства современных народов Старого света. Таково было, например, происхождение многих славянских народов: поляков (сформировавшихся на основе племен полян, вислян, мазовшан, слензян и других, образовавшихся в X в. Польское королевство), чехов (сложившихся на основе племен чехов, лучан, дечан, пшован и других, образовавшихся в X в. Чешское государство) и т. п. Подобные процессы происходили и в последующие эпохи. В странах Европы в этих процессах участвовали обычно не отдельные племена или группы племен, а уже сложившиеся сравнительно крупные народы. Характерный случай такого вида процессов — сложение французской нации из двух народов: северофранцузов и южнофранцузов, или провансальцев, — был довольно подробно рассмотрен Ф. Энгельсом (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 5, стр. 377—378).

Во многих внеевропейских странах процессы консолидации племенных групп и небольших народностей продолжались и в новейшее время. На территории СССР подобные процессы развернулись в годы Советской власти в Средней Азии и других окраинных областях, особенно после получения консолидирующимися народами своей национальной государственности. Такова была, например, консолидация туркменской нации из племенных групп номудов, теке, гокленов и других, консолидация киргизов

из племенных групп оиг, сол, ичкилик и других. Одновременно продолжалась консолидация некоторых народов Поволжья (консолидация марийцев из горных и луговых групп, слияние мишарей с татарами и др.).

В предыдущем разделе мы отмечали сильное влияние на развитие процессов этнической консолидации социально-экономических и других факторов, в том числе наличия той или иной формы политико-территориальной организации. Однако эти процессы могли эффективно развиваться лишь при сочетании ряда факторов и прежде всего при условии непосредственного контакта консолидирующихся групп, т. е. общности их территории. Целесообразно остановиться в этой связи несколько подробнее на примере консолидации мордвы (см. Козлов, 1961).

В период появления мордвы на исторической арене (конец I тысячелетия н. э.) она представляла собой несколько племен (или групп племен), крупнейшими среди которых были: племя эрзя, расселенное в пространстве между Окой, Сурой и Волгой, и племя мокша, жившее к югу от этой области, главным образом в бассейне реки Мокши. Эрзяне и мокшане имели некоторые различия в языке и культуре, однако эти различия не были глубокими. Близость языков эрзи и мокши — наличие общности в корнях слов и в основах грамматики — свидетельствует о том, что оба они возникли в прошлом из единого «прамордовского» языка, а племена эти — из единой этнической общности. Дальнейшая консолидация эрзи и мокши в древности тормозилась набегами соседних народов (хазар, болгар и др.) и, наконец, была приостановлена нашествием татаро-монголов. Развитию этого процесса после включения всего мордовского населения в состав Русского государства (середина XVI в.) препятствовало бесправное положение мордвы, ее экономическая и культурная отсталость, а также продолжавшаяся территориальная разобщенность мордвы из-за вселения на ее территорию инонациональных групп (главным образом русских) и миграции мордвы в другие заселяемые области Поволжья, где многие ее группы теряли между собой всякую связь.

После Октябрьской революции, покончившей с неравноправием народов, в связи с ростом экономики и культуры мордовского населения создались условия для слияния эрзи и мокши в единую национальную общность, однако процесс этот до сих пор нельзя считать завершен-

ным. Мордовские языки так и не слились и в настоящее время представляют собой два самостоятельных литературных языка — эрзянский и мокшанский. Деление мордвы на мокшу и эрзян укоренилось в этническом самосознании мордовского населения. В собственно мордовской литературе для обозначения всего мордовского народа употребляется не термин «мордва», который был дан ему, по-видимому, соседними народами, а термин «эрзя-мокшат», т. е. эрзяне и мокшане. По материалам переписи 1959 г., программа которой на территории Мордовской АССР была дополнена вопросом о принадлежности к эрзе или мокше, лишь незначительные группы мордовского населения назвали себя просто «мордва». Между тем именно в пределах Мордовской АССР имелись наиболее благоприятные условия для экономического и культурного развития мордовского населения и для его консолидации в единую нацию. Не так давно в республике даже дебатировался вопрос о существовании двух мордовских наций. Что же касается мордвы, живущей вне пределов Мордовской АССР, то наблюдающиеся в некоторых районах ее расселения случаи слияния эрзи и мокши по своей интенсивности значительно уступают случаям этнической ассимиляции мордвы русскими и отчасти другими народами.

В настоящее время процессы этнической консолидации наиболее характерны для несколько отставших в своем социально-экономическом развитии стран Азии и Африки, где родственные племена и группы сливаются в крупные народы. Этот процесс ускорился в ходе борьбы за полную политическую и экономическую независимость, он отчетливо выступает в ряде стран Африки: консолидация амара, тиграи и других народов Эфиопии, консолидация бамбара и малинке в Мали, образование национальных общностей банту в Конго, Танганьике и других странах, сложение сомалийской нации и т. п. Среди процессов, развернувшихся в странах Азии, отметим начавшуюся консолидацию индонезийской нации из родственных в языковом и культурном отношении народов индонезийской группы: яванцев, сундов, мадурцев и др. Характерно, что основным языком формирующейся нации был принят не язык наиболее крупного из ее компонентов — шестидесятимиллионного яванского народа, а более простой и более распространенный среди остального населения Индо-

незии язык «бахаса индонезия». Очень сложный характер имеют процессы консолидации на Филиппинах, где сложение единой филиппинской нации вступает в коллизию с одновременно развертывающимся процессом сложения висайской, тагальской и илоканской наций. К процессам консолидации следует отнести и случаи слияния друг с другом сравнительно более развитых и сложившихся народов, близких по своему языку и происхождению (объединение голландцев, части фламандцев и фриз — в нидерландскую нацию, слияние мазуров с поляками и т. д.), хотя некоторые стороны этих процессов весьма сходны с процессами ассимиляции.

Процессы *этнической ассимиляции* стали развиваться в основном со становлением раннеклассового общества, по мере разложения родо-племенных связей и замены их территориально-соседскими и государственно-политическими. О некоторых факторах, способствующих развитию таких процессов, писал Ф. Энгельс, характеризуя становление раннеклассовых государств Европы — Древней Греции и Рима; в частности, он отмечал сильное территориальное смешение людей, принадлежавших к различным племенным общностям как родственным, так и чуждым (см. выше, стр. 60). Все же и в этот период процессы этнической ассимиляции проявляются недостаточно четко, сливаясь в ряде случаев с процессами консолидации. В исторических источниках обычно говорится не о процессах этнической, а о процессах языковой или культурной ассимиляции. Наиболее известными из них были процессы эллинизации — распространения греческой культуры и языка по странам Средиземноморья, и процесс романизации — распространения римской культуры и латыни по завоеванным Римом странам Европы. Процессы этнической ассимиляции в эпоху Рима протекали в основном только в пределах метрополии; что же касается окраинных областей империи, то процессы ассимиляции здесь обычно носили незавершенный характер: галлы или фракийцы, не только овладевшие латынью, но и получившие права римских граждан (*Populus Romanus*), по-видимому, редко порывали со своим прежним этническим окружением.

Процессы этнической ассимиляции несколько усилились в раннее средневековье; они несомненно играли видную роль в исчезновении с исторической арены многих этнических образований, таких как аланы, гунны, вест-

готы, которые после военных поражений или по другим причинам распадались на части, поглощавшиеся окружающими народами. Многие германские народы (или группы племен), переселившиеся на Апеннинский полуостров, например лангобарды, прекратили свое существование, растворившись среди италийского населения.

Весьма широко процессы этнической ассимиляции развернулись в позднефеодальную и особенно в капиталистическую эпоху, когда многие народы в этническом отношении уже достаточно оформились, а входящие в них люди имели четкое национальное самосознание и когда в связи с неравномерностью развития промышленности и сельского хозяйства в разных странах и в разных районах крупных стран начали развиваться массовые миграции населения. Поскольку совершенно однородных в национальном отношении стран почти не существует, а входящие в них этнические общности или части их живут в более или менее тесном общении с основным народом страны обитания и друг с другом, можно с уверенностью утверждать, что этническая ассимиляция распространена повсеместно. Однако в настоящее время она наиболее типична для экономически развитых стран, основная масса населения которых уже сравнительно давно сложилась в нации и имеет четкое национальное самосознание, а другие этнические группы немногочисленны и уступают им по уровню социально-экономического развития или в другом отношении.

В процессах этнической ассимиляции участвуют разнообразные группы населения, начиная с национальных меньшинств данной страны, имеющих определенную территорию расселения и более или менее тесные этнические и другие связи между собой, и кончая пришельцами в страну извне, т. е. иммигрантами. Этническая ассимиляция протекает обычно особенно сильно среди последней группы, так как иммигранты чаще всего с самого начала оказываются в отрыве от своей этнической базы и в полном окружении инонациональной среды. Некоторые особенности развития таких процессов будут рассмотрены ниже, но можно отметить, что нередко уже второе поколение иммигрантов, осевших в какой-нибудь стране, принявших ее гражданство, полностью меняет свою прежнюю принадлежность и почти не отделяет себя от новой национальной общности. Подобные

можно наблюдать, например, среди сотен тысяч иммигрантов, осевших в США, Канаде, Бразилии, Австралии и других заокеанских странах. Среди европейских стран в этом отношении наиболее показательна Франция, где большое число итальянских, испанских и иных иммигрантов ассимилируется французами.

Большой интерес представляют случаи ассимиляции, которой подвергаются не отдельные индивидуумы или разрозненные группы людей, а значительные, сравнительно сплоченные национальные коллективы, тем более — целые этнические общности. В качестве примеров таких процессов, происходящих в странах зарубежной Европы, можно остановиться на положении трех народов кельтской языковой группы: уэльсцев (валлийцев), гэлов и бретонцев. Первые два народа представляют собой национальные меньшинства Великобритании, находящиеся в процессе слияния соответственно с англичанами и шотландцами, третий — национальное меньшинство Франции, ассимилируемое французами. Развитие этнической ассимиляции среди этих народов характеризуется прежде всего утратой родного языка и постепенным переходом на основной язык страны; за этим следует ослабление и затем утрата прежнего национального самосознания. Численность людей, знающих гэльский язык, сократилась с 255 тыс. в 1891 г. до 76,6 тыс. в 1961 г., из них только по-гэльски говорит 1,1 тыс. человек; число лиц, знающих уэльский язык, сократилось с 977 тыс. в 1911 г. до 656 тыс. в 1961 г., из них только по-уэльски говорит лишь 26 тыс. человек. Численность бретонцев, составлявшая еще в середине 1920-х годов, по официальным данным, около 1400 тыс. человек, в начале 1950-х годов оценивалась лишь в 1100 тыс., а сейчас вряд ли превышает 1 млн. человек, большинство из которых предпочитает говорить по-французски.

Стороны, стадии и темпы развития этнических процессов

Этнические процессы, происходившие или происходящие в различных странах мира и вовлекающие различные народы, отличаются сложностью и многообразием. Известны народы, которые весьма инертны к этническим процессам и очень стойко сохраняют свое

самосознание. Обычно примером таких народов служат евреи, этническая обособленность которых усилена догмами иудаизма. Выселенные римскими властями в начале нашей эры из Палестины, они расселились небольшими группами в городах и местечках различных стран Старого света, а затем и Нового света. В течение многих веков евреи поддерживали хозяйственные и другие связи с окружающей их национальной средой, воспринимая язык и некоторые элементы культуры других народов, но тем не менее редко подвергались окончательной этнической ассимиляции. Такая этническая стойкость евреев в значительной степени объясняется не только их этническим консерватизмом, но и их сегрегацией, усиливавшейся различного рода предубеждениями, бытовавшими среди окружающего их населения; наиболее крайние из них нашли свое отражение в формах антисемитизма. Не менее известна этническая стойкость цыган, которые по дисперсности своего расселения не уступают евреям. В отличие от последних эта стойкость связана не с религией (цыгане обычно принимали религию стран обитания), а с чрезвычайной консервативностью традиций и быта цыганских общин, резко обособляющих их от окружающего населения. Известно и множество других случаев, когда группы людей различной этнической принадлежности в течение многих столетий жили бок о бок, сохраняя в то же время свою самобытность и не смешиваясь этнически друг с другом; из числа их можно назвать чересполосно расселенных в Трансильвании румын, венгров и немцев, а также армянскую, греческую, еврейскую и турецкую общины Стамбула.

Вместе с тем можно привести и немало примеров бурного развития этнических процессов. К ним относятся, в частности, процессы формирования американской и других наций Америки, развернувшиеся главным образом во второй половине XIX в. Крупнейшим этническим компонентом североамериканцев были, как известно, переселенцы из Англии, которые, консолидировавшись с родственными им шотландцами, составили ядро новой нации, постепенно вбравшей в себя главным образом путем ассимиляции все новые и новые многочисленные группы иммигрантов из различных стран Европы. Довольно быстрыми темпами шла, например, и развернувшаяся

в годы Советской власти консолидация туркмен, каракалпаков и ряда других народов СССР.

Следует подчеркнуть уже отмеченный в предыдущем разделе факт, что даже в случае сравнительно быстрого развития этнических процессов они, как правило, растягиваются не на одно, а на несколько поколений вовлеченных в них групп людей. Если исключить случаи искусственно ускоренной ассимиляции, связанной со стремлением слиться с группами господствующего народа, то первое взрослое поколение национального меньшинства или группы иммигрантов, психология и бытовые традиции которого сложились в прежнем этническом окружении, даже при самых благоприятных условиях обычно не может полностью перестроиться в этническом отношении, да часто и не желает этого делать. Самое большее, на что можно обычно рассчитывать в первом поколении иммигрантов, это на их экономическую абсорбцию, овладение языком нового этнического окружения при сохранении в быту родного языка, и на изменение ряда элементов культуры, в первую очередь материальной. По исследованиям, проведенным среди групп иммигрантов в США, первое поколение их стремилось в подавляющем большинстве случаев сохранить прежние традиции и образ жизни (Simpson, Yinger, 1958, p. 525). Ход процессов консолидации изучен меньше из-за трудности определения ее начала, но можно утверждать, что и в них от первого поколения можно в лучшем случае ожидать лишь двойственности этнического самосознания, но никак не полного его изменения, например полного вытеснения прежнего племенного самосознания общенациональным.

Таким образом, в ходе этнических процессов возникает своеобразное переходное состояние, когда прежняя этническая принадлежность утрачивается или уже утрачена, а новая еще не укрепилась. В зарубежной литературе этот переходный в этническом или этно-культурном отношении период принято обозначать, как состояние «пограничного человека» («Marginal Man»). Такое состояние особенно типично, например, для второго, а нередко и третьего поколения иммигрантов, а также для детей от смешанных в национальном и расовом отношении браков. Проблема «пограничного человека» непосредственно соприкасается с некоторыми важными вопросами общего исторического процесса социально-культурного развития

человечества, но мы остановимся лишь на тех ее сторонах, которые связаны с темой нашего исследования.

Одна из отличительных черт «пограничного человека» — социально-культурный конфликт его с одной, а чаще обеими контактирующими этническими (или этно-расовыми) группами. Такой конфликт достаточно ясно проявляется в отношениях между первым поколением иммигрантов, старающимся удержать прежние этно-культурные ценности, и вторым или третьим поколением, стремящимися к этно-культурному слиянию с окружающей средой. Естественная близость к родителям вступает в конфликт с привязанностью к новым друзьям и знакомым; появляется представление о «старомодности» и «отсталости» старшего поколения, а нередко и желание как-то отделиться от этого поколения. С этой целью второе или третье поколение иммигрантов может переселиться в новый район и даже сменить «инострannую» фамилию или придать ей местный вид. При исследовании подобных процессов у иммигрантов США отмечено, что стремление второго поколения к улучшению своего социально-экономического положения отражается, в частности, в более позднем вступлении в брак и в меньшем числе детей по сравнению с местными жителями.

Отмеченные закономерности ясно проступают, например, у японских иммигрантов в США, второе поколение которых стремится поселиться вне «японских кварталов» и сильнее общается с коренными американцами; значительное число их переходит в христианство. Характерно, что своеобразное место каждого из поколений японских иммигрантов США в этнических и социально-культурных изменениях нашло свое отражение в особых названиях каждого из поколений; первое именуется Issei, второе (рожденное в США) — Nisei, третье — Sansei¹.

Конфликт «пограничного человека» тем острее, чем больше культурные различия между контактирующими группами и различия в их социальном положении. В случаях социального неравенства этих групп статус детей

¹ Жизнь в новых условиях и, в частности, изменение питания приводят даже к изменению физического облика; по имеющимся наблюдениям японские дети в Калифорнии выше и тяжелее детей, рожденных в Японии, и даже рисунок рта у них другой из-за более тщательного ухода за зубами (McWilliams, 1964, p. 151).

от смешанных браков очень редко равен высшему из статусов обоих родителей; обычно он либо равен низшему, либо немного выше, а иногда даже ниже его. Так, в США до отмены рабства дети от связей белых с негритянками по своему социальному статусу были равны статусу матери (рабыни или свободной); в странах Латинской Америки мулаты, как правило, имели более высокий статус, чем негры; в Индии дети от браков европейцев и индусов обычно не принимаются ни европейским, ни индусским обществом и как люди вне касты стоят даже ниже статуса матери (Berry, 1954, p. 320). То же самое наблюдается и в случае этно-культурных контактов европейцев с коренным населением стран Азии и Африки; даже во французских колониях, где проводилась официальная «политика ассимиляции», лаосец или тоголевец, получивший образование во французском университете, не принимался в местную французскую общину на равных правах с французами.

Потомство от смешанных браков стремится, естественно, к высшему из родительских статусов, а этно-культурные пограничные группы — к статусу более развитой, господствующей из этих групп. Встречая противодействие, они могут со временем либо замкнуться сами, либо подвергнуться сегрегации, создав особую этно-расовую общность, как, например, «цветные» ЮАР, либо, опираясь на исходную группу с более низким статусом, вернуть движение за полное равноправие всех групп. Конечно, реальная основа и размах борьбы за равноправие всех народов и расовых групп определяются объективными историческими условиями развития стран мира, реакцией самих трудящихся масс на социально-экономический гнет и никак не сводятся к ситуации и реакциям «пограничного человека», но все же нельзя игнорировать и значение подобной ситуации. Характерно, например, что в США, где мулаты официально считаются «неграми», значительную часть лидеров негритянского движения составляли именно мулаты. В странах Азии и Африки лидерами национально-освободительной борьбы были, как правило, люди, получившие «европейское» образование (Stonequist, 1935). После освобождения от колониальной зависимости стран тропической Африки именно такие пограничные этно-культурные группы с примкнувшими к ним детрайбализованными (т. е. от-

делившимися от племенных общностей) местными мигрантами города составляли этнические ядра новых формирующихся крупных этнических общностей.

Вопрос об основных сторонах и стадиях этнических процессов, завершающихся изменением этнического (национального) самосознания, разработан в научной литературе очень слабо. Это относится прежде всего к процессу этнического разделения, среди стадий которого отчетливо выступают лишь те, которые проявляются в территориальном или государственно-политическом отделении частей прежде единой этнической общности, и к процессу этнической консолидации, важной стадией которого является появление общего самоназвания для всех объединяющихся частей этнической общности. Название новой общности обычно берется по названию наиболее значительного из вошедших в нее этнических компонентов, как было, например, при сложении чехов и поляков, или по названию группы, проводившей такое объединение, как было, например, у болгар. Нередко оно возникало и по другим причинам: по названию области (украинцы), по имени правителя (узбеки) или названию государства, а иногда сознательно выбиралось уже сравнительно сложившимся народом. Так, племена «минусинских татар» — качинцы, кызыльцы, сагайцы и другие, консолидирующиеся в годы Советской власти в единый народ, приняли для своего обозначения название древних енисейских киргизов — «хакасы».

Стадии ассимиляционных процессов выступают несколько четче. К ним можно отнести прежде всего изменение прежнего языка, т. е. языковую ассимиляцию, утрату символов прежней этнической принадлежности в области материальной или духовной культуры (включая изменение религиозной принадлежности или переход в число атеистов), для иммигрантов — принятие гражданства новой страны обитания и др. Наибольшее внимания среди этих стадий, очевидно, заслуживает стадия *языковой ассимиляции*, которая, как уже отмечалось в предыдущем разделе, является необходимым условием полной этнической ассимиляции и к тому же часто фиксируется при массовых социально-этнических обследованиях и в переписях населения.

Перемена родного языка является важным и необходимым этапом изменения этнической принадлежности,

хотя интервал между тем и другим событием у разных народов может колебаться в очень широких пределах. Весьма показателен в этом отношении уже рассмотренный нами пример евреев, языковая ассимиляция которых во всех странах их расселения намного обогнала процесс их этнической ассимиляции; у многих других народов время завершения языковой ассимиляции приближается к завершению этнической ассимиляции.

Языковая ассимиляция подвержена воздействию многих из рассмотренных выше факторов этнических процессов. Сильное влияние на нее оказывает, в частности, территориальный отрыв людей от их этно-языковой базы. Одним из характерных исторических примеров является довольно быстрая языковая ассимиляция норманнов (главным образом выходцев из Дании и Южной Норвегии), которые в IX—X вв. осели во Франции, по обеим сторонам Сены в нижнем ее течении. Уже второй герцог Нормандии должен был искать учителя датского языка для своего сына вне Франции, так как никто из его приближенных не помнил этого языка, а к концу XI в. норманны окончательно забыли свой язык и говорили только на старофранцузском (Гуревич, 1966, стр. 110, 132).

Языковая ассимиляция идет тем быстрее, чем сильнее развито общение данной группы с ее окружением. Это связано с развитием несельскохозяйственных отраслей экономики, общего и специального образования, системы социальных развлечений и информации (радио, кино, пресса и т. п.). В случае слабых социальных коммуникаций и культурных различий ассимиляция идет очень медленно, растягиваясь на столетия. Такими медленными темпами шло слияние славянских поселенцев Пелопоннеса с греками в раннем средневековье, изменение египтянами своего прежнего коптского языка на арабский, занявшее почти пять столетий — с VII по XII в. (причем часть сохраняла язык до XVI в.); ассимиляция немцами вендов Саксонии растянулась с XIII до XVIII в. и т. д. (Deutsch, 1953, р. 94). Языковая и этническая ассимиляция русскими водско-ижорского населения пошла быстрыми темпами в XIX в. в связи с развитием массового отходничества из водских и ижорских деревень в русские деревни и города (Шлыгина, 1965). Скорость этого процесса несомненно связана с социальной мобильностью; чем выше социальное положение группы, тем она обычно

быстрее сменяет свой язык. Не повторяя примеров, относящихся к влиянию социально-экономических факторов, отметим, что такая скорость связана и с общим уровнем социально-культурного развития; так, прибывшие в 1937 г. в США группы немецких беженцев из нацистской Германии быстрее ассимилировались в языковом отношении, чем прибывшие ранее немецкие переселенцы из Венгрии и Румынии, имевшие более низкий образовательный ценз (Deutsch, 1953, р. 131). Лишь в сравнительно редких случаях частота межэтнических связей уменьшается с повышением уровня образования.

Многочисленные материалы о языковой ассимиляции иммигрантов нового времени говорят о том, что этот процесс разворачивается преимущественно со второго поколения иммигрантов; известны случаи, когда некоторые иммигранты первого поколения, как правило женщины, менее общающиеся с внешним миром, чем мужчины, доживали в основанных иммигрантами колониях до старости, зная лишь несколько слов на языке их новой страны обитания. Основными факторами языковой ассимиляции является новая этническая среда, школа с преподаванием на языке этой среды и средства информации (печать, радио и др.). Дети индийских иммигрантов в Великобритании, обучаясь в английских школах, быстро становятся двуязычными, причем родной язык употребляется только дома (Desai, 1963, р. 9). В США дети японских иммигрантов, общаясь с американскими детьми и учащая с ними в общих школах, легко овладевали английским языком, японский знали так слабо, что возникла необходимость учить их японскому языку; с этой целью устраивали дополнительные классы в школах (Boddy, 1921, р. 110).

При исследовании истории голландских поселенцев в США отмечено, что вначале в городах, а затем и в деревнях дети и внуки переселенцев стали забывать родной язык, несмотря на все попытки его сохранения. Во Фрисланде (штат Висконсин), где осели переселенцы из северо-западной части Нидерландов, к 1945 г. и в школе, и в церкви употреблялся только английский язык (Lucas, 1955, р. 589). По материалам американской статистики, всего среди людей старше 10 лет, рожденных за границей, общий процент не знающих английского языка уменьшился с 22,8 в 1910 г. до 6,6 в 1930 г.: (в действительности эти цифры должны быть выше, так как в число

Т а б л и ц а 1
Знание английского языка в 1930 г. людьми старше 10 лет,
родившимися за пределами США *

Страна происхождения	Общая численность рожденных за границей (в тыс.)	Число незнающих английского языка, в %	
		мужчины	женщины
Германия	1608,8	1,8	4,1
Италия	1790,4	8,9	25,1
Польша	1268,6	7,7	18,7
Россия	1153,6	3,7	9,3
Швеция	595,2	1,0	2,2
Чехословакия	491,6	5,9	15,9
Канада (Квебек)	370,9	4,4	13,3
Норвегия	347,9	1,2	3,8
Австрия	370,9	3,5	7,6
Венгрия	274,4	5,5	10,4
Дания	179,5	0,5	1,5
Франция	135,2	3,3	4,5
Югославия	211,4	5,6	15,1
Нидерланды	133,1	2,1	4,7
Швейцария	113,0	2,0	3,3
Финляндия	142,5	5,9	16,7
Греция	174,5	4,1	27,0
Румыния	146,4	3,9	9,0

* Таблица составлена по данным: M. Davie. World immigration. New York, 1936, p. 14.

рожденных за границей были включены и англоязычные иммигранты — англичане, шотландцы и ирландцы, табл. 1). Процент людей, не знающих английского языка, резко повышается среди женщин, а также среди пожилых и неграмотных. Это подтверждает уже отмеченную выше связь овладения языком с получением школьного образования в новой стране обитания.

Стремление к сохранению родного языка далеко не всегда зависит от его практического социально-культурного значения. Немецкие общины в штате Пенсильвания (США) в течение нескольких поколений сохраняли разговорный диалект, значительно отличающийся от литературного немецкого. Итальянские иммигранты в Нью-Хейвене во втором поколении еще сохраняли разговорные диалекты итальянского языка, но уже утратили

знание литературного итальянского языка, который на родине они учили в школе (Child, 1943, p. 24).

По данным на 1960 г., в США число людей с родным неанглийским языком составляло в первом поколении прибывших из-за рубежа 6,7 млн., их второе поколение (рожденное в США) дало некоторое увеличение — 8,4 млн., третье — резкое снижение — 2,8 млн., что свидетельствует о сильной языковой ассимиляции. Исключение составляют лишь люди с родным французским языком, в основном франкоканадцы, и испанским языком, в основном мексиканцы и пуэрториканцы; число тех и других возрастало за счет повышенной рождаемости, а их язык поддерживался более тесным общением с родиной (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Число людей в США с родным неанглийским языком
на 1960 г. (в тыс.) *

Язык	1-е поколение	2-е поколение	3-е поколение
Норвежский	140,8	141	40
Шведский	211,6	187	17
Голландский и фламандский	123,6	124	74
Немецкий	1278,8	1279	588
Идиш	503,6	422	39
Французский	330,2	330	383
Итальянский	1226,1	2300	147
Испанский	767,0	1278	1291
Польский	581,9	1516	87
Русский	276,8	166	18
Украинский	107,0	136	10
Словацкий	125,0	125	10
Греческий	173,0	107	12
Венгерский	213,1	175	16
Другие (датский, румынский, португальский, чешский, сербо-хорватский, словенский, литовский, финский, арабский)	618,7	582	75

* Таблица составлена по данным: J. A. Fishman. Language Loyalty in the United States. The Hague, 1966, p. 42.

Остановимся кратко на процессах языковой ассимиляции, протекающих в другой крупной стране иммигра-

Таблица 3
Интелли Бразилии,
предпочитающие пользоваться
родным языком на 1940 г. (в %) *

Страна выхода иммигрантов	Всего от об- щего числа	Среди детей (по стране отца)
Япония	84,7	66,3
Германия	52,7	49,5
Россия	52,8	46,0
Польша	47,8	43,0
Австрия	42,2	28,8
Испания	20,6	6,1
Италия	16,2	9,2

* Таблица составлена по данным: G. Mortaro. *Immigration to Brazil: some observations on the Linguistic Assimilation of Immigrants and their Descendants in Brazil*. «Cultural assimilation of immigrants», London, 1950.

ции — Бразилии, воспользовавшись главным образом материалами исследований, проведенных бразильским социологом и демографом Ж. Мортара.

По переписи 1940 г., бытование родного (не португальского) языка отмечено у 1567 тыс. человек (3,8% населения страны); основную массу их (1204 тыс.) составляли люди, рожденные в Бразилии, т. е. второе и последующие поколения иммигрантов. Табл. 3 показывает, что сопротивление языковой ассимиляции сильнее всего у японцев и немцев, слабее всего у испанцев и итальянцев, язык которых близок к португальскому.

Материалы по Бразилии подчеркивают еще раз отмеченную нами тесную связь темпов ассимиляции с характером расселения. Так, в бразильском штате Сан-Пауло, где иммигранты были распылены по кофейным плантациям, на 1940 г. итальянский язык бытовал у 12,9% всех иммигрантов, в штате Рио-Гранди-ду-Сул, где иммигранты образовывали этно-территориальные ячейки, — у 54,3%; соответствующие данные о немецких иммигрантах — 55,1 и 97,6%. Среди второго поколения итальянских и немецких иммигрантов в штате Сан-Пауло родные языки бытовали лишь у 2%, в штате Рио-Гранди-

ду-Сул они довольно широко использовались и в третьем поколении (Neiva, Diégues, 1959, p. 217, 220).

Большой интерес представляет сопоставление статистических материалов об этнической принадлежности и родном языке населения, имеющих по некоторым странам мира. Совпадение обоих показателей, как отмечал П. И. Кушнер, свидетельствует о том, «что этническая принадлежность той или другой группы населения (или того и другого лица) является в данный момент устойчивой», их несовпадение «свидетельствует о происходящем, но не завершеном этническом процессе, о том, что данная группа населения имеет неустойчивый этнический быт и что этот быт развивается в сторону дальнейших этнических изменений» (Кушнер, 1951, стр. 68—69). В советских переписях населения, программа которых включала учет обоих этих показателей, в связи с некоторой неопределенностью содержания вопроса о родном языке и тенденцией опрошенных отождествлять ответ на него с национальным происхождением, несовпадение этих показателей означало обычно полную языковую ассимиляцию, являющуюся предвестником завершения процесса этнической ассимиляции или консолидации.

Табл. 4 показывает, что за период с 1926 по 1959 г. у многих народов СССР наблюдается усиление процессов языковой ассимиляции, связанных главным образом с переходом отдельных групп населения нерусской национальности на русский язык; число людей, показавших его своим родным языком, превышало численность русских в 1926 г. на 6,5 млн., в 1959 г. — на 10 млн. человек. Особенно заметно усиление процессов языковой ассимиляции среди евреев, карел и мордвы, т. е. среди народов, отличающихся сильной территориальной рассредоточенностью. У ряда народов отмечено повышение процента людей с родным языком, что объясняется, в частности, развитием образования на родном языке в соответствующих республиках.

Женщины у некоторых народов оказались более подвержены языковой ассимиляции, чем мужчины, что мало согласуется с распространенным взглядом об этнической консервативности женщин; возможно, что это явление связано с более быстрой переменой женщинами родного языка в смешанных браках. Так или иначе это

Таблица 4

Соотношение показателей национальной принадлежности и родного языка (% людей, показавших своим родным языком язык своей национальности по переписям населения СССР 1926 и 1959 гг.)

Народы	1926 г.	1959 г.						
	всего	всего	мужчины	женщины	города	сельская местность	в своей республике	вне своей республики
Русские	99,7	99,9	99,8	99,8	99,9	99,8	100	99,3
Украинцы	87,1	87,7	86,4	88,8	77,2	94,5	93,5	51,2
Белорусы	71,9	84,2	82,0	86,1	63,5	94,2	93,2	41,9
Узбеки	99,1	98,4	98,4	98,5	96,7	98,9	98,6	97,4
Татары	98,9	92,1	91,0	92,9	97,5	96,1	98,9	89,3
Казахи	99,6	98,4	98,1	98,6	96,7	98,9	99,2	95,6
Азербайджанцы	93,8	97,6	97,5	97,7	96,4	98,2	98,1	95,1
Армяне	92,4	89,9	89,7	90,0	84,4	97,1	99,2	78,1
Грузины	96,5	98,6	98,6	98,7	96,8	99,7	99,5	73,4
Литовцы	46,9	97,8	91,1	97,9	96,6	98,4	99,2	80,3
Евреи	71,9	21,5	20,8	22,1	21,0	31,1	—	—
Молдаване	92,3	95,2	94,5	95,8	78,4	97,7	98,2	77,7
Немцы	94,9	75,0	72,2	77,4	66,3	80,6	—	—
Чуваши	98,7	90,8	88,6	92,5	71,2	95,6	97,5	83,2
Латыши	79,0	95,1	94,9	95,2	93,1	96,9	98,4	53,2
Таджики	98,3	98,1	98,0	98,2	96,4	98,6	99,3	94,6
Поляки	42,9	45,2	46,2	44,4	38,6	48,6	—	—
Мордва	94,0	78,1	75,8	79,9	52,2	88,8	97,3	70,9
Туркмены	97,3	98,0	98,8	99,0	97,3	99,4	99,5	92,0
Башкиры	53,8	61,9	61,6	62,1	73,3	59,1	57,6	75,1
Эстонцы	88,4	95,2	95,2	95,2	93,1	97,0	99,3	56,6
Киргизы	99,0	98,7	98,5	98,9	97,4	98,9	99,7	92,3
Народы Дагестана	...	96,2	95,5	96,8	90,3	97,6	98,6	87,9
Удмурты	98,9	89,1	86,8	90,8	69,7	94,7	93,2	75,9
Марийцы	99,3	95,1	93,4	96,4	75,8	97,7	97,8	91,6
Коми	96,5	88,7	87,5	89,6	74,3	93,4	93,8	60,9
Чеченцы	99,7	98,8	98,5	99,2	97,0	99,4	99,7	97,8
Осетины	97,9	89,1	87,8	90,4	82,0	93,0	98,0	73,1
Буряты	98,1	94,9	94,0	95,6	81,5	97,6	97,3	84,9
Якуты	99,7	97,5	97,4	97,6	90,7	98,9	98,2	82,8
Кабардинцы	99,3	97,9	97,5	98,2	90,8	99,1	99,2	79,2
Каракалпаки	87,5	95,0	95,1	94,9	96,8	94,6	...	...
Карелы	95,5	71,3	69,0	72,8	51,7	80,0	80,9	61,3
Цыгане	64,2	59,3	58,3	60,2	60,4	58,2	—	—
Народности Севера	...	75,3	75,1	75,3	53,6	77,8	—	—
Калмыки	99,3	91,0	89,2	92,7	83,8	93,2	98,2	79,6
Тувинцы	...	99,0	99,0	99,2	95,2	99,4	99,5	95,4

явление и отклонения от него еще ждут своего анализа. У подавляющего большинства народов языковая ассимиляция в городах протекает более интенсивно, чем в сельской местности. У народов, имеющих свои союзные или автономные республики, степень языковой ассимиляции внутри этих республик значительно меньше, чем за их пределами; по всей вероятности, различие в степени этнической ассимиляции выступило бы в этом случае еще более резко.

Почти все из отмеченных выше закономерностей прослеживаются и по статистическим материалам других стран, переписи которых учитывали национальную (этническую) принадлежность и родной язык населения. Языковой ассимиляции подвергаются, как правило, национальные меньшинства стран. К числу немногих исключений из этого правила относится Румыния, где по переписям населения 1930 и 1956 гг. численность румын по этнической принадлежности оказалась больше, чем по родному языку, главным образом за счет языковой ассимиляции части румын венграми, возможно также, что часть венгров называли себя румынами. Ясно, что языковая ассимиляция групп основного народа страны обычно не приводит к их этнической ассимиляции. Иногда численность национального меньшинства по родному языку резко превышает его численность по этнической принадлежности. По переписи населения Югославии 1953 г., например, было учтено по народности 37,4 тыс. влахов (аромунов), а по родному языку — 209,6 тыс.; по переписи населения СССР 1959 г., 10,5 тыс. человек называли своим родным языком талышский, не показав себя талышами по национальности, и т. д. Подобные случаи чаще всего свидетельствуют как о весьма неустойчивом этническом положении таких народов, так и об искусственном убыстрении процессов их этнической ассимиляции.

Кроме сопоставления данных о родном языке и национальной (этнической) принадлежности для анализа развития процессов этнической ассимиляции могут быть использованы и данные об этническом происхождении (по мужской линии), имеющиеся в переписях населения Канады. Табл. 5 достаточно наглядно показывает, что рост численности основных этнических меньшинств Канады по родному языку значительно отставал от роста их

Таблица 5

Соотношение данных о происхождении и родном языке
у населения Канады (в тыс. человек) *

Происхождение (по мужской линии) и язык	Численность по происхождению			Численность по родному языку		
	1851 г.	1961 г.	рост в %	1851 г.	1961 г.	рост (+) или убыль (-) в %
Британское (английский)	6617	7997	21	8281	10560	27
Французское	4319	5540	28	4069	5123	26
Немецкое	620	1050	70	329	564	68
Украинское	395	473	20	352	361	3
Итальянское	152	450	196	92	340	270
Голландское	119	430	261	88	170	93
Скандинавское (шведский и норвежский)	217	386	77	80	117	46
Польское	220	323	47	129	162	26
Индийское	156	208	33	144	166	15
Еврейское (идиш)	182	173	5	104	82	-27
Венгерское	60	126	110	42	86	109
Русское	91	119	31	39	43	10

* Таблица составлена по данным: «Demographic Yearbook, 1956», 1964.

численности по «происхождению», свидетельствуя тем самым об их языковой и этнической ассимиляции¹.

Анализ темпов степени влияния этнических процессов на динамику численности народов можно вести путем сопоставления изменений в численности того или иного народа (или отдельных групп его) за какой-то определенный период (обычно между двумя переписями населения): цифры, полученной по соотношению рождаемости и смертности, и цифры, полученной по непосредственным материалам статистического учета (по переписным данным). Разница между подсчитанным и действительным

¹ Следует отметить неполное совпадение данных о «происхождении» с этнической принадлежностью населения Канады; так, в число людей с «русским» происхождением попало значительное число пуданстов, католиков и лютеран, явно не принадлежащих к русским (см. Берзина, 1968).

Таблица 6

Динамика численности народов Поволжья
(по данным переписей 1926, 1939 и 1959 гг.)

Народ	Численность в тыс. человек и прирост (+) или убыль (-) в % по сравнению с предыдущим периодом				
	1926 г.	1939 г.	%	1959 г.	%
Мордва	1340,4	1456,3	+ 8,4	1285	-11,7
Марийцы	428,2	481,6	+12,5	504	+ 4,5
Удмурты	504,2	606,3	+20,3	625	+ 2,7
Чуваши	1117,4	1369,6	+22,7	1470	+ 7,2
Татары (и мишари)	3159,1	4313,5	+36,1	4968	+15,2
Русские (всего по СССР)	77791,1	99020,0 (100,4 млн.) *	+28,3	114114	+13,7
Всего население СССР	147027,9	170467,2 (190,3 млн.)	+16,0	208827	+ 9,5

* Цифры в скобках показывают численность на 1939 г. в современных границах СССР.

изменением численности народа, при отсутствии миграции, даст нам результат воздействия этнических процессов за исследуемый период времени.

К сожалению, такой путь анализа бывает возможен крайне редко из-за отмеченной выше скудности и отрывочности данных о естественном движении населения в этническом разрезе. Вместо него обычно приходится пользоваться косвенными путями и приближенными подсчетами, с широким использованием метода сопоставления прироста численности народов, близких друг к другу по характеру естественного движения населения. Целесообразно привести в качестве примера расчет влияния, которое оказали этнические, в данном случае ассимиляционные, процессы на численность мордовского населения СССР (см. табл. 6 и 7).

Случаи обрусения в прошлом отдельных территориальных групп мордвы (например, мордвы-терюхан) хорошо известны в историко-этнографической литературе. Материалы советских переписей населения показывают, что среди некоторых групп мордвы процессы

Таблица 7

Основные показатели естественного движения
населения Поволжья (в %) *

Народ и республика	1926 г.			1940 г.			1955 г.		
	рождаемость	смертность	естественный прирост	рождаемость	смертность	естественный прирост	рождаемость	смертность	естественный прирост
Мордва . . .	40,7	18,9	21,8	32,8	21,3	11,5	27,2	8,3	18,9
МАССР . . .									
Чуваши . . .	45,5	28,7	16,8	36,4	29,1	7,3	29,2	9,4	19,8
ЧАССР . . .									
Удмурты . . .	55,6	36,4	19,2	40,8	31,6	9,2	31,6	10,0	21,6
Уд. АССР . . .									
Татары . . .	53,1	24,5	23,8	37,1	26,4	10,7	29,2	9,1	20,1
ТАССР . . .									
Русские . . .	44,3	21,4	22,9	33,0	20,6	12,4	25,6	8,4	17,2
РСФСР . . .									

* Таблица составлена по данным: «Естественное движение населения СССР», М., 1929 (сведения относятся к Европейской части СССР); «Народное хозяйство Мордовской АССР». Саранск, 1958; «Народное хозяйство Чувашской АССР». Чебоксары, 1957; «Народное хозяйство Удмуртской АССР». Ижевск, 1957; «Народное хозяйство Татарской АССР». Казань, 1957; «Народное хозяйство РСФСР». М., 1957.

этнической ассимиляции развиваются и после Октябрьской революции, свидетельством чего является дальнейшая языковая ассимиляция мордвы и замедление темпов роста ее численности. По данным переписи 1926 г., из каждой 1000 человек, по-видимому, полностью утратили мордовский язык и считали своим родным языком русский 55 человек; по переписи 1959 г., число последних возросло до 215 человек.

На основании табл. 7 можно сделать вывод, что естественный прирост мордвы за период с 1926 по 1939 г. был примерно таким же, как и у соседних народов Поволжья, и даже несколько превышал прирост соседнего чувашского населения. Учитывая, что численность чувашей к 1939 г. (см. табл. 6) увеличилась на 22,7%, при неизбежных, хотя и незначительных в этот период, потерях чувашей от ассимиляционных процессов, можно

предположить, что численность мордвы к 1939 г. должна была также увеличиться не менее чем на 24%, и, таким образом, составить в 1939 г. свыше 1650 тыс. человек. Разница между этой цифрой и действительной численностью мордвы по переписи 1939 г. — 1456 тыс. человек, составившая, таким образом, около 200 тыс. человек, должна быть отнесена целиком за счет процессов естественной ассимиляции.

Анализ данных за период 1939—1959 гг., охвативший военные годы, представляет значительные трудности. Однако у нас нет достаточных оснований считать, что мордовское население за годы войны понесло относительно большие потери, чем, например, чувашей, численность которых к 1959 г. увеличилась на 7,2%, или татары, численность которых возросла на 15,2% (см. табл. 6); у нас нет также достаточных оснований считать, что рождаемость у мордвы в этот период была заметно ниже, а смертность выше, чем у чувашей, татар или, например, удмуртов и русских. Для примерного расчета можно и в данном случае основываться на динамике численности чувашского населения, однако следует учесть, что прирост численности чувашей в этот период несомненно замедлялся развитием среди некоторых групп их ассимиляционных процессов. Таким образом, вероятная цифра ожидаемого прироста численности мордвы с 1939 по 1959 г. составляет примерно 10%; если исходить из этой цифры, то численность мордвы к 1959 г. должна была быть свыше 1600 тыс. человек, а не 1285 тыс. человек, как показала перепись. Разница между этими цифрами — свыше 300 тыс. человек — также является следствием этнического слияния отдельных групп мордвы с русским населением.

Сравнение полученных результатов за период 1926—1939 и 1939—1959 гг. может быть произведено путем сопоставления коэффициентов ассимиляции по каждому периоду, полученных в результате деления цифры ассимиляционных потерь на среднюю численность мордвы и на число лет в каждом периоде. Исчисленные коэффициенты, равные соответственно 11,0% и 11,5% в год, говорят о том, что темпы ассимиляционных процессов оставались примерно одинаковыми.

Этнически смешанные браки

Кроме языковой ассимиляции особого внимания заслуживают смешанные в этническом отношении браки, являющиеся важной стороной и одним из мощных рычагов развития этнических процессов. Переводя этнические отношения в сферу семейных отношений, такие смешанные браки усиливают этнические контакты и обычно способствуют сближению между народами. Появление и учащение смешанных браков может свидетельствовать о развернувшемся процессе консолидации. Так, начавшиеся в 1930-х годах смешанные браки между туркменами и туркменками, принадлежащими к различным племенным группам (теке, помуды и др.), обусловлены развернувшимся процессом консолидации туркменской нации, когда племенное самосознание стало отступать на второй план перед общенациональным (Анаклычев, 1964).

Воздействие смешанных браков на ассимиляционные процессы более разнообразно. В многонациональных странах смешанные браки между представителями коренных народов ломают прежний этнический быт по крайней мере одного из супругов и, хотя редко кончаются его полной ассимиляцией, ведут к взаимопроникновению языка и культуры, подготавливая почву для развития этого процесса; то же самое наблюдается и в странах иммиграции при смешанных браках как между людьми, принадлежащими к различным в этническом отношении группам иммигрантов, так и между этими иммигрантами и людьми, принадлежащими к основному народу (или народам) страны их оседания. Потомство от смешанных браков, попадая в уже рассмотренную выше ситуацию «пограничного человека», в конечном итоге так или иначе определяется в этническом отношении. В многонациональных странах дети обычно выбирают между этнической общностью отца и этнической общностью матери, прерывая тем самым этническую линию одного из родителей. Предпочтение в большинстве случаев отдается этнической принадлежности отца; отступление от этой традиции бывает связано с фактическим равноправием родителей и особенно с более высоким социально-культурным статусом матери и с нахождением семьи в ее коренной этнической среде. По наблюдениям наших исследователей дети от браков нерусских мужчин с русскими женщинами в пределах РСФСР и даже в некоторых других союзных республиках, осо-

бенно в городах, где преобладает русское население, чаще всего причисляют себя к русским. Еще более часто такие случаи встречаются в странах иммиграции в случае брака иммигранта с женщиной основного народа страны.

Одна из существенных сторон воздействия смешанных браков на процессы ассимиляции иммигрантов заключается в облегчении пути получения ими подданства новой страны обитания; по законодательству многих стран мира женщина-иностранка, вступая в брак с гражданином такой страны, получает новое подданство автоматически («Convention on...», 1962).

В первой главе данной работы, определяя понятие этнической общности, мы отмечали, что представление об общности происхождения, играющее существенную роль в формировании этнического самосознания, опирается на повсеместно распространенную тенденцию к заключению браков внутри своей общности. Такая тенденция, ведущая свое начало от эндогамии первобытных племен, прослеживается даже в небольших группах иммигрантов, что объясняется не только общностью их языка, элементов культуры и быта, эстетических представлений и т. п., но часто и желанием сохранить таким образом свою этническую самобытность. Эта тенденция обычно подкрепляется религиозным осуждением смешанных браков, а иногда и законодательством. Ограничиваясь некоторыми примерами, отметим, что еще в ряде древнегреческих государств, в частности в Афинах при Перикле (V в. до н. э.), были приняты законы, запрещающие браки греков и «варваров». Во время английского господства в завоеванной Ирландии существовал закон, запрещающий английским чиновникам вступать в брак с ирландками (Shibutani..., 1965, p. 220, 333). В XIX—XX вв. особую нетерпимость к смешанным в этническом (и расовом) отношении бракам проявили различные националистические организации, борющиеся за «чистоту крови» и «национальную самобытность» того или иного народа. Свою крайнюю форму эта борьба нашла в фашистской Италии и особенно в гитлеровской Германии, где браки с представителями «неарийских» народов сурово осуждались. Подобная политика практикуется в некоторых странах и в настоящее время; на примерах такой расовой сегрегации в ЮАР, США и других странах мы остановимся ниже.

На первое место среди факторов, определяющих смешанные браки, следует поставить диспропорцию полового состава той или иной этнической (или этно-расовой) группы. Подобная диспропорция характерна для многих групп мигрантов как из страны в страну, так и из одного района многонациональной страны в другой или из сельской местности в города. Выше уже отмечалось, что обычно среди мигрантов преобладают мужчины, которые, осев на новом месте, зачастую вынуждены вступать в брачные отношения с женщинами из местного инонационального окружения. За этим естественным фактором идут почти все рассмотренные нами факторы, оказывающие влияние на развитие этнических процессов: территориальная смешанность, общность религии, близость языка и культуры, социальная мобильность, этно-расовые предубеждения и др. Так, территориальное взаимопроникновение народов или отдельных групп их не только способствует знакомству и развитию личных контактов в быту, на производстве, в учебных заведениях и т.п., но и облегчает вступление людей в этнические смешанные браки, так как избавляет их от необходимости весьма болезненного отрыва от родной среды. Число этнически смешанных браков в городах поэтому значительно выше, чем в сельской местности, где больше возможностей для существования изолированных этно-территориальных ячеек. Известны случаи, когда национальности долго живут даже в одном селении, не смешиваясь друг с другом; это отмечено, в частности, в смешанных монголо-китайских деревнях Северного Китая (E-Tu Zen Sun, 1952).

Этническое определение детей от смешанных браков сильно осложняется в случае отрыва обоих супругов от их коренных этнических баз и нахождения их в инонациональной среде. Подобная ситуация может довольно часто встречаться и в многонациональных странах, в связи с межрайонными миграциями населения (например, в СССР браки между представителями коренных народов Европейской части страны, переселившимися на Дальний Восток), но особенно она характерна для браков между иммигрантами. Удлиняя в целом период этнической неопределенности, т. е. состояние «пограничного человека», данная ситуация, как правило, имеет тенденцию разрешиться путем включения потомства от смешанных браков в новую этническую среду их обитания, если только

этому не препятствуют предубеждения или административные установки, в частности паспортная система, ограничивающая выбор национальности.

Положение еще больше осложняется в случае браков между людьми, резко различающимися не только по языку, культуре и быту, но и по расовым признакам, а также по связанному с этими различиями социальному статусу. Потомство от таких браков может, как уже отмечалось выше, даже подвергнуться сегрегации и образовать особую этно-расовую общность. Характерным примером в этом отношении является смешение европейцев с коренным населением стран Азии, Африки и Австралии.

В Индии в ранний период европейской экспансии дети от смешанных браков португальцев, французов и англичан (главным образом офицеров и чиновников) с индианками занимали сравнительно высокое положение, играя роль посредников в социально-экономических контактах с местным населением и пополняя ряды колониальных армий; Ост-Индская компания даже поощряла такие браки. Но с упрочением английского колониального господства и связей с метрополией такие браки стали считаться нежелательными, подрывающими престиж англичан, а дети от таких браков исключались из местного английского общества. Так как индусы всегда ставили такое потомство вне каст и исключали его из своего общества, то оно осталось на положении особой этно-расовой группы «евроазиатов», пользующейся английским языком и по виду своих занятий стоящей на уровне низших слоев английских общин. С ростом национально-освободительного движения и особенно после получения Индией независимости положение этой группы англо-индийцев (на 1950 г. около 200 тыс. человек) стало очень сложным (Stonequist, 1961, p. 12—13). Аналогичный характер имело и смешение голландцев с яванками в Индонезии. После достижения Индонезией независимости значительная часть потомства от таких смешанных браков, отвергнутая индонезийским обществом, переселилась в Нидерланды. Показательно, что неодобрительное отношение индийцев к смешению с европейцами сохраняется до сих пор даже вне Индии. Среди индийских иммигрантов в Великобритании смешанные браки осуждаются и заключившие их обычно изгоняются из созданных иммигрантских объединений религиозно-земляческого типа.

Даже случайные половые связи индийцев с белыми женщинами сравнительно редки в отличие, например, от связей с ними негров Вест-Индии (Desai, 1963, p. 124).

В Австралии насчитывается свыше 30 тыс. так называемых цветных — происшедших от брачных связей европейцев с коренными австралийками; эти «цветные» отвергаются австралийскими родами и племенами (при рождении ребенка от европейца в условиях родо-племенного быта его, как правило, умерщвляли) и обычно не принимаются англо-австралийским обществом. «Цветные» остаются на положении своеобразного этно-расового англоязычного меньшинства, близкого в культурно-бытовом отношении к низшим слоям «белого» общества (Bell, 1965, p. 60—65). Сегрегация потомства от смешанных в этно-расовом отношении браков встречается и в других странах мира; самая крупная в мире из таких сегрегированных групп (так называемые цветные — «coloured») находится в Южной Африке.

«Цветные» Южной Африки (1,5 млн. человек, живущих главным образом в Капской провинции ЮАР) образовались в результате смешения европейцев, в основном буров, в начальный период их колонизационной деятельности с коренными обитателями этой области — готтентотами, в меньшей степени — с бушменками и банту, а также с рабынями, вывезенными с Мадагаскара. Быстрое сокращение числа таких браков с конца XVIII в., а внебрачных связей во второй половине XIX в., и начавшаяся в XX в. расовая сегрегация привели к тому, что «цветные» ЮАР обособились в этно-расовую общность, близкую по культуре к «белому» населению; подавляющее большинство «цветных» говорит на языке «африкаанс», значительная часть (свыше 40%) знает и английский язык (Андрианов, 1964, стр. 157). По имеющимся данным, за 1925—1936 гг. лишь небольшая часть «цветных» (менее 5%) вступила в брак вне своей этно-расовой общности, главным образом с банту (Sonhabend, 1949, p. 10—11); в последующие годы в связи с усилением расовой дискриминации и развернувшейся политикой апартеида случаи смешанных браков «цветных» стали еще более редкими, и обособление «цветных» от других типов населения ЮАР возросло.

Массовые процессы этно-расового брачного смешения развернулись в странах Америки между европейскими

поселенцами, коренным индейским населением и ввезенными из Африки рабами-неграми. В ходе этих процессов статус детей от смешанных браков по разным странам и в разные периоды времени сильно варьировал. Так, в начальный период европейской эмиграции в страны Америки нехватка женщин среди европейцев вынуждала их не только вступать в брачные отношения с местными женщинами, но и признавать законными и полноправными наследниками хотя бы некоторых из детей от таких браков. В Канаде и США в начальный период колонизации этих стран сравнительно легко принимались браки между европейскими поселенцами и индейками, особенно после распространения среди индейцев христианства; позже такие браки стали встречаться с осуждением. Браки с негритянками были очень редки; в то же время на юге США сожительство с рабынями-негритянками было обычным явлением, причем дети в таких случаях, хотя и считались «неграми», нередко получали статус свободных, что в социальном отношении несколько обособляло их от остальных мулатов-рабов. В 1850 г. среди рабов насчитывалось лишь 5% мулатов, среди свободных «негров» — 40% (Frazier, 1957, p. 249). Несмотря на проведенное впоследствии осуждение всех рабов-негров, браки между белыми и неграми (в число которых включаются и мулаты) во многих штатах до сих пор запрещены законом, а в остальных штатах встречаются с большим осуждением со стороны окружающих и поэтому редки. Продолжающаяся дискриминация и сегрегация по цвету кожи приводит, в частности, к тому, что многие светлые мулаты стараются уехать в места, где их не знают, и там жить, выдавая себя за белых. Считается, что в результате этого процесса (так называемого «перехода» — «passing») в США к «белым» ежегодно переходит 30—50 тыс. светлых мулатов и что среди «белых» уже насчитывается 5—8 млн. людей с негритянской кровью (Berry, 1951, p. 426—430).

Если в Северной Америке этно-расовое смешение было сравнительно слабым и не затронуло само существование контактировавших групп, хотя и оказало влияние на их численность (увеличение числа «негров» и «белых» за счет мулатов), то во многих странах Центральной и Южной Америки оно приняло более широкий размах и привело к слиянию контактировавших групп в новые

этнические общности. В странах с довольно густым индейским населением (Мексика, Перу и др.) основу таких общностей составили метисы — потомки от связей европейцев (испанцев) с индейками; в странах, где индейское население было редким (Бразилия) или подверглось истреблению (Гаити, Ямайка и другие острова Карибского моря), видную роль в этом отношении играли мулаты.

Этно-расовому смешению в странах Латинской Америки способствовало то, что колонизация их испанцами и португальцами развернулась раньше колонизации Северной Америки и, в отличие от сравнительно замкнутой жизни первых земледельческих колоний Северной Америки, сопровождалась широким использованием труда индейцев, а затем и негров. В то время здесь сильнее чувствовалась нехватка европейских женщин, а увеличение их числа из-за слабых транспортных связей с Европой шло медленнее, чем в Северной Америке. Существенное значение имело и то обстоятельство, что переселенцы, особенно выходцы из южных областей Испании и Португалии, на родине уже имели контакты с коренными жителями Африки (маврами) и поэтому были менее склонны к расовым предубеждениям, чем выходцы из Англии. Широко практиковалась полигамия; так, первые испанцы, проникшие на территорию современного Парагвая, имели по 5—10 и более жен; в 1570-х годах в Асунсьоне и смежных поселениях насчитывалось не более 300 испанцев (главным образом пожилого возраста) и до 10 тыс. метисов, а чисто индейское население почти исчезло (Service, 1954, p. 31, 54).

В Бразилии первый этап этно-расового смешения португальцев с индейцами, продолжавшийся около 100 лет, не принял широкого размаха и сменился более сильным смешением с неграми. Многие португальцы заводили по несколько негритянских рабынь-наложниц, а богатые плантаторы нередко имели настоящие негритянские гаремы. Встречались и официально заключенные браки с негритянками. И так как потомство от таких связей обычно оказывалось в лучшем положении, чем дети рабов-негров, то численность мулатов быстро возрастала. Уже на 1819 г. в Бразилии насчитывалось около 630 тыс. метисного населения (главным образом мулатов), что составляло свыше 20% общей численности жителей

страны (Pierson, 1942, p. 118). Этно-расовое смешение, облегченное отсутствием расовой сегрегации, продолжалось и в последующие десятилетия, усилившись после отмены в 1888 г. рабства; по данным бразильского ученого Роша Помба, к 1910 г. 60% населения страны фактически являлось метисами (Народы Америки, II, стр. 491). Путем продолжающихся браков с «белыми» (главным образом с низшими социальными слоями местного населения и иммигрантов) и с неграми, стремящимися путем «побеления» поднять социальный статус детей, метисное население как бы размывало контактирующие этно-расовые группы, способствуя слиянию их в единый народ.

Не останавливаясь на характеристике процессов этно-расового смешения в других странах Латинской Америки, имевших много общего с уже рассмотренными случаями, отметим, что всюду, где в результате такого смешения возникли новые, в своей основе метисные народы, граница между этими народами и коренным индейским населением стала очень распылчатой. Она представляет собой гамму переходов как в антропологическом, так и в языково-культурном отношении, причем прежнее значение антропологических различий для этнических процессов отошло здесь на задний план. Сильно ослабло и этно-определяющее значение языка в связи с ростом двуязычия. В Перу, по переписи 1940 г., среди людей старше 5 лет насчитывалось 1,8 млн. говорящих на индейских языках, 2,2 млн. — на испанском и около 0,9 млн. — двуязычных; многие «белые» и метисы (так называемые «ладино»), живя среди индейцев, говорят преимущественно по-индейски, а индейцы в районах преобладания «белых» и «ладино» — по-испански. Индеец, переселившийся в город, изменивший одежду и быт, считается метисом; дети от внебрачных связей метисов и индейцев — индейцами, от законных — метисами и т. д. Примерно то же наблюдается в Мексике и других странах (Tschopik, 1952, p. 262—263).

Следует уделить внимание и Гавайским островам, нередко называемым «лабораторией по исследованию этно-расовых контактов»; это название они получили не только за бурно протекающие там процессы этно-расовых смешений, но и за налаженный статистический учет таких смешений; неслучайно, что именно там в 1954 г. состоялась Международная конференция по расовым от-

Динамика этно-расового состава Гавайских островов
и смешанных браков *

Основные группы	тыс. человек			% браков вне своей группы			
	1853 г.	1900 г.	1950 г.		1912— 1916 гг.	1930— 1940 гг.	1950— 1953 гг.
Гавайцы	70,0	29,8	12,2	муж. жен.	19,4 39,9	55,2 62,7	76,7 78,0
«Смешанные» гавайцы	1,0	9,9	73,8	муж. жен.	52,4 66,2	41,0 57,9	39,6 58,0
Европейцы («кава- зонды»)	1,7	26,8	114,8	муж. жен.	17,3 11,7	22,4 10,7	35,6 14,7
Китайцы	0,4	16,8	32,4	муж. жен.	41,7 5,7	28,0 28,5	41,0 42,5
Японцы	—	61,4	184,6	муж. жен.	0,5 0,2	4,3 4,6	7,4 17,6
Филиппинцы	—	—	61,1	муж. жен.	21,8 2,8	37,5 4,0	42,0 30,0
Другие	0,1	0,9	20,9	—	—	—	—
Всего:	73,2	154,3	499,8				

* Таблица составлена по данным: A. W. Lind. *Hawaii's People*. Honolulu, 1955, p. 104.

ношениям. Европейцы стали вступать в брачные отношения с гавайскими женщинами сразу же после своего прибытия на острова, этому способствовало благосклонное отношение к ним со стороны гавайских королей (некоторые европейцы, поступив на службу к королям, получали даже титулы вождей), довольно свободная брачная система гавайцев, нехватка европейских женщин, а также большая отдаленность от родины, подрывавшая расовые предрассудки даже у англосаксов. В 1853 г. из 577 европейцев, состоящих в браке, 419 было женато на гавайках (Adams, 1937, p. 76). Расовая терпимость и в целом доброжелательное отношение к смешанным бракам сохранились и в дальнейшем, когда население острова стало увеличиваться за счет новых переселенцев не только из Европы (и США), но и из стран Азии: китайцев, японцев и филиппинцев. В результате смешения численность «чистых» гавайцев уменьшилась за 100 лет — с 1853 по 1950 г. — на 58 тыс. человек при увеличении числа смешанных гавайцев почти на 73 тыс. (табл. 8).

Табл. 8 не отражает истинного положения вещей, так как значительная часть европейцев, китайцев, японцев и филиппинцев имеет смешанное происхождение. Все же она наглядно показывает быстрый рост в XX в. численности смешанных гавайцев, являвшихся в культурном и других отношениях как бы связующим звеном между остальными этно-расовыми группами населения Гавайских островов. Брачная статистика свидетельствует о том, что как европейцы, так и азиаты, по крайней мере в XX в., были более склонны вступать в брачные отношения со смешанными, а не с чистыми гавайцами; на 1930 г. среди смешанных гавайцев было около 55% европо-гавайского и свыше 40% азиато-гавайского происхождения (Adams, 1937, p. 13). С другой стороны, гавайцы также охотнее вступали в брак со смешанной группой. Обращает на себя внимание сравнительно высокий процент смешанных браков среди китайцев, особенно участие их среди китайцев по мере выравнивания полового состава китайской группы (Glick, 1942, p. 67, 78). Сравнительно высокий процент смешанных браков японцев объясняется главным образом их браками с филиппинцами, среди которых была большая нехватка женщин; сравнительно низкий процент смешанных браков европейских женщин — их малочисленностью и обычно более

высоким социальным статусом по сравнению с женщинами других групп.

Из стран иммиграции остановимся подробнее на Австралии. Здесь, по переписи 1921 г., среди 22,4 тыс. немцев, родившихся в Германии, было 63% мужчин; из этой группы 66,2% всех немцев, состоящих в браке, имело жену англоязычную австралийку, 31,3% — немку; среди уроженцев самой Австралии насчитывалось 36,6 тыс. человек, оба родителя которых — уроженцы Германии, 45,6 тыс. — отцы которых родились в Германии, и 15,6 тыс. — матери которых родились в Германии. Из 14,0 тыс. скандинавов, родившихся вне Австралии, было всего 17% женщин; 84,3% женатых скандинавов имели жену австралийку, 14,5% — скандинавку; кроме того, среди уроженцев Австралии было 4,4 тыс. человек,

оба родителя которых родились в Скандинавии, а также 32,1 тыс. чел., отцы и 5,3 тыс. матери которых родились в Скандинавии. Приведем также сведения по смешанным бракам французов и итальянцев. Из 3,3 тыс. французских иммигрантов, несмотря на повышенный процент женщин (42,6%), 74,5% всех французов вступили в брак с австралийками и лишь 18,5% — с французженками; среди 8,1 тыс. итальянских иммигрантов было 22,5% женщин, но у женатых итальянцев в 52,0% была жена итальянка и в 44,2% — австралийка (Lyng, 1935, p. 230, 236).

Таким образом, большинство иммигрантов женилось на женщинах вне своей этнической группы; исключением из приведенных выше примеров являются лишь итальянцы, которые, несмотря на большую нехватку женщин в их группе, вступали в брак преимущественно с итальянками. Это может быть объяснено более компактным расселением итальянцев (главным образом в «сахарном поясе» Квинсленда) и, возможно, их религиозным отличием от окружающего населения, что заставляло их даже ездить за невестами в Италию.

Женщины-иммигрантки, сравнительно малочисленные, в отличие от мужчин, выходят замуж преимущественно за мужчин своей национальности. Так, греки (в 1921 г. — 3,6 тыс., из них женщин — 0,4 тыс.) за период 1921—1930 гг. в 50% случаев женились на гречанках, что соответствовало 91% всех браков гречанок, в 1931—1940 гг. эти цифры составили соответственно 44 и 87% (Borrie, 1954, p. 45).

Число межэтнических браков возрастало по мере территориального рассредоточения иммигрантов. Это хорошо видно на примере немцев, которые вначале концентрировались главным образом в Южной Австралии, образовав там ряд групповых поселений, а затем распространились в другие штаты, что привело к усилению их брачных связей с другими этническими группами (табл. 9). Совершенно ясно, что при таком количестве смешанных браков численность немецкой группы в Австралии должна резко снизиться уже во втором поколении. Впрочем, то же самое относится и ко многим другим группам иммигрантов.

Приводим также табл. 10, показывающую распространение смешанных браков в 1941—1960 гг. и их вид-

Таблица 9

Браки уроженцев Германии с другими этническими группами Австралии (в % от общего числа браков) *

Происхождение супругов	Южная Австралия		Всего по Австралии		
	1842—1856 гг.	1863—1867 гг.	1908—1920 гг.	1921—1930 гг.	1931—1940 гг.
Мужчины, родившиеся в Германии	11,4	21,7	86,6	81,7	85,1
Женщины, родившиеся в Германии	5,9	9,2	62,3	60,2	64,1

* Таблица составлена по данным: W. D. Borrie. *Italians and Germans in Australia. A study of Assimilation*. Melbourne, 1954.

Таблица 10

Смешанные браки населения Австралии 1941—1960 гг. *

Страна рождения жениха	Численность в тыс. чел.	Основные группы невест (в %)	
		той же страны	других стран
Австралия	863,8	95,5	Англия — 2,2; Шотландия — 0,6; Ирландия — 0,2
Новая Зеландия	5,7	6,6	Австралия — 84,0; Англия — 5,7; Шотландия — 0,4
Англия и Уэльс	44,8	16,0	Австралия — 76,5; Шотландия — 2,3; Новая Зеландия — 1,0
Шотландия	11,7	14,2	Австралия — 75,8; Англия — 9,0; Ирландия — 1,0
Ирландия	5,5	13,8	Австралия — 73,2; Англия — 7,5; Шотландия — 2,3
Италия	23,2	66,0	Австралия — 26,2; Югославия — 1,5; Англия — 1,1
Греция	12,6	84,5	Австралия — 11,4; ОАР — 0,8; Кипр — 0,2
Польша	8,6	40,2	Австралия — 30,4; ГДР, ФРГ — 6,9; Англия — 3,6
Нидерланды	7,7	42,4	Австралия — 44,4; Англия — 4,3; ГДР, ФРГ — 1,6
Германия	7,7	40,0	Австралия — 39,1; Англия — 4,1; Австрия — 2,1

* Таблица составлена по данным: C. A. Price, J. Zubrzycki. *Immigrant's marriage pattern in Australia*. «Population Studies», v. XVI, № 2, 1962.

Таблица 11

Межнациональные браки в Нью-Хейвине *

Национальность	% смешанных браков		
	1870 г.	1900 г.	1940 г.
Коренные американцы . .	8	28	45
Евреи	0	1	5
Ирландцы	7	25	55
Немцы	13	45	73
Скандинавы	60	...	82
Итальянцы	...	2	18
Поляки	...	0	47
В среднем	91	24	36

* Таблица составлена по данным: G. Simpson. People in Families. New York, 1960, p. 133.

ную роль в ассимиляции иммигрантов основной национальностью страны.

Материалы по этнически смешанным бракам в США в последние десятилетия довольно фрагментарны, но в целом подтверждают сделанные нами выводы. Приводимая табл. 11 показывает постепенное учащение таких браков.

В Род-Айленде (штат Нью-Йорк) смешанные браки у первого поколения иммигрантов составляли 9,6%, у второго — 20,9%, у третьего — 40,4% всех браков; выше всего этот процент был у англичан, постепенно понижаясь у ирландцев, франкоканадцев, славян, итальянцев и ниже всего был у евреев (Berry, 1951, p. 226). По проведенному перед второй мировой войной обследованию 70 тыс. браков в штате Нью-Йорк было установлено, что 49% из них были этнически смешанными (Bossard, 1939).

Массовый статистический материал по этнически смешанным бракам в Канаде содержала лишь перепись населения 1931 г. Согласно ее данным, доля таких браков среди основных этнических групп населения (выше

Этнически смешанные браки населения Канады на 1931 г.*

Происхождение мужей	Происхождение жен в % к числу браков
Еврейское	Еврейское — 96,8; английское — 0,3; ирландское — 0,4
Французское	Французское — 95,0; английское — 1,7; ирландское — 1,5
Индийское	Индийское — 94,8; французское — 2,1; английское — 1,5
Венгерское	Венгерское — 90,7; немецкое — 2,8; английское — 0,9
Украинское	Украинское — 90,6; польское — 5,5; румынское — 0,6
Польское	Польское — 78,6; украинское — 10,7; немецкое — 1,9
Итальянское	Итальянское — 78,0; французское — 8,2; английское — 8,0
Английское	Английское — 69,9; шотландское — 11,8; ирландское — 8,7
Голландское	Голландское — 53,3; английское — 17,4; шотландское — 9,6
Шотландское	Шотландское — 45,0; английское — 28,5; ирландское — 14,9
Ирландское	Ирландское — 43,3; английское — 23,8; шотландское — 16,7

* По данным: «Canada Year Book», 1940, p. 146

100 тыс. человек каждая) колебалась от 3,2% у евреев до 56,7%, у ирландцев.

Более мелкие этнические группы не нарушали общей картины: лишь одна из них — японцы — по числу этнически однородных браков превосходила евреев (соответственно 99,3 и 96,8%) и лишь три — шведы, валлийцы (уэльсцы) и болгары — имели несколько больший процент смешанных браков, чем ирландцы. Основное число смешанных браков приходилось на браки с женщинами крупнейших народов страны — англоканадками и франкоканадками.

Табл. 12, характеризующая этнически смешанные браки среди населения такой многонациональной страны, как Югославия, показывает видную роль в этих браках крупнейшего ее народа — сербов. Сравнительно низкий процент таких браков у «мусульман» (боснийцев) объясняется их религиозным отличием от окружающего христианского населения, у словенцев — компактностью их расселения. Повышенный процент смешанных браков

Таблица 12

Национально смешанные браки населения Югославии
на 1963 г.*

Национальность женихов	Числ. в тыс.	Национальность невесты (в %)	
		та же, что у жениха	другая
Сербы	68,4	88,7	хорватки — 5,9; венгерки — 0,1
Хорваты	35,0	88,3	сербки — 6,2; словенки — 2,2
Словенцы	13,8	94,7	хорватки — 3,3; сербки — 0,1
Македонцы	8,9	89,0	сербки — 7,5; хорватки — 1,8
Черногорцы	4,6	66,7	сербки — 21,4; хорватки — 6,2
«Мусульмане»	8,5	95,7	сербки — 1,9; хорватки — 1,0
«Югославы неопределенные»	3,1	79,6	сербки — 6,0; хорватки — 5,9
Албанцы	7,4	88,4	сербки — 2,7; «югославы неопределенные» — 2,0
Венгры	4,2	79,8	сербки — 9,1; хорватки — 8,1

* Таблица составлена по данным: «Demografska statistika», Beograd, 1963

у черногорцев связан с массовым послевоенным переселением их в северную часть Сербии (Воеводину). Особенно часты подобные браки у национальных меньшинств — русинов (украинцев), 27% которых женилось на сербках и 20% — на хорватках, и у болгар (25% — на сербках, 7,3% — на македонках).

В России до революции смешанные браки были редки, что объясняется сравнительно слабой подвижностью населения, консервативностью традиционного быта и другими причинами. В Европейской России среди заключенных этнически смешанных браков преобладали браки русских с украинцами, встречались также браки с представителями финноязычных народов — карелами, мордвой и другими, чему способствовала проведенная в XVI—XVIII вв. христианизация этих народов и сильное территориальное смешение их с русскими. Браки с иноверцами были чрезвычайно редки. В Средней Азии в связи с не-

завершенностью процессов национальной консолидации еще бытовали традиции племенной эндогамии, препятствовавшие бракам не только между единоверческими народами (например, между казахами и узбеками), но иногда и между племенными подразделениями одного и того же народа (например, у туркмен); девушку, вышедшую замуж за иноверца, нередко ждала смерть (Абрамзон, 1962). То же самое наблюдалось и в некоторых районах Кавказа, населенных народами, исповедующими ислам. Сравнительно часто встречались смешанные браки лишь в Сибири, где русские поселенцы с первых этапов освоения этого края брали себе в жены буряток, якуток, ительменов и других аборигенов, что привело к возникновению своеобразных метисных групп.

Табл. 13 показывает, что уже в первое десятилетие после Октябрьской революции число этнически смешанных браков стало расти. Повышенный процент таких браков у нерусских мужчин по сравнению с женщинами тех же национальностей объясняется миграцией первых в города, где значительная часть их вступала в брак с русскими женщинами. Так, из числа всех украинских мужчин, вступивших в брак в 1926 г. на территории Европейской части РСФСР, взяли в жены русских женщин в городах 39,6%, в селах — 9,0%; у чувашских мужчин это составило соответственно 57,7 и 17,6%, у мордовских — 57,6 и 5,3%, у марийских — 80,0 и 2,8%, а у татарских и башкирских — лишь 12,2 и 1,0% («Естественное движение...», 1929). Обращает на себя внимание высокий процент этнически смешанных браков у поляков и латышей, а также повышенный процент их у евреев в РСФСР, где они жили преимущественно в крупных городах в отличие от их браков в УССР и БССР, где значительное число евреев жило в небольших городах и местечках.

Влияние особенностей расселения, сочетающихся, конечно, с социально-экономическими факторами, хорошо проступает при сопоставлении показателя смешанных браков русских, украинцев, белорусов и других народов по отдельным республикам.

Имеющиеся материалы по отдельным районам СССР на последующие периоды говорят о дальнейшем учащении этнически смешанных браков, особенно в городах и в местах чересполосного расселения народов (например,

Таблица 13

Смешанные браки в Европейской части СССР (в %) *

Районы и народы	Мужчины		Женщинам	
	1925 г.	1927 г.	1925 г.	1927 г.
Европейская часть РСФСР				
Русские	0,9	1,6	1,5	2,5
Украинцы	10,1	14,3	6,8	12,7
Белорусы	13,8	48,8	6,6	34,5
Татары	2,1	4,8	0,2	2,2
Чуваши	2,7	4,2	0,1	1,7
Башкиры	2,1	12,6	1,8	11,7
Мордва	5,3	7,2	2,0	4,5
Немцы	15,3	14,1	7,5	11,4
Евреи	18,8	27,2	11,4	19,8
Удмурты	4,4	8,8	1,8	2,2
Марийцы	2,5	8,0	—	2,4
Карелы	7,3	6,5	10,2	10,9
Коми-зыряне	2,5	3,2	5,6	4,5
Коми-пермяки	6,1	5,6	0,2	5,2
Армяне	32,9	39,6	37,5	17,1
Поляки	80,6	85,6	78,8	83,0
Калмыки	1,5	1,2	—	0,2
Латыши	70,8	73,8	44,0	55,6
УССР				
Украинцы	3,1	3,4	4,8	4,6
Русские	38,8	30,9	30,3	25,7
Евреи	4,2	5,0	4,7	5,5
Поляки	39,2	30,7	42,5	34,8
Молдаване	20,7	17,5	16,0	14,4
Греки	20,6	16,9	17,5	22,7
Болгары	17,3	17,3	10,4	10,1
БССР				
Белорусы	2,0	2,7	4,2	4,9
Евреи	1,8	2,0	3,7	5,0
Русские	65,6	47,3	38,2	20,7
Поляки	18,2	36,2	38,6	45,2
Украинцы	83,0	80,3	60,0	63,0
Латыши	57,5	65,2	36,4	47,5

* Таблица составлена по данным: «Национальная политика ВКП(б) в цифрах». М., 1930, стр. 41.

на целинных землях Казахстана). Вместе с тем пока еще сохраняется тенденция выбирать супругов той же национальности, а в некоторых районах, особенно в Средней Азии среди верующего населения, — и той же религиозной группы. В столицах прибалтийских республик число зарегистрированных смешанных браков (в % к их теоретической вероятности) выросло за период с 1948 по 1963 г. в Вильнюсе с 44,7 до 53,1, Риге — с 44,8 до 53,3, в Таллине они составляли в 1963 г. — 39,3% (Ганцкая, Терентьева, 1965). Сравнительно редки смешанные браки, например, в Армении из-за малочисленности национальных меньшинств, живущих к тому же часто в отдельных населенных пунктах. Всего по республике мужья имели жен той же национальности: армяне — 99%, азербайджанцы — 97%, русские — 90% (по Еревану соответственно — 98, 78 и 85%). Процент армян, женатых на русских, в 5 раз выше, чем процент армянок, вышедших за русских, что объясняется, в частности, большей территориальной подвижностью армянских мужчин, зачастую несущих военную службу вне республики, выезжающих на работу в другие области и т. п. (Чомалян, Давтян, 1966, стр. 61).

В заключение коснемся некоторых проблем количественного анализа этнически смешанных браков. Характеризуя такие браки, мы пользовались, как правило, их количеством по отношению к общему числу браков (в %). Этот показатель, хорошо отражая степень развития этнических процессов среди этнических меньшинств, дает не вполне точное представление о роли этнической принадлежности при выборе супруга, так как искажается в данном отношении влиянием целого ряда других факторов, в первую очередь численным соотношением контактирующих групп. Чтобы исключить влияние этого фактора, в канадской статистике применяется, например, коэффициент, получающийся при делении процента браков, заключенных внутри данной этнической группы, на относительную численность этой группы во всем населении страны (в %). Коэффициенты, исчисленные на 1931 г., заметно отличаются от приведенных выше цифр, показывая, что наибольшей тенденцией к этнически однородным бракам отличались греки (650), югославы (527), негры (476), японцы (451), наименьшей — англичане (2,65), фран-

цузы (3,4), шотландцы (3,5), ирландцы (3,6), а, например, евреи (64,7) занимали примерно среднее место.

Более сложный метод, позволяющий исключить влияние не только численной, но и половой диспропорции контактирующих групп, был предложен Саворганом (Savorgan, 1950). Применяемый им коэффициент получается по формуле

$$K = \frac{(AB)(ab) - (Ab)(Ba)}{\sqrt{ABab}},$$

где A и B — численность женихов и невест одной группы; a и b — численность женихов и невест другой группы. Полученные коэффициенты по Бостону (США) за 1905—1907 гг., при учете браков выходцев из стран Европы с уроженцами США, составляют: Италия — 91,8%, Россия — 89,5%; Греция — 80,4%, Швеция — 75,9%; Португалия — 69,9%; Норвегия — 64,8%; Ирландия — 64,7%; Бельгия — 58,5%; Австрия — 51,2%; Германия — 41,8%; Англия — 28,8%; Франция — 25,4%. Весьма интересны и коэффициенты по Буэнос-Айресу, показывающие уменьшение этнически однородных браков между 1893—1894 гг. и 1905—1906 гг. для аргентинцев с 45,3 до 41%, итальянцев — с 64,4 до 52,7%, французов — с 59,7 до 39,1%, немцев — с 59,8 до 49,6% и лишь у испанцев отмечено увеличение таких браков с 64,9 до 65,1% (Savorgan, 1950, p. 64).

В СССР изучение количественных аспектов этнически смешанных браков по ряду причин, в частности из-за скудости фактического материала, долгое время не привлекало внимания демографов и этнографов, хотя применение для этой цели уже сравнительно давно предложенной В. М. Птухой формулы определения специальных индексов брачности (индексов притяжения и отталкивания) могло бы дать весьма интересные результаты. Индекс этнического притяжения может быть получен по формуле a ; отталкивания — по формуле b :

$$(a) \Pi = \frac{AT - CЛ}{\sqrt{CЛ(T - C)(T - Л)}}; \quad (b) O = \frac{AT}{CЛ} - 1,$$

где T — общее число заключенных браков; $Л$ — число женихов; C — число невест той же национальности; A — число браков, заключенных между $Л$ и C .

В последнее время различные методы количественного анализа этнически смешанных браков стали применяться и нашими исследователями. О. А. Ганцкая и Г. Ф. Дебен на примере одного из районов Литвы провели с этой целью сопоставление наблюдаемой частоты таких браков и той теоретической вероятности различных сочетаний супругов, которая должна была бы иметь место при независимости браков от национальности (Ганцкая, Дебен, 1966). Этот метод был разработан в математическом отношении для различных исходных данных Ю. И. Першицем (1967) и использован Я. С. Смирновой при анализе национально смешанных браков среди населения Карачаево-Черкесии. Полученные ею результаты представляют интерес; установлено, например, что коэффициент предпочтительного заключения однопациональных браков у сельских жителей в 1,4 раза больше, чем у горожан, что при одинаковых долях женщин разных национальностей браки карачаевцев с абазинками заключались бы в 1,2 раза чаще, чем с погайками, но в 1,2 раза реже, чем с русскими, и т. п. (Смирнова, 1967).

Однако, признавая научный интерес и ценность подобных подсчетов, следует все же сказать, что они освещают еще далеко не все стороны смешанных браков, которые зависят не только от численной и половой диспропорции контактирующих групп, но и от ряда других факторов, в том числе от особенностей расселения, религиозной принадлежности, социально-экономического положения и др., хотя, исключая роль численной и половой диспропорции, они в конечном счете способствуют определению значения этих «прочих факторов». Количественный учет влияния таких факторов еще ждет своих исследователей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги нашего исследования.

Познание исторического процесса все более настоятельно требует учета количественной стороны изучаемых явлений, прежде всего — народонаселения, которое может рассматриваться как объект и субъект этого процесса. Среди различных аспектов народонаселения на одно из первых мест по своему значению в общем историческом процессе выступает этнический (национальный) аспект. История человечества в значительной степени складывается из истории отдельных народов и взаимоотношений между ними; национальный вопрос был и остается одним из самых сложных и острых вопросов общественной жизни. Поэтому количественная характеристика народов имеет большое значение не только для этнографии, основным объектом исследования которой они являются, но и для других исторических и общественных наук.

Изучение динамики численности народов мира представляет собой весьма сложную задачу, распадающуюся на ряд по существу самостоятельных научных тем, каждая из которых может быть разработана лишь с привлечением материалов из нескольких смежных наук. Первым этапом данного исследования является отграничение народов от других социальных коллективов, что связано с установлением понятия народа (этнической общности, или этноса) и выявления признаков, которые могут быть использованы для этой цели. Трудность научного определения понятия народа, оставляя в стороне некоторые терминологические проблемы, связана с тем обстоятельством, что оно должно охватить чрезвычайно разнообразные общности — от малочисленных родо-племенных образований первобытной эпохи до многомиллионных современных наций; серьезные трудности вносит и существование в ряде случаев постепенных переходов между разными

народами, с одной стороны, народами и другими видами социальных организмов (государственной, религиозной, расовой общностью) — с другой. По выведенному нами определению народ (этническая общность, или этнос) — социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей при условии уже имевшейся или достигнутой ими по мере развития различных связей (хозяйственных, культурных и др.) общности языка, общих черт культуры и быта (нередко и общности религии), ряда общих социальных ценностей и традиций, а также значительного смещения резко отличавшихся расовых компонентов. Существенными признаками этнической общности являются: этническое самосознание и самоназвание (этноним), язык, территория, особенности психического склада, культуры и быта, определенная форма социально-территориальной (в том числе государственной) организации или четко выраженное стремление к созданию такой организации.

Основной исходной фактической базой для исследования динамики численности народов являются этностатистические материалы переписей и других форм статистического учета населения. В научно поставленной статистике населения такая задача решается путем применения в переписных листах прямого вопроса об этнической (национальной) принадлежности, причем данные о родном языке (материнском языке, языке колыбели и т. п.) в этом случае отходят на второй план. Из-за скудости статистических материалов об этническом и языковом составе населения, имеющихся лишь по немногим странам мира и на сравнительно небольшой исторический отрезок времени, исследователю динамики численности народов для определения их численности на ту или иную дату приходится использовать статистические материалы по другим показателям: религии, месту рождения и т. д., вводя в них необходимые коррективы. Для этой же цели могут быть привлечены различные дополнительные материалы, в том числе историко-демографические исследования.

Динамика численности народов мира определяется двумя главными факторами: особенностями естественного движения населения и этническими процессами. Основную роль в большинстве случаев играет естественное движение населения, прежде всего соотношение показателей рождаемости и смертности. Величина каждого из этих по-

казателей и определяемого их соотношением показателя естественного прироста (или убыли) населения обнаруживают большие колебания как в ходе исторического процесса, на разных ступенях социально-экономического и культурного развития, так и в каждую конкретную эпоху — между отдельными странами мира и даже между народами, входящими в одну и ту же страну.

В целом большинство факторов, определяющих особенности естественного воспроизводства населения, либо непосредственно связаны с этносом (через народную культуру, быт и традиции), либо — что бывает гораздо чаще — связаны с ним косвенным путем (через антропологические особенности, природные условия этнической территории, специфику хозяйственной деятельности, религию и т. п.). Подобные связи четче проступают в докапиталистических и раннекапиталистических стадиях социально-экономического развития, которое само часто облекалось в этническую (национальную) форму, но могут быть обнаружены и на более поздних стадиях развития. Даже факторы, не имеющие на первый взгляд никакой связи с этносом, например единая политика народонаселения в масштабах всего многонационального государства, преломляясь через традиционную культуру и быт отдельных народов, через особенности этнической психологии, могут приобрести в своем воздействии этнический аспект. Вместе с тем показатели рождаемости и смертности у групп людей, входящих в один и тот же народ, но отличающихся своим классово-профессиональным положением, расселением, образованием и т. д., могут различаться сильнее, чем у этнически разнородных групп, имеющих, например, сходное социально-экономическое положение.

Соотношение между рождаемостью и смертностью, типы естественного воспроизводства, возникавшие в ходе исторического развития народов мира, отличались большим разнообразием. Известны многие случаи, когда из-за неблагоприятного соотношения рождаемости и смертности, обычно из-за резкого увеличения последней под воздействием эпидемий, войн, голода и других причин, происходило так называемое вымирание народов. Это явление наблюдалось, например, среди коренного населения многих стран Америки, Африки и Океании в начальный период проникновения туда европейцев. Резкое со-

кращение численности коренных народов таких стран и даже исчезновение некоторых из них было вызвано главным образом их прямым истреблением европейцами, широким распространением завезенных европейцами эпидемических болезней (оспа, корь и др.), непосильно тяжелым принудительным трудом на плантациях, в рудниках и т. д.; сокращение коренного населения Африки было связано прежде всего с развитием работорговли и сопровождавших ее военных экспедиций. Немаловажное значение во всех случаях имело и сокращение рождаемости в результате утраты традиций многодетности в изменившихся условиях жизни, в результате распространения венерических болезней и т. п. В ряде случаев сокращение численности народов (особенно некоторых групп индейцев Америки) было связано и с этническими процессами.

Под этническими процессами нами понимаются процессы, которые возникают внутри этнических общностей и при непосредственном контакте этнических общностей или отдельных их частей, приводя в конечном итоге к перемене этнического самосознания людей и тем самым изменяя численность этих общностей. Будучи одним из видов социально-культурных процессов, этнические процессы лежали в основе сложения по существу всех народов, живущих ныне на земном шаре; эти процессы оказывают существенное влияние и на динамику численности многих из них. Основными видами этнических процессов являются этническое разделение и этническое объединение, которое в свою очередь делится на консолидационные и ассимиляционные процессы. Процессы этнического разъединения определялись главным образом развитием миграций населения и социально-политическими факторами; процессы этнического объединения — соотношением языка и культуры контактирующих групп, особенностями их расселения, соотношением их численности и поло-возрастной структуры, а также политико-правовыми и социально-психологическими факторами. Особое место в процессах этнического объединения занимают этнически смешанные браки, которые являются важной стороной и одновременно мощным рычагом их развития.

Этнические процессы развиваются на социально-экономической основе, обнаруживая зависимость от уровня производства и от общественного строя вовлекаемых

в них народов. В разные исторические периоды и в разных странах эти процессы как по своему типу, так и по интенсивности имели существенные особенности. Вместе с тем на определенных исторических этапах преобладал определенный характерный для этого этапа тип этнических процессов: в первобытнообщинную эпоху (кроме ее последней стадии) — процесс этнического разделения, на последней стадии первобытнообщинной эпохи, в раннеклассовых формациях и в начальной стадии капитализма — процесс этнического объединения, в период развитого капитализма и при социализме — процесс ассимиляции. Довольно многочисленные случаи нарушения этих общих тенденций чаще всего происходили в тех странах и районах крупных стран, где в результате взаимодействия элементов различных общественно-экономических формаций и укладов жизни, в результате социальных революций этническое развитие приобретало скачкообразный характер. Так, процесс этнического объединения племен и племенных групп и консолидации их в нации у ряда народов советской Средней Азии (туркмены, киргизы и др.), которые по существу миновали капиталистическую стадию развития, развернулся главным образом в годы Советской власти.

Проведенный нами анализ основных факторов, определяющих динамику численности народов, позволяет выделить две важнейшие, по нашему мнению, стадии количественной эволюции этнических общностей. Будучи обусловленными изменениями социальной структуры общества, становлением классовых отношений и в конечном счете развитием производства, эти стадии обнаруживают связь с определенными общественно-экономическими формациями, но не сводятся к ним. Первая, племенная стадия охватывает громадный период времени от возникновения родо-племенных общностей до начавшегося разложения родо-племенных отношений; процесс естественного воспроизводства в это время характеризуется высокой рождаемостью и смертностью при очень низком и крайне неустойчивом естественном приросте, влияние которого на рост численности племен было ограничено тесно связанными с особенностями их социальной организации и господствовавшими на этой стадии процессами этнического разделения. Размеры родо-племенных общностей колебались от нескольких десятков до нескольких тысяч

человек, в зависимости от типа хозяйства и устойчивости племенной организации.

На второй стадии — в классовом обществе — и особенно в ее начальном периоде, когда естественный прирост оставался еще очень низким, увеличение численности этнических общностей определялось прежде всего развернувшимися процессами этнического объединения. Первой формой такого объединения, возникшей еще в период становления классовых отношений, были союзы племен; численность таких союзов измерялась уже десятками тысяч человек. Значительную, как правило — наибольшую, часть второй стадии представлял собой своеобразный в этническом отношении переход от племенной к национальной общности. В случае, если этот переход облегчался сочетанием основных этно-языковых и культурных элементов с государственной и религиозной общностью, процесс этнического объединения быстро достигал такого уровня, при котором дальнейшее увеличение сложившегося народа шло уже главным образом за счет естественного прироста. Верхний предел численности народов в таком случае определялся в конечном итоге уровнем развития производительных сил; уже численность древних египтян измерялась несколькими миллионами человек, и лишь упадок хозяйства и гибель части населения в результате почти непрерывных войн остановили рост их численности и даже снизили ее. В новое и новейшее время численность некоторых народов мира измерялась уже многими десятками миллионов человек.

Далеко не все народы мира вступили во вторую стадию количественной эволюции и не все из вступивших прошли ее последовательные этапы; колебания между абсолютной численностью отдельных народов и темпами ее роста на второй стадии стали более сильными, чем на первой. Все это в результате привело к чрезвычайно нестройной современной картине, когда в некоторых районах мира, например в Бразилии и Индии, буквально бок о бок живут народы, численность которых измеряется лишь сотнями или тысячами человек, и многомиллионные народы.

Даже за сравнительно короткий исторический срок — последние полтора столетия — в численности многих народов мира и их количественных соотношениях произошли разительные изменения, а значительное число

народов возникло только в это время. Ограничиваясь примерами стран Европы и Америки, отметим, что даже в Европе, где основные контуры ныне существующих народов выступали довольно четко еще в средние века, к началу XIX в. процессы этнического объединения завершились еще не везде. Национальное единство французов, образовавшихся от слияния северофранцузского и провансальского народов, было закреплено происшедшей лишь незадолго до того Великой французской революцией, а общенациональное самосознание итальянцев и немцев лишь пробуждалось. В Америке в это время достаточно четко в этническом, а точнее — в этно-политическом отношении выступали только североамериканцы, порвавшие в освободительной войне 1775—1783 гг. с английской короной. К северу от них — на территории современной Канады — еще только закладывались основы будущих англоканадцев и франкоканадцев, не отделявших себя в то время от англичан и французов; к югу — в Латинской Америке — были группы испанских и португальских поселенцев и массы метисного населения, еще не вполне определившегося в национальном отношении и слабо тяготеющего к едва намечившимся в то время центрам этно-политического объединения.

Ограничиваясь некоторыми частными примерами, отметим, что в начале XIX в. французы, уступающие в настоящее время по численности англичанам, превосходили последних в этом отношении в 2,5 раза, ирландцы были вдвое многочисленнее голландцев, фламандцев и валлонов вместе взятых (в настоящее время ирландцы уступают им по численности в 3,5 раза) и в 1,5 раза многочисленнее североамериканцев (см. табл.). Но уже к началу XX в. численность указанных народов и их количественное соотношение сильно изменились. Это изменение знаменовалось прежде всего значительным и устойчивым естественным приростом англичан, которые, несмотря на многомиллионные потери от эмиграции в США и в другие заокеанские страны, сумели обогнать французов, сильно снизивших свой естественный прирост из-за распространившегося контроля рождаемости. Потери ирландцев от голода и эпидемии в середине XIX в. и массовая эмиграция их за океан сильно затормозили рост их численности. Очень быстрыми темпами, как за счет естественного прироста, так и за счет ассимиляции

Динамика численности некоторых народов (в млн. чел.) *

Народ	1800 г.			1850 г.			1900 г.			1960 г.		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Французы	22	0,5	—	30	0,5	—0,5	31	1	—1	39	2,5	—1,5
Англичане	9	1	—0,5	18,5	1	—1	32,5	2	—2	43	1,5	—2,5
Ирландцы	5	0,5	—	6	1,5	—0,5	4	3	—1	3	2	—1
Американцы (без негров) . . .	3	—	+0,5	13	—	+3	40	—	+10	126	0,5	+15
Японцы . .	28	—	—	30	0,5	—	43	1	—	94	1	—

* Таблица составлена автором в основном по материалам переписей населения стран, где живут указанные в ней народы. Римскими цифрами обозначено: I — численность народа в основной стране его обитания, II — численность групп данного народа за пределами этой страны, III — численность групп в этнически переходном состоянии, тяготеющих к данному народу (+) или к другим народам (—).

миллионов прибывших в США иммигрантов, увеличивалась численность американцев. Высокие темпы роста их численности сохранились и в последующие десятилетия.

Результаты проведенного нами анализа факторов естественного движения населения и факторов этнических процессов могут быть использованы не только в исследованиях, посвященных динамике численности тех или иных народов мира, но и для более широких этнодемографических исследований, в частности для изучения изменений численности этно-языковых групп, а также религиозных и расовых групп; значительную помощь он может оказать и в историко-демографических исследованиях. В центре нашего внимания находилось влияние, которое оказывает социально-экономические, социально-культурные и другие факторы на изменение различных количественных показателей, складывающихся в ходе исторического процесса. Между тем, затронутая нами во «Введении» проблема диалектической связи количественных и качественных изменений требует детального анализа и обратного влияния количественных характеристик на те или иные стороны социально-экономического и культурного развития. Кратко остановимся на этом вопросе.

Среди количественных характеристик народонаселения на первое место по своему значению в историческом процессе следует поставить абсолютную численность тех или иных человеческих коллективов, социальных организмов. В конкретных исторических, социально-экономических и культурных условиях влияние этого показателя на развитие социальных организмов носило весьма сложный, иногда — противоречивый характер, но в большинстве случаев увеличение этого показателя давало несомненно положительные результаты. При прочих равных условиях большая по численности населения страна или народ имели прежде всего более значительный производственный потенциал. Кроме того, развитие производства и других форм общественной деятельности с давних пор идет по линии дифференциации профессий; совершенно ясно, что многолюдные социальные организмы имели больше возможностей для такой дифференциации. Обозревая историю человеческого общества, нетрудно заметить, что по мере его социально-экономического и культурного развития от первобытнообщинной эпохи до наших дней общая численность народонаселения и темпы роста этой численности постепенно, хотя и с большими колебаниями, возрастали. Анализ этих количественных и качественных изменений показывает, что их одновременность не случайна, а обусловлена причинными связями. Связи эти, как уже отмечалось выше, чрезвычайно сложны, кроме того, во взаимодействии исторических и демографических факторов причина и следствие могли не раз меняться местами: большая численность населения создавала условия для ускоренного развития производства, в свою очередь скачок в развитии производства создавал материальные предпосылки для увеличения числа членов общества. И хотя развитие материального производства было обычно первичным, а прирост народонаселения — вторичным, в некоторых случаях, например при появлении ирригационного земледелия, новсе производство требовало для своего осуществления наличия значительного количества рабочей силы. Существенное влияние количественных факторов на направление и развитие этнических процессов рассматривалось нами в соответствующей главе данной работы.

Влияние количественных факторов сильнее всего чувствовалось, по-видимому, на ранних ступенях исто-

рии — в первобытнообщинную эпоху, когда социально-экономические различия между племенами были сравнительно невелики. В раннеклассовых обществах действие таких факторов стало менее заметным и уже редко было столь определенным, как в первобытном обществе; на первый план все отчетливее выступают факторы, связанные с неравномерностью развития способа производства в различных районах мира и связанное с этим разнообразие надстроечных форм. Сравнительно немногочисленные греческие государства-полисы по уровню своего социально-экономического и культурного развития стояли значительно выше многолюдной персидской империи, да и в военном отношении небольшие греческие армии не раз стойко противостояли огромному персидскому войску. В подавляющем большинстве случаев количественные факторы лишь усиливали сложившиеся независимо от них тенденции развития, что хорошо заметно на ряде исторических примеров: падение римского господства, крах Римской империи, основанной на рабовладельческом способе производства, был предрешен еще до возникновения в ней явлений депопуляции; сокращение населения Англии в XIV в. в результате «черной смерти» лишь несколько ускорило развитие событий, приведших в конце концов к раскрепощению английского крестьянства, но никак не являлось их основной причиной (Барг, 1947).

Одной из отличительных особенностей капиталистической системы хозяйства, особенно в ее последней — империалистической стадии, является разделение труда не только внутри отдельных стран (и народов), но и между ними, что в сочетании с массовыми миграциями рабочей силы из одной страны в другую и международными перемещениями капиталовложений, а также с другими явлениями нарушило прежнюю этническую (национальную) и государственную обособленность социально-экономического развития, снизив тем самым и влияние количественного фактора народонаселения. Небольшой Люксембург по уровню своего промышленного развития и ряду других показателей оказался впереди намного превосходящей его по числу жителей и территории Италии, а тем более — громадной Индии. Именно в это время отчетливо выявилось, что рост народонаселения может оказывать вполне благоприятное влияние на социально-экономическое развитие лишь в том случае, если он находится в определен-

ном соответствии с состоянием экономики и темпами ее развития; чрезмерный рост народонаселения, как показывает современный опыт ряда развивающихся стран, может даже осложнить социально-экономический и культурный прогресс. В социалистических странах проблемы народонаселения стоят менее остро, чем в странах капитализма, однако существование их не нуждается в доказательствах. Показательно, в частности, что в последние годы в советской научной литературе неоднократно ставился вопрос о необходимости разработки понятия «оптимума населения» или, точнее, оптимальных темпов прироста населения для исторически определенных условий развития каждой страны.

Отмечая видную роль, которую играют количественные факторы в общественном развитии, большое значение проблем народонаселения, советские ученые вместе с тем решительно выступают против распространения среди буржуазных ученых реакционных теорий народонаселения. Эта борьба направлена в первую очередь против неомальтузианцев, которые пытаются объяснить нищету и социально-культурную отсталость трудящихся масс развивающихся стран лишь их «неразумно быстрым размножением» и тем самым снять с империалистических государств ответственность за тяжелую непрекращающуюся эксплуатацию этих стран. Трудные проблемы народонаселения в развивающихся странах нельзя решить только развитием контроля рождаемости, как предлагают неомальтузианцы, их решение требует проведения в этих странах коренных социально-экономических преобразований.

Учет влияния количественных показателей народонаселения, прежде всего численности населения стран и народов, на те или иные стороны исторического процесса представляет собой задачу, весьма важную как в теоретическом, так и в практическом отношении.

ЛИТЕРАТУРА¹

- Маркс К. Население, преступность и науперизм. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13.
 Маркс К. Капитал, т. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23.
 Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., 1941.
 Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2.
 Энгельс Ф. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 5.
 Энгельс Ф. По и Рейн. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13.
 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21.
 Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21.
 Энгельс Ф. О роли насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21.
 Энгельс Ф. О первоначальном христианстве. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22.
 Ленин В. И. О положении Бунда в партии. Полн. собр. соч., т. 8.
 Ленин В. И. Рабочий класс и неомальтузианство. Полн. собр. соч., т. 23.
 Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 24.
 Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 25.
 Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Полн. собр. соч., т. 26.
 Ленин В. И. Материалы по национальному вопросу. «Ленинский сборник, XXX», М., 1937.

¹ Даны работы, цитированные или упомянутые в книге. Из числа другой использованной автором литературы приведены лишь некоторые основные работы. Принятые сокращения: «Pop. St.» — журнал «Population Studies»; WPC — 1965 — материалы Второй всемирной конференции по народонаселению — World Population Conference, 1965. Beograd.

- Авербух М. С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967.
- Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Закономерности социалистического развития народностей в СССР. Махачкала, 1965.
- Агаев А. Г. Нация, ее сущность и самосознание. «Вопросы истории», 1967, № 7.
- Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака. «Язык и общество». М., 1968.
- Алексеев В. В. Род, племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1962.
- Алексеев В. П. Расы человека в современной науке. «Вопросы истории», 1967, № 7.
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. «Советская этнография», 1968, № 2.
- Альнерович М. С. Численность индейского населения Мексики в колониальный период. «Советская этнография», 1962, № 3.
- Андрианов Б. В. Население Африки. М., 1964.
- Андрианов Б. В. Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки. «Вопросы истории», 1967, № 9.
- Андрианов Б. В. Урбанизация в Африке и ее влияние на этнические процессы. «Вопросы народонаселения и демографической статистики». М., 1966.
- Аристова Т. Ф., Васильева Г. П. Об этнических процессах на территории южной Туркмении. «Советская этнография», 1964, № 5.
- Арнольди И. А. Акклиматизация человека на севере и юге. М., 1962.
- Арский И. В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия историч. наук, вып. 12. Л., 1944.
- Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967.
- Арутюнян Ю. В. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР). «Советская этнография», 1968, № 4.
- Архангельский А. И. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961.
- Атлас народов мира. Под ред. В. С. Апенченко, С. И. Брука. М., 1964.
- Баграмов И. А. Иммигранты в США. М., 1957.
- Баграмов Э. А. Национальный вопрос и буржуазная идеология. М., 1966.
- Барг М. К вопросу о росте населения Англии в XI—XIII вв. «Вопросы истории», 1947, № 11.
- Бароян О. В. Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека. М., 1962.
- Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.
- Бахта В. М. Проблема аккультурации в современной этнографической литературе США. «Современная американская этнография». М., 1963.
- Башенин В. А. Общая эпидемиология. Л., 1958.
- Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959.
- Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и развитии. М., 1961.
- Белова В. А., Дарский Л. Е. Исследование мнений как метод изучения планирования семьи. «Изучение воспроизводства населения». М., 1968.
- Белявский В. А. Этнос в древнем мире. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3. Л., 1967.
- Берзина М. Я. Народы Америки. «Численность и расселение народов мира». М., 1962.
- Берзина М. Я. Этнический состав населения Канады. «Советская этнография», 1968, № 1.
- Берзина М. Я., Брук С. И. Население Индонезии, Малайи и Филиппин. Приложение к карте. М., 1962.
- Богараз-Тан В. Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М., 1928.
- Богдасаров А. С. Разработка В. И. Лениным национального вопроса в годы нового революционного подъема. М., 1956.
- Богина Ш. А. Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865 гг.). М., 1965.
- Богоявленский Н. А. Медицина у первоселов русского Севера. Очерки по истории санитарного быта и народного врачевания. Л., 1966.
- Болдырев В. А. Экономический закон населения при социализме. М., 1968.
- Боули А. Очерки социальной статистики. М., 1925.
- Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии. «Советская этнография», 1969, № 1.
- Брук С. И. Население Китая, МНР и Кореи. Приложение к карте. М., 1959.
- Брук С. И. Население Передней Азии. Приложение к карте. М., 1960.
- Брук С. И. Основные проблемы этнической географии (методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964.
- Брук С. И., Козлов В. И. Процессы этнического развития и принципы классификации народов. Этностатистическая изученность стран земного шара и определение численности народов. «Численность и расселение народов мира». М., 1962.
- Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. «Советская этнография», 1967, № 6.
- Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этногеографии. «Советская этнография», 1963, № 1.
- Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. Современное состояние исследований по этнической географии в СССР. «География населения в СССР. Основные проблемы». М., 1964.
- Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Современный этап национального развития народов Азии и Африки. «Советская этнография», 1961, № 4.
- Брэстед Д. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания, т. 1. М., 1915.

- Буден Ж. Руководство к изучению медицинской географии, т. 1-2. СПб., 1864.
- Бутенко А. П. Народ как социологическая категория. «Вопросы философии», 1957, № 1.
- Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968.
- Вагабов М. В. Ислам и женщина. М., 1968.
- Валентей Д. И. Проблемы народонаселения. М., 1951.
- Валентей Д. И. Теория и политика народонаселения. М., 1957.
- «Вестник статистики», 1966, № 12, Статистические материалы.
- Вечеслав Н. Н. Рождаемость населения Казанской губернии в сравнении с рождаемостью Европейской России и государств Западной Европы. Казань, 1882.
- Воблый В. К., Пустоход П. И. Переписи населения. М., 1940.
- Водовозов В. Национальность и государство. «Формы национального движения в современных государствах». М., 1910.
- Воейков А. И. Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1911.
- Волков А. Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости. «Изучение воспроизводства населения». М., 1968.
- Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.—Л., 1930.
- Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. «Советская этнография», 1967, № 1.
- Вольфсон С. Я. Социология брака и семьи. Минск, 1925.
- Вопросы народонаселения и демографической статистики. М., 1966.
- Воронов А. Г. Опыт классификации болезней по степени и характеру их зависимости от особенностей природной среды. «Вопросы медико-географических исследований». М., 1965.
- Воскресенский Н. В. Медицина и религия. М., 1965.
- Вострикова А. М. Методы обследования и показатели рождаемости в СССР. «Вопросы народонаселения и демографической статистики». М., 1966.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XVII. Союз Советских Социалистических республик. М., 1929.
- Вундт В. Элементы психологии народов. СПб., 1913.
- Высоцкий Н. Ф. Народная медицина. М., 1911.
- Ганцкая О. А., Дебец Г. Ф. О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков. «Советская этнография», 1966, № 3.
- Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике. «Советская этнография», 1965, № 5.
- Гарданов В. К., Долгих Б. О., Жданко Т. А. Основные направления этнических процессов у народов СССР. «Советская этнография», 1961, № 4.
- Гозулов А. И. Переписи населения. М., 1936.
- Гозулов А. И. Морфология населения. Ростов, 1939.
- Гузевых Я. Н. Народонаселение и мировая политика. «Международная жизнь», 1967, № 40.
- Гумилев Л. Н. О термине «этнос». Этнос как явление. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3. Л., 1967.
- Гурвич И. С. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара. «Советская этнография», 1950, № 2.
- Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
- Гурвич И. С. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. «Советская этнография», 1967, № 5.
- Гуревич А. Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология). «Вопросы истории», 1964, № 10.
- Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.
- Давидсон А. Б. Политика апартеида в Южной Африке. «Против расизма». М., 1966.
- Давтян Л. М. О зависимости между благосостоянием и рождаемостью. «Проблемы демографической статистики». М., 1966.
- Дарский Л. Е. Таблицы брачности женщин в СССР (по выборочным данным). «Изучение воспроизводства населения». М., 1968.
- Дебец Г. Ф. Расовый состав мира. «Атлас народов мира». М., 1964.
- Джексон Дж. К теоретической оценке негритянского вопроса в США. «Проблемы мира и социализма», 1959, № 7.
- Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность людей. «Вопросы истории», 1966, № 4.
- Дитерци К. Ф. Народонаселение земного шара по его количеству, племенным различиям и вероисповеданиям. СПб., 1876.
- Долгих Б. О. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары. «Советская этнография», 1950, № 4.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
- Долгих Б. О. Образование современных народностей Севера СССР. «Советская этнография», 1967, № 3.
- Дрицко А. Д. К вопросу о численности индейцев Ямайки перед началом колонизации. «Советская этнография», 1966, № 3.
- Елкин И. И., Яшкуль В. К. Проблемы эпидемиологической географии. «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии», 1965, № 1.
- Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г., т. I. М., 1929.
- Ефимов А. В. Социальный аспект биологической категории «раса». «Против расизма». М., 1966.
- Жданко Т. А. Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР. «Советская этнография», 1964, № 6.
- Жуков Е. М. XXII съезд КПСС и задачи советских историков. «Вопросы истории», 1961, № 12.
- «Здоровье мира», август-сентябрь 1966.
- Золотарева С. И. А. Некоторые материалы об ассимиляции индейцев Оклахомы. «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXXIII. М., 1960.
- Игнатьев Е. И. Природная среда и здоровье населения. «Научные проблемы географии населения». М., 1967.

- Изучение воспроизводства населения. Под ред. А. Г. Волкова. М., 1968.
- Исторический материализм. Под ред. Ф. В. Константинова. М., 1954.
- Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. Под ред. Ю. П. Францева, М., 1960.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). М., 1962.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.
- Ихтилов М. М. К вопросу о национальной консолидации народов Дагестана. «Советская этнография», 1965, № 6.
- Кабо Р. М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии. «Вопросы географии», сб. 5. М., 1947.
- Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963.
- Калтахчян С. Т. К вопросу о понятии нации. «Вопросы истории», 1966, № 6.
- Кассирский И. А., Плотников Н. Н. Болезни жарких стран. М., 1959.
- Кастро Жозеф де. География голода. М., 1950.
- Квапа А. Я. О некоторых инструментах демографической политики. «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
- Кедров Б. М. О классификации наук. «Вопросы философии», 1955, № 9.
- Кисилева Г. П. Из опыта конкретного социально-демографического исследования. «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
- Козлов В. И. Культурно-исторический процесс и динамика численности народов. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 1.
- Козлов В. И. Расовые и культурные контакты в современном мире. «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 1.
- Козлов В. И. К вопросу об исследовании этнических процессов у народов СССР. «Советская этнография», 1961, № 4.
- Козлов В. И. Динамика национального состава Румынии и Болгарии. «Советская этнография», 1963, № 3.
- Козлов В. И. Этнический аспект демографических процессов в некоторых странах Юго-Восточной Европы. VII МКАЭН. М., 1964.
- Козлов В. И. Общая численность и рост населения земного шара. Естественное движение населения, его рост и численность по континентам и отдельным странам. Миграция населения. Состав населения по полу. Возрастная структура населения. Семейное состояние населения. Общая характеристика языкового и национального состава населения мира. «Население мира». М., 1965.
- Козлов В. И. О некоторых причинах высокой плодовитости населения развивающихся стран. «Проблемы демографической статистики». М., 1966. 1953?
- Козлов В. И. О понятии этнической общности. «Советская этнография», 1967, № 2.
- Козлов В. И. О разработке теоретических основ национального вопроса. «Народы Азии и Африки», 1967, № 4.
- Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации. «Вопросы истории», 1967, № 1.
- Козлов В. И. О влиянии религиозного фактора на плодовитость. «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
- Козлов В. И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. «Вопросы истории», 1968, № 9.
- Козлов В. И. Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования). «Советская этнография», 1969, № 2.
- Козлов В. С. Естественное движение населения капиталистических стран Европы. М., 1959.
- Колесницкий Н. Ф. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI—XVI вв.). «Средние века», вып. 23. М., 1963.
- Комас Х. Расовые мифы. «Расовая проблема и общество». М., 1957.
- Кон И. С. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предрассудков). «Новый мир», 1966, № 9.
- Кон И. С. Национальный характер — миф или реальность? «Иностранная литература», 1968, № 9.
- Копалова А. И. Население русского государства в 16 в. «Исторические записки», т. 64, 1959.
- Коростелев Г. М. К характеристике социально-демографического закона социалистического общества. «Изучение воспроизводства населения», М., 1968.
- Косвен М. О. Об историческом соотношении рода и племени. «Советская этнография», 1951, № 2.
- Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
- Кребель Р. Народная медицина и народные средства различных племен Русского царства. М., 1868.
- Куркин П. И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938.
- Курс демографии. Под ред. А. Я. Боярского. М., 1967.
- Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель. «Краткие сообщения Института этнографии», М., вып. 8, 1949.
- Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
- Лафарг П. Вера в бога. Пг., 1918.
- Лашук Л. П. О формах донациональных этнических связей. «Вопросы истории», 1967, № 4.
- Лебединский А. К вопросу о вымирании калмыков. «Калмыцкая область», 1927, № 1-2.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Общие сведения (языки, расы, народы). «Очерки общей этнографии. Австралия и Океания. Америка. Африка». М., 1957.
- Линс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.
- Литман А. Д. Некоторые черты идеологии национальной буржуазии стран Востока. «Идеология современного национально-освободительного движения», М., 1966.

Малый И. Г. Вопросы статистики населения в трудах В. И. Ленина. М., 1963.

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения, т. 1-2. СПб., 1895.

Маркузон Ф. Д. Население мира от начала нашей эры до середины XX века. «Вопросы экономики, планирования и статистики». М., 1957.

Мейер Штейнер Т. История медицины. М., 1925.

Младикаян М. О. Нация и национальная государственность. «Вопросы истории», 1966, № 9.

Моногарова Л. Ф. Современные этнические процессы на Западном Памире. «Советская этнография», 1965, № 6.

Моран Г. М. Расовые различия и их значение. «Расовая проблема и общество». М., 1957.

Народы мира. Этнографические очерки. «Народы Австралии и Океании», М., 1956; «Народы Африки», М., 1954; «Народы Америки», т. 1, 2. М., 1959.

Население земного шара. Справочник по странам, под ред. С. И. Брука. М., 1966.

Население мира. Справочник. Под ред. Б. Ц. Урланиса. М., 1965.

Нации Латинской Америки. Формирование. Развитие. М., 1964.

Национальная политика ВКПб в цифрах. М., 1930.

Немчинов В. С. Социология и статистика. «Вопросы философии», 1955, № 6.

Ниль Дж., Шэлл У. Наследственность человека. М., 1958.

Новосельский С. А. Влияние экономических условий на частоту отдельных причин смерти. «Вопросы демографической и социальной статистики». М., 1958.

Овчаров В. К. Изменение в заболеваемости и смертности населения СССР. «Советское здравоохранение», 1966, № 10.

Озер Д. Должны ли люди голодать? М., 1959.

Орлова Н. В. Брак и семья в международном частном праве. М., 1966.

Осинов Г. В. Современная буржуазная социология. М., 1964.

Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1909.

Пашинцев И. А. К. Маркс и Ф. Энгельс о социальных основах здравоохранения. М., 1951.

Переведенцев В. И. Взаимосвязь миграций населения и этнического сближения народов в современных условиях СССР. «Вопросы народонаселения и демографической статистики». М., 1965.

Переведенцев В. И. Миграции населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966.

Петров В. В. Население Индии. М., 1965.

Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. ЛГУ, 1967.

Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XLV, вып. 1—3. М., 1884.

Покшишевский В. В. Содержание и основные задачи географии населения. «География населения в СССР». М., 1964.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

Послевоенные переписи населения. М., 1957.

Потанов Л. П. О консолидации народов Сибири. «Вопросы истории», 1955, № 10.

Потехин И. И. Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955.

Пресса Р. Народонаселение и его изучение. Демографический анализ. М., 1966.

Проблемы демографической статистики. Под ред. А. Г. Волкова. М., 1966.

Против расизма. Под ред. А. В. Ефимова. М., 1966.

Птуха М. Смертность 11 народностей Е. России в конце XIX в. Киев, 1928.

Пучков П. И. Население Океании. М., 1967.

Расовая проблема и общество. М., 1957.

Ранниа А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956.

Рогачев П. М., Свердлов М. А. О понятии «нация». «Вопросы истории», 1966, № 1.

Рогачев П. М., Свердлов М. А. Нации, народ, человечество. М., 1967.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955.

Роуз А. М. Происхождение предрассудков. «Расовая проблема и общество». М., 1957.

Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологические изменения). М., 1965.

Руло Э. Страна развешенных легенд. «За рубежом», 1966, № 20.

Сатыбалов А. А. Исторические типы общности людей. Л., 1959.

Саушкин Ю. Г. Введение в экономическую географию. М., 1958.

Семенов Ю. И. Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса. «Народы Азии и Африки», 1966, № 4.

Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966.

Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. «Вопросы истории», 1966, № 8.

Сифман Р. И. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX в. до Великой Отечественной войны. «Проблемы демографической статистики». М., 1966.

Сифман Р. И. Интервалы между рождением и между вступлением в брак и первым рождением. «Изучение воспроизводства населения». М., 1968.

Смирнов В. А., Нугманов С. Н. Этнические особенности рака кожи. «Второе научное совещание по проблемам медицинской географии 1965 г.», вып. 1. Л., 1965.

Смит М. Статистика и социология. М., 1901.

Смоляк А. В. О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура. «Советская этнография», 1963, № 3.

Смудевич Б. Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959.

Снесарев Г. А. Методология социального исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965.

- Современная американская этнография. Теоретические проблемы и тенденции. Под ред. Ю. П. Аверкиевой. М., 1963.
- Соловьева В. С. Материалы о половой зрелости в Москве и Тбилиси. «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965.
- Соловьева В. С., Фетисов Г. В. Сравнительные данные по половому созреванию русских школьников Москвы и долган Таймыра. «Вопросы антропологии», вып. 29, 1968.
- Спенсер Г. Социальная статистика. СПб., 1906.
- Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Сочинения, т. 2.
- Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Сочинения, т. 11.
- Струмилин С. Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде. «Проблемы экономики труда». М., 1957.
- Тамре А. И. Динамика и факторы рождаемости в Эстонии. «Проблемы демографической статистики». М., 1966.
- Таубер Н. А. Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости. «Проблемы демографической статистики». М., 1966.
- Тацит Корнелий. Германия. Сочинения, т. 2. СПб., 1887.
- Терлецкий П. Е. О методах анализа и корректирования данных переносов об этническом составе населения зарубежной Европы. «Советская этнография», 1949, № 3.
- Терлецкий П. Е. Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР. «Советская этнография», 1951, № 1.
- Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). «Вопросы философии», 1964, № 11.
- Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1964.
- Толстов С. П. К проблеме аккультурации. «Этнография», 1930, № 1-2.
- Травинский В. М. Как погибли миллионы негров. М., 1963.
- Уиппл Дж., Новосельский С. А. Основы демографической и социальной статистики. М., 1929.
- Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.
- Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
- Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.
- Фишер А. Основы социальной статистики. М., 1929.
- Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910.
- Фуллье А. Факторы национального характера. Одесса, 1906.
- Харузин Н. Н. К вопросу об ассимилятивной способности русского народа. «Этнографическое обозрение», 1894, № 4.
- Хлопин И. Н. Сегментация в истории первобытного общества. «Вопросы истории», 1968, № 8.
- Хорошаева И. Ф. Проблема аккультурации в мексиканской этнографии. «Современная американская этнография». М., 1963.
- Цамерян И. П. Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации. «Вопросы истории», 1967, № 6.
- Чаклин А. В. Путешествие за тайной. М., 1967.
- Чебоксаров Н. Н. Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии. «Советская этнография», 1966, № 2.
- Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. «Советская этнография», 1967, № 4.
- Чернышевский П. Г. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. «Избранные философские произведения», т. 3. М., 1951.
- Черняков Э. Е. К вопросу о статистике национальностей в современных государствах. «Советская этнография», 1936, № 6.
- Численность и расселение народов мира, под ред. С. И. Брука. М., 1962.
- Чомалян Э. А., Давтян Л. М. Морфология современной семьи в Армянской ССР. «Проблемы демографической статистики». М., 1966.
- Шабад А. Л. О частоте рака полового члена в Казахстане и мерах его профилактики. «Вопросы онкологии», 1966, № 7.
- Шаповалов Н. К вопросу о понятии нации. Минск, 1929.
- Шелепов Г. В. Общность происхождения — признак этнической общности. «Советская этнография», 1968, № 4.
- Шенников А. А. О понятии «этнографический комплекс». «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3. Л., 1967.
- Шлыгина Н. В. Роль хозяйственных занятий в процессе ассимиляции водско-икорского населения в конце XIX — начале XX в. «Советская этнография», 1965, № 4.
- Шошин А. А. Основы медицинской географии. «Записки Географического общества СССР», нов. сер., т. 22. М., 1962.
- Щербина Ф. А. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. «Статистические материалы подворной переписи». Воронеж, 1897.
- Яковенко Е. И. Медицинская статистика. Введение в социальную медицину. М. [б.г.].
- Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках. М., 1955.
- Aalen F. H. A. A review of recent Irish population trends. «Pop. St.», 1963, v. XVII, N 1.
- Aborigenes now. New perspective in the study of aboriginal communities. London, 1965.
- Acculturation in the Americas. «Proc. and Selected Papers of the XXIX Internat. Congr. Americanists. Sol Tax. (Ed.). Chicago, 1952.
- Adams R. Interracial marriage in Hawaii. New York, 1937.
- Africa. Social problems of change and conflict. Ed. Pierre L. van den Bergne. San Francisco, 1965.
- Agarwala S. N. The age at marriage in India. «Population Index», 1957, v. 23, N 2.
- Agarwala S. N. Demographic dilemma of underdeveloped countries. Allahabad, 1954.
- The aging of populations and its economic and social implications. New York, 1956.

- Alpers M., Carleton G. D. Changing patterns of kuru: epidemiological changes in the period of increasing contact of the Fore people with Western civilization. «Amer. Trop. Med. and Hyg.», 1965, N 5.
- «American minorities», M. L. Barron (Ed.) New York, 1957.
- «Analysis of social problems», M. G. Caldwell (Ed.). Harrisburg, 1954.
- Approaches to problems of high fertility in agrarian societies. Milbank Memorial Fund. New York, 1952.
- Ardener E. Divorce and fertility. An African study. London, 1962.
- Ashley-Montagu. Anthropology and human nature. Boston, 1957.
- The Asian Population Conference 1963. UN. New York, 1964.
- Aykroyd W. R. Nutrition in the Caribbean. «J. Hyg.», 1965, N 1.
- Azcarate P. de. League of Nations and national minorities. New York, 1945.
- Baber R. E. Marriage and the family. London, 1939.
- Badenhorst L. T. The relationship between population and socio-economic development. Durham, 1962.
- Badenhorst L. T. Population distribution and growth in Africa. «Pop. St.», 1951, v. V, N 1.
- Badenhorst L. T., Unterhalter B. A study of fertility in an urban African community. «Pop. St.», 1961, v. XV, N 1.
- Baer G. Population and society in the Arab East. New York, 1964.
- Bainton R. H. What Christianity says about sex, love and marriage. New York, 1957.
- Baker J. R. Depopulation in Espiritu Santo, New Hebrides. «J. Roy. Anthropol. Inst. Great Britain», 1928, v. LVIII.
- Balandier G. Race relations in West and Central Africa. in «Race relations in world perspective», Honolulu, 1961.
- Balogh A. de. Le protection internationale des minorités. Paris, 1930.
- Banton M. The coloured quarter. Negro immigrants in an English city. London, 1955.
- Barclay G. W. Techniques of population analysis. London, 1959.
- Barclay G. W. Population and future in Taiwan. «The interrelation of demographic, economic and social problems». New York, 1954.
- Barker E. National character and the factors in its formation. London, 1948.
- Baron Salo W. Nationalism and religion. New York, 1947.
- Bascom W. Tribalism, nationalism and Pan-Africanism. «Africa Social problems of change and conflict», San Francisco, 1965.
- Bataillon L., Febure L. A geographical introduction to history. London, 1925.
- Beals R. Acculturation. «Anthropology Today». Chicago, 1953.
- Beals R. L. Indian—mestizo—white relations in Spanish America. «Race Relations in World Perspective». Honolulu, 1955.
- Beaujeu-Garnier J. Trois milliards d'hommes. Paris, 1965.
- Beckett J. Aborigines, alcohol and assimilation. «Aborigenes now», London, 1965.
- Bell J. H. Assimilation in New South Wales. «Aborigenes now», London, 1965.
- Beloch K. J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886.
- Benjamin B. Social and economic factors affecting mortality. The Hague, 1965.
- Bennett F. I. The social, cultural and emotional aspects of sterility in women in Buganda. «Fertility and Sterility», 1965, N 2.
- Berghe Pierre L. van den. Racialism and assimilation in Africa and Americas. «Southwestern J. Anthropol.», 1963, v. 19, N 4.
- Bernard J. Remarriage. A study of marriage. New York, 1956.
- Berry B. Race and ethnic relation. Boston, 1958.
- Berry B. Race relations. The interaction of ethnic and racial groups. Cambridge, 1951.
- Besterman T. Men against women, A study of sexual relations. London, 1934.
- Betts R. F. Assimilation and association in French colonial theory 1890—1914. New York, 1961.
- Biesheuvel S. Behavioural adaptation to hot climates. «South African J. Sci.», 1966, N 1.
- Blacker J. G. C. Fertility trends of the Asian population of Tanganyika. «Pop. St.», 1959, v. XIII, N 1.
- Blackett I. W., Huyck E. E. The objectives of Government Policies on fertility control in Eastern Europe. «Pop. St.», 1962, v. XVI, N 1.
- Boak A. E. R. Manpower shortage and the fall of the Roman Empire in the West. Oxford, 1955.
- Boas F. Race, language and culture. New York, 1940.
- Boddy E. M. Japanese in America. Los Angeles, 1921.
- Bogue D. J. The population of the United States. Glencoe, 1959.
- Borah W., Cook S. F. The aboriginal population of Central Mexico on the eve of the Spanish conquest. Los Angeles, 1963.
- Borrie W. D. Italian and Germans in Australia. A study of assimilation, Melbourne, 1954.
- Borrie W. D. Concepts and practices. «The cultural assimilation of immigrants». Paris, UNESCO, 1959.
- Borrie W. D. The cultural integration of immigrants. Paris, 1959.
- Bossard I. H. S. Nationality and Nativity as factors in Marriage. «American Sociol. Review», 1939, v. 4, N 6.
- Bourgeois-Pichat I. Les facteurs de la fécondité non dirigée. «Population», 1965, N 3.
- Bourgeois-Pichat I. Problems of population size growth and distribution in Africa. «Man and Africa». London, 1965.
- Bouscaren A. T. International migration since 1945. New York, 1963.
- Brass W. The derivation of fertility and reproduction rates from restricted data on reproductive histories. «Pop. St.», 1953, v. II, N 1, 2.
- Brass W. The distribution of birth in human populations. «Pop. St.», 1958, v. XII, N 1.
- Breese G. Urbanization in newly developing countries. Englewood Cliffs, 1966.
- Brown F. J., Roucek J. S. Our racial and national minorities. New York, 1937.

Brown G., Daly A. Evaluation du programme de planning familial de Tunisie. WPC-1965.

Brown R. E. Medical problems of the developing countries. «Science», 1966, N 3733.

Buchanan K. M. Land and people in Nigeria. London, 1961.

Bunle H. The cultural assimilation of immigrants. «Cultural assimilation of immigrants». London, UNESCO, 1950.

Burch G., Rendell E. Human breeding and survival. New York, 1947.

Busia K. A. Some aspects of the relation of social condition to human fertility in the Gold Coast. B. K. Lorimer F. Culture and Human Fertility. Paris, UNESCO, 1954.

Cameron T. W. Helminths of animals transmissible to man. «Amer. J. Med. Sci.», 1962, N 3.

Campbell C. G. Race and religion. London, 1954.

Campbell F. Birth control and Christian churches, «Pop. St.», 1960, v. XIV, N 2.

Cannon K. L., Gingles R. Social factor related to divorce. «Rural Sociology», 1956.

Carothers I. C. The African mind in health and disease. A study in ethnopsychiatry. Geneva, 1953.

Carr-Saunders A. M. World population. Past growth and present trends. Oxford, 1936.

Chandrasekhar S. Infant mortality in India 1901—55. London, 1959.

Chandrasekhar S. Population and planned parenthood in India. London, 1961.

The changing pattern of family in India. Davahar (Ed.). Bangalor, 1960.

Charles E. The menace of underpopulation. A biological study of the decline of population growth. London, 1936.

Chater A. Race relations in Britain. London, 1966.

Chevalier A. L'histoire des populations aux époques antérieures à la statistique. Paris, 1950.

Child I. L. Italian of American? The second generation in conflict. New Haven, 1943.

Chmelar J. National minorities in Central Europe. Prague, 1937.

Chou Ru-Chi, Brown S. A comparison of the size of families of Roman catholics and non-catholics in Great Britain. «Pop. St.», 1968, v. XXII, N 1.

Chyz Y. I., Lewis R. Agencies organized by nationality groups in the United States. «American minorities». New York, 1957.

Cilliers S. P. The coloureds of South Africa. A factual survey. Cape Town, 1963.

Clements F. E. Primitive concepts of disease. Berkeley, 1932.

Clements R. L'assimilation culturelle des immigrants en Belgique. Liège 1953.

Coloured immigrants in Britain. London, 1960.

Conant M. Race issues on the world scene. Honolulu, 1954.

Congrès internationale de la population. Paris, 1937, t. II. Démographie historique. Paris, 1938.

Contemporary cultures and societies of Latin America. New York, 1965.

Continuity and change in Latin America. Stanford, 1964.

Convention on the nationality of married women. Historical background and commentary. UN. New York, 1962.

Cook R. C. Human fertility. London, 1951.

Cook S. F. The conflict between the California Indian and white civilization. Los Angeles, 1943.

Cook S. F., Simpson L. B. The population of Central Mexico in the Sixteenth Century. Berkeley, 1948.

Coontz S. H. Population theories and the economic interpretation. London, 1957.

Crocker W. R. The racial factor in international relations. Canberra, 1956.

Crowder M. Senegal. A study in French assimilation policy. London, 1962.

Cultural assimilation of immigrants. London, UNESCO, 1950.

The cultural assimilation of immigrants. W. D. Borrie (Ed.). Paris, UNESCO, 1959.

Cultural groups and human relations. Columbia, 1951.

The cultural integration of immigrants. Paris, UNESCO, 1954.

Das Gupta A., Kumar Som R. Couple fertility. «National Sample Survey», Calcutta, 1955, N 7.

David H. Bilingualism. New York, 1951.

Davie M. World immigration. New York, 1936.

Davis A. Acculturation in schools. «American minorities». New York, 1957.

Davis E. E. Attitude change. A review and bibliography of selected research. Paris, UNESCO, 1965.

Davis K. Fertility control and the demographic transition in India. «The interrelation of demographic, economic and social problems», 1954.

Davis K. The population of India and Pakistan. Princeton, 1951.

Davis-Blake J. Parental control, delayed marriage and population policy. WPC-1965.

Dawson K. A. Group settlement; ethnic communities in Western Canada. Toronto, 1936.

Day L. H. Natality and ethnocentrism: Some relationships suggested by an analysis of catholic—protestant differentials. «Pop. St.», 1968, v. XXII, N 1.

Deevey E. S. Population. «Amer. Scientist», 1960, N 3.

Definition and classification of minorities. UN. New York, 1950.

Demografska statistika 1963. Beograd, 1965.

Demographic and economic change in developed countries. Princeton, 1960.

Demographic studies of selected areas of rapid growth. New York, 1944.

Demographic Yearbook 1948—1967. UN. New York, 1948—1967.

Démographie historique. Paris, 1938.

Desai R. Indian immigrant in Britain. London, 1963.

The determinants and consequences of Population trends. UN. New York, 1953.

Deutsch K. W. Nationalism and social communication. New York, 1953.

Devereux G. A study of abortion in primitive societies. London, 1960.

- Zelzel H. Weltwirtschaft und Volkswirtschaft. Dresden, 1900.
- Dobyns H. F. An appraisal of techniques with a new hemisphere estimate. «Current Anthropol.», October, 1966.
- Dodge O. G. Carcinoma of the penis in East Africans. «Brit. J. Urol.», 1965, N 2.
- Dore R. P. Japanese rural fertility; some social and economic factors. «Pop. St.», 1953, v. VII, N 1.
- Dorjahn V. R. Fertility, polygyny and their interrelations in Temne society. «Amer. Anthropologist», 1958, v. 60, N 5.
- Dorjahn V. R. The factor of polygyny in African demography. «Africa. Social problems of change and conflict». San Francisco, 1962.
- Dorn H. F. Mortality. «The Study of Population», Chicago, 1959.
- Douzat A. L'Europe linguistique. Paris, 1953.
- Dover C. Half-caste. London, 1937.
- Dublin L. I. The facts of life from birth to death. New York, 1951.
- Duijker H. C. J., Frijsda N. H. National character and national stereotypes. Amsterdam, 1960.
- Dumond D. E. Population growth and cultural change. «Southwest. J. Anthropol.», 1965, v. 21, N 4.
- Dumont J. Dépopulation et civilisation. Paris, 1890.
- Duncan C. H. Immigration and assimilation. Boston, 1933.
- Durand I. D. World population estimates, 1750—200. WPC-1965.
- Durieux A. Nationalité et citoyenneté. Bruxelles, 1959.
- Dvorin E. P. Racial separation in South Africa. Chicago, 1952.
- E-Tu Zen Sun. Results of cultural contact in two Mongol-Chinese communities. Southwest. Anthropol., 1952, v. 8, N 2.
- Effect of Western influence on native civilizations in the Malay Archipelago. B. Schrieke (Ed.). Batavia, 1929.
- Eisenmann L. The problem of minorities. New York, 1926.
- Eisenstadt S. N. The absorption of immigrants. London, 1954.
- El-Badry M. A., Rizk H. Regional fertility differences between socio-economic groups in the U. A. R. WPC-1965.
- Eldridge H. T. The material of demography. New York, 1959.
- Enke H., Werner K. Beurteilung der Säuglingssterblichkeit und Darstellung von Methoden zur Analyse. «Wiss. Z. Martin-Luther-Univ. Halle-Wittenberg Math.-naturwiss. Reihe», 1965, N 2.
- Essays on the depopulation of Melanesia. Rivers (Ed.). Cambridge, 1922.
- Evans-Pritchard E. E. The position of women in primitive societies and other essays in social anthropology. London, 1965.
- Eversley D. E. Social theories of fertility. Oxford, 1959.
- Fagley R. M. Doctrines and attitudes of major religions in regard to fertility. WPC-1965.
- Fairchild H. People. The quantity and quality of population. New York, 1939.
- Fairchild H. P. Race and nationality as factors in American life. New York, 1947.
- Ferembach D. La masculinité (sex-ratio) chez les hommes modernes et chez les hommes fossiles. «Anthropologie», 1964, N 1.
- Firth R. Social change in Tikopia. London, 1959.
- Fishman J. A. Language loyalty in the United States. The Hague, 1966.
- Ford C. S. A comparative study of human reproduction. «Yale Univ. Publs. in Anthropol.», 1945, N 32.
- Fortes M. A demographic field study in Ashanti. B.K.H.: F. Lorimer. Culture and human fertility, 1954.
- Fortes M. Kinship and marriage among the Ashanti. In «African Systems of Kinship and Marriage». London, 1950.
- Francis E. Ethnos und Demos. Soziologische Beiträge zur Volks-theorie. Berlin, 1965.
- Frazier E. F. Race and culture contacts in the modern world. New York, 1957.
- Freedman M. The growth of a plural society in Malaya. «Social change. The colonial situation». New York, 1966.
- Freedman R. Norms for family size in underdeveloped areas. «Proc. Roy. Soc.», B, 1963, v. 159.
- Freedman R. The sociology of human fertility. «Current Sociol.», 1961—1962, v. X, XI.
- Freedman R., Coombs L. Economic considerations in family growth decisions. «Pop. St.», 1966, v. XX, N 2.
- Freedman R., Peng J. Y., Takeshita Y. and Sun T. H. Fertility trends in Taiwan: tradition and change. «Pop. St.», 1963, v. XVI, N 3.
- Freedman R., Whelpton P. K., Swit W. J. Socio-economic factors in religious differentials in fertility. «Amer. Sociol. Rev.», 1961, v. 26, N 4.
- The Future Growth of World Population. UN. New York, 1958.
- Fyfe H. The illusion of national character. London, 1946.
- Gale F. A study of assimilation. Part-aborigens in South Australia. Adelaide, 1964.
- Gardiner R. A world of peoples. London, 1965.
- Gelfand M. Medicine and custom in Africa. London, 1964.
- Gerlach L. P. Socio-cultural factors affecting the diet of the northeast coastal Bantu. «J. Amer. Diet. Assoc.», 1964, N 5.
- Ghosh A. The trend of the birth rate in India 1911—1950. «Pop. St.», 1956, v. X, N 1.
- Gille Halvor. An international survey of recent fertility trends. Demographic and economic change in developed countries. Princeton, 1960.
- Girard A., Henry L., Nistri R. Facteurs sociaux et culturels de la mortalité infantile. Paris, 1960.
- Glass D. V., Blacker C. P. Population and fertility. London, 1938.
- Glass D. V., Grebenik E. The trend and pattern of fertility in Great Britain, pt 1—2. London, 1954.
- Glick C. The Chinese migration in Hawaii. A study in accommodation. «Amer. J. Sociol.», 1938, v. XLIII; 1942, v. XLVII.
- Glick C. Marriage and family variables related to fertility. WPC-1965.
- Glick C. E. Social roles and types in race relations. «Race Relations in World perspective». Honolulu, 1954.
- Glick P. C. American families. New York, 1957.
- Gluckman M. Custom and conflict in Africa. Oxford, 1955.
- Gluckman M. Tribalism in Modern British Central Africa.

«Africa. Social problems of change and conflict». San Francisco, 1965.

Goldberg D. The fertility of two-generation urbanites. «Pop. St.», 1959, v. XII, N 3.

Goldstein M. S. Human paleopathology. «J. Nat. Med. Assoc.», 1963, N 2.

Gomez C. J. Religion, education and fertility control in Latin American societies. WPC-1965.

Goody I. Tribe, race, religion and language. «Man and Africa», Boston, 1965.

Grabill W. H., Kiser C. V., Whelpton P. K. The fertility of American women. New York, 1958.

Grierson G. A. Linguistic survey of India, v. 1—9. Calcutta, 1903—1928.

Griffith H. B. Gonorrhoea and fertility in Uganda. «Eugenic Rev.», 1963, v. 55, N 2.

Griffiths P. A question of colours? London, 1966.

Haddon A. C. Head-hunters. Black, white and brown. London, 1932.

Haft P. K. Some social and psychological aspect of human fertility in Puerto Rico. «Approaches to problems of high fertility in agrarian societies». New York, 1952.

Hajek M. Narodnostni otazka v lidove demogr. Ceskoslovenska, Praha, 1956.

Handbook of population census methods. New York, 1954.

Handbook of race relations in South Africa. E. Hellmann (Ed.). London, 1949.

Handbook of vital statistics methods. New York, 1955.

Handlin O. Boston's immigrants, 1790—1865. A study in acculturation. Cambridge, 1941.

Handlin O. The newcomers. Negroes and Puerto-Ricans in a changing metropolis. Cambridge, 1959.

Handlin O. Race and nationality in American life. Boston, 1957.

Handman M. Conflict and equilibrium in a border area. «Race and culture contacts». New York, 1934.

Harley G. W. Native African medicine. Cambridge, 1941.

Harris M. Pattern of race in the Americas. New York, 1964.

Hatt P. K. Background of human fertility in Puerto Rico. New York, 1952.

Haugen E. Bilingualism in the Americas. Univ. Alabama, 1956.

Hawkins N. C. Medical sociology. Springfield, 1958.

Heek F. van. Roman-Catholicism and fertility in the Netherland. «Pop. St.», 1956, v. X, N 2.

Henin R. A. Some aspects of the effects of economic development on fertility in the Sudan. WPC-1965.

Henripin J. La population canadienne au début du XVIIIe siècle. Paris, 1954.

Henshaw P. S. Adaptive human fertility. New York, 1955.

Henshen F. The history and geography of diseases. New York, 1966.

Herskovits M. I. Acculturation. The study of culture contact. New York, 1939.

Hertzler J. O. A Sociology of Language. New York, 1965.

Higham J. Strangers in the land. Patterns of American nativism 1860—1925. New Brunswick, 1955.

Hill R., Styckos L. M., Back K. W. The family and population control. A Puerto-Rican experiment in social change. Chapel Hill, 1959.

The History of statistics. J. Koren (Ed.). New York, 1948.

Ho, Ping-ti. Studies on the population of China 1368—1953. Cambridge, 1959.

Hodgkin Th. Nationalism in Colonial Africa. London, 1956.

Hopkins M. K. The age of Roman girls at marriage. «Pop. St.», 1965, XVIII, N 4.

Hormann B. L. Rigidity and fluidity in Race relation. «Race Relations in World perspective», Honolulu, 1955.

Houston J. M. A social geography of Europe. London, 1957.

Howrani A. Race and related ideas in the Near East. «Race Relations in World perspective», Honolulu, 1955.

Hrdlička A. Fecundity in the Sioux women. «Amer. J. Phys. Anthropol.», 1931, v. XVI, N 1.

Hübner O. Otto Hübners Geographische-statistische Tabellen aller Länder der Erde, 64 Ausgabe, 1916.

Hughes E. G., Hughes H. G. Where peoples meet. Racial and ethnic frontiers. Glencoe, 1952.

«Human fertility», 1945, v. 10, N 10.

Hutchinson B. Race differences in fertility: a note on their estimation in Brazil. «Pop. St.», 1959, v. XIII, N 2.

Hutchinson B. Some evidence related to matrimonial selection and immigrant assimilation in Brazil. «Pop. St.», 1957, v. XI, N 2.

Immigration as a factor in American History. O. Handlin (Ed.), Prentice Hall, 1959.

Immigration. Medical and Social aspects. London, 1966.

The Indian and White man. W. E. Washburn (Ed.). New York, 1964.

Indigenous peoples. Living and working conditions of aboriginal populations in independent countries. Geneva, 1943.

Innes J. W. Class fertility trends in England and Wales 1876—1934. Princeton, 1938.

International bibliography of social and cultural anthropology. Paris, UNESCO, 1961.

International migrations, v. 1—2. New York, 1929.

International migrations 1945—57. Geneva, 1959.

Interrelation of cultures. Their contribution to international understanding. Paris, UNESCO, 1953.

The interrelation of demographic, economic and social problems, Milbank Memorial Fund. New York, 1954.

An introduction to social anthropology. Bombay, 1956.

Isaak J. Israel — a new melting pot? «The cultural assimilation of immigrants». Paris, 1959.

Jacoby E. G. A fertility analysis of New Zealand marriage cohorts. «Pop. St.», 1958, v. XII, N 1.

Jaffe A. J. Urbanization and fertility. «J. Sociol.», 1942, v. 48.

Jahoda M. Race relations and mental health. Paris, UNESCO, 1960.

James E. O. Marriage and society. London, 1952.

Jespersen O. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. London, 1941.

Johns E. A. The social structure of Modern Britain. London, 1965.

Jusatz H. J. Alte Seuchen auf neuen Wegen. «Bild Wiss.», 1966, N 5.

Kamat M., Kamat R. G. Suggestion for the effective control of population in India. Bombay, 1958.

Kanetaro N. On cultural conditions affecting population trends, in Japan. «The Science Council of Japan, Economic Series», N 2. Tokyo, 1953.

Kapadia K. M. Marriage and family in India. Oxford, 1966.

Kershaw J. D. An approach to social medicine. London, 1946.

Khan A. Islamic opinion on contraception. Dacca, 1963.

Kimura M. Current fertility patterns in Japan. WPC-1965.

Kinship and family organization. B. Farber (Ed.). New York, 1966.

Kirk D. Europa's population in the inter-war years. Geneva, 1946.

Kirk D. Factors affecting Moslem natality. WPC-1965.

Kiser C. V. The demographic position of Egypt. «Demographic studies of selected areas of rapid growth». New York, 1944.

Kiser C. V. Differential fertility in the United States, «Demographic and Economic change in Developed Countries», 1960.

Kiser C. V. Group differences in urban fertility. Baltimore, 1942.

Kiser C. V. Social, economic and religious factors in the differential fertility of low fertility countries. WPC-1965.

Kiser C. V., Whelpton P. K. Resume of the Indianapolis study of social and psychological factors affecting fertility. «Pop. St.», 1953, v. VII, pt 2.

Kohn H. Nationalism, its meaning and history. Princeton, 1955.

Kroeber A. Native American population. «Amer. Anthropol.», 1934, v. 26, N 1.

Krzywicki L. Primitive society and its vital statistics. Warsaw, 1934.

Kulischer E. M. Europa on the move. War and population changes 1917—1947. New York, 1948.

Kuznets S., Rubin E. Immigration and the foreign born. New York, 1954.

Ladas S. P. The exchange of minorities between Bulgaria, Greece and Turkey. New York, 1932.

Lafarge I. The catholic viewpoint on race relations. New York, 1956.

Landis P. H. Man in environment. New York, 1949.

Landis P. H. Population problems. A cultural interpretation. New York, 1943.

Lanfer B. Tobacco and its use in Africa. Chicago, 1930.

Les langues du monde. Par un groupe de linguistes. Sous la dir. de A. Meillet et M. Cohen. Paris, 1952.

Laun R. Minorities. The story of racial religions and linguistic minorities in Europe. London, 1929.

Laronce J. A. The protection of minorities. «Univ. California Pubs in Political Science», 1960, v. IX, Los Angeles.

Lasker B. Asia on the move. New York, 1945.

Latham M. C. Nutritional problems of Tanganyika. «Proc. 6th Internat. Congr. Nutr. Edinburgh 1963», Edinburgh, 1964.

Laws concerning nationality. New York, 1954.

Lenski G. E. The religious factor. A sociological study of reli-

gious impact on political, economics and family life New York, 1961.

Le Page R. B. The national language question: linguistic problems of newly independent states. London, 1964.

Lewis-Fanning E. Family limitation and its influence on human fertility during the past fifty years. «Papers of the Royal Commission on Population», v. 1. London, 1949.

Lind A. W. Hawaii's people. Honolulu, 1955.

Lind A. W. Occupation and race on certain frontiers. «Race Relations in World perspective», Honolulu, 1955.

Linfield H. State population census by faiths. New York, 1938.

Living and working conditions of indigenous populations in independent countries. Geneva, 1955.

Lloyd W. W., Leo S. The social systems of American ethnic groups. New Haven, 1946.

Locke A. R. When peoples meet. New York, 1946.

Lodewyck A. People for Australia. Melbourne, 1956.

Lorimer F. Culture and human fertility. A study of relation of cultural condition to fertility in non-industrial and transitional societies. Paris, UNESCO, 1954.

Lorimer F. Demographic information on tropical Africa. Boston, 1961.

Lorimer F., Osborn F. Dynamics of population. Social and biological significance of changing birth rates in the US. New York, 1934.

Lucas H. S. Netherlanders in America. Dutch immigration to the United States and Canada 1789—1950. London, 1950.

Lyng I. S. Non-Britishers in Australia. Influence on population and progress. Melbourne, 1935.

Macartney C. A. National states and national minorities. Oxford, 1934.

Mair L. P., Hunter M. The dynamics of culture change. New Haven, 1945.

Majumdar D. N. Himalayan polyandry. London, 1962.

Makino T. Exogamy in East Asia. «The problems of current sociology». Tokyo, 1949.

Malinowsky B. The sexual life of savages. London, 1932.

Malnutrition and disease. A major problem of the human race. Geneva, 1963.

Man and Africa. G. Wolstenholme, M. O'Connor (Eds.). Boston, 1965.

Mandelbaum D. G. Alcohol and culture. «Current Anthropol.», 1965, v. 6, N 3.

Mann I. Culture, race, climate and eye disease. Springfield, 1966.

Maril-Andre S. La condition humaine en Afrique Noire. Paris, 1953.

Marriage in tribal societies. M. Fortes (Ed.). Cambridge, 1962.

Martin C. J. Some estimates of the general age distribution, fertility and rate of natural increase of the African population of British East Africa. «Pop. St.», 1953, v. II, pt 2.

Martin M. L'envénement, «Pathol. exot.», Paris, 1965.

Martin M. Le paludisme. «Pathol. exot.», Paris, 1965.

Mason P. An essay on racial tension. London, 1954.

Mayer A., Klapprodt C. Fertility differentials in Detroit: 1920—1950. «Pop. St.», 1955, v. IX, N 2.

McCulloch M. Peoples of Sierra Leone. Ethnographic survey of Africa. D. Ford (Ed.). pt II. London, 1964.

McCulloch M. A social survey of the African population of Livingston. Manchester, 1956.

McKeown T. Medicine and world population. «J. Chronic Diseases», 1965, N 11.

McWilliams C. Brothers under the skin. Boston, 1964.

Meier R. L. Modern science and the human fertility problem. New York, 1959.

Mehden F. R. Religion and nationalism in Southeast Asia. Madison, 1963.

Mertens C. S. J. The contribution of families to the natural growth of the Belgian population according to the number of their children. WPC-1965.

Methorst H. W. Differential fertility in the Netherlands. «Population», April, 1935.

Milton M. G. Assimilation in American life. New York, 1964.

Minority groups: segregation and integration. New York, 1955.

Mohiuddin A. Male attitudes towards family limitation in East Pakistan. WPC-1965.

Moni Nag. Factors affecting human fertility in nonindustrial societies, a cross cultural study. New Haven, 1962.

Moni Nag. Family type and fertility. WPC-1965.

Montag M. F. A. Anthropology and human nature. Boston, 1957.

Morrison W. A. Family planning attitudes of industrial workers of Ambarnath, a city of Western India: a comparative analysis. «Pop. St.», 1961, v. 14, N 3.

Mortaro G. The Brazilian birth rate: its economical and social factors. B: Lorimer F. Culture and human fertility. Paris, 1954.

Mortaro G. Immigration to Brazil: some observations on the linguistic assimilation of immigrants and their descendants in Brazil. «Cultural assimilation of immigrants». London, 1950.

Most of the world. The peoples of Africa, Latin America and the East to-day. R. Linton (Ed.). New York, 1949.

Muhsam H. V. The fertility of polygamous marriages. «Pop. St.», 1956, v. X, N 1.

Mukerjee R. The horizon of marriage. Bombay, 1957.

Muller S. H. The world's living languages. New York, 1964.

Nash J., Nash M. Marriage, family and population growth in Upper Burma. «Southwest. J. Anthropol.», 1963, v. 19, N 3.

Nationalism. A report by a study group of members of the Royal Institute of International Affairs. London, 1963.

The natural radiation environment. I. A. S. Adams, Lowder W. M. (Ed.). Chicago, 1964.

Neiva A. H., Diéques M. The cultural assimilation of immigrants in Brazil. «The cultural assimilation of immigrants». Paris, 1959.

Nevett A. S. J. Age at marriage, parental responsibility and the size of the family. WPC-1965.

Nevett A. S. J. Population explosion or control. London, 1964.

Neville A. O. Australian coloured minority. Its place in the community. Sydney, 1942.

Noonan J. T. Contraception. A history of its treatment by the catholic theologians and canonists. Cambridge, 1965.

Notestein F. Population. The long view. Food for the World. Chicago, 1945.

Numelin R. Intertribal relations in Central and South Africa. «Soc. Scient. Fennica. Comment. Humanorum Litterarum», 1963, v. XXXII.

O'Dea T. F. The sociology of religion. Prentice-Hall, 1966.

Oettle A. G. Cancer in Africa, especially in regions south of the Sahara. «J. Nat. Cancer Inst.», 1964, N 3.

Ohlin G. Historical outline of world population growth. WPC-1965.

Olusanya E. O. Dietary practice in Nigeria. «Nutrition», 1965, N 2.

Park R. E. Human migration and the marginal man. «Amer. J. Sociology», 1927, v. XXIII.

Park R. E. Assimilation. «Encyclopaedia of the Social Sciences», v. 1. New York, 1949.

Park R. E. Race and culture. Glencoe, 1950.

Park R. E. Race relations and certain frontiers. «Race and Culture Contacts». New York, 1934.

Patterson S. Colour and culture in South Africa. London, 1953.

Patterson S. Dark strangers. A sociological study of the absorption of a recent West India migrant group in Brixton South London. Bloomington, 1964.

Pearl R. The natural history of population. London, 1939.

Pearson S. V. The growth and distribution of population. London, 1955.

Peattie R. Look to the frontiers. New York, 1944.

Peter. A study of polyandry. Hague, 1963.

Pethe V., Gandhi C. Population crisis in India. Sholapur, 1955.

Petie J. Les effets des migrations sur la répartition géographique des sexes. «Norois», 1966, N 51.

Picot G. Ch. Géographie sociale du monde. Paris, 1946.

Piddington R. An introduction to social anthropology, v. 1—2. London, 1957.

Pierson D. Negroes in Brasil. A study of racial contact at Bahia. Chicago, 1942.

Pitt-Rivers G. H. The clash of culture and the contact of races. London, 1927.

Pluralisme ethnique et culturel dans les sociétés intertropicales. Bruxelles, 1957.

«Population», 1946, N 4; 1953, N 2.

Population census methods. UN, New York, 1949.

The population crisis. Implication and plans for action. Larry K. (Ed.). Bloomington, 1965.

The population dilemma. Hauser (Ed.). Prentice-Hall, 1963.

Population dynamics. International action and training programs. Baltimore, 1965.

Population in Africa. Lorimer F., Karp M. (Eds.). Boston, 1960.

Population in history. Essays in historical demography. D. V. Glass, D. E. Eversley. (Eds.). London, 1965.

Potter R. G. Birth intervals: structure and change. «Pop. St.», v. XVII, 1963, N 2.

Price A. G. White settlers and native peoples. An historical study of racial contacts between English-speaking whites and aboriginal peoples in the United States, Canada, Australia and New Zealand. Melbourne, 1949.

- Price C. A. Etudes sur l'éducation civique des immigrants. Australia, Brésil, Canada et Israël. Paris, 1955.
- Price C. A. German settlers in South Australia. Melbourne, 1945.
- Price C. A. The study of immigrants in Australia. Canberra, 1960.
- Price C. A. Immigrants and group settlement. «Cultural assimilation of immigration». Paris, 1959.
- Price C. A., Zubrzycki J. Immigrant marriage pattern in Australia. «Pop. St.», 1962, v. XVI, N 2.
- Price C. A., Zubrzycki J. The use of inter-marriage statistics as a index of assimilation. «Pop. St.», 1962, v. XVI, N 1.
- Problèmes de mortalité. Méthodes, sources et bibliographie en démographie historique. Liège, 1965.
- Proc. World Population Conf. 1954, v. VI. UN, 1955.
- Proc. World Population Conf. 1954. Summary Report, UN, New York, 1955.
- Proc. World Population Conf. 1965, v. II; Fertility, Family planning Mortality. UN, New York, 1967.
- Protection et intergration des populations aborigènes et autres populations tribales et semi-tribales dans les pays indépendant. Genève, 1956.
- Prothero R. M. Migrants and malaria. London, 1965.
- Prothero R. M. Population mobility and Trypanosomiasis in Africa. «World Health Organization», Bull., 1963.
- Public health and population change. M. S. Sheps, I. C. Ridley (Eds.). Pittsburgh, 1965.
- Queen S. A., Adams J. B. The family in various cultures. Chicago, 1952.
- Querra F. The influence of disease on race, logistic and colonization in the Antilles. «J. Trop. Med. and Hyg.», 1966, N 2.
- Race and culture contacts. E. B. Reutes (Ed.) New York, 1934.
- Race relations in World perspective. A. W. Lind (Ed.). Honolulu, 1955.
- Race relations. Problem and theory. Masuoka (Ed.). Chapel—Hill, 1961.
- Rashmi Desai. Indian Immigrants in Britain. London, 1963.
- Ratzel F. Anthropogeographie, Bd. II. Die geographische Verbreitung der Menschen. Stuttgart, 1922.
- Redfield R. Culture contact without conflict. «Amer. Anthropol.», 1939, v. 41.
- Reinhard M., Armengaud A. Histoire générale de la population mondiale. Paris, 1961.
- Rele J. R. Fertility differentials in India. Milbank Memorial Fund Quart., 1963, v. XLI, N 2.
- Rele J. R. Some aspects of family and fertility in India. «Pop. St.», 1962, v. XV, N 3.
- Religions und Kirchliche Statistik. München, 1921.
- Report on the world social situation. 1963. New York, 1963.
- Research in family planning. Kiser C. V. (Ed.). Princeton, 1962.
- Research in human fertility. Kiser C. V. (Ed.). Princeton, 1962.
- Richards A. I., Reining P. Report on fertility surveys in Buganda and Buhaya 1952. B KH.: Lorimer F. Culture and Human Fertility, 1954.
- Richmond A. H. Colour prejudice in Britain. London, 1954.
- Rivers W. H. R. Medicine, magic and religion. London, 1924.
- Rizk H. Social and psychological factors affecting fertility in U. A. R. «Marriage and Family Living J.», 1963, v. XXV, N 1.
- Roberts G. W. Fertility. WPC-1965.
- Roberts G. W. Some aspects of mating and fertility in the West Indies. «Pop. St.», 1955, v. VIII, N 3.
- Roberts S. H. Population Problems in the Pacific. London, 1927.
- Robinson W. C. Urban-rural differences in Indian fertility. «Pop. St.», 1961, v. XIV, N 3.
- Rogers I. A. Sex and race. Negro-Caucasian mixing in all ages and all lands. New York, 1941.
- Rose A. M. The causes of prejudice. «American Minorities», NY, 1957.
- Rose F. G. Classification of kin, age structure and marriage amongst the Groote Eylandt aborigenes. Berlin, 1960.
- Ross C. M., Warmelo N. Y. van. Bantu concepts of skin disease. «Arch. Dermatol.», 1965, N 6.
- Rowntree G., Piece R. M. Birth control in Britain. «Pop. St.», 1961, v. XV, N 1.
- Rowntree G., Carrier N. H. The resort to divorce in England and Wales, 1858—1957. «Pop. St.», 1958, v. XI, N 3.
- Ruggles R., Ruggles N. Differential fertility in United States Census data. «Demographic and Economic Change in Developed countries». Princeton, 1960.
- Rundle S. Language as a social and political factor in Europe. London, 1946.
- Russell E. World population and world food supplies. London, 1956.
- Russell J. C. British medieval population. Albuquerque, 1948.
- Russell J. C. Demographic pattern in history. «Pop. St.», 1948, v. 1, N 3.
- Russell J. C. Late ancient and medieval population. «Trans. Amer. Philos. Soc.», New series, 1958, v. 48, pt 3.
- Ryan B. Hinayana Buddhism and family planning in Ceylon. «The interrelation of demographic, economic and social problems», New York, 1954.
- Sai F. T. The challenge of African nutrition. «Israel J. Med. Sci.», 1965, N 1.
- Sanghvi L. D. Inbreeding in India. WPC-1965.
- Sapper K. Die Zahl und die Volksdichte der indianischen Bevölkerung in Amerika. «Proc. 21 Internat. Congr. Americanists». The Hague, 1924.
- Sargent I. F., Weinman K. P. A comparative study of the responses and adjustments of the human female and male to hot atmospheres. «Arid Zone Research», 1964, N 24.
- Sarkar N. K. The demography of Ceylon. Colombo, 1957.
- Sauvy A. Fertility and survival. Population problems from Malthus to Mao Tse-Tung. New York, 1961.
- Savorgan F. Matrimonial selection and the amalgamation of heterogeneous groups. «Cultural assimilation of immigrants». London, 1950.
- Schapera I. Married life in an African tribe. London, 1966.
- Schapera I. Migrant labour and tribal life. A study of conditions in the Bechuanaland. London, 1947.
- Scheinfeld A. Your heredity and environment. New York, 1965.

- Schmidt W. The culture historical method of ethnology; the scientific approach to the racial question. New York, 1939.
- Schrefder E. Milieu climatique et variations anatomiques. «Atomes», 1966, N 233.
- Schrieke B. Alien Americans. A study of race relations. New York, 1936.
- Scott W. G. Admiral Scott observes environmental cancer clues on Pacific tour. «Cancer News», 1964, N 2.
- Service E. R. Spanish-Guarani relations in early colonial Paraguay. «Anthropol. Papers. Museum of Anthropol. Univ. Michigan», 1954, N 9.
- Sex and age of international migrants: statistics for 1918—47. New York, 1953.
- Shibutani T., Kwan K. M. Ethnic stratification. A comparative approach. New York, 1965.
- Simons R. D. G. F. The colour of the skin in human relations. Amsterdam, 1961.
- Simpson G., Yinger I. M. Racial and cultural minorities. An analysis of prejudice and discrimination. New York, 1958.
- Simpson G. People in families. New York, 1960.
- Sinha J. N. Differential fertility and family limitation in an urban community of Uttar Pradesh. «Pop. St.», 1957, v. XI, N 2.
- Smith T. L. The reproduction rate in Latin America: levels, differentials and trends. «Pop. St.», 1958, v. XII, N 1.
- Social and psychological factors affecting fertility. Whelpton P. K., Kiser C. (Eds.). New York, 1950, 1954.
- Social aspects of aging. I. H. Simpson, J. C. McKinney (Eds.). Durham, 1966.
- Social change. The colonial situation. I. Wallerstein (Ed.). New York, 1966.
- Sociology of marriage and family behaviour. «Current Sociol.», 1958, v. VII, N 1.
- The sociology of medicine. «Current Sociol.», 1961, v. X/XI, N 3.
- Sonhabend H. Population. «Handbook on Race Relations in South Africa». Oxford, 1949.
- Sorensen M. The quest for equality. New York, 1956.
- Sorre M. Les migrations des peuples. Paris, 1955.
- Sorre M. Géographie psychologique. L'adaptation au milieu climatique et biosocial. Paris, 1954.
- Sovani N. V., Dandekar K. Fertility survey of Nasik, Kolaba and Satara. Poona, 1955.
- Sovani N. V. The problem of fertility control in India: cultural factors and development of policy. «Approaches to problems of high fertility in agrarian societies», 1953.
- Spengler I. Tradition, values and socio-economic development. Durham, 1961.
- Spicer E. H. Types of contact and processes of change. In «Perspectives in American Indian Culture Change». Spicer E. H. (Ed.). Chicago, 1961.
- Stamp L. D. The geography of life and death. London, 1964.
- Stangeland C. E. Pre-Malthusian doctrines of population: A study in the history of economic theory. New York, 1966.
- La statistique démographique 1961. Beograd, 1964.
- Stephen-Chauvet. La médecine chez les peuples primitifs. Paris, 1955.
- Stephens L. Employment of coloured workers in the Birmingham area. London, 1956.
- Stonequist Ev. V. The marginal man. A study in personality and culture conflict. New York, 1961.
- Studies on fertility and social mobility. E. Szabady (Ed.). Budapest, 1964.
- The study of population. Ph. M. Hauser (Ed.). Chicago, 1959.
- Stycos J. M. Culture and differential fertility in Peru. «Pop. St.», 1963, v. XVI, N 3.
- Stycos J. M. Education and fertility in Puerto Rico. WPC-1965.
- Stycos J. M. Experiments in social change. The Caribbean fertility studies. «Research in Family Planning». Princeton, 1962.
- Stys W. The influence of economic conditions on the fertility of peasant women. «Pop. St.», 1957, v. XI, N 2.
- Sulzbach W. National consciousness. Washington, 1943.
- Sutter J., Bergues H. Facteurs sociaux et psychologiques influençant le contrôle de la fécondité en Europe. WPC-1965.
- Sweeney I. The natural increase of mankind. Baltimore, 1926.
- Symposium on cancer of the alimentary tract in Africa. «East Afric. Med. J.», 1966, N 8.
- Taeuber I. B. The population of Japan. Princeton, 1958.
- Taeuber I. B., Beal E. G. The dynamic of population in Japan. «Demographic studies of selected areas of rapid growth». New York, 1954.
- Taft D. R., Robbins R. International migrations. The immigrant in the modern world. New York, 1955.
- Thapar S. Fertility rates and intervals between births in a population in Delhi. WPC-1965.
- Thompson W. S. Population problems, New York, 1953.
- Tien H. Y. Sterilisation, oral contraception and population control in China. «Pop. St.», 1965, v. XVIII, N 3.
- Tietze Ch. Human fertility in Latin America. «Ann. Amer. Acad. Political and Social Sciences», 1958.
- Tschopik H. On the identification on the Indian in Peru. In «Acculturation in the Americas». Chicago, 1952.
- Tunbridge R. E. Life span and life expectancy of elderly people under different conditions and cultures. «Age with Future». Copenhagen, 1964.
- Turner F. C. The implications of demographic change for nationalism and internationalism. Gainesville, 1965.
- Turney-High H. H. Primitive war. Its practice and concepts. Columbia, 1949.
- Ungern-Sternberg R., Schubnell H. Grundriss des Bevölkerungswissenschaft. Stuttgart, 1950.
- Valaoras V. G., Polychronopoulos A., Trichopoulos D. Control of family size in Greece. «Pop. St.», 1965, v. XVIII, N 3.
- Vallae F. G., Schwartz M., Darknell F. Ethnic assimilation and differentiation in Canada. «Canadian Society. Sociological Perspectives». Toronto, 1965.
- Vernant J. The refugee in the Post-war world. London, 1953.

- Vlastovsky V. G. The secular trend in the growth and development of children and young persons in the Soviet Union. «Human Biol.», 1966, v. 38, N 3.
- Wahi P. N., Kehar U., Lahiri B. Factors influencing oral and oropharyngeal cancer in India. «British J. Cancer», 1965, N 4.
- Wallerstein I. Ethnicity and national integration in West Africa. In «Africa. Social problems of change and conflict». San Francisco, 1965.
- Warner W. L., Srole L. The social systems of American ethnic groups. New Haven, 1945.
- Westermarck E. The history of human marriage, v. 1—3. London, 1925.
- When peoples meet. A study in race and culture contacts, A. Locke, B. J. Stern (Eds.). New York, 1942.
- Wilcocks C. Medical advantage, public health and social evolution. Oxford, 1965.
- Willcox W. F. Increase in the population of the Earth and of the continents since 1650. «International migrations», v. 2. New York, 1929.
- Williams R. M. Strangers next door. Ethnic relations in American communities. Prentice—Hall, 1964.
- Wilner D. M., Waluley P. P., Cook S. W. Human relations in interracial housing. Minneapolis, 1955.
- Wilson F. M. They came as strangers. The story of refugees to Great Britain. London, 1959.
- Winkler W. Statistisches Handbuch der Europäischen Nationalitäten. Wien, 1931.
- Witt C. D. Communication on differential fertility. «European Population Conf. Strasbourg 1966», v. 1.
- Witthauer K. Die Bevölkerung der Erde. Gotha, 1958.
- Wolfe A. B. The fecundity and fertility of early man. «Human Biol.», 1933, v. 5, N 1.
- Wolff R. J. Meanings of food. «Trop. and Geogr. Med.», 1965, N 1.
- Wolff P. de, Meerdink J. La fécondité des mariages à Amsterdam selon l'appartenance sociale et religieuse. «Population», Avr.—Juin, 1957.
- Wood M. M. The stranger; a study in social relationships. New York, 1934.
- World illiteracy at Mid-Century. New York, 1957.
- World Population Conf. Geneva, 1927.
- World statistics of aliens. Geneva, 1936.
- World population trends 1920—1947. New York, 1949.
- Woytinsky W. S., Woytinsky E. S. World population and production. Trends and outlooks. New York, 1955.
- Yang C. K. Chinese communist society: the family and the village. Cambridge, 1965.
- Yankey D. Differential fertility in Lebanon. In «Research in Family Planning». New York, 1962.
- Yasuba Y. Birth rates of the white population in the United States 1800—1860. Baltimore, 1962.
- Yerushalmy J. Religious, educational and socio-economic factors associated with differential methods of fertility control. WPC-1965.
- Zaska-Mierejewska T. Menarche in Cuban girls. «Przegl. antropol.», 1966, N 1.
- Zavala S. The contact of cultures in Mexican history. «Interrelation of cultures». Paris, 1953.
- Zimmer B., Goldscheider C. A further look at Catholic fertility. WPC-1965.
- Zubrzycki J. Across the frontiers of Europe. «Cultural assimilation of immigrants». Paris, 1959.
- Zubrzycki J. Immigrants in Australia. Melbourne, 1960.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Народ как особая форма общности людей. Этнические определители	15
О понятии народа или этнической общности	15
Состояние вопроса. Терминологические трудности и методологические проблемы (15). Язык и территория (26). Экономическая общность. Социальная организация и государство (32). Общность психического склада и общность культуры (38). Этническое (национальное) самосознание (47). Расовая и религиозная общность (50). Этническая общность и ее основные типы (56).	
Этническая статистика и этнические определители	69
Развитие переписей населения и этнической статистики (70). Национальность и родной язык (82). Другие этнические определители и источники (88).	
Глава II. Этнические аспекты естественного воспроизводства народонаселения	96
Основные показатели и типы естественного движения населения	96
Рождаемость	106
Факторы рождаемости и плодovitости (106). Физиологические факторы (110). Брачность и факторы брачности (116). Формы брачных отношений (130). Традиции многодетности и брачно-половые ограничения (140). Религиозный фактор (148). Социально-экономические факторы (162). Контроль рождаемости и политика народонаселения (175)	
Смертность	184
Основные факторы и причины смертности (184). Болезни и войны (186). Природные факторы (194). Физиологические факторы (198). Социально-экономические факторы (205). Социально-культурные факторы (220)	
Рост населения мира и этнический аспект естественного движения населения	233
Динамика численности народонаселения (233). Проблема «вымирания» народов (249)	

Глава III. Этнические процессы	258
Типы этнических процессов и факторы их развития	258
Типология этнических процессов (258). Факторы этнических процессов. Расселение и численность (272). Социально-экономические и политико-правовые факторы (285). Языковые, культурные и психологические факторы (299)	
Развитие этнических процессов, их стороны и стадии	314
Историческое развитие этнических процессов (314). Стороны, стадии и темпы развития этнических процессов (326). Этнически смешанные браки (344)	
Заключение	364
Литература	375

CONTENTS

Introduction	3
Chapter I. People as a Type human community. Ethnic indices	15
The concept of a people or ethnic community	15
State of the problem. Terminological difficulties and methodological problems (15). Language and territory (26). Economic unity. Social organization and the political state (32). Psychological and cultural unity (38). Ethnic (national) consciousness (47). Racial and religious unity (50). Ethnic community and its main types (56)	
Ethnic statistics and ethnic indices	69
The evolution of population censuses and ethnic statistics (70). National (ethnic) affiliation and Mother tongue (82). Other ethnic indices and ethnic sources (88)	
Chapter II. Ethnic aspects of Natural reproduction of Population	96
Main indices and types of natural reproduction of population	96
Natality	106
Factors of birth rates and fertility (106). Physiological factors (110). Marriage rates and factors of marriage (116). Forms of marriage (130). Tradition of high fertility and restriction of sexual intercourse (140). The religious factor (148). Social-economic factors (162). Birth control and population policy (175)	
Mortality	184
Main causes of death and factors of mortality (184). Disease and warfare (186). Natural environment factors (194). Physiological factors (198). Social-economic factors (202). Social-cultural factors (220)	
Increase of world population and ethnic aspect of natural reproduction	233
Trends of numerical strength of population (233). Problem of the «dying out» of peoples (249)	

Chapter III. Ethnic Processes	258
Types of ethnic processes and factors of their evolution	258
Typology of ethnic processes (258). Factors of ethnic processes. Territorial distribution and numerical strength (272). Social-economic factors and factors of policy and law (285). Linguistic, cultural and psychological factors (299)	
Evolution of ethnic processes, their aspects and stages . . .	314
Historical evolution of ethnic processes (314). Aspects, stages and rate of evolution of ethnic processes (326). Ethnically mixed marriages (344)	
Conclusion	364

Виктор Иванович Козлов
Динамика численности народов

*Утверждено к печати
 Институтом этнографии
 им. Н. Н. Миклухо-Маклая
 Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*
 Художник *И. Тарасенко*
 Технический редактор *В. И. Зудина*

Сдано в набор 3/II 1969 г. Т-09650.
 Подписано к печати 8/VII 1969 г. Формат
 84×108/32. Бумага типографская № 2.
 Печ. л. 12,75 + 1 вкл. (0,25 п. л.). Усл. печ. л.
 20,42. Уч.-изд. л. 22,6. Тираж 7000 экз.
 Тип. зак. № 71. Цена 1 р. 62 к.

Издательство «Наука»
 Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука».
 Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
313	7 стр.	Европы, португальцы	Европы — португальцы
338	табл. 4, стб. 7 справа, 19 стр.	98,0	98,9
380	26 стр.	Киселева	Киселева
388	19 стр.	Italian of American	Italian or American
398	6 стр.	immigration	immigrants

Козлов В. И. Динамика численности народов

из библиотеки
А.Д. Боткина
УДК!